РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

KONSTANTIN ZAKARYAN

**THE CHRISTMAS
ANNALS**

**Fifty five years of chronological history
(42 B.C. – 14 A.D.),
a code of Christian chronology and dualistic Sacrament of
Christmas**

YEREVAN 2007

КОНСТАНТИН ЗАХАРЯН

**РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ**

**55 лет анналистической истории
(42 г. до н.э. — 14 г. н.э.),
код христианского летоисчисления и
дуалистическое Таинство Рождества Христова**

ЕРЕВАН 2007

It is already several centuries that scientific minds state that the Christian chronology is nothing but a historical-chronological tale, that roughly contradicts the historical validity, that it mismatches the actual date of Jesus Christ's birth. If we trust encyclopedias, historians and theologians, it turns that king Herod died (certainly) in 4 B.C. Thus, we come to the conclusion that Jesus could not be born later than 7/6/5 years B.C.

On pages of this book by reproduction of the history (and metahistory) it is stated and proved, that our chronology is quite right, that the monk Dionysius Exiguus (VI century) made no mistake at introducing the chronology. The book reveals that king Herod did not die in 4 B.C., but four years later. Besides, the Christmas era in accuracy corresponds with the *dualistic* sacrament of Christ's birth. That is what this book is actually devoted to. The research offered to the reader represents chronological reconstruction of twisted *profana* and history of *sacra* in the period of 42 B.C. - 14 A.D. It reproduces Roman and Judaic history, history of other countries and people of the ancient world. It contains Herod's, Anthony's, Cleopatra's, August's, Quiriniu's biographies, it traces the life of other characters of the epoch.

In exciting chronological narrative a number of sources are used; various authors (ancient, medieval, modern) are compared and analyzed, prove to be true or false. A real polemic is held with the classics of antiquity, with historians and theologians ...

Auf deutsch muss dieses in Deutschland entstandene Buch «Und die christliche Zeitrechnung hat doch recht» heißen.

Besonders in Deutschland hat man sich (seit J. Kepler) sehr viel wissenschaftliche Mühe gegeben, um zu beweisen, dass unsere (dionysianische) Zeitrechnung ein geschichtlich-chronologisches Irrtum und eine Fiktion ist, dass sie der Geschichte widerspricht, dass sie nicht dem wahren Geburtsdatum Jesu entspricht... Und warum? Kurz gesagt, weil (wenn man den Lexika und Historikern glaubt) der König Herodes – so gesagt, ganz sicher – im Jahre 4 vor der Zeitrechnung gestorben ist. Von hier – in erster Linie – ausgehend und noch dazu mit Planetenkojunktionen spielend, behaupten die Historiker und Theologen, dass Jesus von Nazaret in den Jahren – 7, oder 6, oder 5 auf die Welt kam...

Der Autor dieses Buches – Konstantin Zakharian – nicht wenige deutsche Autoren widerlegend, beweist eben, dass die christliche Zeitrechnung durch und durch wahr ist; dass der Mönch Dionysius Exiguus (VI Jhr.) bei der Einführung der Zeitrechnung keinen Fehler begangen hat; dass Herodes nicht im Jahre 4 vor der Zeitrechnung, sondern 4 Jahre (und keinesfalls weniger) später starb, dass das wahre *dualistische* (laut der Antroposophie R. Steiners) Mysterium der Geburt Jesu Christi an der Zeitenwende stattgefunden hat.

Die dem Leser vorliegende Forschung rekonstruiert annalistisch (allen wissenschaftlichen Kriterien entsprechend) *profane* und *sakrale* Geschichte in den Jahren 42 vor bis 14 nach Chr.: nämlich – jüdische und römische Geschichte, die Geschichte der anderen Völker und Länder der alten Welt, die geheimnisvolle und gleichzeitig historisch datierbare Christgeburtsgeschichte; weiter – die Biographien von Herodes, Antonius, Kleopatra, Augustus, Quirinius...

Das hochspannende Buch benutzt viele verschiedene Quellen – alte, mittelalterliche, neuzeitliche, moderne – analysiert sie und polemisiert mit ihnen...

ISBN 978-99930-4-730-8

© К.Захарян, 2007, e-mail: Konst1961@rambler.ru

От автора

Предлагаемый читателю труд писался в течение восьми лет: с 1998 по 2006 гг.

Как известно, при недоброй памяти “коммунизме” в стране Советов, “где так вольно дышал человек”, где слово Бог писалось с маленькой буквы, а Брежнев с большой, ни феномена, ни, соответственно, даты Рождества Христова вроде бы не существовало. В школьном учебнике по “Истории древнего мира” (5-й класс средней школы), по которому учился, в частности, я (1972/73 гг.), было запросто сказано (цитирую по памяти): “В I в. н.э. в Палестине сложился миф об Иисусе Христе. На самом деле Иисус Христос никогда не существовал.”

В “перестроечные” 80-е гг. тон несколько изменился. В хронотаблицах по древности начала появляться, как признак хорошего западно-демократического тона, дата рождения (обыкновенного или, в лучшем случае, необыкновенного смертного) Иисуса из Назарета — 7/6 гг. до н.э. Наткнувшись на этот, в моем понимании, хроноказус впервые, я, интуитивно исходя из верности нашего летоисчисления, подумал, что дело тут в опечатке или в ошибке. Потом встретил ту же самую пресловуто-дробную дату или просто 7 без 6, либо 6 без 7 гг. до н.э., — короче, все как у ребят-демократов на Западе, — во второй и в третий раз. Причем без поначалу основательного интереса к теме, мне никоим образом не захотелось принять эту принятую не более чем к сведению информацию на веру. Спасибо коммунистам, научили, прохиндеи, не верить печатному слову. (Доверяй, но проверяй.)

В 1989 г. я (занимаясь в то время историей XIX—XX вв.) познакомился в Армении с русским историком В.И. Илюшенко и в разговоре с ним, когда речь зашла о христианстве, попенял, к слову, на фигурирующий в новейших источниках рождественский хронононсенс 7/6 гг: что, мол, за чушь?! “Как, вы не знаете?! — искренне изумился Владимир Ильич, — ведь монах Дионисий Малый ошибся в VI в., при введении нашего летоисчисления, на несколько лет. Вот и отец Александр (Мень) об этом пишет”. (О монахе Дионисии я тогда услышал впервые, хотя, ничего не зная о нем, называл, представьте себе, некогда в школе моего однокашника, друга и постоянного оппонента, шутя, почему-то именно монахом Дионисием!) Оказалось, что, по уже давнему и твердому убеждению всего учено-прогрессивного человечества, царь Ирод умер, “несомненно”, в 4 г. до н.э. (раскройте любую энциклопедию) и, стало быть, родившийся при Ироде Иисус родиться в 1/1 гг. ну никак не мог. Т.е., грубо говоря, в новейшее время дата смерти Ирода определяет дату Рождества Христова. Гм!

Впрочем, в 1989 г. я над этим еще не задумывался, но возразил В.И. так: “Неужели даты крещения Руси или Бородинского сражения для вас, рус-

ского, всего-навсего условности?” В ответ мой собеседник пожал плечами и настоятельно порекомендовал к прочтению книгу А.Меня “Сын Человеческий”. На том разговор и кончился. Дело в том, что хронология — эта путеводная звезда (в) истории — со школьной скамьи воспринималась мною как живое существо и исторические даты никогда не были для меня случайностью. Разве случайно старая эра заканчивается в 1 г. до н.э., а наша начинается в 1 г. н.э.?

К христианству мне, выросшему не в религиозной, однако и не в антирелигиозной советской семье (без хождений в церковь, но с пасхой на Пасху), выпало, как, наверное, многим представителям моего поколения, приобщиться не столько в школе через школьно-программного Достоевского, сколько в студенческие годы (1978/79 гг.) через мастерский (в отличие от жалкой книжонки Э.Ренана “Жизнь Иисуса”) роман М.Булгакова “Мастер и Маргарита”*. Далее, через историю — всемирную и армянскую. В 1989 г. я познакомился не только с Илюшенко, но и (кстати, незадолго до встречи с ним) с антропософией; в 1993 г. оказался в Германии; в 1998 г. непосредственно взялся за нижеизложенную тему. Причем на то, чтобы доказать самому себе, что Ирод помер отнюдь не в 4 г. до н.э., но порядком позже, у меня ушло всего два месяца. На научное же доказательство этой многовековой “теоремы Пуанкаре” и на книгу в целом потребовалось, вопреки первоначальным планам, восемь лет: чем дальше влез, тем больше дров. Во-первых, слишком много намудрили-наворочали как древние, так и ново-новейшие авторы, слишком многое пришлось оспаривать и опровергать. Во-вторых, в ходе работы выяснилась необходимость новонаписания биографий видных исторических персонажей эпохи: не только Ирода, но Антония, Клеопатры, Августа Квирина... В-третьих, понадобилось правильно воссоздать во многом искаженную разными авторами хронику Ойкумены. Между прочим, один из секретов в том, что Ирод пришел к власти порядком позже, нежели устоялось думать: следствие нужно начинать с начала его политического пути. Правда, суть и соль, по большому счету, вовсе не в Ироде, а в центральном событии вселенской истории, в начинающемся с Таинства Рождества Христова Таинстве Голгофы.

Сколь ни удивительно (хотя, если вдуматься, это вполне закономерно), и рождество, и вся земная жизнь Иисуса остались, не будучи зафиксированы и отображены современниками, за бортом древних анналов. Ниже предпринята попытка соединить, параллелизировать историю profana и историю sacra, вовлечь рожденственские события в воспроизведенную по анналистическому хронопринципу мировую летопись.

Адресат этого исследования — III тысячелетие нашей, или новой эры — эры от Рождества Христова. Противопоставленная горе-результатам хваленной рационал-материалистической науки нового-новейшего времени и вместе с тем выдержанная по всем современно-научным критериям книга рассчитана на специалистов и на всех неравнодушных к теме читателей.

* Читая Булгакова, не следует забывать, что историю Иешуа рассказывает Воланд.

Вступление

В 60-е годы II в. до н.э. еврейство Земли Обета вступило в смертельную схватку с подпавшими тлетворному декадансу преемниками Селевка Никатора (312-281 гг. до н.э.). Это один из паладинов Александра Великого – тот, кто, в результате кровопролитных войн диадохов после смерти *Мужа великой души*, сделался наследником большей части созданной им грандиозной империи и таким образом положил начало государству Селевкидов. Изначально Палестиной владели египетско-македонские Птолемеи; в 198 г. до н.э. яблоко раздора досталось Антиоху III Селевкиду (223-187 гг. до н.э.).

В 169-67 гг. Антиох IV Эпифан (175-164/63 гг.) ободрал и осквернил Иерусалимский храм, запретил иудеям под страхом смерти исповедание иудаизма, велел установить в храме статую Зевса с приданными ей собственными чертами и 25 кислева (хаслев) 167 г. ввел в святилище Бога Единого языческое богослужение. По призыву священника Маттафии (+166г.) из Модина на борьбу за свободу совести против мерзости запустения поднялись и подняли народ пять его сыновей. Под предводительством наиболее выдающегося из них, Иуды Маккавея, иудеи одолели врагов, очистили храм и 25 кислева 164 г. до н.э. вновь посвятили Богу Истинному.

Неравное противостояние продолжалось. Селевкиды долго не смирялись с потерей Иудеи. Иуда пал в сражении весной 160 г. Его сменил брат Ионафан, который в 152 г. принял сан первосвященника. Последний из харизматических братьев Симон Маккавей (142-34 гг.) добился государственной независимости и стал в 142-40 гг. не только первосвященником, но и князем иудейского народа. 18 элула 140 г. иудеи и первосвященники согласились, чтобы Симон был у них начальником и первосвященником навек, доколе не восстанет “Пророк верный” (1-я Книга Маккавейская 14,41)*. Так в Иудее утвердились теократоры Хасмонеи из священной чреды Иегоиарив (Иоариб).

Сын и наследник Симона Иоанн Гиркан I (134-103 гг.)** значительно укрепил династическую власть Маккавеев, завоевал Идумею, принудил ее

* Иго язычников (Селевкидов) было снято с Израиля в 142 г. до н.э. (1-я Кн. Макк.13,41); в иерусалимскую крепость израильтяне вошли 23 ияра 141 г. до н.э. (1-я Макк.13,49-52); светская хасмонеийская государственность и отсчет лет свободы начались с 18 элула 140 г. до н.э. (1-я Макк.14,25-35) (см.ниже).

** О хронологии Хасмонеев см. ниже.

языческое население к переходу в иудаизм, подчинил Самарию. Старший сын Гиркана Иуда Аристовул правил не более года (103-02 гг.), однако, успел сменить княжеский титул на царский и произвести завоевательно-территориальные приращения за счет частей Галилеи и Итуреи. При брате Аристовула, воинственном Александре Яннае (102-75 гг.), независимая Иудея превратилась в мини-империю. С Иоанна Гиркана начался процесс секуляризации Маккавеев и их уклона в эллинизм, что, с одной стороны, вызвало серьезную оппозицию фарисеев, с другой — обусловило ставку хасмонейских правителей на саддукеев. В годы Янная антагонизм резко усилился. В ходе гражданской войны около 94-88 гг. непопулярный в народе и непримиримый к ненавидевшим его фарисеям царь, нанеся однажды тяжелое поражение врагам, распял 800 фарисеев и приказал вырезать на глазах распятых их семьи. Изоляционисты-фарисеи категорически противились завоевательной политике Александра, отвергали маккавейскую практику неразборчивой иудаизации обитателей покоренных территорий, ратовали за богоизбранную чистоту иудейской крови и за национальный очаг в собственно иудейских пределах. Они не были политическими экспансионистами, напротив, они были радателями и ревнителями обособленного (предтечно-мессианского) богоизбранничества.

Яннаю наследовала супруга Саломия Александра (75-66 гг.), которой царь и первосвященник, умирая, изнуренный нескончаемой распрей, завещал гражданское согласие. И оно в годы правления профарисейски настроенной Александры (посредством репрессий против саддукейского, да и любого иного инакомыслия) однопартийно, так сказать, установилось. По смерти царицы ее сыновья Гиркан и Аристовул разошлись из-за первенства: архипастырь после кончины отца, Гиркан (Саломия не могла, будучи женщиной, облечь первосвященское достоинство), получил в наследство от матери также царскую корону, тогда как своего много более темпераментного младшего сына (просаддукейски ориентированного) Аристовула Александра держала в стороне от дел управления и не допустила к престолонаследию. В 66 г. он одолел слабосильного брата за три месяца, отняв у него и первосвященство, и царство. Братья демонстративно расцеловались в знак “вечного мира”, и Гиркан ненадолго удалился в частную жизнь.

* * *

Между тем на переднеазиатских и восточно-средиземноморских просторах деловито орудовали римские легионы. Руководствуясь имперскими приоритетами, Рим рос не по дням, а по часам. В 60-е гг. II в. до н.э. Иуда Маккавей обратился к ревнителям “свободы и справедливости” римлянам за союзом в борьбе против Селевкидов; в 60-е гг. I в. до н.э. Иудее пришлось расплатиться вырванной некогда не без содействия Рима свободой. Повергнув в прах в трех Пунических войнах (264-146 гг.) Карфаген, разбив Антиоха III при Магнесии (190 г.), Рим вскоре уподобился мальчику из китайской сказки: поражающий дракона сам, перенимая свойства поверженного чудовища, постепенно становится драконом.

Конфликт популяров и оптиматов внутри страны, Югуртинская и Митридатовы войны вовне, богатырский рост державы вширь и Союзническая война (91-89 гг.) в Италии, лютый террор марианских демократов и проскрипционная диктатура Суллы — все это и еще многое другое предвещало скорый конец квирической республики.

Чахлые Селевкиды в Азии, сходно вырожденцам Птолемаям в Египте, стояли на пороге краха. Отпор напористой римской экспансии силами дряхлого Переднего Востока попытался возглавить Митридат VI Понтийский (121-63 гг.). Восточнее, на Среднем Востоке, сбросившие около 250 г. верховенство Селевкидов парфянские Аршакиды уверенно утверждались на землях-территориях Ирана. Называя себя филоэллинами, они притязали на правопреемственность от Александра и блюли, обретаясь в центре Иранской ойкумены, своего рода вселенско-осевое равновесие на середине пути от ханьского Китая к римской Испании. Риму предстояло сокрушить Понт и через буферную Армению выйти на парфянский Иран.

Смерть могущественного шахиншаха Митридата II (123-87 гг.) вызвала иранский кризис, вследствие чего корону царя царей коротко перехватил Тигран Армянский (95-56 гг.), который расширил границы Армении от Каспия до Средиземноморья, занял Сирию и в 70 г. осаждал в финикийской Птолемаиде у границ Иудейского царства царицу Селену. В следующем 69 г. римляне под предводительством Лукулла вторглись в Армению, нанесли тяжелое поражение Тиграну, взяли и разрушили армянскую столицу Тигранакерт. В 66 г. Лукуллу преемствовал Гней Помпей. Он ограничил Тиграна пределами Армении Великой и, лишив его короны шахиншаха, сделал “другом и союзником римского народа”. Затем Помпей вынудил Митридата VI отступить в Крым, установил блокаду Тавриды, после чего в 64 г. прибыл в Антиохию и учредил новую римскую провинцию под названием Сирия. Враждующие сыновья Саломии Александры Гиркан и Аристовул поспешили к нему в Дамаск на третейский суд.

Подошедшего в 63 г. к Иерусалиму Помпея (возле Иерихона до него дошло известие о самоубийстве Митридата) сторонники Гиркана впустили в город, но аристовулисты (без плененного ранее Аристовула) укрепились на Храмовой горе и три месяца сопротивлялись римлянам. В итоге Иерусалим пал в сентябре 63 г. до н.э., в постный Судный день 10 тишири, в пору рождения Октавиана, будущего Августа, в год консульства Марка Туллия Цицерона и Гая Антония. Непозволительно переступив порог Святая-Святых, Помпей объявил Иудею данницей Рима, значительно урезал маккавейское государство в границах, сделал Гиркана этнархом и первосвященником, не позволив ему именоваться царем, и назначил знатного иудеянина Антипатра опекуном-эпитропосом при хилом правителе.

Пленный Аристовул и два его сына, Александр и Антигон, предназначенные к проведению в помпеянском триумфе, были отправлены в Рим, причем старшему, Александру, удалось по дороге сбежать. Надо сказать, что в период 66-63 гг. вражда братьев Маккавеев подогревалась именно Антипатром, другом слабовольного Гиркана и врагом более самостоятельного Аристовула. Понятно, что иудейское большинство питало неприязнь и презрение к не в меру ретивому сыну прозелита Антипатру, и он — глава

клана, отец пятерых детей (сыновья – Фазаил, Ирод, Иосиф, Ферора; дочь – Саломия), искал опору у римлян.

Тем временем гроза народов – Вечный город, кипел как котел. В 59 г. возник так называемый первый триумвират: союз Гнея Помпея, Марка Красса и Гая Юлия Цезаря. По возвращении из Азии Помпей отпраздновал (сентябрь 61 г.) небывало пышный триумф. К тому времени Цезарь успел стать верховным понтификом (63 г.); в 61/60 гг. отличился как образцовый наместник и способный военачальник в Испании. А Лицинию Крассу, превзошедшему богатством самого Креза, золото открывало доступ повсюду.

В “Жизнеописании Цезаря” Светоний пишет: “С Помпеем он помирил Марка Красса* – они враждовали со времени их жестоких раздоров во время совместного консульства** – и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих” (19). В 59 г., в год консульства Цезаря, Помпей женился на его дочери Юлии; цезарскими усилиями сенат ратифицировал новую организацию покоренного Помпеем Востока.

В 56 г., по итогам встречи в Луке, союз троих был возобновлен. Цезарь с 58 г. искусно покорял Галлию. Красс, получив в 54 г. Сирию, устремился на Восток, вознамерившись дойти, “затмевая Александра”, до Индии и чуть ли не до Китая. Летом 53 г. его постигла печальная участь: парфянский поход обернулся для римлян катастрофическим поражением при Каррах и гибелью Красса.

Одновременно Цезарь продолжал обращать Галлию в провинцию, произвел разведку за Рейном, дважды высадился в Британии. В 54 г. Юлия – гарант союза родственных триумвиров, умерла. В 52 г. Помпей, воспользовавшись кризисом в связи с убийством Клодия и занятостью коллеги на галльском фронте, пробился в консулы *sine collega* (консул без коллеги), то есть в легитимные диктаторы.

Почти полутысячелетием раньше седьмой, начиная с Ромула, римский царь Тарквиний Гордый (VI в.) подвергся изгнанию, и казалось, что Марк Юний Брут похоронил ненавистную римлянам монархическую тиранию навсегда, во всяком случае, римляне торжественно поклялись никогда не терпеть над собой царей. Но на I в. до н.э. старая республиканская форма правления изжила себя, а все новое (включая хорошо забытое старое) рождается, как известно, в муках.

* * *

В Палестине в 50-е гг. I в. до н.э. беглый кронпринц Александр попробовал поднять антиримское восстание. Сирийский проконсул Авл Габиний (57-55 гг.) выслал против него своего легата Марка Антония и вскоре выступил сам. Осадно запертый в крепости Александрион мятежник, за неимением другого выхода, сдался (57 г.). В 56 г. мятежные потуги сбежавших из Рима Аристовула и Антигона имели похожий результат. Оттесненные за

* Оба выдвиженцы Суллы.

** В 70 г. до н.э.

Иордан, они капитулировали в цитадели Махэрус на второй день осады. Всех троих — экс-царя и двух его сыновей — Габиний снова отправил в Рим. Сенат заключил старшего Хасмонея в темницу, а его детей освободил. В 55 г. Александр в очередной раз затеял смуту, и опять неудачно.

10 января 49 г. до н.э. Рубикон был перейден, жребий брошен. Цезарь освободил Аристовула и доверил ему два легиона, собираясь послать в Сирию. Не вышло: накануне отъезда последнего отравили в Риме помпеянцы, тогда как самого Александра казнил в 49 г. по распоряжению Помпея его тесть сирийский проконсул Метелл Сципион. Антигона с сестрами приютил у себя итурейский династ Птолемей Менней.

В 48 г. разбитому при Фарсалах Помпею ничего не оставалось, как искать убежище в Египте; Цезарь последовал за ним по пятам и получил в подарок от египтян голову коварно убитого ими Помпея. Потом поцелуи Клеопатры приобщили диктатора к ветхой славе усопших фараонов. Когда в дни Александрийской войны (48/47 гг.) он оказался в сложном осадном положении в Александрии, дальновидный идумеянин Антипатр оказал ему ценную услугу, придя с воинским контингентом на выручку. Прибыв в 47 г. в Сирию, Цезарь даровал Антипатру римское гражданство и фактически иудейское наместничество, назначив полезного идумеянина, можно сказать, полновластным вице-этноархом при официальном этнархе Гиркане. Своему старшему сыну Фазаилу Антипатр предоставил командный пост стратега в Иерусалиме, младшего — Ирода, поставил управлять Галилеей (46 г.).

* * *

1 января 45 г. до н.э. вступил в действие юлианский календарь, положивший конец жутко запутанному староримскому лунно-солнечному календарю-монстру. В том же году в Испании потерпели поражение последние располагавшие войсками антицезарианцы — сыновья Помпея: старший — Гней, умер от ран, уходя от преследования; младший — Секст, в скором будущем грозный корсар прииталийского Средиземноморья, едва спасся. Сим гражданская война как будто завершилась.

Отпраздновав свой пятый, на сей раз Испанский триумф (четыре триумфа — Галльский, Александрийский, Понтийский, Африканский были отпразднованы в предыдущем 46 г.) и став в следующем 44 г. пожизненным диктатором, Цезарь готовился отбыть на восток для войны с парфянами. Но тут, за три дня до его отъезда, разразились мартовские иды. Отъезду помешали 22 кое-как обнаженных кинжала горе-радетелей горе-республики под верховенством Брута и Кассия.

Мартовское убийство 44 г. привело через бурные схлесты 18-месячной борьбы партий и конкурентов за власть к возникновению второго триумvirата в составе цезарианцев Гая Октавия (он же Октавиан: внучатый племянник, главный наследник и усыновленец Цезаря по завещанию), М.Антония и Марка Эмилия Лепида. После заключения триумvirата на пятилетний с 27 ноября по 31 декабря 38 гг. срок последовали жестокие декабрьские проскрипции триумvirов — дни и ночи длинных ножей, — повлекшие за собой гибель множества людей.

* * *

За истекшее время в Иудее и вокруг нее также произошли заметные изменения. Управитель Галилеи, молодой, неполных 25 лет отроду, Ирод, решительно подавил местных национал-инсургентов и самовольно, без суда синедриона, казнил атамана протозилотов Езекию. Из конфликта с формально верховной иудейской инстанцией пока еще маленький казньлюбивый владыка вышел победителем. Сначала он вызывающе явился в суд при оружии, в сопровождении боевого отряда, чем вогнал большинство синедристов в трепет. Потом, вовремя предупрежденный Гирканом об угрозе осуждения (из-за решимости иудейского Катона — законоучителя Шамая), он тайно удалился из столицы, обратился за поддержкой к сирийскому легату Сексту Цезарю (родственник диктатора) и, произведенный им в наместники Келесирии (Дольная Сирия), выступил во главе войска маршем на Иерусалим. Только настойчивые уговоры поспешивших навстречу ему отца и брата, Антипатра и Фазаила, спасли синедристов от кровавой бани.

Чуть позже, в 45 г., С.Цезаря коварно убил помпеянец К.Цецилий Басс. При осаде Басса цезарианцами в Апамее им на помощь прибыл снаряженный Антипатром отряд.

После убийства Ю.Цезаря в Сирию во второй половине 44 г. явился Гай Кассий, знаток региона со времен похода Красса, в котором он участвовал, удачно ушел живым из-под Карр и умело воспрепятствовал вторжению в осиротелую римскую провинцию парфян. Принявшись выжимать отовсюду и изо всех максимальные средства на “дело свободы”, Кассий обязал иудейскую этнархию к выплате 700 талантов. Оперативно поменяв лагерь, Антипатр, Фазаил и Ирод бросились выкачивать наложенную сумму из подданных, причем Ирод преуспел в этом деле и приглянулся Кассию настолько, что даже вроде бы был обнадежен перспективными видами на царскую корону.

Вскоре, однако, Антипатра постигла смерть от яда (43 г.). Некий знатный иудей Малх заговорщически отравил его, подкупив виночерпия в доме Гиркана. Показная скорбь Малха не обманула Ирода, и он отомстил за отца, организовав с одобрения Кассия убийство отравителя в Тире.

Глава I

42 – 37 гг. до н.э. = 712 – 717 гг. а.У.с.*

1 января 42 г. до н.э. триумвиры присягнули на верность заветам Цезаря. Решением сената и народного собрания Цезарь был признан отцом отечества, дивинизирован**, осыпан целым рядом других посмертно-бессмертных почестей, его культ распространился на все города Италии.

Поскольку конфискации от массовых проскрипций суммарно не оправдали ожиданий триумвиров, они публично заявили о нужде в дополнительных 200 млн. сестерциев на ведение войны с “врагами отечества”. Цензорская добыча проскрипционных средств мало отличалась от проскрипционных конфискаций, плюс к тому Антоний тратил добытые деньги с растущей пиришествной расточительностью. Экспроприированный при Цезаре дом Помпея Магна (собственность Антония) превратился в форменный увеселительный вертеп.

В то же время захвативший осенью 43 г. Сицилию С.Помпей блокировал подвоз хлеба в Италию, более того, грабил побережье и наконец дерзнул высадиться в Калабрии. Октавиан выслал против него флот под командой Квинта Сальвидиена Руфа.

Сальвидиен относится к числу типичных генералов, выкинутых на поверхность революционной волной из низов (наподобие октавиановца Марка Агриппы или антонианца Публия Вентидия). Безвестный родом, по слухам, свинопас в детстве, он, являясь, как и Агриппа, другом детства-отрочества-юности Октавиана, отправился вместе с ними осенью/зимой 45 г. в Аполлонию (куда Цезарь послал внучатого племянника закончить образовательный курс перед парфянским походом) и со времени после мартовских ид неизменно сопутствовал первостепенному наследнику диктатора. В 42 г. ему удалось изгнать С.Помпея из материковой Италии, но попытка высадиться в Сицилии успеха не имела. Октавиан самолично наблюдал за неудачной операцией, расположившись на берегу возле Регии. Операция не была возобновлена, так как М.Антоний, переправляя войска

* а.У.с. – ab Urbe condita – “от основания города”, т.е. Рима. Это летоисчисление по эре Марка Теренция Варрона, согласно которому Рим был основан в 753 г. до н.э., использовалось не столько в самом Риме, сколько в средние века.

** обожествлен

для оборонения республиканцев в Македонию, призвал коллегу-триумвира с флотом в Брундици.

Переплыв Адриатику, тяжело больной Октавиан задержался в Диррахии и добрался до района македонских Филипп десятью днями позже Антония.

В первой октябрьской битве Антоний одолел вынужденного покончить самоубийством (при помощи верного вольноотпущенника Пиндора) Г.Кассия. Разбитому Брутом Октавиану, напротив, пришлось спешно покинуть боевой лагерь и три дня скрываться в болотах. В результате второго ноябрьского сражения, также блистательно выигранного Антонием, покончил с собой М.Брут. Одним словом, всю Филиппийскую войну болезненный Цезарь (II) бесславно недомогал, и тем не менее или как раз поэтому, именно он, а не великодушный победитель Антоний свирепо расправлялся с пленными.

По окончании войны внеконкурентный герой Филипп взялся навести порядок на Востоке и раздобыть там обещанные в награду победоносным легионерам и демобилизуемым ветеранам деньги. На Октавиана ложилась по возвращении в Италию трудная задача расселить ветеранов на небезхозных землях 18 муниципалитетов.

Оставленный на время войны блюсти италийско-столичное спокойствие консул Э.Лепид попал под подозрение в установлении тайных контактов с С.Помпеем. Посовещавшись, филиппийские триумвиры решили: если подозрения подтвердятся, отстранить навсегда третьего насовсем; если нет — пускай начальствует над Африкой. Так к концу 42 г. “большая тройка” стала фактически триумvirатом двоих.

* * *

Денежно выпотрошенный Восток к моменту отъезда Кассия погрузился в состояние анархии и беспредела малых тиранов. К примеру, тирский тиран Марион захватил некоторые пограничные пункты Галилеи, несколько потеснил Ирода, но встретив серьезный отпор, дальше не продвинулся. Династ Халкиды Птолемей Менней поддержал Антигона Маккавея при вторжении в Галилею.

(Сестра Антигона — Александра, вышла замуж за сына Птолемея Филиппиона; невестка приглянулась свекру, и он, убив сына, женился на ней сам.) Антигон вторгся в Галилею, имея целью изгнать Антипатридов, дабы с помощью Птолемея завладеть троном предков. Вот здесь Ирод не оплошал: разбил вторженца и отбросил назад.

В 42 г. Гиркан помолвил женатого первым браком на простолудинке Дориде и имевшего от нее сына Антипатра Ирода со своей десятилетней внучкой Мариамной (дочь Александры и покойного сына Аристовула Маккавея — Александра).

* * *

16 ноября 42 г. до н.э. в шестнадцатый день до декабрьских календ, в консульство М.Эмилия Лепида (второе) и Л.Мунация Планка, во время

Филиппийской войны, в Риме на Палатине родился Тиберий Клавдий Нерон.

* * *

После Филипп, зимой 42/41 г. Антоний направился через Грецию на Восток; Октавиан возвратился в Италию.

В Риме и в Италии царил голод — на море блокадно хозяйничал С. Помпей. Сенат лебезил перед супругой Антония властной Фульвией; все знали, что муж у нее под каблуком. Кроме того, 1 января 43 г. до н.э. в консульство вступил (в паре с Сервилием Исавриком) младший брат триумвира — Луций Антоний. Подозрения в адрес Лепида не подтвердились, и пугливому бронзовому призеру таки досталась Африка (куда он пока не отбыл).

Октавиану удалось частично, за счет проскрипционных и храмовых средств, выплатить ветеранам обещанное вознаграждение; конфискацию в их пользу муниципальных земель, невзирая на отчаянные протесты муниципалитетов, он проводил решительно, по-революционному. Последнее подняло его авторитет в армии, чего убоялись и чему воспротивились Фульвия с Л. Антонием. Они потребовали отложить раздачу ветеранских наделов до возвращения М. Антония. Так как отсрочное требование вызвало недовольство армейцев, антонианцы изменили тактику и принялись настаивать, чтобы ветераны антонианских легионов получали землю от них, а не от Октавиана. Взбешенный Октавиан уступил, но расторг помолвку с дочерью Фульвии от Публия Клодия, т.е. с падчерицей Антония.

Дальнейшее саботирование мероприятий римского триумвира, скрытое и открытое противодействие ему обострили конфликт. Легионам, отправленным под командой Сальвидиена в октавиановскую (сообразно филиппийскому разделу) Испанию, был перекрыт путь через антонианскую Галлию. Снаряжение Октавианом кавалеристов для активной обороны побережья от пиратских налетов С. Помпея консул Л. Антоний истолковал как угрозу фамилии брата и взялся вербовать “армию защиты”. Фульвия объявила себя в опасности в Риме и перебралась в Пренесте, где к ней примкнули многие сенаторы и всадники. Луций продолжал набирать солдат, Фульвия совершила нечто, в предшествующей римской истории для женщины неслыханное: предстала перед легионерами опоясанная мечом и произнесла воинственную зажигательную речь. Согласно Антониевой биографии Плутарха (Ант.10), это не Клеопатра, а она сделала М. Антония перманентным генералиссимусом подкаблучников, отчего Клеопатра у нее в неоплатном долгу. И действительно, Фульвию нельзя не назвать своего рода первой эмансипированной женщиной (или полярно противоположной квинтитскому идеалу женщины первой амазонкой) древнего Рима. Не одна жертва наиболее жуткой ночи длинных ножей (7 декабря 43 г.) угодила в проскрипционные списки по ее инициативе. Она, если верить Диону Кассию (47,8), изымалась над мертвой головой Цицерона: оплевала страшный трофей и изрезала ножницами вырванный язык речистого адвоката. (Цицерон непримиримо враждовал еще с ее первым мужем скандалистом Клодием.)

Попытка анконских ветеранов примирить противников в Габиях, на середине дороги между Римом и Пренесте, закончилась безрезультатно: антонианцы якобы остерегаясь ловушки, сорвали встречу неаявкой.

В распоряжении Октавиана находились 4 преторские когорты и 4 стационарированных в Капуе легиона. Повинуясь экстренному приказу, Салвидиен Руф повернул шесть ведомых им легионов с испанского направления обратно. Под началом Л.Антония стояли 6 легионов, не считая 11 легионов, подкомандных галльским легатам М.Антония – Фуфию Калену, Азинию Поллиону и Вентидию Бассу. Одновременно антицезарианец Домиций Агенобарб, контролируя с флотом Адриатику, осадил Брундизи.

Октавиан снова попробовал склонить противников к переговорам, и опять неудачно. Тогда он отрядил один легион к Брундизи, наказал Лепиду твердо сидеть в Риме и, выступив с остальными силами наперерез Луцию, блокировал Сентин. Луций в ответ сделал смелый ход конем: предпринял обходной маневр, ворвался в Рим, выиграл рукопашный бой и выбил Лепида из столицы. Затем Л.Антоний неожиданно объявил триумвират противозаконным, мало того, самовольно заявил о готовности М.Антония сложить триумвиральные полномочия и удовлетвориться консульством. Дальше – больше: сенат заклеил Октавиана и Лепида врагами отечества и поручил законному консулу Л.Антонию идти на них войной.

Дешевый популизм возымел вспышечный эффект, однако озадачил и насторожил боевых легатов триумвира Антония. Сбитые с панталыку, они застыли в нерешительности, медля поддержать Луция, тем более, что от старшего Антония (к кому письменно обратились обе враждующие стороны) пришло из восточных далей туманное письмо с общим призывом защищать его исключительное достоинство от преступных посягательств. Двусмысленность усугубила ситуацию, к тому же из Азии прибыл Антониев квестор Барбаций и заговорил о недовольстве шефа поведением брата.

Тем временем Сальвидиен привел шесть не дошедших до Испании легионов назад в Италию и взял с боя Сентин. Поллион и Вентидий не препятствовали его маршу, медленно двигаясь следом, в то время как уверенный в их поддержке Луций ринулся из Рима навстречу врагу, думая нанести двусторонний удар. Пока антонианские легаты медлили, М.Агриппа занял Сутрий и теперь Луций, во избежание окружения Октавианом, Сальвидиеном и Агриппой, отступил в Перузию. Началась осада. Все потуги осажденных прорвать кольцо, в том числе предпринятая в новогоднюю с 41 на 40 гг. до н.э. ночь вылазка, потерпели провал. В городе залютовал голод, число перебежчиков росло, не позднее начала марта Перузия сдалась.

Октавиан расчетливо помиловал Л.Антония и его легионеров, не помешал бегству Фульвии в Грецию, но Перузию отдал на разграбление солдатам-победителям и сжег. Местные декурионы, многие видные граждане – участники Перузийской войны из состава сенаторов и всадников – подверглись безжалостной резне.

В “Жизнеописании Августа”* Светоний пишет: “После взятия Перузии

* Гай Светоний Транквилл “Жизнь 12-ти Цезарей”, Москва, “Художественная литература” 1990. Перевод Л.М. Гаспарова.

он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдываться, он обрывал тремя словами: “Ты должен умереть.” Некоторые пишут, будто он отобрал из сдавшихся триста человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот” (Авг.15).

* * *

Зимой 42/41 гг. герой Филипп М.Антоний очень благосклонно, на победных радостях, отнесся к (тем не менее, обложенным контрибуцией) грекам, в особенности, к афинянам: почтил своим посещением ученые лекции, спортивные состязания, религиозные праздники, поручил Грецию легату Л.Марцию Цензорину и отплыл, минуя Эгейские острова, в Малую Азию.

По вопросу азиатского маршрута триумвира, согласно Иосифу Флавию, Вифиния предшествовала Эфесу, и хотя Плутарх (Ант.24) с Аппианом (Гражданские войны 5,4.) про Вифинию молчат, у нас в данном случае нет оснований не доверять флавиевской последовательности изложения.

“Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отовсюду потянулись посольства. В числе прочих явились также и знатные представители иудеев и стали жаловаться на Фазаила и Ирода, указывая на то, что Гиркан властвует лишь по имени, тогда как на деле вся власть в руках последних. Между тем Антоний относился весьма хорошо к Ироду. Когда последний прибыл к нему, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, ему удалось добиться того, что обвинителей перестали даже слушать. Этого Ирод достиг у Антония путем подкупа.

Когда Антоний прибыл в Эфес, первосвященник Гиркан и весь народ иудейский отправили к нему посольство с поручением вручить ему золотой венец и с просьбой издать указ, в силу которого были бы отпущены на свободу по отдельным епархиям все противоправно захваченные Кассием в плен иудеи и им была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены произволом Кассия. Признав это ходатайство иудеев правильным, Антоний немедленно отправил Гиркану и иудеям, равно как и тирийцам, постановление следующего содержания...” (Иудейские древности 14,12,2.)*.

К числу вольных или невольных пособников Кассия принадлежали также Фазаил и Ирод. Понятно, что иудейско-промаккавейская аристократия не преминула улучшить момент, чтобы попробовать избавиться от, казалось бы, скомпрометированных в глазах цезарианского триумvirата выскочек Антипатридов.

Однако не тут-то было. Более энергичный и дипломатичный из братьев, младший, Ирод, поспешил одновременно с жалобщиками на север в провинцию Понт и Вифиния и, разумеется, небезвозмездно, за увесистый бакшиш склонил Антония в свою и идумейского клана пользу. Как нужный

* Иосиф Флавий “Иудейские древности”, Москва, “КРОН-Пресс”, 1994.

Напечатано по изданию: “Иудейские древности”, Санкт-Петербург 1900. Перевод с греческого кандидата восточных языков Г.Г. Генкеля.

и полезный вассально-политический кадр, всегда умеющий вовремя и много дать на лапу, он, пройдя хитрую школу отца Антипатра, обладал удивительной способностью расположить к себе любое западное начальство и не пойти на дно при любой смене власти. Помимо того, Антоний лично знал Антипатра и бывал (наверняка щедро задаренным) гостем антипатридского дома раньше, служа в Сирии под началом Габиния, в пору отрочества Ирода.

Правда, даже отдавая должное иродианским политико-дипломатическим талантам, следует выправить смещенные Флавием с подачи Николая Дамасского исторические акценты. Ирод ездил в Вифинию не как лоялист, а как проситель, ездил перво-наперво оправдаться за усердное сопутствование Кассию; и лишь в ходе бакшишно подкрепленного разбирательства сумел не только выкрутиться, но и попасть в милость к новому начальству.

Короче говоря, по плодам вифинской аудиенции делегаты-жалобщики остались ни с чем; братья Антипатриды своего руководящего положения не лишились.

Ходатайство иудеев от имени первосвященника Гиркана во дни пребывания Антония в Эфесе касалось жителей Гофны, Эммауса, Лидды и Тамны, проданных Кассием в рабство за недовыплату наложенной на них денежной суммы. Антоний, естественно, принял изъявление иудейской покорности — золотой венец, удовлетворил поданную ему челобитную и еще повелел тирянам возратить иудеям захваченные районы галилейского пограничья.

Судьба тирана Мариона, креатуры Кассия, посаженного властвовать над Тиром в 42 г., покрыта мраком. Насколько видно из адресованных тирянам антонианских постановлений, ко времени их принятия Марион (вероятно, заблаговременно изгнанный горожанами) уже не правил в Тире.

Эфесеяне воздали Антонию почести, как богу Дионису; при вступлении его в город женщины нарядились вакханками, мужи и отроки — сатирами и панами. Множество беглых брутовцев-кассианцев, воспользовавшихся правом храмового убежища при святилище Артемиды Эфесской, явились к победителю молить о пощаде и прощении. Большинство из них, за исключением убийц Цезаря, он помиловал; с азиатов же затребовал огромную контрибуцию.

Деньги текли в Антониеву кошину-прорву, тая в баснословных роскошествах-излишествах самого триумвира и в нечистых руках его челяди.

* * *

Встреча Антония с вызванной для отчета Клеопатрой произошла в киликийском Тарсе. Она смиренно обязалась приехать и, должно быть, не ранее середины лета, переплыв море, предстала державному распорядителю Востока, окруженная красавицами-рабынями, одетыми под nereid и эротов, в костюме Афродиты, выходящей из пены морской.

В Египет за царицей Антоний снарядил Квинта Деллия, многоликого репрезентанта многоликой эпохи, сводника, историка, подлеца и прохвоста. Официально Клеопатре вменялось явиться, дабы держать ответ за под-

держку Кассия. Медоречивый посланник Деллий рассыпался перед ней в комплиментах и сказал, что Антоний, талантливейший из полководцев, никогда не причинит зла столь прекрасной женщине. Сделав соответствующие выводы, царица вышла в море, имея целью покорить повелителя. И это ей блестяще удалось. Все пункты поклепного обвинения мнимая симпатизантка республиканцев без труда опровергла (кому, как не ей, матери шестилетнего сына Цезариона, быть истинной цезарианкой!) и, не теряя времени даром, сама взяла героя Филипп в царственный плен.

За время, проведенное с ним летом 41 г., она добилась следующего: санкции на убийство своей сестры-соперницы Арсиной, укрытой жрецами храма Артемиды в Эфесе; выдачи арадийцами некоего самозванца, выдававшего себя за брата Клеопатры Птолемея, который утонул в Ниле в дни Александрийской войны 48/47 гг.; выдачи тирянами кипрско-египетского военачальника Серапиона, вошедшего за ее спиной в сговор с Кассием.

К осени неотразимая Шахерезада отплыла в Египет, пригласив Антония на зимовку в Александрию.

* * *

У Флавия в “Иудейских древностях” читаем:

“Когда впоследствии Антоний прибыл в Сирию, свидевшаяся с ним в Киликии Клеопатра уже очаровала его своими прелестями. Здесь вновь явились к нему сто самых влиятельных иудеев с жалобами на Ирода и его клеветов...” (14,13,1).

В “Иудейской войне”* сказано:

“Но еще раз прибыли знатнейшие из иудеев в Дафну, возле Антиохии, к Антонию, который был уже тогда поработен своей любовью к Клеопатре. Они выставили наиболее красноречивых и почтенных из своей среды, чтобы обвинить обоих братьев. Защитником последних выступил Мессала, поддерживаемый Гирканом, как их родственником. Выслушав обе стороны, Антоний спросил Гиркана, кто из них в действительности более способен к правлению. И когда Гиркан признал преимущество за Иродом и его домом, он возрадовался, ибо он у их отца, во время своего пребывания в Иудее вместе с Габинием, пользовался самым широким гостеприимством; он назначил братьев тетрархами и передал им правление над всей Иудеей” (1,12,5).

В Вифинии иудейские нобили выступили против Антипатридов; в Эфесе обе партии (беспартийно и совместно) преподнесли Антонию Гирканов золотой венец; осенью 41 г. в Дафне иудейская знать возобновила попытки свалить чуждых ей братьев-идумеян.

Показательна проантипатридская позиция молодого Марка Валерия Мессалы Корвина, республиканца до Филипп, участника битвы, умеренного антонианца и члена свиты Антония после Филиппийской войны. Без сомнения, на него произвела позитивное воздействие приверженность

* Иосиф Флавий “Иудейская война”, “Орел”, Санкт-Петербург 1991. Репринтное издание, С.-Петербург 1900. Перевод Я.Л. Чертка.

обоих братьев Кассию, быть может, он даже слышал отзыв Кассия о незаурядном вассале Ироде. Ирод же с Фазаилом, поддерживаемые апатичным Гирканом, конечно, вновь не упустили случая дать римлянам на лапу. Тот Антоний “возрадовался”, вспомнив про былое гостеприимство Антипатра.

Далее по флавиевским текстам “Войны” (1,12,5) и “Древностей” (14,13,2) создается впечатление, что якобы еще осенью 41 г. до н.э. Антоний проследовал из Антиохии в Тир, где недовольные иудеи повторили антиантипатридский заход-демарш. В действительности, осенью 41 г. любово-страстный триумвир утплыл из Сирии в Египет, спеша в объятия Клеопатры и не добравшись до Финикии (ни руки, ни ноги не дошли), где он побывает не раньше весны 40 г. до н.э., о чем выразительно свидетельствуют Плутарх (Ант.30), Аппиан (5,52) и Дион Кассий (40,27). Вот когда знатные иудеи предпримут очередной безуспешный выпад против полномочных тетрархов, чем очень разгневают запоздало проснувшегося от сладкой александрийской спячки Антония.

* * *

Между тем, пока последний, сняв римскую тогу, надев греческую столу и аттические сандалии, проводил или терял драгоценное время в Египте в несравненных пирах, развлечениях и любодениях, Рим сотрясла Перузийская война. В феврале-марте 40 г. Перузия пала, взбалмошная Фувльвия бежала в Грецию; весной в Сирию вторглись парфяне. Говорят, что на войну Фувльвию толкнула бешеная ревность при получении из Азии известий о тарсийском соблазнительстве Клеопатры. Так или иначе, но по весне, еще до прихода в Египет вестей о падении Перузии, разомлевшего Антония вывела из забвения парфянская интервенция через Евфрат.

В 43 г. до н.э. Брут и Кассий откомандировали в Ктесифон своего подручного Лабиена Minor (сына погибшего в сражении при Мунде помпеянца) с заданием склонить Иран к действенному союзу против цезарианцев. Парфянам больше импонировали республиканцы, так как не они, а Цезарь готовил поход в Парфию и, следовательно, цезарианцы унаследовали его неосуществленные планы. После Филипп Лабиев предпочел остаться под парфянским крылом, где свел близкую дружбу с любимым сыном и соправителем царя царей Орода (58-37 гг.) Пакором. Однако, интервенционистские уговоры натолкнулись на скепсис многоопытного Орода, который (руками аспета-венцевозлагателя и талантливого полководца Сурена) разгромил Красса под Каррами. Еще совсем молодым Пакор пережил незабываемую победу при Каррах (9 июня 53 г.). Он как раз брал в жены сестру армянского царя Артавазда II (56-34 гг.), когда в столичный Арташат-на-Араксе, где по ходу свадебных торжеств давалось представление “Вакханок” Еврипида, доставили посланную Суреном голову Красса. Позднее, в 52/51 гг., сатрап Месопотамии Орондапат подбил вступившего в Сирию кронпринца к мятежу и провозгласил его шахиншахом в противовес монарху-отцу. Ород оперативно разрешил кризис, вызвав Пакора в Ктесифон и сделав сорегентом. Во время смуты и отзыва царевича Г.Кассий

(сирийский наместник в 53-51 гг.) разбил парфян и выдворил их из Сирии. Теперь подогреваемому Лабиеном Пакору не терпелось ринуться в бой, и оба они, наконец, убедили Орода в необходимости превентивного удара.

Дело в том, что Антоний носился с цезарской идеей крупного реванша за неотмщенные Карры. Осенью 41 г., будучи в Антиохии, он отрядил конницу на взятие и ограбление богатой пограничной Пальмиры, но население, заблаговременно извещенное о набеге, прихватило ценности и переправилось к парфянам за Евфрат.

Надо сказать, что осень (41 г.) или зима (41/40 гг.) в качестве иногда практикуемых современными историками дат появления парфян в Сирии и Лабиена в Азии наотрез отпадают: ведь Антоний еще осенью находился в провинции Сирия — не сбежал же он к Клеопатре с началом нашествия; будь это так, античные летописцы непременно увековечили бы “беглый” компромат. Кроме того, осенью и зимой ни римляне, ни, наипаче, парфяне (см. Плутарх “Ант.”40) военных кампаний не начинали и, уйдя на зимние квартиры, не воевали*.

* * *

В Сирии с 41 г. наместничал Антониев легат Децидий Сакса. При вторжении Лабиена и Пакора римские гарнизоны, состоявшие в основном из принятых Антонием на службу кассианцев, стали охотно переходить к Лабиену. На несколько недель вторженцев задержала осада Апамеи, причем речь, видимо, следует вести о пограничной левобережной Апамее у Евфрата, напротив Зевгмы (см. Плиний “Естественная история” 5,86), которую Дион Кассий (46,25) неправомерно совмещает с Апамеей Сирийской. Скорее всего, обе Апамеи поочередно подверглись осаде, но факт в том, что с Апамеи Сирийской, расположенной южнее Антиохии, и с Финикии, расположенной к югу от собственно Сирии, наступление парфян, вопреки ошибочному отображению Диона, начаться не могло. При всем том, согласно Диону, взятию Антиохии предшествовало взятие Апамеи, т.е. Апамеи-на-Евфрате, и, стало быть, лишь после падения Антиохии осаждалась Апамея Сирийская.

Пакор взял на себя Сирию, Лабием — Малую Азию: и тут, и там возмущенное обирательством римлян местное население приветствовало их как освободителей. Разбитый Д.Сакса бежал в Киликию, где или погиб в бою или, боясь попасть в плен, покончил самоубийством.

Весной разбуженный Антоний приплыл из Египта в Тир, намереваясь из опорной Финикии, при помощи палестинских тетрархов, братьев Антипатридов, организовать сопротивление и вступить в схватку. Осенью прошлого года в Дафне он распорядился арестовать самых активных иудейских ропотников против Фазаила и Ирода, остальных же прогнал с позором.

“Возбуждение умов в Иерусалиме через это только усилилось; вновь

* Описывая военное искусство парфян приложительно к рассказу об их победе над Крассом, Дион Кассий (40,15) однозначно утверждает, что “они не выступают в поход зимой”.

снарядили послов и даже целую тысячу в Тир, где Антоний остановился по пути в Иерусалим...” (Иудейская война 1,12,6). Текст “И.д.” звучит иначе: “Впрочем, вернувшиеся с такой неудачей послы все-таки не отчаивались, но послали еще тысячу человек к Антонию в Тир, куда тот по слухам должен был приехать...” (14,13,2).

Речь безусловно идет о событиях весны 40 г., неверно сдвинутых Флавием в осень 41 г., когда Антоний в Тире не был — не доехал туда, поспешая в Египет. Собирался ли он, организуя региональный отпор парфянскому вторжению из Финикии, посетить весной 40 г. взволновавшийся Иерусалим,— вопрос вторичный. Угроза триумвира лично прибыть в Иудею, чтобы навести здесь железной рукой порядок, теоретически не исключена. Судя по всему, на ближних подступах к Финикии парфян тогда еще не было. В любом случае, вновь получив от Ирода и его брата солидный бакшиш, Антоний выслал навстречу иудейским жалобщикам начальника Тира с приказанием казнить строптивцев, которые-де стремятся к возбуждению смут (в условиях военного времени).

“Предварительно, однако, вышли к делегатам на берег Ирод с Гирканом и убеждали их прекратить бесполезное и неразумное сопротивление, дабы не навлечь гибель на себя и на свое отечество. Но от этих увещаний недовольство возросло еще больше. Тогда Антоний послал тяжеловооруженных, которые многих умертвили и многих ранили. Гиркан позаботился о погребении павших и об уходе за ранеными. Спасшиеся бегством все-таки не унимались: они привели еще и окрестности города в такое волнение, что Антоний в своей ярости приказал убить даже тех, кого он раньше взял в плен” (И.в.1,12,7).

* * *

Беспощадность расправы выдает напряженную обстановку военного времени, т.е. не судейско-контрибуционные месяцы 41-го, но инвазионную весну 40 г. до н.э. Фронт недалече.

Впрочем, на большие геройства в ориентальных широтах Антония в те дни не хватило, так как получив весть о поражении твердолобого брата Луция и слезное письмо беглянки Фульвии из Греции, он во главе эскадры из 220 судов отчалил на запад: согласно Аппиану, “из Тира на Кипр, Родос и Афины” (5,52).

Уже после его отъезда Децидий Сакса, уходя от Лабиена, погиб в Киликии, а Пакор завершал покорение Сирии, дойдя в 40/39 гг. в побережной Финикии максимум до Триполи или Бейрута, поскольку дальше на юг (Сидон, Тир, Птолемаида и Палестина) парфяне ни в 40, ни в 39 гг. не вторгались. Основанием для данного вывода служит, в частности, продолжение “Иудейской войны”, где об оккупации парфянами береговой (или южной части) Финикии перед вторжением-набегом 500 парфянских всадников в Палестину яснее ясного говорится: “по истечении двух лет...” (1,13,1). Т.е. по истечении двух лет от весны 40 г. до н.э. Куда ведут эти два года? В весну 38 г. до н.э., куда же еще!? Арифметика элементарная.

Но не будем нарушать анналистическую последовательность и торопить

события. Оставим иудейских тетрархов – братьев Антипатридов, хочешь не хочешь, коллаборировать с парфянами (т.е. делать то, о чем источник И.Флавия Н.Дамасский “скромно” умолчал, проглотив два “непроримских” года Иродовой биографии периода региональной гегемонии парфян) и посмотрим, что творится на Западе.

* * *

По окончании Перузийской войны так называемые медлительные полководцы Антония начали отступление, преследуемые воинством Октавиана. М.Агриппа без боя перетянул на свою сторону два легиона Мунация Планка. Сам Мунаций “трусливо”, как пишет Аппиан (5,50), бросил прочие легионы, передавшиеся под команду П.Вентидия, примкнул к Фульвии и отплыл вместе с ней (либо под ее прикрытием) из Путеол в Грецию.

В Неаполе тужился поднять восстание, “призвав рабов к свободе” (Светоний “Тиберий” 4), сумевший унести ноги из Перузии отец будущего кесаря Тиберия – Клавдий Нерон. Потерпев неудачу, он спешно, в обществе юной супруги Ливии с маленьким Тиберием на руках, бежал к С.Помпею, причем ок. полуторагодовалый Тиберий чуть не выдал тайно спасавшихся на корабль от врага беглецов своим плачем (Светоний “Тиберий” 61). Октавиан навел порядок в Кампании, потом двинул в Галлию, где заграбастал одиннадцать “альпийских” легионов Антония. Командовавший ими галльский легат Фуфий Кален скоропостижно скончался, а его сын добровольно вверил безначальное войско Цезарю Меньшому, который публично обещал сохранить эти легионы для Антония. Октавиану совсем не светило, имея врагом Помпея, бросить перчатку еще и Антонию, в связи с чем он надеялся на мир, не исключая войну. В виде знака триумвирального миролюбия прощенный мятежник Луций даже удостоился (поднадзорного) испанского наместничества и вскоре (вероятно) умер в Испании (естественной смертью), поскольку дальше о нем ни слуху, ни духу.

Дни *ludi Apollinari* – 6-13 июля 40 г. – С.Помпей отпраздновал грабительскими налетами на италийское побережье. При появлении Агриппы мобильно ретировался, но кое-где в опорных пунктах оставил боевых *comandos*.

Октавиана побуждала искать примирение с Секстом возможная худшая перспектива войны с Антонием. Поэтому молодой Цезарь, во-первых, женился на сестре Секстова тестя Скрибония Либона Скрибонии, во-вторых, почетно препроводил к Сексту на Сицилию его мать Муцию (некогда соблазненную Цезарем Старшим жену Помпея Магна).

Тем временем Секст искал выход на Антония, думая либо совместно одолеть Октавиана, либо через Антониево посредничество помириться с ним. В планы Секста входило занять третье призовое место Лепида в триумвирате, чтобы, если удастся, когда-нибудь стать первым. Поэтому Помпей *Minor* почетно, в сопровождении Скрибония Либона, отправил к Антонию в Ахайю его мать Юлию, которая из-за Перузийской войны оказалась на Сицилии.

Антоний же, встретившись в Афинах с больной Фульвией, разразился резкими упреками в ее адрес за неуместное бабье вмешательство в политику (поздно спохватился!), назначил проконсулом Азии Л.М.Планка (кому очень скоро пришлось, из-за успехов Лабиена, довольствоваться проконсульством на Эгейских островах), демонстративно не попрощался со вздорной женой и грозно поплыл дальше на запад. В Адриатике к нему, благодаря посредническим усилиям Азиния Поллиона, присоединился с флотом враг Октавиана, числившийся среди убийц Цезаря Домиций Агенобарб, что означало открытый вызов коллеге-триумвиру.

Комендант Брундизи показал антонианской эскадре от ворот поворот. В ответ Антоний снарядил послов к С.Помпею, предлагая атаковать Италию, начал осаду Брундизи и захватил расположенный севернее Сипонт. Помпей живо откликнулся на призыв, уполномочил своего вольноотпущенника, бойкого флотоводца Менодора, захватить Сардинию и Корсику, плюс осадил Тури и Консентию в Италии. Агриппа отбил Сипонт; осада Тури провалилась. Октавиан подошел во главе крупного воинства к Брундизи, но медлил вступать в драку, ибо его солдаты не желали воевать против героя Филиппа.

Военно-морское преимущество было однозначно за Антонием — свыше 300 боевых судов (не считая кораблей союзника Секста), военно-сухопутное — однозначно за Октавианом: — свыше 40 легионов. И тут весьма кстати из Греции пришла весть о смерти Фульвии. Покинутая не любящим ее мужем в болезни, она умерла от горя, проиграв как чувственный политик, оставленная и униженная как женщина. Теперь скандальная причина триумвирального разрыва, так сказать, самоликвидировалась и все облегченно вздохнули. При искусном посредничестве дружного обоим триумвирам Луция Коцея Нервы мир в сентябре/октябре 40 г. до н.э. был восстановлен. Антоний отослал неудобного Домиция Агенобарба проконсулом в Вифинию и побудил С.Помпея возвратиться на Сицилию. Затем полномочные представители каждой из сторон (посредники: Нерва и Поллион — от Антония, Меценат — от Октавиана) сошлись, чтобы решить спорные вопросы.

По договору в Брундизи “триумвират двоих” подтверждался и продолжался. Отсутствующему, заочно поставленному в известность Лепиду оставили Африку, Антонию достался Восток, Октавиану — Запад; границу составила иллирийско-адриатическая Скодра. Вотчина обоих властителей — Италия, осталась неделимой; оба располагали равными правами рекрутировать в Италии легионеров. Достижение соглашения с Помпеем договор предусматривал и возлагал на Антония.

В знак нерушимого единства диархов вдовец Антоний брал в жены Октавианову сестру, сердечно любимую братом, благочестивую и на редкость красивую Октавию (также с недавних пор вдовую). Все надеялись, что любовь к ней исцелит женолюбца от Клеопатры.

Д.Агенобарб и прочие антонианцы из проскрипционных списков получали амнистию, консульства ближайших лет распределялись поровну между креатурами диктаторов. Козлом отпущения за Перузийскую войну сделался

Антониев прокуратор Маний, кто-де разъярил и подбил на мятеж Фульвию утрированными рассказами о Клеопатре. Второй жертвой сконструированного мира стал вошедший в тайный письменный сговор с Антонием и ныне доверительно выданный им шурина Сальвидиен Руф.

Потом триумвиры поочередно устроили угощение друг другу, причем согласно Диону (48,30), Цезарь на римский, Антоний на азиатско-египетский манер. Как видим, не случайно одному выпал Запад, другому Восток.

Сенат декретировал примиренцам малый триумф и курульные кресла на играх-ludi, тогда как легионеры, выразив громкий восторг по поводу брачного мира и пира, тотчас потребовали от Антония денег из сумм, (якобы) добытых распорядителем Востока на бездонно богатом Востоке. Денег у транжиры, естественно, не нашлось, и Октавиан насилу успокоил воинов новыми твердыми обещаниями.

После вступления породненных гос. мужей с овацией (ovatio) в Рим состоялись свадебные торжества. Сенат специальным постановлением сократил вдове Октавии десятимесячный траур по мужу Клавдию Марцеллу, от коего она имела двух дочерей и сына.

Срочно вызванный будто бы для дачи персональных распоряжений Октавианом из Галлии Сальвидиен был следственно изобличен и осужден сенатом на казнь: сообразно Аппиану (5,66) – кончил на эшафоте, сообразно эпитомированному Титу Ливию (127) – покончил самоубийством.

Не допущенный к участию в брундизийской сделке *третий лишний* С.Помпей снова захватил руками Менодора только-только занятые флотоводцем Октавиана Геленом Сардинию и Корсику и ужесточил блокадно-пиратскую войну.

Триумвиры выразили решимость обуздать наглеца и обложили население в видах борьбы с ним дополнительными поборами. Это только усилило гражданско-пацифистские настроения среди римлян и симпатии к довольно популярному носителю громкого имени, в коем квинтите крайне ошибочно видели радетеля демократии и прогресса. Противопомпеянский эдикт о налоге с наследства и о 50 сестерциях с рабовладельцев народ изорвал, требуя скорейшего мира с Секстом. В дни ludi Plebei (середина ноября) возбужденные массы шумно приветствовали статую Нептуна, чьим отпрыском Помпей себя величал. Непрезентация статуи на следующий день вызвала стихийное восстание. Увещательное хождение Октавиана в народ стоило бы ему головы, не подоспей вовремя Антоний с солдатами. Груды трупов были сброшены в Тибр. “Голод продолжал свирепствовать, – пишет Аппиан (5,68), – народ вздыхал и безмолвствовал”. Секст ясно давал понять, что без него миру не бывать.

К концу года эпонимические консулы Гай Азиний Поллион* и Гней Домиций Кальвин (вторично)** передали фаски октавиановцу Корнелию Балбу и антонианцу Канидию Крассу.

* Фактически стал консулом после соглашения в Брундизи и вступления триумвиров в Рим, т.е. не ранее октября 40 г.

** Впервые консульствовал в 53 г. до н.э.

* * *

714 г. а.У. — год знаменитой IV эклоги Вергилия, год наступления, согласно непрофану Вергилию, *золотого века* Сатурна: “И ты, Поллион, в достоинстве консула узришь пришествие новых времен...”

По смерти в 40 г. Деиотара и Атгала, тетрархов Галатии и Пафлагонии, их владения перешли (сенатским решением... Антония) к внуку Деиотара Кастору.

По смерти 31 декабря одного из римских эдилов на остаток уходящего года был назначен преемник.

По истечении календарного дня 31 декабря в Риме в 714 г. “от основания города” наступило “32 декабря”. Введение дополнительного дня (отнятого у года грядущего) случилось во избежание несчастливого совпадения начала нового года с нундинами.

И наконец, читатель, нельзя не добавить: в 40 г. до н.э. Антипатридом Иродом в Риме и не пахло: в Центр он в тот год не навещался, к Антонию не заявлялся, с Октавианом не знакомился, в цари иудейские римлянами не производился*.

* * *

1 января 39 г. до н.э. = 715 г. а.У. в консульство вступили антонианец Луций Марций Цензорин и октавиановец Гай Кальвизий Сабин.

Отрезанные от островных житниц Рим и Италия по-прежнему жили впроголодь. Помпей препятствовал как хлебным поставкам на материк из Сицилии и Сардинии, так и подвозу зерна из Африки. В обоих лагерях усиливался пацифизм, давление на властителей росло. Словно замороженные, они маялись в замкнутом кругу, скованные друг другом по рукам и ногам. В лагере Секста против мира, за дальнейшее использование голода в качестве пресса особенно ратовал Менодор, пират без чести и совести, кому лишь война давала (ввиду его флотоводческой незаменимости) возможность держаться на самом гребне. За переговоры и примирение выступал Стай Мурк. Назначенный в 44 г. еще Цезарем в Сирию, он решительно перешел на службу к убийцам диктатора. В дни Филипп он в паре с Д.Агенобарбом сильно досадил триумвирам, уничтожив на море подкрепления, ведомые в Македонию Г.Домицием Кальвином. Позднее, в 41 г., Мурк отделился от Агенобарба и во главе 80 судов, 2 легионов, 500 стрелков передался под команду Помпея, который, очень нуждаясь в живой силе и технике, встретил добровольного пришлеца с распростертыми объятиями. Вскоре, однако, отношения между ними испортились. Во-первых, Секст оскорбил Мурка профессиональным предпочтением, оказываемым Менодору и Менекрату; во-вторых, заподозрил, из-за пацифистских настроений, в измене. Оскорбленный Стай подал в отставку и поселился как частное лицо в Сиракузах, где в 39 г. был коварно умерщвлен подосланными Пом-

* Общепринятое, с опорой на Флавия, положение о том, что Ирод был назначен римлянами царем иудейским в 40 г. до н.э., грубо ошибочно (см.ниже).

пеем убийцами. Желая отвести от себя подозрения, некоронованный сицилийский Нептун провел дознание и распял (за не совершенное ими преступление) рабов убитого.

В конце концов Антонию удалось посадить несговорчивых визави Цезаря и Помпея Малых за стол переговоров. Помпеев тесть и Октавианов шурин Скрибоний Либон прибыл стараниями Антония сначала из Сицилии на Энарию, откуда, дождавшись неохотно данного Октавианом разрешения, проследовал в Рим. Здесь он убедился во всеобщей готовности к миру и договорился о встрече вождей. Встреча произошла летом 39 г. до н.э. в Неаполитанском заливе, у мыса Misenum.

* * *

Секстовы потуги заменить собой “сонного африканца” Лепида в триумвирате натолкнулись на безоговорочный отказ диархов. Мирная конференция стояла под угрозой срыва. Стороны были полны взаимного недоверия. Тем не менее, мир после длительных прений все-таки (ненадолго) получился. Условия: 1.Октавиан и Антоний признали за Секстом право на владение в период триумvirата тремя большими островами (и на Ахайю впридачу); 2.статус ответственного за безопасность морей от пиратского разбоя, за морскую торговлю, передвижение и хлебоподвоз адмирала римского флота; 3.права на консульство и авгурат; 4.выразили готовность частично возместить Помпею-сыну конфискованную государством собственность Помпея-отца; 5.нашедшие пристанище и службу в пиратско-помпеянских рядах беглые рабы объявлялись свободными; 6.воины-младопомпеянцы приравнялись в плане наград и ветеранских привилегий к воинству триумvirов; 7.всем укравшимся на помпеянских островах “врагам народа”, за исключением убийц Цезаря, предоставлялась амнистия.

Ответно Помпей обязался прекратить все враждебные действия, снять блокаду, не посягать на материковую Италию, не принимать более беглых рабов и, как сказано, не просто не мешать, но способствовать хлебному достатку Италии и зорко оберегать оный от чьих-либо поползновений.

Договор был торжественно скреплен подписями участников (и передан на хранение девственным весталкам). Затем последовали показательные, на виду у ликующих армии и флота, объятия высоких договорившихся сторон. Та и другая устроили праздничные трапезы: Секст — на флагманском судне, триумvirы — на суше. При этом завязались “династические” узы: малолетнюю дочь Помпея обручили с племянником Октавиана и пасынком Антония — с маленьким Клавдием Марцеллом.

На обратном пути в Рим единодушных диархов-спасителей повсюду встречало единодушное бурное ликование.

* * *

В Риме триумvirы в 39 г. до н.э. унижали сенат, произвольно вводя в него сыновей вольноотпущенников и даже иностранцев. Ввели от имени сената новые подати, обоснованные предстоящей войной с Лабием и

парфянами, продолжали ущемлять республиканские институты. Так, консульства последующих лет, до 31 г. включительно, были разделены между октавиановцами и антонианцами (при процентном учете младопомпеянцев). Дальше, было решено менять ординарных консулов по истечении считанных месяцев (с 1 января) парой суффектов, меняя в свою очередь пары суффектов несколько раз в году, чтобы таким образом дать возможность большому числу триумвиральных приверженцев облечь высокое консульское достоинство. Сим важнейшая республиканская магистратура низводилась до уровня непотизированного свадебного генеральства.

Цезарианец-антонианец Г.А. Поллион успешно воевал парфинов в Дамасии; цезарианец-октавиановец Г.Д. Кальвин упорно одолевал керретанов в Испании. Антоний и Октавиан правили, соответственно Плутарху (Ант.33), дружно и в согласии (хотя египетский астролог в антонианской свите предупреждал “подопечного” об исходящей для него от “молодого человека” опасности). Антоний принял давно уготованный ему сан фламينا божественного Юлия, в то время как Октавиан, во-первых, невзначай обыгрывал зятя при игре в кости, в прочих играх и при устройении ими петушинных боев; во-вторых, влюбился в Ливию Друзиллу – беременную жену амнистированного Мизенским соглашением Т.Клавдия Нерона; в-третьих, заимел, вместо ожидаемого сына, дочь Юлию и почти тотчас дал развод возревновавшей к Ливии законной супруге.

Тогда же, т.е. осенью 39 г., Антоний и Октавия с новорожденной дочерью (Антонией Старшей) отбыли из Рима в Афины*.

Внимание, читатель! Плутарх (Ант.33) и Дион Кассий (48,39) уверяют, что только после Мизенского договора талантливый полководец Вентидий Басс был снаряжен Антонием на заморский от Греции восток воевать Лабиена и парфян. Плутарх выражается общо: после достигнутого соглашения Антоний послал Вентидия в Азию, чтобы остановить дальнейшее продвижение парфян. Согласно Диону, Антоний, уже будучи в Греции и вкушая сладкое времяпрепровождение в Афинах, т.е. не ранее зимы 39/38 гг., отрядил своего полководца на войну**. Аппиану (5,65), напротив, кажется, будто это произошло после соглашения в Брундизи осенью 40 г. Современные энциклопедии и научные авторитеты датируют, следуя анахронизму Диона, малоазийско-килийскую боевую вентидиану 39-м, сирийскую – 38 гг. до н.э. На самом деле победы римлян в Малой Азии имели место в 38, а достославное Гиндарское сражение в Сирии, у Евфрата – летом 37 гг. до н.э.! (см.ниже).

Лишь Мизенское соглашение позволило Антонию, в дни романа Октавиана с Ливией, чему коллега-триумвир был какое-то время свидетелем

* Согласно Диону (48,31), при заключении соглашения в Брундизи (осень 40 г.) Октавия была еще беременна ребенком от Клавдия Марцелла; согласно же Плутарху (Ант.33), она уже успела родить дочь от Антония, когда они вместе отправились в Грецию. Следовательно, отъезд в Афины имел место не ранее осени 39 г.

** В то же время Дион не знает, когда именно Антоний прибыл в 39 г. в Афины, и допускает грубейший для анналиста анахронизм, повествуя про малоазийский поход Вентидия под все еще 39 г. и, соответственно, про Гиндарское сражение под 38 г. до н.э.

(Светоний “Авг.”69), покинуть Италию, а главное, высвободило и предоставило в его распоряжение нужные для похода легионы. Однако зимой 39/38 гг. Антоний, удобно окопавшись в Греции, мог самое большее штабным порядком поручить Вентидию ведение войны (на которую не спешил лично), тогда как Вентидий не мог начать ответственную крупномасштабную кампанию в Малой Азии с ее достаточно суровым климатом ранее весны 38 г. до н.э. — года консульства Аппия Клавдия Пульхра и Гая Норбанна Флакка. Даже если теоретически отнести начало боевых операций на постмизенское лето 39 г., то все равно Вентидий никак не мог, выступив от азиатских берегов Эгейского моря, за время от середины или второй половины лета до осени, ступить, одержав две значительные победы, в Сирию и изгнать парфян за Евфрат. Такой псевдонаучный расклад совершенно нереален и никуда не годится.

Победоносный поход Вентидия начался не в 39, а в 38 гг., и ниже мы убедимся в том, что ничего этому единственно верному хронопорядку не препятствует.

* * *

Итак, стремительные успехи Лабиена объяснялись охотным переходом на его сторону легионов, укомплектованных вчерашними кассианцами, и возмущением азиатов грабительскими антонианскими контрибуциями. Лабиен заклеймен древними историками как изменник родины, призвавший на Римскую империю ее заклятых врагов — парфян. В сущности, так оно и есть, но нельзя не оговорить, что парфян интересовала прежде всего Сирия, западнее которой парфянских войск не было: там орудовали лабиеновские легионеры-республиканцы под знаменем борьбы с тиранами-триумвирами. Т.е. сферы действия и геополитические рубежи были заранее распределены.

Еще Помпей Магн предлагал Ктесифону антицезарианский союз, не состоявшийся из-за ответных притязаний Ирана на Сирию. После Филипп, когда Лабиену выбирать не приходилось, соглашение, видимо, состоялось именно на данных условиях. В течение 40 г. он захватил пространство от Киликии до Карии и Лидии* (вынудив азийского наместника М.Планка отсиживаться на островах), присвоил себе империю и приступил к чеканке монеты с изображением своего профиля при легенде *Labienus Parthicus imperator*.

* Лаодикея во Фригии, Стратоникея и Афродисия в Карии закрыли перед Лабиеном ворота и оказывали ему успешное сопротивление вплоть до прихода римлян. Алабанда и Милаза (Кария) сначала приняли к себе лабиеновские гарнизоны, позднее возмутились и перебили их, за что были подвергнуты карательному разорению. Афродисия, будучи в осаде, сумела даже направить в 39 г. послов в Рим для подтверждения и возобновления союза с римлянами. См. текст соответствующего решения сената “в год консульства Кальвизия Сабина и Марция Цензорина”. См. также Тацит “Анналы” 3,62.

“Historische Inschriften zur Römischen Kaiserzeit”. Übersetzt und herausgegeben von H. Freis, n. 21, 31-35, Darmstadt 1984.

“Senatsbeschluss aus dem Jahre 39 betrefns Afrodiasias”, Darmstadt 1984.

Так или иначе, вентидианский поход, начатый не ранее весны 38 г., застал оригинального римско-парфянского императора врасплох.

* * *

Одновременно на протяжении 40/39 гг. парфяне – сорегент царя царей Пакор и сатрап Барзафарн – державно обживались в Сирии, не оккупируя южную Финикию и Палестину. Однако и финикийские города, и иудейские тетрархи – братья Антипатриды, и набатейские арабы, и прочие местные династы, несомненно, признали нового регионального гегемона в лице парфян и изъявили им лояльность.

Лишь весной 38 г., по получении известий о наступательном походе Вентидия, Пакор, не располагая флотом, решил овладеть финикийским побережьем на юге, обезопасить себя в отношении моря и поспособствовать смене режима в Иудее – помочь более пропарфянски и, стало быть, антиримски настроенному Антигону сменить в обостряющейся ситуации менее надежных Антипатридов. (Напомним, это случилось по прошествии двух лет со времени начала парфянского нашествия и памятного пребывания Антония в Тире весной 40 г.)

“По истечении двух лет – повествует И.Флавий – когда Барзафарн, сатрап парфян, и Пакор, сын парфянского царя, владели Сирией, Лисаний, унаследовавший власть своего отца Птолемея Меннея, уговорил сатрапа обещанием 1000 талантов и 500 жен низложить Гиркана и возратить правление Антигону. Подкупленный таким образом Пакор отправился сам по морскому берегу и приказал Барзафарну двинуться вовнутрь страны. Из жителей побережья только тириане не приняли Пакора, в то время как Сидон и Птолемаида открыли перед ним ворота. Царскому виночерпию, носившему его же имя, он передал часть своей конницы с поручением вторгнуться в Иудею и оказывать Антигону в случае надобности всяческое содействие” (И.в.1,13,1.)

В “И.д.” хронология разительно иная: “На следующий год Сирией овладели царский сын Пакор и парфянский сатрап Барзафарн. В это время умер также и Птолемей Менней; получивший после него престол сын его Лисаний...” (14,13,3).

Исторически верный интервал времени “по истечении двух лет” зафиксирован в “И.в.”, но Флавий в обоих случаях отталкивается от неверной исходной точки – от лета или осени 41 г., как от мнимой даты приезда Антония в Тир и начала парфянского нашествия, отчего “два истекших года” “Войны” ведут при округлении – в весну 39-го, а “следующий год” “Древностей” – в весну 40 г. до н.э.*

* В плане 40 г. до н.э., как года палестинской интервенции парфян, Флавий (И.д.) не одинок. Дион Кассий (48,25,26) ошибочно присовокупляет оккупацию парфянами периферийно-региональных юга Финикии (в обход невзятого Тира) и Палестины ко времени оккупации ими центрально-региональной Сирии, т.е. к 40 г. до н.э., чем: во-первых, обобщительно подгоняет “периферию” под “центр”; во-вторых, в нередкое присущей ему манере подает события ряда очередных лет

В реальности поход Пакора и Барзафарна начался весной 38 г., тогда как Птолемей Менней умер в предыдущем 39 г. Тому, что сын его Лисаний (чьи итурейские владения находились у ливанских рубежей парфянского военного присутствия в Сиро-Финикии 40/39 гг.) выступил через сатрапа Барзафарна посредником в деле интронизации Антигона Маккавея, поверить можно, но в то, что главным стимулом парфянского споспешествования Антигону были 1000 талантов и 500 женщин (на 500 всадников!), поверить трудно.

Поддержка парфян маккавейскому претенденту исходила, перво-наперво, из их военно-стратегических потребностей в регионе, а не из женщин для заевфратских гаремов, как умышленно исказила действительность (живописуя степень низости Антигона и похотливо-жадный образ ориентального врага) последующая иродианско-проримская пропаганда (сюжетно позаимствованная Флавием).

По всей видимости, опорным пунктом Пакора на побережье был наиболее северный портовый город Финикии – Арад, граждане которого сначала (летом 41 г.) выдали Клеопатре по велению Антония Лжептолема, а чуть позже (зимой 41/40 гг.) убили алчных антонианских баскаков-контрибуционеров и мятежно отпали от триумвира. Понятно, что арадийцы встретили в 40 г. парфян как освободителей и стали надежной парфянской базой.

Что касается тирийцев, то они отстаивали свою независимость в 40 г., изъявив парфянам лояльность взамен на отказ последних от осады и оккупации “вольного города”. Для успешного взятия Тира требовался сильный флот, но флотом Пакор не располагал и поэтому взаимный компромисс удался. Теперь, при изменившихся обстоятельствах, осада обещала быть затяжной. Заняв на самом юге Финикии Птолемаиду, оккупанты сделали здесь остановку, не собираясь продвигаться крупными, не подлежащими распылению собственно парфянскими силами дальше на юг. В помощь Маккавею Пакор и Барзафарн выделили, скорее арьергардный нежели ударный отряд из 500 всадников под командой кравчего Пакора. В остальном Антигон должен был полагаться на себя и на массовую поддержку иудеев, в чем он, несомненно, парфян заверил. Таким образом, в планы парфянского командования входило: обеспечить до Птолемаиды собственными гарнизонами, а к югу от нее через Антигона – антиримское (ввиду малоазийской активизации Вентидия) геополитическое пространство до Синая и границ Египта. Если Лисаний и набатей Малх по-прежнему устраивали Пакора с Барзафарном, то от Фазаила и Ирода в новых условиях представлялось целесообразнее избавиться. Ну и, конечно, 1000 талантов (плюс

под одним “собирабельным” годом (анналистически верным в данном случае для Сирии, но неверным для Палестины, куда парфяне, поддерживая Антигона, вторглись силами 500 всадников лишь в 38 г.).

Насколько державный анналист Дион малокомпетентен в иудейской истории, видно из того, как он искажительно переносит “помпеянские” реалии 63 г. на четверть века вперед. Сообразно Диону, царевич Пакор (совмещенный с кравчим Пакором) лично является в Иудею, где лишает власти проримски настроенного Гиркана в пользу его брата Аристовула (покойника с 49 г. до н.э.).

500 женщин) не шутка. В средствах Пакор, безусловно, нуждался, но, скажем еще раз, не мздоимство и не сладострастие первопричина взятия им под непосредственный контроль ключевых пунктов на левантийском побережье и предоставления в помощь потомственному Хасмонею ограниченного воинского контингента.

* * *

“В то время, когда парфяне, грабя на пути, проходили через Кармел, вокруг Антигона собралось много иудеев, готовых принять участие в нападении. Он отправил их в так называемую Дубовую рощу (Дрим) для занятия этой местности. В завязавшейся здесь битве они отбросили назад неприятеля, преследовали его, поспешно направились затем в Иерусалим и, еще больше увеличившись в числе на пути, подступили к царскому дворцу. Гиркан и Фазаил встретили их с сильным отрядом; и посреди площади завязался бой. Ирод же со своим отрядом принудил врагов к отступлению и запер их в храме под охраной 60 солдат, расположенных в близлежащих домах. Но враждебная обоим братьям часть населения протеснилась к этим домам и сожгла их вместе с находившейся там стражей. Разъяренный этой потерей Ирод обрушился на жителей города и многих из них умертвил; ежедневно они толпами нападали друг на друга и было беспрестанное избиение...” (И.в.1,13,2).

“Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать прибытия из страны простонародья, которое должно было явиться к празднику Пятидесятницы. Когда же наступил этот праздник, около храма собралось несколько десятков тысяч людей, вооруженных и безоружных. Они заняли святилище и весь город, исключая окрестности дворца, который был еще во власти Ирода и его немногочисленного военного отряда. И вот, пока Фазаил охранял стену, Ирод во главе отряда двинулся на врагов через городское предместье и сразившись тут с ними в жестоком бою, обратил в бегство много десятков тысяч, причем одни из его противников бежали в город, другие в храм, третьи в находящееся вне города небольшое укрепление...” (И.д.14,13,4).

Как видим, парфянский конный арьергард двигался следом за Антигоном, к которому сразу по вступлении в страну и в ходе продвижения через нее стали стекаться и примыкать сторонники. Не следует полагать, будто у Фазаила с Иродом вовсе не было приверженцев, ибо не все иудеи, уж не говоря о гражданах-неиудеях, жаловали Маккавеев, но иудейское большинство не желало терпеть над собой (под ширмой безликого Хасмонея Гиркана) обрезанцев в третьем колене — братьев-идумеян. Гегемония противника Рима парфянского Ирана в регионе способствовала эскалации религиозно-освободительных чаяний в еврействе: ведь благодаря Ирану в лице Кира Персидского (558-529 гг.) и его ахеменидских преемников Вавилонское пленение некогда закончилось и воздвижение Второго храма состоялось. Не оповещает ли нынешний приход Ирана на Ближний Восток о близкой, на сей раз мессианской перспективе? об исполнении времен?! — такого рода вопросами задавались истовые чайтели-мессианисты в Иудее.

Итак, вступление в Землю Обетованную Антигона вызвало гражданское противостояние и, в результате оказанной ему народной поддержки, бои вскоре развернулись на иерусалимских улицах. У Флавия имеется ценное хронологическое указание: праздник Пятидесятницы. В 38 г. до н.э. пасхальное полнолуние приходилось на 28 марта, следовательно Пятидесятница наступила в начале второй половины мая. Воспользовавшись праздником, антигоновцы заняли святилище и большую часть города. Праздничный приток в столицу консервативных селян пошел им очень на пользу. Однако братья-тетрархи, даже будучи в значительном меньшинстве, воевали умело, согласованно, наносили врагу тяжелый урон и пока ни капитулировать, ни сматывать удочки не собирались*.

Не могучи одолеть противника сам, более того, ошутимо потесненный Антипатридами Антигон поспешил воззвать к прямому вмешательству парфян. Пакор в тот момент осаждал Тир, Барзафарн сидел в Птолемаиде, кравчий (тезка царевича) степенно подходил к Иерусалиму.

* * *

“Тогда Антигон предложил впустить Пакора в город в качестве посредника. Фазаил дал себя уговорить, принял парфянина с его 500 всадниками в город, пригласил его даже к себе, как гостя; хотя Пакор явился как будто для того, чтобы уладить спор, но в действительности имел в виду оказать помощь Антигону. Так он под видом прекращения раздора лукаво советовал Фазаилу отправиться для переговоров к Барзафарну; тщетно предостерегал его Ирод и предлагал ему вместо того, чтобы предать себя в руки измены, лучше убить ехидного человека, так как варвары по натуре своей вероломны...” (И.в.1,13,3).

Прибытие кравчего Пакора в Иерусалим под предлогом уладить спор произошло на правах регионального распорядительства Парфянской державы. Ясно, как день, что речь идет не о времени вторжения парфян в Сирию в 40 г., но о времени установившейся парфянской гегемонии в регионе, т.е. о времени “по истечении двух лет” с весны 40 г. до н.э. Мирный выезд Фазаила навстречу Пакору, чествование или дружелюбное приглашение военачальника-виночерпия в дом и затем отъезд Гиркана с Фазаилом к высокому начальству на север как нельзя лучше подтверждают все сказанное, а именно то, что Антипатриды (хоть и за неимением иного выбора) покорно признали и два года признавали в парфянах верховную инстанцию. И опять, разумеется, задним числом тенденциозный источник Флавия подчеркивает приоритет Ирода перед Фазаилом: проницательность и изначальное недоверие к коварным варварам, к врагам Рима младшего брата весьма для него выгодно контрастируют с благородно-наивной доверчивостью брата старшего. Короче говоря, “всегда всезнающий” Ирод, который “пить, курить и говорить начал одновременно”, якобы все заранее

* Большая, в сравнении с Фазаилом, повествовательно-начальственная значимость Ирода есть следствие позднейшей при- и проиудианской обработки исторического материала.

провидел, все заранее предусмотрел. И если бы, мол, его послушались (предлагал, видите ли, убить “ехидного человека” Пакора*), все бы сложилось не столь трагично. На самом деле у братьев-тетрархов не было выхода, кроме как – бежать либо выходить на переговорный арбитраж. Раз Фазаил и марионетка Гиркан все-таки отправились, приняв предложение кравчего, на переговоры, значит, они считали возможным сохранить терпимость гегемона по опыту (по образу и подобию) двух истекших лет. Между тем парфяне хитрили, будучи заинтересованы в смене иудейского режима и желая обезглавить противную сторону малой кровью, без массивного державного вмешательства, руками самих “иудейских трудящихся”.

“Впрочем, Гиркан и Фазаил все-таки отправились к сатрапу, и Пакор, оставя у Ирода двести всадников и десять человек отборного отряда, известного под именем “свободных”, поехал вместе с ними. Когда они прибыли в Галилею, к ним навстречу выступили с оружием в руках начальники тамошних городов. Барзафарн принял иудеев сперва любезно и одарил их подарками, а затем стал злоумышлять против них и поместил Фазаила со спутниками близ города Экдиппона недалеко от моря” (И.д.14,13,5).

По “И.в.”, это галилеяне – сторонники Антигона, советовали сатрапу завлечь Фазаила и Гиркана под видом дружбы в засаду. Экдиппон – библейский Акзиб – находился между Птолемаидой и Тиром, т.е. за пределами собственно Галилеи. Стало быть, царевич Пакор, к кому после Фазаиловых упреков в вероломстве поспешил за инструкциями Барзафарн, в то время осаждал Тир.

* * *

Драма продолжает разворачиваться. На дворе уже лето 38 г. до н.э. Далее хронологических трудностей в смысле хода правильно идентифицированного юлианского года нет. Рекомендуем читателю тексты И.Флавия; мы же дадим краткую сводку.

Барзафарн принял приехавших к нему истцов дипломатично, с почетом. Сначала он разыграл нейтралитет, словно беспристрастный судья, потом, не вняв предложению Фазаила заплатить за царство больше, чем Антигон, заключил обоих в оковы и повелел кравчему выманить Ирода под благовидным предлогом за городскую стену, чтобы внезапно взять там под стражу. Не лыком шитый Ирод узнал “из других источников” о тайном пленении брата, раскусил уготованную врагом ловушку и решился на рискованный шаг. Ночью с приверженцами и домочадцами под покровом темноты он сумел покинуть Иерусалим и устремился на юг, в вотчинную Идумею. Уходить пришлось с тяжелыми боями, постоянно прикрывая многочисленный обоз, куда, в частности, входили мать Ирода (знатная арабка Киприда), его юная невеста-обрученница Мариамна и нареченная теща Александра.

* В “Древностях”, где Флавий говорит о том же (не прямо) со слов Н.Дамаского, формулировка осторожнее и реалистичнее: “...советовал принять меры предосторожности относительно Пакора и его спутников” (14,13,4).

С некоторым опозданием парфяне пустились в погоню; в еще большей мере беглецов донимали преследователи иудеи. Лишь в идумейской Фриссе встреченные третьим Антипатридом, родным братом свергнутых тетрархов Иосифом, беглецы вздохнули свободнее.

В общем, предвзятый ретроспективный рассказ призван не оставить сомнений: Ирод – тронная опора Римской империи на Востоке – чист, как стеклышко; он изначально отвергал сомнительные дипломатические контакты с парфянами; в отличие от обманутого Фазаила не дал себя обмануть, не клюнул на подлую вражескую туфту и героически отбыл из антиримского Иерусалима перед лицом бессмысленности дальнейшего сопротивления. Конечно, все было не (совсем) так: история отретуширована. Факт коллаборации старательно затушеван, – во всяком случае, основателю иродианской царской династии оную не инкриминируешь, агентом парфянского империализма искреннего “друга римского народа” не обзовешь.

После бегства Ирода парфяне предали в Иерусалиме грабежу, разграбили Мариссу, городок на иудейско-идумейской границе, выдали воцаренному ими или воцарившемуся не без их поддержки Антигону Гиркана и Фазаила для расправы. Антигон приказал отсечь Гиркану уши, дабы навсегда лишит дядю первосвященства (лицо с физическим пороком), тогда как Фазаил, во избежание позорной казни, не теряя самообладания, покончил жизнь самоубийством. Уже испуская дух, он услышал от тайной доброжелательницы о благополучном исходе брата и вроде бы произнес: “Теперь я умираю спокойно, так как я мстителя моих врагов оставляю в живых” (И.в.1,13,10). Мужественная смерть Фазаила, который “показал себя истинным братом” своего брата, “достойная его подвигов при жизни”, текстуально противопоставлена “трусости” безухого “Гиркана, уведенного парфянами в Парфию”. Кстати, этот “увод” и “уход” парфян (в тексте сказано: “... а Гиркана они повели с собою пленным в Парфию”) побочно наводят на вывод о том, что парфяне вскоре спешно покинули и Иудею, и Сирию, как это действительно имело место быть не в 40-м, но в 38 г. до н.э.

Тем временем Ирод из идумейской Фриссы направился в неприступную Масаду, где расположил 900 самых близких людей, перед тем распустив до лучших времен 9 тысяч залегших на дно сторонников. Из Масады путь тетрарха без тетрархии лежал в Петру Аравийскую в расчете получить денежные средства от венценосного набатея Малха, чтобы, как уверяет Флавий, попытаться выкупить брата из плена, в надежде, что тот еще жив.

Арабы отказали в приеме, сославшись на запрет, наложенный парфянами, в связи с чем удрученный Ирод, теперь почти частное лицо, проследовал в Египет*, был там почетно принят Клеопатрой, отклонил ее предложение остаться (сделаться полководцем царицы и поучаствовать в готовящейся ею против кого-то войне) и вопреки несудоходному сезону** – *mare clausum* – “несмотря на зимнее время” (И.д.14,14,2) или “не боясь суровой

* По дороге, в Ринокоруре, он узнал о гибели Фазаила.

** С середины ноября до начала марта регулярное морское судоходство в античном мире прекращалось.

зимней погоды” (И.в.1,14,2), отплыл из Александрии к Антонию за заступничеством.

Таким образом, все вышепредставленные события охватывают период весны, лета и осени, до начала зимы 38 г. до н.э. = 716 г. а.У.

* * *

В одноименном году полководец Антония П.Вентидий Басс дважды разбил неприятеля: в первый раз Лабиена и парфян на таврских отрогах Киликии, затем парфян под командой Пакорова генерала Фарнапата на Аманских высотах, у ворот в Сирию. Обратимся еще раз к неправильно решенному энциклопедической наукой вопросу о том, когда именно сие случилось.

Плутарх пишет, что, проводя зиму в Афинах, Антоний получил донесение о победах своего полководца Вентидия, разбившего Лабиена и парфянского военачальника Фарнапата (Ант.33). Биографы Плутарха не занимаются ни детализация, ни анналистическая хронология, отчего он, сам того не ведая, во-первых, сливает две афинские зимы Антония (39/38 и 38/37 гг.) воедино; во-вторых, сводит три в общей сложности выигранных Вентидием сражения (совмещая Таврскую и Аманскую победы) к двум. Что верно, то верно, Антоний, нежась в Афинах, получил донесение о второй Аманской победе Вентидия зимой (значит, первая, Таврская победа была одержана летом, вторая, Аманская – осенью), однако не зимой 39/38, а зимой 38/37 гг. до н.э.

Аппиан (5,76) сравнивает разгульную Антониеву зимовку в обществе Октавии в Афинах – с зимой, проведенной им в объятиях Клеопатры в Александрии, и добавляет: к концу зимы Антоний преобразился и взялся за государственную, в том числе за генштабистскую работу; т.е. к концу первой афинской зимы 39/38 гг., когда и выступил в малоазийский поход Вентидий.

Рассказав о Мизенском соглашении и приступая к рассказу о войне с парфянами, Дион Кассий (48,39) красноречиво подчеркивает факт “очень долгого” пребывания Антония в Греции, где он не стеснялся в средствах и грабительски выколачивал деньги из городов, чтобы урвать как можно больше до передачи Ахайи С.Помпею. В Афинах “новый Дионис” опять забыл отечественные обычаи, надел сандалии и ударился в веселое времяпрепровождение, одним словом, ушел на время зимних Дионисий “в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград”. Поднаторевшие в подхалимаже афиняне, лстя властелину, обручили ему богиню Афины. Обрученник, не будь дурак, согласился и тотчас потребовал за невесту приданое в размере 4 миллионов сестерциев. Вот так, сообразно Диону, активно вкушая дионисий-вакханалии, герой Филипп поручил (зимой 39/38 гг.) Вентидию лабиенско-парфянский фронт.

Между тем, Лабиен, пренебрежительно считая Антония погрязшим в праздности и не настроенным на войну, был ошарашен появлением римских легионов в Малой Азии и оказался не готовым к отпору. Его разбросанные по малоазийским весьям соединения откатывались и стягивались к

таврским рубежам Киликии. Споры нет, Вентидий наступал браво, и, тем не менее, боевой поход не мог быть безостановочной прогулкой. От крайнего запада Анатолии до западной Киликии нужно (не в одночасье завладевая промежуточными территориями) еще добраться. Перед первым сражением, вероятно, не ранее середины лета, та и другая стороны ждали подкреплений, по словам Диона, довольно долго – “много дней”; Лабиен ждал подхода из Сирии алармированных им парфян, Вентидий – подхода тяжеловооруженных инфантеристов.

В своем труде “Strategematon” (“Военные хитрости”) автор I-II вв. Фронтин коротко осветил, среди прочих замечательных достижений на данном поприще, три незаурядные победы Вентидия. Прибыв из Сирии, нетерпеливые парфяне (обнаглевшие и переоценившие себя за два года отсутствия римлян) не удосужились даже соединиться с Лабиеном и без промедления двинулись в атаку. Однако хорошо укрепленный римский лагерь располагался на природной высоте, взбирание куда утомило врага, плюс к тому Вентидий отдал легионерам приказ подпустить атакующих на максимально близкое расстояние с целью обезвредить их грознейшее оружие – лук и стрелы. Задумка блестяще удалась. Подпустив парфян вплотную, римляне нанесли противнику сокрушительный удар и обратили его в бегство (Фронтин 2,2,5). Под впечатлением случившегося части и без того деморализованной армии Лабиена вышли из повиновения и стали массово переходить к Вентидию. Лабиен, переодевшись, бежал из лагеря, скрывался сначала в Киликии, потом на Кипре, был там опознан и убит вольноотпущенником Юлия Цезаря Деметрием.

Впрочем, таврский проигрыш еще не означал для Пакора потерю Сирии, судьба которой решилась после разгрома осенью Фарнапата. Видимо, около середины лета царевич Пакор перебрался в центральную Антиохию, поближе к анатолийскому фронту, поручив осаду Тира и окончательную пропарфянизацию Иудеи сатрапу Барзафарну. До второго сражения на Аманских высотах прошло достаточно времени, ибо оно не могло произойти сразу вслед за сражением таврским. По Диону (48,31), Вентидий сначала отвоевал всю Киликию и, взявшись за наведение порядка в ней, приказал своему легату Силону занять с кавалерией Аманский перевал. Однако узкий проход уже успел занять посланный Пакором Фарнапат*, который энергично отбросил Силона, перешел в наступление и безусловно уничтожил бы римлян, не приди им вовремя на выручку основные силы под командой самого

* Вопреки принятому в науке мнению, этот Фарнапат (так у Плутарха “Ант.” 33; Фарнипат у Страбона 16,751; Фарнастан у Фронтин 2,5,37; Франапат у Диона 48,41) и флавиевский Барзафарн совсем не одно и то же лицо, которое, мол, в 40 г. вторглось в Иудею, а в 39 г. пало на Аманском перевале. Сводить разницу между ними к плохо-де усвоенному западными авторами и к правильно воспроизведенному иудеем Флавием восточному имени не просто грубо ошибочно, но и смешно. Разница чересчур разительная! И потом, разве усомнишься в том, что у сорегента царя царей Пакора были в подчинении минимум два сатрапа: Барзафарн и Фарнапат. См. Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft (сокр. RE) Pharnapates B.19,2, S.1855.

Вентидия. И вновь Вентидий благодаря ловким тактическим маневрам, искусно применив очередную хитрость (Фронтин 2,5,37), застал врага врасплох, обратил вспять и разбил наголову, причем Фарнапат погиб. Путь в Сирию был открыт. Осенью 38 г. римляне вступили туда, а парфяне ушли в Месопотамию, за Евфрат.

О результатах Вентидианы 38 г.* Ирод, должно быть, узнал в Египте от Клеопатры. Судя по осеннему недопуску набатейским царем Малхом беглого Антипатрида в Аравию со ссылкой на запрет парфян, парфяне в то время еще владели Сирией, и не исключено, что запоздалая “въездная виза”, выданная Малхом вдогонку Ироду, диктовалась не только угрызениями совести, но и сведениями о вступлении римлян в Сирию. Правда, приобщение к последним, в смысле римских побед, новостям для Ирода в настоящий момент ничего не улучшало и никоим образом не повлияло на его решение ехать к Антонию. Наоборот, развитие событий побуждало к более расторопным действиям.

Отвоеватель Вентидий занялся в период зимних квартир 38/37 гг. контрибутированием и умиротворением отвоєванных, но дезорганизованных вассалитетов и территорий. В отношении примкнувших к парфянам местных правителей он, сообразно Диону (48,41), удовлетворился наложением на них высокой контрибуции, обойдясь без экзекуций. Дион называет поименно Антиоха Коммагенского, Малха Набатейского и Антигона Иудейского, из чего следует максимум признание, минимум толерирование Антигоновой легитимности (или отсутствие у заинтересованного контрибуционера повышенного интереса к ней).

Парфянская угроза не была устранена; новое вторжение врага предполагалось. Перед Вентидием стояла сложная задача лоялизации региона в видах ожидаемого возобновления схватки. Чем в конце концов желанный большинству иудеев и во многом ими интронизированный Антигон хуже Антипатридов, которые на протяжении двух лет покорствовали Пакору?**. Не случайно далее в “Войне” и “Древностях” Флавий, пользуясь Н.Дамаского, вешает на Вентидию ярлык подкупленного Антигоном корруппанта-взяточника.

Засим, анализируя ситуацию, Ирод в Александрии лишь укрепился во мнении лично бить челом самому распорядителю Востока Антонию: предстать вживе, представить все произошедшее в нужном свете, поднести кру-

* Статья “Эры” в 1-м томе нового издания Pauly (Der neue Pauly Ären 1,194, 1996) приводит среди римских эр недолго использовавшуюся, в частности, сирийскими городами “эру Антония”. В качестве эпохи этой эры фигурируют для разных городов разные: 42/41, 41/40, 38/37, 37/36 гг. Примечательно “эпохальное” отсутствие не только 40/39, но и 39/38 гг., поскольку парфяне господствовали в Сирии именно в 40-38 гг.

** Еврейский историк Й.Клаузнер (“История эпохи Второго храма” Иерусалим 1951 г.) замечает, что отчеканенные Антигоном монеты ничем не выдают его зависимость, как парфянского ставленника, от парфян (262). Правильно: ведь едва посадив Антигона на иудейский престол в 38 г., парфяне, вследствие побед Вентидия, вынуждены были убраться из Сирии.

гленькую сумму и обещать сумму еще круглее. Кто не рискует, тот не выигрывает: ставки сделаны — отступать некуда.

Зимнее плавание ходока Ирода складывалось проблематично. По причине кораблекрушения пришлось спастись на Родосе, быть тепло принятым друзьями, разузнать обстановку, “выстроить” либо “снарядить” трирему (см. ниже) высшего калибра и уже в 37 г. пристать сначала не к итальянскому (вопреки утверждению Флавия), но к греческому берегу, где в те дни обретался Антоний.

* * *

Что касается Октавиана, то ему в 38 г. приходилось не свадебно, хотя год и начался для него со свадьбы. 17 января Цезарь Миног официально оженил разведенную с мужем (или уведенную от мужа) Ливию Друзиллу, предварительно запросив понтификов дозвоительно ли жениться на разведенной беременной, и получив сакрально-понтификальное добро. На церемонии бракосочетания экс-супруг Тиберий Клавдий Нерон*, человек далеко не первой молодости, как бы демонстрируя ненасильственную уступку, добровольно играл роль отца невесты. (Родной отец 20-летней Ливии воевал в рядах республиканцев и покончил самоубийством после битвы при Филиппах.)

Через три месяца Ливия родила сына Друза. Столичная молва приписывала отцовство Октавиану: в Риме даже курсировал стишок-слухок: “Везучие родят на третьем месяце.” В ответ Октавиан невозмутимо отослал младенца родителю и поместил соответствующую публикацию в печати. (Спустя пять лет Клавдий Нерон умер, завещав Цезарю опеку над своими сыновьями Тиберием и Друзом.)

К весне ненадолго погашенный конфликт с С. Помпеем скандально возобновился. Развод, данный Октавианом родственной Сексту Скрибонии, предвосхитил ухудшение отношений, но вывод о политической подоплеке развода отсюда не следует, ибо любовь к Ливии, обернувшаяся счастливым браком длиной в полвека, поспособствовала смещению политических карт отнюдь не в унисон трезвому расчету момента.

Впрочем, не брачные реалии стояли во главе конфликтного угла. Антоний, живя-не-тужа в Афинах, отказывался передать Помпею Ахайю до полной выплаты греками наложенной на них денежной пени, что отодвигало передачу, можно сказать, до греческих календ. Секст все менее утруждал себя соблюдением букв Мизенского соглашения: не прекратил прием беглых рабов; когда хотел, срывал поставки-подвоз зерна; строил военные корабли; продолжал удерживать опорные пункты на юге Италии.

* * *

Зимой 39/38 гг. напряженность возросла, и наконец к весне случилось взрывное ЧП: Секстов флотоводец Менодор переметнулся к Октавиану,

* Вернулся в Рим по Мизенской амнистии.

причем не с пустыми руками, а передав римскому триумвиру Сардинию, Корсику, 60 боевых судов и три легиона. Секст потребовал выдачи перебежчика. Октавиан категорически отказался его выдать, возвел во всадническое достоинство и обвинил Помпея в срыве мизенских соглашений. Помпей разъярился и приказал своему второму флотоводцу, Менодорову конкуренту Менекрату, опустошить берега Кампании. Возбешенный Цезарь публично сжег извлеченный из святилища Весты Мизенский договор, констатировал состояние войны* и воззвал к содействию триумвиральных коллег — Антония и Лепида. Зарывшийся, словно страус, головой в североафриканский песок Лепид пропустил призыв мимо ушей; Антоний неохотно откликнулся и приплыл в Брундизи. Октавиана задержали военные приготовления в Этрурии: он не смог прибыть на встречу к назначенному сроку, чем подал коллеге повод, не то под предлогом забот о парфянском фронте, не то под впечатлением дурных предзнаменований, быстро убраться прочь. В уклончивом письме шурина “новый Дионис” настоятельно рекомендовал восстановить нарушенный мир и во всем винил Менодора, кому грозил страшными карами. На основе этой двусмысленно пацифистской позиции Секст, перед тем горько упрекавший Антония за Ахайю, заявил, что последний признал за ним правоту в конфликте.

Изнурительное противоборство продолжалось, Рим голодал, народ роптал. Часть октавиановской эскадры, подкомандная Кальвизию Сабину и Менодору, выйдя из Остии, сошлась в сражении с Менекратом у берегов Кампании. Ожесточенный морской бой возле Кум закончился вничью. На рассвете Менеkrat свирепо атаковал противника, прижал вражеские корабли к берегу и однозначно брал верх. Однако, схлестнувшись в схватке судно на судно с Менодором, помпеянец забыл обо всем на свете, стремясь лишь к уничтожению заклятого врага. В неистовой абордажной резне оба капитана были тяжело ранены, судно Менеkrата оказалось захваченным, и он, уходя от плена, бросился в пучину. Гибель адмирала выровняла чашу весов. Потеря слишком ощутимо ударила по помпеянкам, их флот, прервав победную баталию, оттянулся назад в Сицилию.

Тем временем другая часть октавиановских военно-морских сил пришла под командой Луция Корнифиция из Равенны в Тарент, где триумвир принял командование лично. Из Тарента эскадра взяла курс на калабрийскую Регию в видах осуществления десантной операции через Сици-

* 16-й эпод “реалиста” Горация предполагает полемическое знакомство автора с IV эклогой “идеалиста” Вергилия, написанной после Брундизийского мира, следом за которым состоялось Мизенское примирение триумвиров (лето 39 г.). Но Гораций рисует мрачную картину продолжающей бушевать гражданской войны, т.е. эпод написан в пору возобновления войны между Октавианом и С.Помпеем в 38 г. Одновременно, под верховыми варварами, которые грозят воспользоваться римской смутой, захватить Вечный город и надругаться над могилой Квирина — *ossa Quirini* — Горацию, несомненно, чудятся победоносные парфяне (11-14). Т.е. на время написания эпода — начало 38 г. — парфяне еще не побеждены Вентидием: они угрожают Западу, тогда как прогони их Вентидий за Евфрат в 39 г., суггерированный горацианский образ готовых опустошить Рим варваров был бы в 38 г. неуместен.

лийский пролив. Чересчур осторожный Цезарь II отклонил смелый совет немедленно атаковать превосходящими силами сорок судов С.Помпея в Мессанской бухте и досадно просчитался. Дравшиеся у Кум помпеянцы достигли сицилийских вод раньше, набросились на него в проливе, и он, будучи в прямом смысле зажат между Сциллой и Харибдой, едва спасся на берег. Вместе с тем Л.Корнифиций сумел перейти в атаку и даже захватить флагманский корабль Менекратова преемника Демохара. Поутру появление Кальвизия воспрепятствовало решающему удару помпеянцев.

В следующие дни страшной силы ураганный шторм нанес цезарскому флоту больший ущерб, нежели два сражения у Кум и Скилайона. От Светония узнаем, что дело было летом (Авг.16). Вследствие огромного урона, глубоко потрясенный Октавиан вынужденно отказался от наступательных операций и ограничился обороной берегов Италии, тогда как голодное недовольство римлян грозило перерасти в кровавый бунт. Параллельно С.Помпей, пыжась и нептунствуя в Мессане, с удивительной беспечностью позволил уцелевшим остаткам вражеского флота беспрепятственно уйти в Гиппоний, не кинулся в атаку и только послал одного из своих флотоводцев Аполлофана в Африку предложить военный союз Лепиду. Затея сорвалась: старый морской волк Менодор настиг посланные корабли и заставил их повернуть обратно.

Затем, организуя кампанскую береговую оборону, Цезарь ломал голову над выходом из тупика. Для сицилийского десанта требовались (разбитые штормом о скалы) боевые суда, много судов, и значит, судостроительное время. А времени катастрофически не хватало, поскольку Рим и Италия не могли голодать permanently. И вот осенью 38 г. Меценат проследовал из Италии с дипломатической миссией в Афины за флотской поддержкой к Антонию. Антоний ответил согласием.

Вторым осенним утешением стало победоносное возвращение из Галлии М.Агриппы. Там он привел к покорности мятежных аквитанцев, пересек Рейн и поселил германских обитателей правого берега — убиев, на левом берегу, в районе современного Кельна. Возвратясь в Италию, Агриппа пренебрег, из-за летних октавиановских неудач на море, декретированным ему триумфом и, засучив рукава, взялся за восстановление, по мере средств и возможностей, загубленного бурей флота.

* * *

В общем, почти на всем протяжении лихого 38 г. Октавиану, оставленному коллегами-триумвирами один на один с мафиозной сицилийской угрозой, было очень и очень туго, но в конечном счете 25-летний Цезарь все-таки удержался на плаву, не сломался и не оплошал. Именно в тот год этот некогда презираемый 20-ью годами старшим Антонием тонконогий болезненный мальчик, которого С.Помпей обзывал женоподобным, показал себя государственным мужем крупного масштаба. Юлий Цезарь не ошибся при составлении завещания.

Морской авантюрист Секст воевал ради мстительной славы, не имея никакой политической программы, кроме стремления отомстить за отца и

за так называемую попоранную свободу. Он любовался собой на сомнительной пиратской ниве, чуть ли не всерьез веруя в кровное отцовство Нептуна и чем дальше, тем безудержнее мельчая, точнее, все мельче и мельче плавая.

А что Антоний? Под 38 г. Дион сообщает (48,45) про вторжение в Испанию мавританского династа – римского вассала Богуда, и предполагает за вторжением скрытую антиоктавиановскую интригу афинского “Диониса”. Скоро, однако, Богуд принужденно поспешил на родину из-за мятежа сановных родичей и, лишенный трона, бежал к Антонию в Грецию. Короче говоря, весь 38 г. Антония нет на переднем плане, хотя в диапазоне и за кулисами средиземноморской драмы его присутствие чувствуется постоянно. Не уподобился ли он тогда царю-обезьяне (из китайской сказки), наблюдающему за смертельной схваткой двух тигров в надежде дожидаться взаимоуничтожения клыкастых хищников, чтобы потом спуститься на землю и преспокойно зацарствовать. Древом же ожидания в данном случае была Греция, удобно, кстати, расположенная между внутренним сицилийским и внешним малоазийским театрами боевых действий.

В Сирии и на Евфрате М.Антоний в 38 г. не появлялся. Противоположная точка зрения современной исторической науки грубо ошибочна, так как явление героя Филипп к осаждаемой Вентидием после Гиндарского сражения Самосате, о чем небезупречно уведомляют Плутарх (Ант.34) и Дион (49,22), произойдет после Гиндарского сражения, т.е. после 9 июня 37 г. до н.э. (см.ниже). Помпей сковывал непомерное усиление Октавиана, и это играло на руку Антонию. Но в течение 716 г. а.У. положение изменилось. Во-первых, Октавиан доказал свою жизнестойкость и напарник решил, опасаясь офсайда, вовремя поддержать сильнейшего. Во-вторых или, скорее, во-первых, Вентидий одержал две блистательные победы, неожиданно быстро очистил Малую Азию и Сирию, в связи с чем державный распорядитель Востока принял твердое решение податься на готовую ориентальную базу, чтобы в скорой перспективе пойти по вожделенным стопам Александра. Часть ненужного для войны против парфян и обременительного (в смысле затрат на содержание) флота резонно уступить мающемуся шурина с целью раздобыть взамен незаменимых в походе римско-италийских легионеров. Плюс к тому, идя воевать на восток, надобно обеспечить прочный тыл с запада. Ну и в довесок ко всему триумвирам надлежало либо продлить, либо аннулировать истекший 31 декабря 38 г. до н.э. триумвират двоих.

* * *

О прибытии беженца Ирода в Александрию Египетскую, о его неурочном зимнем выходе в Средиземное море и т.д. в “И.в.” сказано: “Прибыв в этот город, он встретил блестящий прием со стороны Клеопатры, которая надеялась приобрести в нем полководца для готовящейся ею войны*. Но он отклонил предложение царицы и, не боясь ни

* Клеопатра собиралась воевать либо разбойно-кочевых ливийских мармаридов на западных границах Египта, либо нубийцев-эфиоплян на юге, либо подопечных набатей синайских бедуйнов, беспокоивших египтян набегами через перешеек.

суровой зимней погоды, ни беспорядков в Италии, поплыл в Рим.

У памфилийского берега он подвергся такой опасности, что большая часть груза должна была быть выброшена за борт; с большим трудом он спасся в Родос, крайне истощившийся в войне с Кассием. Здесь он был принят своими друзьями Птолемеем и Саппинием и, терпя хотя нужду в деньгах, выстроил трехвесельное судно высшего калибра, на котором вместе со своими друзьями отплыл в Брундизи. Отсюда он поспешил в Рим и, полагаясь на отцовскую дружбу, предстал прежде всего пред Антонием, рассказал ему о несчастье, постигшем его и все его семейство, и как он, оставив самых близких ему людей в осажденной крепости, сам в бурное время года отправился к нему искать помощи... (1,14,2,3).

В “И.д.” читаем:

“...Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более, что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах.

Поэтому Ирод поехал отсюда на корабле в Памфилию; его застигла страшная буря, и он с трудом спасся в Родосе, потеряв при этом, однако, свой багаж. Тут он встретил двух друзей, Саппиния и Птолемея. Найдя город страшно разоренным вследствие войны Кассия, он, несмотря на личный недостаток средств, все-таки не мог удержаться от того, чтобы поддержать его, и помог ему свыше сил своих. Затем он снарядил себе трирему и поехал на ней в сопровождении друзей своих в Италию, где и высадился в Брундизии. Прибыв затем в Рим, он сперва сообщил Антонию о событиях в Иудее, а именно, как был загублен взятый парфянами в плен брат его Фазаил, как Гиркан до сих пор находится у них в плену, как парфяне провозгласили царем Антигона, обещавшего им за это тысячу талантов деньгами и пятьсот женщин из наиболее знатных семейств, как он сам, Ирод, однако, увез этих женщин ночью и как ему удалось избежать врагов, претерпев множество лишений; как затем его домашние подвергаются крайней опасности вследствие осады и как он сам, несмотря на зимнее время, и забыв о личных неудобствах, приплыл сюда в уповании исключительно на его, Антония, помощь” (14,14,2,3).

Далее, “И.д.” и “И.в.” согласно повествуют о назначении Ирода в Риме на царство (обоими триумвирами, консулами и сенатом), но с той разницей, что в “Войне” нет датировки, тогда как “Древности” датируют это событие (уже знакомым нам) годом Г.Д. Кальвина и Г.А. Поллиона.

Вот такие вот пироги! Хоть стой, хоть падай! Дата научно-энциклопедическая, без малого каноническая! Написано пером — не вырubiшь топором. В наличном тексте “И.д.” черным-по-белому значит:

“Таким образом он достиг царской власти в 184 олимпиаду, во вторичное консульство Гнея Домиция Кальвина и в первое Гая Азиния Поллиона” (14,4,5).

Консульство Домиция Кальвина (причем второе) и Азиния Поллиона (причем первое, хотя второго никогда не было — Флавий переусердствовал) пришлось, как мы знаем, на сатурнально-небеспретенциозный 40 г. до н.э. = 714 г. а.У. Усомнишься в правильности консульской датировки,

летоисчисление по олимпиадам тут как тут: 184 олимпиада охватывает четырехлетний интервал с 44 по 40 г. до н.э., т.е. счетно убыточный предел ограничен 40 г. сверх меры. Почему сверх? Да потому, что при ближайшем рассмотрении выясняется: Флавий, не очень грамотно используя олимпийскую датировку, без указания порядкового года олимпиады, противоречит самому себе, ибо относит назначение Ирода царем на осенне-зимний конец 40 г. в то время как 184 олимпиада сменяется 185-й 1 июля 40 г. до н.э. Но главная беда, конечно, не в технической осечке-анахронизме.

Относительно полной историко-фактической несостоятельности (нереализуемости) приводимой Флавием датировки консульской достаточно процитировать ее “словесный портрет” на реальную историческую данность.

Итак, по весне 40 г. парфяне перешли Евфрат, а Антоний прибыл в Тир, намереваясь заняться оборонением вторженцев. Затем, узнав о жалком для брата Луция исходе Перузийской войны и прочитав жалобно взывающее письмо Фульвии из Греции, он отчалил на запад. Мы в курсе, “И.в.” и “И.д.” солидарны в следующем: на иудейскую Пятидесятницу в Иерусалиме шли бои между сторонниками Антигона и братьями-тетрархами; с севера подходили, подошли и вступили в Иерусалим 500 парфянских всадников. Пасхальная дата весеннего полнолуния в 40 г. до н.э. — 19 апреля. Что же, согласно не ставящей под сомнение хронологию Флавия академической схеме, получается? Стало быть, после того как Антоний покинул Тир (весной), царевич Пакор “успел” прибрать к рукам всю Сирию и часть Финикии; владетель Халкиды Птолемей Менней “успел” скоростижно умереть; сын его Лисаний “успел” дружески пригласить сатрапу Барзафарну и посреднически отрекомендовать ему Антигона Маккавея; Антигон “успел” скороговоркой обещать алчным оккупантам 1000 талантов и 500 женщин; парфяне “успели” составить коварный план устранения руками Антигона римлянофилов Антипатридов; “успели” занять Сидон и Птолемаиду; “успели” пройти через Галилею и Самарию, после чего уже в мае/июне, к Пятидесятнице, в Иерусалиме “успели” развернуться боевые действия. Ну и ну! Как представишь, запыхаешься и взопреешь, не сходя с места: налицо немое кино в темпе Чарли Чаплина или трудовых советских пятилеток.

* * *

Теперь подойдем с противоположного, юлианского направления. Выявим элементарную физическую невозможность приезда Ирода в мировую столицу и его интронизации там до истечения пресловутого 40 г. до н.э.; выявим, учитывая то немаловажное обстоятельство, что тетрарх-отверженец отчалил из Александрии “по наступлении зимы”, “несмотря на зимнее время”, “не боясь суровой зимней погоды”. Но пусть даже отплытие совершилось сразу по окончании судоходного сезона, т.е. около середины предзимнего ноября. Значит, следуя Флавию, Ирод за полтора месяца — открываем кавычки — пересек по 30 градусу западной долготы штормовое Средиземное море; был застигнут страшной бурей у берегов Памфилии; с трудом спасся в Родосе; поогляделся в компании друзей Птолемея и Сап-

пиния на страшно разоренном войною Г.Кассия острове; щедро пожертвовал верным антонианцам-родосцам деньги; выстроил-снарядил трирему “высшего калибра”; снова вышел в бурное зимнее море; безостановочно проплыл от Родоса до юга Италии; пришвартовался в Брундизи; проскакал без передышки 400 км до Рима; ворвался к Антонию; оттуда они вместе, прихватив Мессалу и Атратина, кинулись к Октавиану; тот моментально созвал сенат и все хором завопили: “Коронация начинается!!!”

Спрашивается: каким таким образом, в каких, черт возьми, сапогах-сорокодах (или на водных лыжах) Ирод мог успеть за 45/50 дней воплотить всю перечисленную событийность в жизнь, если на обычное морское плавание от Александрии до Рима, причем в судоходный сезон, уходило 20-30 дней? Апостол Павел, например, выйдя (под стражей) из Кесарии Палестинской в открытое море осенью, добрался через множество корабельно-штормовых мытарств до Италии, вынужденно перезимовав на Мальте, лишь весной (Деяния Апостолов 27/28). В 4 г. н.э. весть о смерти 21 февраля в Ликий внука Августа Г.Цезаря дошла из Лимиры до Италии аж за 37 дней. О смерти Германика 10 октября 19 г. н.э. в Антиохии в Италии узнали в начале декабря.

Иначе говоря, во-первых, Ирод никоим образом не мог, отплыв из Александрии в ноябре 40 г., потерпеть крахлекрушение, спастись на Родосе, выстроить-снарядить трирему, достичь Италии и короноваться в Риме до исхода “звездного 714 г. а.У.”*; во-вторых, путь Ирода пролегал в конце 38 г. не в Италию, но прежде всего в Грецию, в Афины, где главный распорядитель Востока М.Антоний — высшая апелляционная инстанция для всех римско-ориентальных династов — пожинал в те дни победоносные лавры Вентидия, проводя вторую неодионисианскую зиму в окружении веселых менад и сатиров.

* * *

Зимой 37 г., в год консульства Марка Агриппы и Каниния Галла, проситель Антипатрид до верховного главкома Антония доплыл-доехал, пал ниц — не вели казнить, вели помиловать — оправдался, насколько сумел, в двухлетней коллаборации, ярко обрисовал Антигона подлым охвостьем парфянского империализма, заплатил главкому крупную сумму, обязался

* Впрочем, про Иродов маршрут надо сказать особо, поскольку у мало-мальски внимательного и мало-мальски причастного к географии читателя тотчас возникает категорический вопрос: зачем, плывя из Александрии в Италию, держать курс на подвластную в конце 40 г. Лабиеву Памфилию? зачем делать столь абсурдный крюк? зачем, стремясь поскорее попасть в Рим, плыть в Малую Азию? Уж не беглены ли пловец объелся? Жюльверновский 15-летний капитан попал вместо Южной Америки в Африку, став жертвой умышленного обмана. А кто обманул Ирода? В текстах Флавия нет и намека на то, что к малоазийскому берегу его понесла буря: в “И.д.” говорится “поплыл в Памфилию”, тогда как в “И.в.” памфилийский берег предпослан спасательному катапультированию на Родос, как нечто само собой разумеющееся.

заплатить впоследствии много больше и, включенный в свиту триумвира, отплыл в ее составе весной 37 г. = 717 г. а.У. из Греции в Италию.

Так или приблизительно так, дела обстояли на самом деле. Посему безоговорочно принятый современной наукой, с опорой на (невольную) дезинформацию Флавия, 40 г. до н.э., как год произведения Ирода в цари римлянами, очевидно несостоятелен.

* * *

Нельзя не заметить, что следующий 39 г. до н.э., сравнительно с шитым гнилыми нитками 40-м, в данном контексте намного смотрибельнее и лучше бы уж ученые умы делали ставку на него. Однако, 715 г. а.У. это уже не год консульства Кальвина и Поллиона, а эпонимический год Л.Марция Цензорина и Г.Кальвизия Сабина, т.е. год эпонимов, которых в тексте “И.д.” нет, следовательно, ошибку Флавия в “И.д.” надо признать непременно. И не случайно автор “Войны”, написанной раньше “Древностей”, разумел, если зорче вчитаться, именно 39 г. в качестве (недатированного) времени римско-назначенческой коронации Ирода, в чем тоже, увы, ошибся, хотя фиксированная хронология “И.д.” еще более далека от реальности. В “Древностях” историк исследовательски развернул тему и как будто поправился, чем, в сущности, грубо усугубил допущенную в “Войне” ошибку.

Соучастие Ирода во встрече Октавиана и Антония в Италии не могло иметь место ни зимой 39/38 гг., ни на протяжении всего 38 г. до н.э., ибо с осени 39 по весну 37 гг. родственные триумвиры попросту не встречались. Отбыв осенью 39 г. в Грецию, Антоний весной-летом 38 г. коротко приезжал в Брундизи, где не дождался Октавиана; весной же 37 г. диархи (не без предварительных трудностей) сошлись и договорились в Таренте. Вот когда и где член антонианской свиты, так называемый соучастник Тарентской встречи Ирод удостоился царственного венца; вот от какой весны, как от отправной точки, он в дальнейшем отсчитывал годы своего вассального правления.

* * *

По весне 37 г. до н.э. М.Антоний с супругой Октавией, при свите и с флотом в 300 судов, подплыл к Брундизи, однако, как и в 40 г., нашел портовые ворота закрытыми: проваливай, мол, восвояси. За зиму надломленный, но не сломленный тяжелыми потерями Октавиан полностью пришел в себя и пришел к выводу о возможности одолеть С.Помпея, т.е. выиграть изморную Сицилийскую войну без помощи неблагонадежного Антония. Во-первых, последний скользко увильнул от совместной борьбы, поспешно умотав из Брундизи, чем волей-неволей подзадорил Секста. Во-вторых, уже обещав осенью через дипломата Мецената флотскую поддержку против Сицилии, он снарядил вольноотпущенника Каллия к “африканцу” Лепиду, в чем римский триумvir усмотрел очередную двойную игру и угрозу возникновения антиоктавиановского альянса. С другой или точнее, с главной стороны, верный паладин Агриппа сосредоточил все силы на

восстановлении, строительстве и реорганизации флота. Среди развернутых им мероприятий следует назвать: 1.устройство в более близких к театру боевых действий, нежели отдаленная Равенна, кампанских Байях, окрестности которых были богаты судостроительным лесом, ударной военно-морской базы – Юлиевой гавани, для чего понадобилось соединять с морем Лукринское и Авернское озера; 2.строительство быстрыми темпами повсеместно на итальянских верфях большого числа боевых судов и судов нового типа; 3.посадка на весла и эффективное обучение 20 тысяч специально отпущенных (побужденными к тому рабовладельцами) на волю рабов. В течение всей зимы работа кипела и продолжала набирать обороты. Столичная и внутрииталийская ситуация, несмотря на локальные волнения, поразрядилась, денежные средства нашлись.

Октавиан не доверял компаньонам-сотриумвирам – да и с какой стати должен был доверять им, охотно покинув его в минуту грозной опасности и следившим за жаркой схваткой издалека! Они действовали по китайской мудрости: если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как по ней в конце концов проплывет труп твоего врага. Он – сын и наследник Цезаря – молча поставил на *цезаропанизм*.

Отправив из негостеприимных брундизийских вод на переговоры в Рим дружного Цезарю II члена своей свиты Г.Фонтея Капитона, постояв возле Брундизи и поскрежетав зубами, герой Филипп обогнул Калабрию и подошел к Таренту, где беспрепятственно пришвартовался. Рим безмолвствовал. С трудом скрывая ярость, но завися от запланированного обмена кораблей на легионеров и не желая откладывать восточный вопрос в долгий ящик, распорядитель Востока отрядил в столицу жену Октавию.

Тем временем из Рима неторопливо выехала в Брундизи дипломатическая миссия в составе Мецената, опытного примирителя “отчужденных друзей” Л.Коцея Нервы и полномочного антонийца Г.Фонтея Капитона. В Тарракине репрезентанты триумвиров сомкнулись с поэтом Горацием и ритором Гелиодором; в Синуэзе к пестрой дорожной компании примкнули Вергилий, Варий и Плотий Тукка. Отдельные тяготы-прелести этого двухнедельного путешествия Гораций, лишь мельком коснувшись политики, обессмертил дневниково-поэтическим слогом в знаменитых “Сатирах” (Serm.1,5). Обычно сухопутная дорога из Рима в Брундизи преодолевалась за 9* или, в случае спешки, за 5** дней. Из путешествия длиной в две недели видно, насколько медлительный Октавиан был уверен в себе и насколько терпеливый Антоний в договоре нуждался.

Между тем уполномоченная мужем благородная Октавия примчалась к брату, который излил перед ней горькую обиду на предательское дезертирство зятя в прошлом году и выразил возмущение относительно его тайных предложений Лепиду в году нынешнем. По первому пункту Октавия возразила, что все недоразумения разрешены осенью в Афинах Антонием и Меценатом, по второму сказала, что Антоний перед отъездом на восток

* Овидий “Письма с Понта” (4,5,7).

** Плутарх “Катон” (14).

решил, цементируя триумvirат, выдать замуж за сына Лепида родную дочь Антонию*, отчего и послал порученца Каллия в Африку.

К сожалению наши тематические источники – Ливий, Плутарх, Аппиан и побочно Гораций не во всем сходятся-согласуются. Фрагментарные выдержки из эпитомированного Ливия (Ерit.127,128)** выдают накладку событий 40 г. в Брундизи на события 37 г. в Таренте (см.ниже). Сообразно Плутарху (Ант.35), Октавия, встретив брата-Цезаря где-то “в пути”, склонилась в пользу мира сначала его друзей-соратников, Агриппу и Мецената, а потом уже, при их поддержке, его самого. Сообразно Аппиану (5,93), Антоний, узнав от Октавии о сверхподозрительности родственника и коллеги, направил к нему для допроса злосчастного Каллия, кому Октавиан отказал в аудиенции и лично выехал на высокую встречу.

Так или иначе, примем на основе синхронизированных историко-литературных свидетельств за верное: горячее миротворчество Октавии вкупе с посредническими усилиями Мецената, Агриппы, Коцея и Фонтя (в географическом радиусе Рим-Брундизи-Тарент) привели в итоге к Тарентской конференции и к мирному соглашению.

Не ранее, но и не позднее мая 37 г. до н.э. умиротворенные диархи встретились между луканским Метапонтом и Тарентом, на середине реки Тарас, прибыв к месту встречи удивительным образом одновременно и сияясь далее перешеголять друг друга знаками взаимного доверия. Затем Октавиан проследовал без охраны в Тарент, где переночевал, как дорогой гость, на квартире у Антония; днем позже Антоний нанес ответный визит вежливости; потом обе стороны приступили к деловым переговорам.

В результате ориентальный диарх передал окцидентальному 120 судов взамен двух легионов или, по другой версии, в обмен на 20 тысяч легионеров, что составляет более трех легионов***. В дополнение к сему Октавия выпросила у мужа для брата, по одной версии, 10 боевых судов, по другой – 20****; и у брата для мужа 1000 отборных воинов.

С.Помпей официально лишился всех предоставленных ему Мизенским договором постов-статусов и стал врагом отечества. Маленькую дочь Октавиана Юлию и 7-8-летнего Антониева сына от Фульвии, Антилла, триумвиры помолвили. Антонианской инициативой за М.Агриппу была просватана дочь ученого богача и банкира (дружного и Цицерону, и Антонию) Помпония Аттика. Свою дочь от Октавии, ровесницу Октавиановой Юлии, Антоний помолвил с 10-11-летним сыном Домиция Агенбарба.

* До Фульвии Антоний был женат на дочери своего дяди Г.Антония (с которой развелся, инкриминировав ей супружескую измену, в 45 г.); имел от нее дочь.

** Приводятся Пофирием в “Комментариях к Горацию” (Ad. Hor. Sat 1,5,27-29).

*** Про 20 тысяч легионеров сообщает Аппиан (5,95), в то время как Плутарх (Ант.35) говорит о 2 легионах. Вероятно, речь шла о в общей сложности 4-х легионах, два из которых Антоний приобрел сразу, а два обещанных так никогда и не получил, за что упрекал Октавиана впоследствии.

**** О десяти судах уведомляет Аппиан (5,95), тогда как согласно Плутарху (Ант.35), их было двадцать.

Так Тарентская сделка, издревле известная как “второе Брундици” (*iterum Brundisium*), состряпалась-состоялась.

Да, чтобы не забыть: истекший 31 декабря 38 г. триумвират диархи (в т.ч. от имени отсутствующего Лепида) продлили на очередную беспрерывную пятилетку от (задним числом) 1 января 37 г. до 31 декабря 33 г. до н.э.

Подробности-тонкости мирных актов, договоренностей и деклараций триумвирального единства в Таренте покрыты туманом, из-за чего ученые умы спорят о них и об их сезонной хронологии по сей день.

Соответственно Аппиану, Антоний взял курс из Греции на Италию “в начале весны”. Плутарх про время года молчит. Дион (или скорее имеющийся в нашем распоряжении ущербный текст Диона), не вдаваясь в геолокализацию, извещает в конце 48-й книги (54) под 37 г. о приезде Антония “в Италию”, а в 49-й книге (23) с ее путано-рваной хронологией, вновь неуклюже возвращаясь к 37 г., говорит про долгое время (чуть ли не весь 37 г.), понадобившееся Антонию на поездку в Италию и обратно.

С XIX в. в научно-исторических кругах 717 г. а.У., как год Тарентского соглашения, — вне сомнений; касательно же времени года — единое мнение до сих пор не выработано. Однако, если акцептировать “отчалное” “начало весны” по Аппиану (а не акцептировать оное нет оснований), то ни в коем случае не следует растягивать канительную предысторию, собственно конференцию и заключение Тарентского договора (как это делают следом за И. Кромайером* многие современные авторы) аж до сентября или октября 37 г.**

Ссылка Кромайера на Диона (49,23), при синхронизации с Аппианом, крайне неубедительна. Встреча и стговор между Антонием и Октавианом удались, конечно, не сразу, но ни то, ни другое не могло растянуться от ранней весны до середины осени. Такого рода противоестественно замедленный темп не менее комичен и непотребен, чем суперскоростные темпы немого кино. Кроме того, Дион круто ошибается, датируя Гиндарское сражение, осаду Самосаты Вентидием и явление к осажденной крепости Антония 38 г. до н.э. (притом в книге 49, охватывающей события 36-33 гг. до н.э.), в связи с чем в 37 г. у Диона образуется и зияет подлежащий обязательно выполнению вакуум. Ошибается и Плутарх, относя невзятие Самосаты ко времени до Тарентской встречи вождей. В действительности, ко дню Гиндарского сражения 9 июня 37 г. распорядителя Востока еще не было на Востоке, тогда как в ходе осады Самосаты, после Гиндара, т.е. около середины лета, он там объявился. Следовательно, Антоний отбыл из Италии, скорей всего, не позднее июня 37 г.

Повторим и усвоим: брундизийско-тарентско-италийские страсти-немордасти могли продолжаться с марта по июнь около трех месяцев, но они никак, при всяческих проволочках, не могли топтаться на месте и плестись черепашьим шагом от начала весны до сентября-октября.

* J. Kromayer “Die rechtliche Begründung des Principats”, Excurs “Chronologische Bestimmung des Vertrages von Tarent”, 51-57, Marburg 1888.

** Да и триумвиральный договор на пятилетку до 31.12.33 г. был заключен с 1-го задним числом января — явно не осенью, но весной 37 г.

По вопросу историко-фактических и правовых основ второй триумвиральной пятилетки также нет ясности. Наш информатор Аппиан делает противоречивые заявления. В “Гражданских войнах” (5,95) сказано, что триумвиры продлили истекший триумвират на последующие пять лет, не утруждая себя легитимацией со стороны “народа”, т.е. решения сената или народного собрания. В “Иллирийских войнах” “Римской истории”, напротив, говорится (28), что “народ” дал добро на очередные пять лет, мало того, вторая пятилетка *продлевается* Аппианом до 31 декабря 32 г. до н.э. С подобной счетно-вычислительной техникой — “до 32 г. включительно” — расходятся и школьная арифметика, и сам Август в “Res gestae”, и Светоний, ибо Август презентует себя “сочленом триумвирата по новоустроению государства на протяжении 10 лет непрерывно” (2,7); Светоний пишет: “триумвиром для устройства государства он был в течение 10 лет” (Авг.27); а арифметика требует исчислять триумвиральную десятилетку от 27 ноября 43 до 31 декабря 33 г. до н.э.

Предположительно, Аппиан опирался в “Г.в.” и в “Иллирии” на два разных источника: в первом случае на не дошедший до нас труд Азиния Поллиона*, во втором — на не дошедшее до нас автобиографическое сочинение Августа “О своей жизни”. Засим, если фрондер Поллион вполне мог удовлетворенно выделит самовластье триумвиров в отношении народа, то легитимист Август не мог не упомянуть про всенародное одобрение. Речь здесь может идти о юридической формальности, которую он инсценировал-декорировал по возвращении из Тарента в Рим за себя, Антония и Лепида. Правовое поле на службе у силового — вот истинное лицо и нутро диархов-диктаторов, которые, тем не менее, предпочитали выглядеть там, где получалось, магистратами, а не тиранами. И, к слову вставить, т.н. республиканская законность чем дальше, тем больше заботила мудреющего, как змий, и двуликого, как Янус, законника-импровизатора Октавиана, в отличие от чревоугодливого солдафона и малощепетильного политика Антония.

Впрочем, степень и конкретные обстоятельства всеквиритской или парламентской ратификации итерированного в 37 г. триумвирата выяснить сложно, поскольку и Азиний Поллион, и кесарь Август — авторы (что греха таить) разноречиво тенденциозные. Неясно к тому же, находился ли Антоний все время в Таренте, проведя в Италии предостаточно времени, заключив договор весной, в мае, а отплыв из Тарента летом, в июне. Во всяком

* По свидетельству византийского энциклопедического словаря “Суда” (X в.), А. Поллион написал “Историю гражданской войны” в 17 книгах. “История” охватывала события с 60 г. (1-й триумвират) до минимум убийства Цезаря или битвы при Филиппах (см. Тацит “Анналы” 4,34). Обратился ли осторожный независимец Поллион к истории 2-го триумвирата, предпочел ли, пишучи в “золотом веке”, не дразнить гусей, остается гадать. Скорее второе, чем первое, иначе Кремуций Корд (у Тацита) сослался бы на смелую объективность Поллиона в данном вопросе. Тем не менее, в меру фрондерско-республиканский обзор по 2-му триумвирату Азиний (завистник Цицерона и Саллюстия), вероятно, все-таки составил и оставил, хотя до нас из его писаний ничего не дошло.

случае, историк-следопыт вправе спросить: загорал ли он, подписав желанное соглашение, неотлучно, вплоть до отплытия, на тарентском пляже или побывал где-нибудь еще? — в Брундизи? чтобы принять извинения местных властей за негостеприимное недоразумение; в Кампании? чтобы увидеть Юлиеву чудо-гавань; наконец, в Риме? чтобы очно обновить-узаконить триумvirат. В Брундизи, пожалуй, да; в Кампании и в Риме вряд ли, потому что Плутарх и Аппиан слишком настойчиво ограничивают италийскую географию распорядителя Востока Тарентом. Правда, оба, возможно, опираются на своенравного Поллиона, меж тем как августовский официоз, по всей видимости, эту проблему либо галантно обходил, либо косвенно фальсифицировал, ибо правозаконному триумvirату не должно удлиниться исключительно в Таренте, подлежа итерации в Риме. Одним словом, мимолетный заезд-незаезд Антония в 37 г. в Рим был под сомнением и допускал или порождал различные толкования (плюрализм авторских мнений) уже в древности. Неспроста Дион пишет в III в. про Антониев приезд в Италию, избегая уточнений.

Теперь разберемся с Иродом. Посвящение его, Антониева выдвигенца и назначенца, в цари иудейские в Таренте никакой особой торжественностью не отличалось. Включенный предчувствовавшим переговорные сложности Антонием в вояжную свиту, он, тетрарх-беженец, предстал на политической конференции перед Октавианом как вопиющая вассальная жертва парфянской экспансии, как живое олицетворение насущной безотлагательности ликвидировать варварскую парфянскую угрозу и решить Восточный вопрос в комплексе (отмщение за Красса; претворение в жизнь завещания Цезаря), как ходячее подтверждение необходимости скорейшего предоставления Антонию 20 тысяч римско-италийских легионеров.

Надо полагать, что так, а не иначе, т.е. не более расфуфыренным образом, произошел тарентский розыгрыш мелкой иродианской карты по-антониански. Ни герольдов, ни аплодисментов, ни сенатской коронации, ни шествия на Капитолий. (Консулу) М.Агриппе прощельга Ирод понравился, Октавиан против отрекомендованного, но не подотчетного ему (распорядителю Запада) ориентального вассала-антонианца ничего не имел, наоборот, был приятно тронут напоминанием об услугах, оказанных некогда Иродовым отцом Антипатром Ю.Цезарю. Далее последовало кулуарно-деловое, ради демонстрации нерушимого братства триумvirов, совместное одобрение царской креатуры-кандидатуры Антония без каких-либо помпезно-легитиматорских излишеств. Пройдя через служебную инаугурацию, *третий не-лишний* скромно отодвинулся в тень. Много внимания участники конференции ни ему, периферийному царю пока лишь с видами на царство, ни отдельно Иудее не уделили, ни долго, ни сердечно ими не занимались. Сенатские формальности Октавиан оформил позднее, и, может быть, при оформлении об Ироде сказали пару слов лично знакомый с ним Валерий Мессала и сенатор-антонианец Семпроний Атратин.

Согласитесь, будничная историческая действительность куда прозаичнее отретушированной политиками и воспетой их трубадурами историей*.

* См. Приложение I.

Однако обратимся к текстам Флавия.

Итак, спасшийся на Родосе погорелец Ирод молниеносно выстроил тут трехвесельное судно и стремительно отплыл на нем посреди зимы якобы прямо в Брундизи, откуда принесся в Рим, предстал перед Антонием, поведал о своих бедах и, не теряя чувства собственного достоинства, обратился к протектору за помощью.

“И.в.”: “Такая превратность судьбы вызвала сострадание в Антонии. Вспомнив с благодарностью гостеприимство, оказанное ему Антипатром, и принимая главным образом во внимание дарования Ирода, он тут же порешил того, кого он раньше произвел в тетрархи, назначить теперь царем иудеев. В одинаковой мере, как благосклонность к Ироду, повлияло на это решение враждебное чувство против Антигона, в котором он усмотрел бунтовщика и врага римлян. Цезарь шел ему навстречу своим согласием: он живо припомнил египетский поход, совершенный Антипатром вместе с его отцом, его гостеприимство, равно как его всесторонне испытанную преданность и благонамеренность; с другой стороны, он признавал также энергичную и мощную натуру Ирода. Вследствие этого он созвал сенат, которому Мессала, а за ним Атратин представляли Ирода, изображали заслуги его отца и личную его преданность римлянам; рядом же с ним они выставили Антигона как врага римлян, не только на основании прежних его действий, но и потому также, что, обойдя римлян, он принял корону из рук парфян. Уже это одно произвело впечатление на сенат; но после, когда выступил еще Антоний и разъяснил насколько восшествие Ирода на престол будет полезно для войны с парфянами, тогда все согласилось. По окончании заседания Ирод вышел из сената, имея с одной стороны Антония, с другой — Октавиана. Консулы и другие государственные сановники провожали их для принесения жертвы богам и возложения сенатского решения на Капитолий. В первый же день назначения Ирода царем Антоний дал в его честь торжественный обед” (1,14,4).

“И.д.”: “Антоний сжалился над постигшим Ирода бедствием, и так как подумал о том, что и самые могущественные люди зависят от превратностей судьбы в такой же точно мере, как и угнетенные, он в память прежних дружественных отношений к Антипатру, а также побуждаемый обещанными Иродом в случае назначения его царем денежными суммами (он заплатил ему и раньше, когда был назначен тетрархом), особенно же вследствие ненависти к Антигону (в котором видел опасного для римлян мятежника), охотно согласился поддержать Ирода и исполнить его просьбу. Сам Цезарь также выразил готовность исполнить желание Ирода и поддержать его, потому что он памятовал о походе Антипатра вместе с отцом его в Египет, равно как его гостеприимство и во всех отношениях любезную предупредительность, а также потому, что желал сделать угодное Антонию, который особенно отстаивал интересы Ирода. Когда затем собрался сенат, представившие Ирода Мессала, а за ним Атратин рассказали об услугах, оказанных отцом его Антипатром римлянам, вспомнили о всегдашнем его

расположении к ним, а также стали обвинять Антигона во враждебных римлянам замыслах, что видно не только из его прежних действий, но главным образом из того, что он совершенно помимо римлян добился власти при помощи парфян. Так как сенат не скрыл при этом своего гнева, то Антоний немедленно явился с указанием, что для предстоящей парфянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царем. Это предложение было принято и единогласно утверждено.

Так ревностно соблюдал Антоний интересы Ирода, что не только выхлопотал ему, не рассчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, что он мог в качестве царя выехать спустя семь дней из Италии. (Дело в том, что Ирод хотел домогаться царского достоинства не для себя лично, так как не рассчитывал на это, потому что римляне имели обыкновение провозглашать царями лиц царского происхождения, а для своего шурина Аристовула, который был внуком Аристовула со стороны отца и внуком Гиркана по матери.) Этого молодого человека Ирод, впрочем, впоследствии казнил, как мы покажем в свое время.

Когда окончилось заседание сената, Антоний и Цезарь вышли оттуда в сопровождении Ирода, консулов и всех остальных должностных лиц для того, чтобы принести установленную жертву и поместить состоявшееся решение в Капитолии. Затем Ирод в первый день своего царствования обедал у Антония” (14,14,4,5).

Протри глаза, читатель! Разве вся эта панегирическая словесная патока, эта нагло вешаемая на уши партийно-прапагандистская лапша в духе эпохи так называемого культа личности или брежневской “Малой земли” заслуживает доверия? Разве эта фанфаронада нуждается в серьезном опровержении? Разве ложь не лежит на поверхности?

Из парадной реляции “И.в.” и “И.д.” Ирод всплывает в римском сенате, словно порнозвезда Чиччолина в итальянском парламенте; словно тарсийская Клеопатра, выходящая в костюме Афродиты из пены морской; словно (мужичок-с-ноготок) Л.И.Брежнев времен узкой специализации телепрограммы “Время” — как бенефиса Брежнева и немного о погоде. Посмотрите, как он купается в лучах своей брэнной славы; посмотрите, как он нежится перед объективом кинокамеры! По обе стороны от него шествуют в дороге на Капитолий с безоговорочно легитимирующим иродианскую монархию свитком сенатского постановления (перспективный) *отец рода человеческого* — кесарь Август, и еще не загубленный египетской фурией Клеопатрой (ретроспективный) протектор Востока (пока еще истинный римлянин) М.Антоний. Лет через тридцать после будничного царственного назначения творцу новейшей иудейской истории Ироду очень важно было подчеркнуть свою обоюдостороннюю антонианско-октавиановскую интронизацию. От Антония в данном контексте, даже при оглядке из “златовековой” августейшей эры, никуда не денешься, поскольку именно он в те памятные годы заведовал Востоком. Правду, извините, не скроешь, а значит нужно привести патрона былого и патрона безальтернативно нынешнего в состояние максимально устойчивого равновесия. (И все-таки — перечтите текст — ненавязчивое закадровое первенство Цезаря II эвидентно!) Плюс к тому, и сенат, и консулы, все и всё (весь антураж семейного

портрета в интерьере) и юридически, и патетически на месте и налицо. Скромник Ирод вообще, оказывается, не для себя старался, хотел, видите ли, вывести своего шурина, юнца Аристовула, в люди-цари*. Ан не вышло – римляне не позволили, знали, стало быть, кого воцарить. И впрямь, оба диарха от имени сената ведут утвержденного монарха на трон чуть ли не под руки (просим! просим!); его рекомендуют, его сопровождают, его провожают в тронное поднебесье римляне... И какие римляне! Краса и гордость империи, оплот Вечного города: герои, политики, триумфаторы, адепты изящной латинской словесности, патроны литературных салонов, эстеты, риторы – иначе говоря, рафинированная элита римского народа квиритов: Валерий Мессала**, Азиний Поллион***, Домиций Кальвин, Семпроний Атрин... и другие официальные лица...

Следом дуэлянты, флигель-адъютанты,
Блещут эполеты,
Все они красавцы, все они таланты,
Все они поэты. (Б.Окуджава)

Стоп камера! А не много ли чести? а не слишком ли жирно? а не кажется ли вам, что ваше место у парашаи?

На память приходит незабвенный Ким Ир Сен. Рассказывают, что во дворце “отца корейской демократии”, “создателя бессмертного учения “Чучхе” висела очень любимая им картина: “Солнце нации” величественно нисходит по ступеням дворцовой лестницы, в то время как снизу, задрав голову кверху, на него, аплодируя ему, благоговейно взирают Сталин, Черчилль, Рузвельт, де Голль, Мао и прочие киты-политиканы XX в. Скажите, разве Ирод в своем непомерном и одновременно на редкость примитивно-провинциальном тщеславии не похож на “корифея всех наук”?

Вопросим еще раз, риторически: неужели запечатленная (точнее, воспроизведенная с чужих слов) в “И.в.” и в “И.д.” коронационная лажа хоть сколько-нибудь смахивает на правду? Неужели фальшивка на уровне “Константинова дара” или клюква типа кинофильмов “Ленин в октябре”, “... в 18-м году”, “Великое зарево” не достаточно саморазоблачительна? Ведь перед нами советское кино! Это столь же дешевая туфта, как штурм Зимнего дворца, которого никогда не было; это весело пляшущий с детьми вокруг новогодней елки “добрый дедушка Ленин” (мы внучата Ильича), кого и

* Это, разумеется, ложь, но в любой расчетливой лжи должна быть доля правды. В 40 г. до н.э. ребенку Аристовулу было всего 10-11 лет, а в 37 г. отроку Аристовулу – уже 13-14. Для кого и когда Ирод “домогался” короны? Скорее, для отрока: не так ли?

** К 37 г. В. Мессала успел переориентироваться с Антония на Октавиана, находился в Италии и соучаствовал в агриппианской реорганизации флота.

*** Победив парфинов, сложив македонскую легатуру и справив триумф, Азиний Поллион отошел от политики. В 38/37 гг. он занимался основанием первой общественной библиотеки Рима; к Тарентской конференции отношения не имел; с Иродом познакомился позднее.

чего тоже в реальности никогда не было. Сравнения можно продолжить: перед нами руководящая роль Сталина, по книжонке Берия “К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье”; или это руки доктора Геббельса, нежно перелистывающие на берлинской книжной выставке 1934 г. избранный том сочинений самого Геббельса. Недаром Геббельс учил: ложь должна быть колоссальной, чтобы в нее поверили.

Пора задаться вопросом: кому, помимо самого Ирода, принадлежит авторство этой пошло сработанной липы-ловушки? Не Флавий, ибо Флавий такая же жертва бессовестного надувательства, как и его многовековой наивный читатель.

Предложим версию. Приторную римско-коронационную постановку художественно увековечил (ближе к исходу I в. до н.э., доработав ее уже в I в. н.э.) придворный лейб-хронограф и панегирист царя иудейского, друг и министр без портфеля в правительстве тарентского назначенца, философ-аристотелик и историк Николай Дамасский* — основной, но не единственный источник Флавия по Ироду.

Тоталитарным режимам и царям-нуворишам свойственно переписывать историю: вассальному претенденту негоже назначаться монархом и другом римского народа попутно, в ходе келейной сделки-сговора тиранов в захолустном Таренте короной надо обзавестись празднично-законным путем в столице мира — Риме. Однако в не дошедшем до нас труде Н.Дамасского красочно сервированное им “историческое событие” не было датировано, сходно тому, как оно не датировано фиксированной датировкой в “Иудейской войне”** (справедливо именуемой оригиналом “Древностей”). Во-первых, Дамаскин, судя по “Воине”, просто не использовал фиксированную хронологию; во-вторых, он умышленно скомкал два года припарфянской коллаборации Антипатридов; в-третьих, к чему, черт возьми, пишучи панегирик, восславляя патрона и заведомо передергивая факты, четко дифференцировать десятилетия спустя “сакральную” отправную точку, расположенную в (обязательно “римском”) интервале между “первым Брундизи”, т.е. соглашением в Брундизи, и “вторым Брундизи”, т.е. соглашением в Таренте? В задачу лейб-хронографа Дамаскина не входила дотошная хронография. Его историко-писательское кредо исчерпывалось шолоховским кредо советских писателей: “Мы пишем по зову сердца, а сердца наши безраздельно принадлежат партии”. Как не лишенный ни дарования, ни дара речи ассенизатор и водовоз, Иродом мобилизованный и призванный, он обратил дела давно минувших дней в былинку: убрал нечистоты, залил перламутровым раствором пустоты, подверг витринное чучело пластической операции.

Человеческая память оперирует символами, совмещая по прошествии времени два однородных или мнимо однородных свидания, происшествия, инцидента и т.д. воедино. Здесь же автора “былины” не интересовали два

* Подвизался при иродианском дворе после 20 г. до н.э.

** Наличеству у Дамаскина фиксированная датировка, Флавий позаимствовал бы ее уже в “И.в.”

политических договора в Брундизи и в Таренте*; клишеиста-песенника интересовал “факт” благоприятного возведения Ирода в цари в Риме Октавианом и Антонием. В конце концов и Август, и Антоний в промежутке 40-37 гг. обретались и в Риме, и в Италии. Мелочи бытине не надобны. И сказка, сделанная былью, родилась. Причем Николай не оболгал ни отставленную за ненадобностью хронографию, ни исчислительную хронологию, исчисляя годы Иродова царствования не с 40 г. до н.э.

С Флавием приключилось иначе. Не случайно побочная хронология “Войны” наводит на конец 39 г. или на зиму 39/38 гг. или (кому угодно) на весну 38 г. до н.э., как на время интронизационного шоу в сенате. Но в “Войне” Флавий не вдавался в подробности, а в “Древностях”, копая глубже, решил дать фиксированную датировку и опростоволосился.

В результате изучения-сопоставления материалов**, вдруг выяснилось, что Антоний покинул Рим осенью 39 г. (прибыв туда осенью 40 г.) и больше там не бывал, тогда как согласно Николаю, назначение Ирода царем имело место именно в Риме, в чем Флавий, при всей его трезвой критичности по адресу дворцового летописца Николая, нисколько не усомнился.

Таким образом, Рим, по Флавию, предоставил царскую корону родившемуся под меченой звездой баловню судьбы Ироду в конце особого — любого поэтам, песенникам и эзотерикам 40 г. до н.э., до истечения консульской эпонимии не чуждого царю иудейскому Г.Азиния Поллиона (адресата IV эклоги Вергилия).

* * *

Итак, став в мае 37 г. царем *designatus*, Ирод, видимо, и вправду всего неделю спустя после дезигнации, отчалил на первоклассной триреме с

* Брундизийскую и Тарентскую конференции-соглашения путали уже в древности. Так, например, неоплатоник Порфирий (III в.) в комментариях к “Сатирам” Горация (1,5) сводит два различных договора в одно, притом дважды со ссылкой на 127 книгу Т. Ливия. Сегодня принято думать, будто причина путаницы в небрежном использовании Ливия, хотя, скорей всего, Порфирий (сродни Флавию) пользовался эпитомированным Ливием, эпитоматор которого не развел “первое” и “второе Брундизи”. Между прочим, рассказ Ливия о Тарентском договоре содержался в 127-й книге, а упоминание об одержанной “легатом Антония” победе над иудеями фигурировало в кн. 128-й, т.е. иудеи были одолены Г.Сосием во время после Тарентского договора. Когда именно это произошло, эпитоматору представлялось неактуальным. Для него римское назначение Ирода и завоевание Иерусалима, будучи звеньями одной периферийной цепи, тем более сошлись воедино, если уж сошлись воедино “Брундизи-1” и “Брундизи-2”.

** Кроме труда Николая, Флавий, судя по рассыпанным в “И.д” ссылкам, был знаком с сочинениями Поллиона (14,8,3), Страбона (утраченный исторический труд) (15,1,2), Ливия (14,4,3), пользуясь, наверно, как и Порфирий, выдержками из Ливия, но не собственно многотомной ливийской историей. То, что в работах римских и греко-римских авторов, специально вассалом Иродом не занимавшихся, отсутствовала специальная хронология его назначения на царство, воцарения и царствования, вовсе не удивительно. Насколько явный неанналист Страбон, безразличный к хронологии в “Географии”, пользовался ею (датировкой по олимпиадам?) в “Истории”, и вообще, насколько подробно он писал об Иудее, сказать сложно.

царским мандатом из Тарента в направлении Сирии/Палестины добывать корону.

Антоний покинул Тарент в июне-июле, откомандировав прежде в ориентальные широты к Вентидию К.Деллия. Беременная Антонией Minor Октавия провожала супруга до острова Корфу, откуда, доверенная мужем на время намеченной им парфянской войны попечению любящего брата, вернулась в Рим. Путь “нового Диониса” лежал, минуя Грецию, на восток, где в его отсутствие П.Вентидий успел нанести окончательное поражение Пакору.

* * *

К весне 37 г. до Вентидия дошла информация о готовящемся из-за Евфрата очередном вторжении не смирившихся с поражениями парфян. Полководцу предстояло быстро стянуть подкомандное воинство, расквартированное зимовать гарнизонами (в видах отдыха, поддержания спокойствия, удержания обложенных контрибуцией династов в узде) на обширной территории от Каппадокии и Киликии до Аравии. Эвентуальный парфянский удар в районе Зевгмы (западнее Эдессы) грозил рассредоточенным римлянам крупными бедами.

В ход снова пошла сверхпредусмотрительная военная хитрость. Некий мелкий приевфратский династ, которого Фронтин кличет Фарнаем (1,1,6), а Дион Ханнаем (49,19), прикидываясь другом римлян, тайно работал на парфян, о чем Вентидий знал. Войдя к династу в доверие, римлянин высказал ему “тревожное опасение”: мол, наступление Пакора у Зевгмы для нас наиболее желательно, поскольку холмистая местность помешает вражеской коннице стремительно маневрировать — раз, воспрепятствует убойной силе метких стрел — два; наступление же в районе более нижнего течения реки для нас, мол, губительно. Ханнай не замедлил переправить вентидианские “откровения” за Евфрат. Пакор простодушно поддался и потерял 40 дней на наведение в подсказанном ему пункте переправы походного моста. Выиграв драгоценное время, Вентидий подтянул и собрал в кулак римские легионы, оказавшись во всеоружии за два дня до появления противника. Разбив боевой лагерь под Гиндаром (северо-восточнее Антиохии), римляне, соприродно тактике, примененной ими в Таврском сражении, подпустили парфян на короткую дистанцию, затем мощно обрушились на них, одолели врукопашную, обратили в бегство и разгромили. Волею судеб в день катастрофы Красса при Каррах — 9 июня частичный реванш был взят*.

Бедолага Пакор и, соответственно римскому историку II в. Флору (4,9), 20 тысяч парфян пали в битве.

* День поражения Красса называет Овидий в “Фастах” (6,465). Примечательно, что многие авторы древности — Дион (49,21), Евтропий (7,5,2), Фест (18), Орозий (6,18), пишут о совпадении дня катастрофы с днем победы, но ни один из них не говорит, что победа Вентидия была одержана в 15-ю годовщину поражения Красса, тогда как будь годовщина действительно 15-й, об этом следовало бы упомянуть. Так поступают современные авторы, причем, создавая у себя и читателя иллюзию, будто вычитали про 15-й юбилей у кого-то из древних. Не в 15-ю, но в 16-ю годовщину разгрома при Каррах Вентидий разбил Пакора при Гиндаре.

Касаемо Вентидия – герой-полководец сделался легендарной фигурой в глазах современников: три блистательные победы над загадочным и столь же непонятым Риму супостатом, как Россия-сфинкс – Западу! Только спустя два столетия, при Марке Аврелии и Луции Вере, парфяне вновь рискнут форсировать Евфрат.

Победив, Вентидий приказал назидательно и устрашительно (помня о доставленной Ороду голове Красса) выставлять голову повсеместно любимого в Сирии, согласно Диону (49,20), “за справедливость и мягкость” Пакора в местных городах. Потом победоносный римлянин демонстративно расправил бицепсы и, продолжая наводить региональный порядок, предпринял осаду Самосаты. Поводом к осаде послужило укрывательство Антиохом Коммагенским (чья дочь замужествовала за шахиншахом Ородом) части бегущих из-под Гиндара парфян*. Истинной причиной являлись сокровища богатого города и, как говорили, сказочные богатства самого царя.

Антиох попробовал откупиться выплатой 1000 талантов, но получил отказ. Вентидию хотелось пожить в большом, вознаградить легионеров, достать денег на острые нужды армии. В дни осады Самосаты, в июле/августе 37 г. к месту действия прибыл главком Антоний.

* * *

Выше по Диону (и Плутарху) замечено: осада Самосаты следом за Гиндарским побоищем выпадает на лето 38 г. до н.э., то есть и Гиндар, и Самосата якобы предшествуют Таренту. Воспроизведем историю сообразно дионовско-плутарховскому сценарию. Выходит, что весной 38 г. Антоний, нехотя приплыв из Афин в Брундизи, не дождавшись занятого в Этрурии Октавиана и отчалив назад в Афины, прослышал (эврика!) о Гиндаре, спохватился, стремглав совершил марш-бросок на восток, у стен осажденной Самосаты второпях сместил “из зависти” Вентидия, назначил сирийско-киликийским легатом Г.Сосия и самолично возглавил осаду. Но осада досадно затянулась. Тогда, мол, раздраженный затяжкой распорядитель Востока вступил в переговоры с Антиохом, неожиданно заключил на условиях менее выгодных, чем те, которые Антиох предлагал Вентидию, бесславный мир, снял осаду, туристически (иначе не скажешь) посетил Сирию, сделал тут какие-то незначительные распоряжения, бегом вернулся в Афины, принял не позднее осенью посланца Октавиана Мецената, обещал сотриумвиру флотскую поддержку, докоротал вторую афинскую зиму среди сатиров и устремился весной в Тарент...

Во-первых, бросается в глаза синхронистический аврал: не успеваешь толком свести Афины-Брундизий-Афины, далекую Самосату-на-Евфрате, Сирию, Богуда** и Мецената; во-вторых, если порывистая последователь-

* Другая часть подверглась уничтожению и пленению при попытке достигнуть наведенного Пакором моста.

** Мавританский династ, свергнутый мятежными родственниками и сбежавший в 38 г. к Антонию в Грецию, а не под Самосату. Неужели Антоний скрыто интриговал в Мавритании и Испании, путешествуя до Евфрата и по Сирии?!

ность хилой инсценировки все-таки, не без натяжки, допустима, то подобного рода чокнутая порывистость (еще недоохлажденной Клеопатрой Антония) едва ли вообразима. Сорваться, побывав в Брундиши, из Афин маршем на Евфрат завоевывать Ойкумену не предположительно весной, но летом (когда сицилийская схватка в самом разгаре, когда еще не ясно кто кого) лишь затем, чтобы отстранить из черной зависти легата-победителя, лично возглавить осаду одной-единственной крепости, не суметь ее взять, предложить Антиоху ущербно-позорный для себя, плюс престижно-выгодный для него мир, сделать ничтожные распоряжения в Сирии и, не солоно хлебавши, возвратиться в Грецию бражничать?! Спрашивается: в чем заключался смысл-умысел марша бегом на довольно далекий от Греции Евфрат? В отстранении Вентидия? в пристрастии к архитектурным достопримечательностям Антиохии-на-Оронте? в военно-политической самокомпрометации?

Ну знаете, это уж слишком! Антоний, конечно, не Август и вовсе не Цезарь, но делать из него настолько безнадежного болвана-попрыгунчика тоже негоже. Обидно становится.

Совсем иное дело — 37 г. Отношения с Октавианом выяснены, обмен военно-морских сил на военно-сухопутные договорно произведен, С.Помпей обречен, династические помолвки устроены, триумвират продлен, тыл обеспечен. Тарентская конференция задержала Антония в Италии до лета; поход по стопам Александра, естественно, откладывался на следующий год.

Тем временем до появления главкома на востоке подкомандный легат, быть может, отчасти к досаде истосковавшегося по лаврам шефа, а отчасти, без сомнения, к его заранее просчитанной радости, выполнил и перевыполнил поставленную перед ним задачу — подытожил серию побед от обороны, подготовив главкому необходимую почву для серии побед от генерального наступления. Переносить боевые операции во второй половине лета за Евфрат, при осажденной Самосате и еще не союзной римлянам Армении, было нереально и ни к чему. К большому походу нужно основательно подготовиться, до начала большого похода нужно урегулировать проблемы в регионе, разобраться с финансами, с вассалитетами, навязать союз коммагенскому и армянскому пограничным царям и т.д. Не идти же в Иран, имея врагов на границе, под боком. Требования момента изменились, и политик Антоний заключил с Антиохом мирное соглашение на мягких условиях: вместо тысячи отвергнутых Вентидием талантов взял всего триста, мало того, даже выдал умиротворенному венценосцу на расправу некоего перебежчика — знатного коммагенца Александра.

Далее насущные вопросы решались в и из центральной Антиохии. Вентидий сдал легатские полномочия Г.Сосию и отплыл в Рим справлять триумф: с одной стороны, чересчур популярен в войсках, с другой — мавр сделал свое дело, мавр может уходить; с третьей — пусть прославит начальство в столице. Канидий боевито двинулся в Армению, дабы, перезимовав там, подружиться с родственником покойного Пакора Артаваздом II*.

* Поход Канидия Красса в Иверию и Албанию имел место в 35-м, а не в 37/36 гг. до н.э. (см.ниже).

Главное же, облеченный особым поручением Фонтей Капитон (не ровня куплеру Деллию) поплыл в Египет за Клеопатрой. Разве без баснословно сокровищного Египта (куда до него Коммагене!) поправишь финансы, прокормишь и вооружишь армию, овладеешь Востоком, прыгнешь в Александры? И покинутая весной 40 г. египетская Шахерезада, дождавшись своего часа, явилась на зов автократора Востока на сей раз не в костюме Афродиты, но посолоннее — с его М.Антония детьми-близнецами. Александр Гелиос и Клеопатра Селена родились во второй половине, ближе к концу “сотериального” 40 г. до н.э. Осенью 37 г. родитель увидел их впервые. В остальном он по чаровнице Клеопатре просто-напросто соскучился. Глаз ведь у Антония был не промах, губа не дура, да и сердце, как говорится, не камень.

* * *

Между тем, ситуация в Парфии, точно в угоду антонианским планам-замыслам, резко ухудшилась. Гибель любимого сына, сорегента Пакора, сломила старого шахиншаха Орода*. От горя он обезумел, был безутешен, звал Пакора, разговаривал с мертвым и наконец, неимоверно страдая, отрекся от престола в пользу второго по возрасту сына по имени Фраат. Последний начал правление по-султански, с убийства 29 родных и сводных братьев (т.е. сыновей, рожденных Ороду гаремными женами и наложницами), среди них внуков Антиоха Коммагенского, плюс собственного взрослого сына. Когда же экс-монарх-отец выразил отпрыску негодование относительно творимых зверств, тот приказал дать больному не лекарство, а яд. Потом увидев, что отравы не действует или действует слишком медленно, велел задушить немощного старика у себя на глазах**.

Развязанный Фраатом террор вынудил сановных парфян бежать из страны. Многие нашли убежище у несказанно обрадованного Антония.

Кстати, современным историкам не мешало бы призадуматься над таким фактом: при общепринятом датировании гибели Пакора*** июнем 38 г. получается, будто больной и безутешный Ород очень уж долго-предолго отрекался от престола, ибо по Диону (49,23), кровожадное воцарение Фраата приходится (что тоже общепринято) на 37 г. до н.э.

Скажите, разве на все хитросплетения с отречением и гибелью Орода не вполне достаточно времени от лета до осени 37 г.?

* Согласно Плутарху (Красе 33), он заболел водянкой; согласно выдержкам эпитоматора III в. н.э. Юстина. (42,4,5) из утерянного труда Помпея Трога (I в. до н.э.) “*Historiae Philippicae*”, впал в безумие.

** В 58 г. до н.э. братья-царевичи Ород и Митридат пришли к власти, убив своего отца Фраата III; два года спустя Митридат пал жертвой Орода; впоследствии приказом Орода был убит победитель Красса Сурен. В 37 г. отцеубийца и братоубийца пожал урожай собственноручного посева.

*** Ливий (123), Юстин (42,4), Страбон (16,1,28) и Тацит (История 5,9) в один голос правомерно называют соправителя Пакора царем, а не царевичем. Более того, по неточной формулировке Страбона, Фраат непосредственно наследовал “царю Пакору”, что также свидетельствует о воцарении Фраата вскоре, но не год и не более года спустя после гибели Пакора.

* * *

27 ноября 37 г. до н.э. = 717 г. а.У. П.Вентидий Басс заслуженно отпраздновал победный триумф.

Внимание, читатель! Это событие имело место быть именно 27 ноября 37 г. и никак не годом раньше, в чем, к сожалению, современная ученость глубоко уверена, притом, неверно опираясь на эпиграфику. Дело в том, что в ущербно дошедших до нас триумфальных списках (фасты) – *Acta Triumphalia Capitolina* – сохранилось приложительно к вентидианскому триумфу лишь обозначение пятого дня до декабрьских календ (V. K. Decem.) в 71..? (DCCX..?) г. а.У. Конец даты, увы, обломан, числа года нет*.

Впрочем, предел колебаний отнюдь не велик, поскольку, с одной стороны, триумфу Вентидия предшествует далмацкий триумф победителя парфинов Азиния Поллиона – 25 октября 39 г., с другой, после Вентидия триумфирует ex Hispana Г.Домиций Кальвин – 17 июля 36 г. То есть в эпиграфическом интервале между Поллионом и Кальвином триумфатору Вентидию принадлежит, как мы выяснили, 37, а не 38 гг. до н.э.

День 27 ноября – шестая годовщина “первого” триумvirата – был выбран в качестве дня триумфа в год итерационно обновившей так называемый непрерывный триумvirат Тарентской конвенции вовсе не случайно: 1. как демонстрация легитимной триумvirальной традиции; 2. как демонстрация победоносной мощи единой триумvirальной державы; 3. как демонстрация нерасторжимости “тройственного” пакта двоих – распорядителя Востока и распорядителя Запада.

Вентидий умножил славу Антония, кому Рим в первую очередь декретировал триумф; Вентидий прославился сам как беспримерный победитель парфян. Пройти путь от проведенного в триумфе пленника** и затем погонщика мулов до триумфатора – такое дано не каждому.

По случаю крупного праздника знаменитый историк Саллюстий произнес торжественную речь. Народ не безмолвствовал, народ ликовал.

Примечательно, что дальнейших сведений о Вентидии нет. Будучи к моменту собственного триумфа около 60 лет отроду, он, вероятно, скоро умер, не дожив до Акцийской войны или, выражаясь образно, исчез из истории с внезапностью, сходной своему в ней появлению как бы исключительно для того, чтобы положить фатальный конец парфянской экспансии на запад.

* *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL 1 p. 461). CIL – сборник латинских эпиграфий в 16-ти томах. Работа над этим монументальным трудом была начата в 1845 г. и проведена в течении десятилетий (под эгидой Прусской Академии наук) Т.Моммзенем (1817-1903 гг.).

** Происходя из Пичены, Вентидий был пленен ребенком в дни Союзнической войны (91-89 гг.) и проведен в триумфе победителя пиченцев и аскуланцев Помпея Страбона (89 г.).

XXIII

- 709 v. 1 AN · DCC OMNES praeter Pirra. et Saetl.
v. 2 OCTOB Parv.
v. 3 A · DCC OMNES praeter Pirra. et Saetl.
- 710 v. 1 A · DCC Marl. Parv.
v. 2 *fin.* I OM. OMNES praeter Metellum.
- 714 v. 1 DIVI · F · C · N Parv. Saetl.
v. 3 OVA Marl. Parv.
v. 4 *EXIT* OMNES.
- 709 Q · FABIVS · Q · F · Q · N · MAXIMVS · COS · AN · DCCCLII
EX · HISPANIA SE · IOVS · OCTO
Q · FEDIVS · M · F · PROCOS · EX · HISPANIA · IDIB · DEC · A · DCCCLII
- 710 C · IVLIVS · C · F · C · N · CAESAR · VI · DICT · III · QVANS · A · DCCCLII
EX · MONTE · ALBANO · VII · E · FEBR · I
- 711 L · MVRNATIVS · L · F · L · N · FLAVCVS · PROCOS · AN · DCCCLII
EX · GALLIA III · K · IAN
M · AIMELIVS · M · F · Q · N · LEPIDVS · II · III · VIR · R · P · C · A · DCCCLII
PROCOS · EX · HISPANIA · PRID · K · IAN
- 712 P · VATINIVS · P · F · PROCOS · DE · SILVICO · PR · E · AN · DCCCLII
- 713 L · ANTONIVS · M · P · M · N · COS · EX · ALPIBVS · E · IAN · G · DCCCLII
- 714 IMP · CAESAR · DIVI · F · C · F · SE · VIR · R · P · C · QVANS · AN · DCCCLII
QVOD · FACEM · CVM · M · ANTONIO · FECIT ·
M · ANTONIVS · M · P · M · N · SE · VIR · R · P · C · QVAP · A · AN · DCCCLII
QVOD · PACEM · CVM · IMP · CAESARE · FECIT ·
- 715 L · MARCVS · L · F · C · N · CENSORIVS · COS · A · DCCCLII
EX · MACEDONIA · K · IAN
C · ASINVS · CN · F · POLLIO · PRO · COS · AN · DCCCLII
EX · PARTHIBVS · VII · K · NOVEM
- 716 P · VENTIDIVS · P · F · PRO · COS · EX · TAVRO · AN · DCCCLII
MONTE · ET · PARTHEIS · V · K · DECEM *
- 718 CN · DOMITIVS · N · F · M · N · CALVINVS · AN · DCCCLVII
PROCOS · EX · HISPANIA · XVI · K · SEXTIL
IMP · CAESAR · DIVI · F · C · F · SE · VIR · R · P · C · H · A · DCCCLVII
QVANS · EX · SICILIA · IDIVS · NOVEMBER
- 720 T · STATILIVS · T · F · TAVRVS · PROCOS · ANN · DCCCLXIX
EX · AFRICA PRID · K · IUL
C · SORIVS · C · F · T · N · PROCOS · EX · INDALA · AN · DCCCLXIX
SE · NONAS · SEPTEMBER ·
C · NORBANVS · C · F · FLAVCVS · PROCOS · AN · DCCCLXIX
EX · HISPANIA III · IAN · OCTOBER

715 v. 4 VII · K · Marl. Parv.

718 v. 1 CALVINVS Vrs.

v. 3 CAES · DIVI · F · C · N Parv.,
CAESAR · DIVI · F · C · N Saetl. —
DCCCLVI Marl.720 v. 4 OCTOB Marl. Parv., OCTOBER
ceteri praeter Pirra.

XXIX

- 726 v. 2 OM. OMNES.
v. 5 L · AVTRONIVS · P · F ·
Marl. qui in fastis anno 1560 editis
P · F · L · N · PAIVS exhibet,
P · F · CRASSVS Parv. Vrs. Saetl.,
P · F · L · N TVS Pigh., recte
Pirra. et Saetl.
v. 4 SEPTEMBER Parv.
- 726 a. carrinas. a f. pro. col. ex gallis, an. dcccxx
PRID · KL · IUL
L · AVTRONIVS · L · F · L · N · PAIVS · PRO · AN · DCCCXX
COS · EX · AFRICA XVII · K · SEPTEMBER
- 727 M · LICINIVS · M · F · M · N · CRASSVS · PRO · A · DCCCXXVI
COS · EX · THRACIA · ET · GETIIS · IV · NON · IUL
M · VALERIVS · M · F · M · N · MESSALLA · A · DCCCXXVI
CORVINVS · PROCOS · EX · GALLIA · VII · E · OCT
- 728 SEX · APPVLEIVS · SEX · F · SEX · N · PROCOS · A · DCCCXXVII
EX · HISPANIA · VII · E · FEBR
- 733 L · SEMPRONIVS · L · P · L · N · ATRATINVS · A · DCCCXXXII
PRO · COS · EX · AFRICA III · IOVS · OCT
- 735 L · CORNELIVS · P · F · BALBVS · PRO · COS · A · DCCCXXXIV
EX · AFRICA VI · K · APRIL
- 727 v. 1 M · LICINIVS Pirra. — DCCCXX
Vrs.
v. 2 THRACIA Marl. is ebrend., Parv.
Vrs. — GETIIS Vrs.
728 v. 1 DCCCXXVI Vrs.

Проставленные латинскими цифрами справа триумфальные даты по так называемой Капитолийской эре “от основания Рима” отстают от синхронистически поставленных арабскими цифрами слева дат по эре Варрона на один год. В случае триумфа Вентидия нужно: 1. реконструировать DCCXVI, вместо неправильной реконструкции DCCXV; 2. исправить 716 на 717.

* * *

Во второй половине 37 г. Октавиан усиленно готовился к операциям против Сицилии. Когдатошнее морское превосходство Помпея ныне ограничивалось владением все еще неприступным островом. В то время как чванливый гроза морей фактически превратился в оборонца-островитянина, М.Агриппа планировал на следующий год безостаточное разорение осиногo гнезда. Не все, правда, складывалось гладко.

То ли скучая без хищного дела, то ли оскорбленный малым почтением, то ли не могучи жить без предательства и острых ощущений, профессиональный кондор Менодор снова поменял лагерь: улизнул, прибрав к рукам семь боевых судов, к бывшему хозяину С.Помпею. Командующий октавиановским флотом Г.Кальвизий Сабин перебежчика проворонил и, повинувшись приказу Верховного, уступил адмиральский мостик М.Агриппе.

Глава II

37 – 34 гг. до н.э. = 717 – 720 гг. а.У.с.

В июне 37 г. rex-designatus Ирод высадился в Птолемаиде. Царскую власть теперь надо было завоевывать и, как окажется, большой кровью, на протяжении трех лет. Со времени низложения прошлым летом Антипатридов минуло около года.

Обратимся к текстам Флавия.

“В течение всего этого времени Антигон осаждал заключившихся в Мазаде, причем у них было вдоволь всяких жизненных припасов и ощущался лишь недостаток в воде, вследствие чего брат Ирода, Иосиф, решил было с двумястами своих людей бежать к арабам, так как до него дошли слухи, что Малх раскаивается в своем поступке относительно Ирода. От исполнения этого предприятия, впрочем, сам Господь Бог удержал Иосифа, послав ночью дождь. Когда водоемы наполнились влагой, не было больше необходимости бежать и все снова ободрились, тем более, что в пополнении недостававшего запаса воды они усматривали поддержку, оказанную им самим Предвечным. Поэтому они рискнули сделать вылазку и сразиться с войсками Антигона, отчасти в открытом поле, отчасти под прикрытием. При этом они перебили множество неприятелей” (И.д.14,4,6).

“Между тем римский полководец Вентидий, посланный для изгнания парфян из Сирии, по уходе последних прибыл в Иудею. Явившись под предлогом выручить Иосифа из осады, с действительной же целью для того, чтобы наложить контрибуцию на Антигона, он раскинул свой лагерь вблизи Иерусалима, но как только был насыщен деньгами, он сам с большей частью войска отступил и оставил на месте один только отряд под начальством Силона, дабы полное отступление не изобличало корыстной цели его прихода. Антигон надеялся еще, что парфяне опять придут ему на помощь; тем не менее, он поддерживал сношения с Силоном, чтобы сделать его безвредным для своих целей. Но уже Ирод возвратился из Италии и высадился в Птолемаиде; набрав внушительное войско из иностранцев и туземцев, он быстро двинулся оттуда через Галилею против Антигона. Его поддерживали Вентидий и Силон, которых посланный Антонием Деллий побудил помочь Ироду в его предприятии...” (И.в.1,15,2,3).

Параллельное место в “Древностях” полностью созвучно “Войне”: “Ког-

да вскоре затем Ирод приехал из Италии в Птолемаиду и набрал там значительное войско, состоявшее отчасти из наемников, отчасти из единоплеменников, он направился по Галилее против Антигона...” (И.д.14,15,1).

Берем быка за рога. Предположим, что Ирод и вправду удостоился царского титула в Риме еще до исхода зловредного 40 г. до н.э. и спустя неделю отчалил из Италии. Значит, он должен был высадиться в Птолемаиде не позднее февраля, в худшем случае — марта 39 г. Возникает неразрешимый вопрос: каким образом, если в это время там, согласно и Флавию, и современной учености, хозяйничают парфяне, которые (якобы) весной 40 г. заняли Птолемаиду и затем воцарили в Иудее Антигона? Пусть по науке Вентидий начал свой поход в 39 г., поход, тем не менее, не мог начаться ни в январе, ни из ближних к Сирии областей Малой Азии; а ведь Вентидию еще следовало наступать от эгейско-малоазийского берега до Тавра, выиграть два сражения (Таврское и Аманское) в Киликии, и лишь потом, то есть не ранее лета/осени занять Сирию. Стало быть, зимой/весной 39 г. Ирод никоим образом не в состоянии высадиться в “занятой парфянами” Птолемаиде, набрать тут армию и выступить войной против Антигона.

Соответственно “И.в.”, дезигнированный царь возвращается в Птолемаиду в недатированном 38 г., что звучит, надо признать, менее абсурдно, нежели откровенный нонсенс в “И.д.” Однако, в 39/38 гг. судьба не может свести Ирода с Антонием и Октавианом ни вместе, ни в Италии. Следовательно, чтобы заполнить вакуумное время с зимы 39/38 гг. до встречи триумвиров весной 37 г. в Таренте нам придется вообразить, будто Ирод, либо около года сидел под подолом у Клеопатры в Египте, да так тихо, что никто не догадался; либо, что он, то ли загорал на курортном Родосе, то ли одетый под сатира развлекал в Афинах вплоть до путешествия в Тарент Антония. Тот, кому неймется, вправе диагностировать у себя галлюцинационные сдвиги и записаться на прием к врачу!

Далее, при сопоставлении Флавия с Дионом всходит очередная несуразица. Флавий толкует о легате Вентидия Силоне, командире римского гарнизона, стационарированного в Палестине; у Диона (48,21) фигурирует легат Помпедий (скорее, Поппедий) Силон, потесненный Фарнапатом на Аманском перевале и своевременно вырученный Вентидием. Речь наверняка идет об одном и том же Силоне, который не может находиться одновременно ни, само собой, в 39, ни в 38 гг. и в Киликии, и в Палестине, поскольку, как мы установили, сражение на Аманском перевале имело место в 38 г. до н.э. А вот с зимы 38 г., после таврско-аманских побед и ухода парфян за Евфрат, Силон, без сомнения, может и стационарироваться в Палестине, и встретиться здесь летом 37 г. с прибывшим из Италии Иродом.

* * *

Разберем существо дела. Римский военачальник Вентидий приходил в Иудею, конечно, не с целью выручить осажденного в Масаде Иосифа (много чести), но вышиб (частью облагательски, частью наличными) из бесспорно милого большинству иудеев теократора Антигона контрибуционную

деньгу, не занялся вопросом его легитимности, оставил в Иудее отряд под командой Силона и удалился отсюда.

За праправнука Симона Маккавея стояла, как сказано, основная масса иудеев. Сел на трон при (сдержанном) содействии парфян? Ну и? Разве братья Антипатриды не сосуществовали, разве не яшались в течение двух лет с парфянами? Не наказал же Вентидий до Гиндара Антиоха Коммагенского, не тронул Малха Набатеяского, не сместил лично дружного сатрапу Барзафарну и унаследовавшего отцовский трон при парфянах, с их согласия и одобрения, Лисания Халкидского. А Антоний и того пуще даже сделает династа Лисания сначала царем и только позднее, в угоду Клеопатре, предаст казни. Как видим, не все так просто: политика и Восток — дела тонкие.

Колониальный гарнизон под начальством Силона квартировал в Иудее для поддержания порядка, не мешая Антигону осаждать Масаду, т.е. не вмешиваясь (за бакшиш) во внутреннюю распрю, и, разумеется, Силон поддерживал сношения с местным правителем-теократом, который, тайно надеясь на возвращение парфян, полагал под злобу дня заслужить доверие римлян демонстрацией лояльности и звонкой монетой. В преддверии кампании 37 г. римляне вели себя на взъерошенном Востоке с оглядкой, осторожно. Вот чего, стоит повторить, то есть осторожной терпимости в отношении к Антигону, Ирод и за ним Николай Дамасский не простили так и не ставшему, либо не успевшему стать октавиановцем антонианцу Вентидию. Данная оговорка важна, так как окажись Вентидий впоследствии в лагере Августа и проживи он, увенчанный лаврами, подольше, ни Ирод, ни Николай не посмели бы вменить ему алчную продажность.

Порученец Антония Деллий отчалил из Италии приблизительно в одно время с Иродом, однако, не того полета Ирод птица, чтобы специально ради него снаряжать Деллия на Восток. Последний несомненно ехал в ставку Вентидия вперед шефа со свежими инструкциями от него, в том числе относительно снабженного царским мандатом Ирода. Засим, разбив Пакора, Вентидий по приезде Деллия, но еще до прибытия главкома под Самосату, отправил Силону, кто не участвовал в Гиндарском сражении, бодрствуя в Палестине, соответствующее распоряжение. Обстановка в регионе после Гиндара позволяла занять, в частности, в Иудее более активную позицию, сродни занятой Вентидием у стен Самосаты. То-то Флавий сообщает, что Силон с удовольствием примкнул, найдя наконец повод выступить, к наступлению, которое развернул, собрав отряд приверженцев, из Птолемаиды через Галилею вдоль морского берега Ирода.

Пестрое эллинизированное население прибрежных областей встречало космополита и интернационалиста Ирода приветственно. Его войско каждый день увеличивалось на пути, правда, далеко не вся Галилея “за немногими исключениями”, как вторит Николаю Флавий, но Галилея в основном языческая (ха-галил ха-гоим) “пристала к нему”. Касательно самарян, сомневаться не приходится: самаряне и тогда, и в дальнейшем массово уповали на иродианский режим, сделавшись наряду с идумеянами одним из опорных столпов онога.

Выручив поприжатого иудеями (в ответ на враждебные действия против

них) Силона, потратив определенное время на взятие Яффы, Ирод поспешил, обрстая в Идумее сторонниками, к Масаде для освобождения своего семейства. Когда это благополучно удалось, он взял Фриссу и двинулся к Иерусалиму. У стен запертого партией Антигона Иерусалима произошла переговорная перебранка.

Мандатарий отрекомендовался (из-за стены) иерусалимлянам как законная власть, незаконно руками парфян и парфянских ставленников свергнутая. Ныне облеченный монаршим достоинством “в Риме” народоначальник явился исключительно для блага народа и спасения святого Города и желает, во-первых амнистировать противников, во-вторых, вступить в родную столицу. Антигон, апеллируя к римской арбитражной Фемиде, выдвинул, обращаясь к Силону, жесткие аргументы о потомственном праве Хасмонеев на теократическую власть в Иудее (отделенную от светской по принципу “разделяй и властвуй” римлянами!), о полуеврействе и низкой идумейской родословной Ирода*, о возможности возведения в теократы другого, более подходящего Риму Хасмонеев и т.д.** Безусловно, в антигоновском словесном выпаде прозвучал ответный упрек Антипатриду в мирном двухлетнем респектировании парфян, о чем Флавий, черпая из проиудианского источника, глухо молчит.

Одним словом, диалога не получилось, обмен мнениями перерос сначала в словесную дуэль, потом в перестрелку, и несмотря на то, что энергичный Ирод сумел за несколько месяцев развязать в чересполосной Палестине от Галилеи до Идумеи гражданскую войну, осада Иерусалима обещала быть долгой.

Между тем, шла осень 37 г. и ни у Силона, ни у его солдат не замечалось ни малейшего желания терпеть недостаток в продовольствии или отказываться от ухода в срок на ежегодные зимние квартиры. Но уход римлян из Иудеи был чреват для Ирода перевесом в пользу врага и оттого он воспротивился, ссылаясь на Антония (Цезаря и сенат).

Грабеж окрестных селений, груженные подводы из Самарии и взятие узлового Иерихона на подступах от Самарии и Трансиордании к Иудее частично разрешили проблемы провианта, коммуникаций и безопасности, не отсрочив или чуть-чуть отсрочив урочное зимовье для римлян.

“Царь оставил в Иерихоне гарнизон — пишет Флавий — и возвратился назад; римское войско он отправил (!) на зимние квартиры в перешедшие на его сторону города Идумеи и Самарии. И Антигону вследствие подкупа Силона, предоставлено было часть войска принять на квартиры в Лидду,

* Будучи прозелитом в третьем колене, Ирод, как и все обращенные Гирканом идумеяне, был полноценным иудеем; поэтому формальный упрек по его адресу в полуеврействе несостоятелен. То есть: 1.Ироду вменялось полуеврейство как сыну нееврейки (по крови) и как самозванному притязателю на престол (хотя Хасмонеев, происходя не из рода Давида, тоже не имели права на царский титул); 2.во второй половине I в. до н.э. иудеи продолжали считать идумеян полуевреями; полная ассимиляция произошла в I в. н.э.

** После гибели Пакора Антигон больше не рассчитывал на возвращение парфян.

чем он хотел зарекомендовать себя перед Антонием”* (И.в.1,15,6).

Можно констатировать: повестовательно недовысказанный Флавием компромисс был достигнут на следующих условиях: Ирод принял на себя заботу по зимнему содержанию римлян в городах Иудеи, Галилеи и Самарии; Антигон – в пределах Иудеи. Т.е. Силон паритетно договорился с обеими сторонами и умыл в зимний период руки, предоставив Ирода самому себе (либо, предоставив Ироду свободу действий вне блокированной римлянами хасмонеи Иудеи). Не римляне, а Ирод в итоге покинул Иудею и принялся в ходе зимы смыкать, пассивно поддерживаемый блокадным *нейтралитетом* Силона, кольцо вокруг нее: поручил брату Иосифу занять Иудею**, чтобы партия Антигона не произвела там восстания; сам же, доставив свою мать и остальных освобожденных из Масады родственников в Самарию, отправился в Галилею для покорения оставшихся еще вне его власти городов и изгнания оттуда гарнизонов Антигона.

С тех пор и до самого завоевания Иерусалима летом 34 г. Самария (будущая Себаста) будет временной резиденцией и противостоящей Иерусалиму “второпрестольной” столицей становящейся иродианской монархии. Здесь Ирод в конце 37 г., без особой помпы, приберегая шумное торжество до победных времен, сочетался браком с горячо любимой им пятнадцатилетней Мариамной. Во-первых, из не терпящей отлагательства любви, во-вторых, стремясь узакониться в глазах иудеев брачным союзом с чистокровной хасмонеи принцессой и потомством от нее. Их первый ребенок, дочь, родится в 36 г., тогда как парадное свадебное шоу состоится весной 34 г. накануне штурма и взятия Иерусалима. Пока же идет зима 37/36 гг. и Ироду не до праздников. Если с лояльными к Иродианам Идумеей и Самарией все обстояло хорошо, то в нашпигованной фанатичными протозилотами (кого Флавий клеймит бандитами) Галилее страсти не унимались. В течение зимы тарентский назначенец взял без боя Сепфорис, дал отдохнуть войнам, отправил три отряда пехоты и эскадрон конницы к деревне Арбеле, а сорок дней спустя выступил с остальным войском сам. “Неприятели, однако, не утрастились его наступления, а встретили его с оружием в руках, ибо они обладали опытною воинов и смелостью разбойников. В начале сражения они своим правым крылом заставили левое крыло Ирода поддаться назад. Но быстрым поворотом правого крыла Ирод пришел на помощь своим, остановил бегущих, устремившись навстречу напирющему неприятелю, и сдерживал его жаркое нападение до тех пор, пока неприятель, во избежание решительного боя строем против строя, не обратился в бегство” (И.в.1,16,2).

Иродиане преследовали бегущих под безостановочной резней до Иордана. Значительная часть преследуемых погибла, уцелевшие остатки рассеялись в Заирданье. “Галилея таким образом избавилась от этого бича;

* Неужели не ясно, что Антоний где-то неподалеку? не дальше Антиохии! Не стал бы Антигон зарекомендовываться перед распорядителем Востока, находящимся в далеких Афинах.

** Т.е. у Антигона имелись сторонники и в Идумее.

остались еще те, которые скрывались в пещерах и для начала борьбы с ними потребовался продолжительный отдых для войска” (И.в.1,16,3), вследствие чего щедро награжденные царем офицеры и солдаты уже во второй половине зимы 36 г. были отпущены им на зимние квартиры.

“Древности” дополнительно сообщают (14,15,4) о приходе Силона к Ироду, из-за того, что Антигон отказался давать римлянам продовольствие дольше месячного срока, т.е. Антигон раскусил цену силовского “нейтралитета” и почти расстался с надеждой зарекомендоваться перед Антоном.

Ниже в “Воине” и “Древностях” читаем: “В это время” или “около того же времени Антоний находился в Афинах”. Пребывая в плену у своей ошибочной хронологии, Флавий разумеет в “И.д.”(14,15,5) весну 38, в “И.в.”(1,16,4) весну 37 г. Вентидий как бы призывает Силона и Ирода к отражению последнего похода Пакора, к соучастию в Гиндарском сражении: Силон уходит; Ирод, не могучи уйти, остается воевать в Палестине.

В реальности на дворе весна 36 г. до н.э.; Вентидий еще осенью покинул Восток; над Сирией и Киликией начальствует Гай Сосий; а Силон уходит с подкомандным подразделением для участия в парфянском походе Антония по требованию самого Антония (из Антиохии). Весь 36 г. Ироду придется воевать без помощи римлян в Галилее. В Иудею, где у него под ногами горела земля, он в одиночку не сунется.

* * *

Ввиду пристрастия разновременных летописцев к гиперболизации выуженных из Леты пикантностей, антиохийская встреча Антония и Клеопатры давно превратилась в своеобразный синоним капитулянтства слабохарактерного государственного мужа перед чарами демона в юбке. Антоний-де зараз в ту роковую зиму и продал родину, и женился на египетской фурии, став, вопреки римским законам, двоеженцем-гаремником, и признал детей от нее, и подарил ей без малого весь римский Восток. Полноте, не все сразу. Многоплановая ориентализация-египтизация сластолюбивого триумвира происходила постепенно, поступенчато.

Относительно объема и хронологии знаменитых территориальных даров Антония Клеопатре мэтры древности расходятся. По Плутарху (Ант.36), дары суммарно предшествуют парфянскому походу, выпадая скопом на посттарентскую стадию 37/36 г.; по Диону (49,31), приходятся на период после похода, причем согласно букве анналистического текста, все еще на 36 г., хотя и ежу ясно, что речь идет о 35 г.; по Флавию, отъятие в пользу Клеопатры иудейских земель выпадает на 34/33 г. Может быть, стоит скомбинированно уважить три авторитетных мнения и соразмерно расширить “дарственный” предел колебаний.

Яснее не бывает: встретившись в 37 г. в Антиохии, “новый Дионис” и “новая Изида” начали совместный переход через Рубикон, но Антоний не становился супротив римского отечества в карикатурно-вызывающую позу “Я, поганый Калин-царь...” Он снова зажил с Клеопатрой браком ориентально-эллинистического толка, не разводясь с Октавией, как и Цезарь,

брачно сожительствуя с царицей Египта, не разводился с Кальпурнией. Эта, на три с половиной года прерванная цезарианско-антонианская форма бигамии оформилась еще в 41/40 гг. Недаром Антоний в 32 г. будет писать запоздало возмущенному Октавиану: “С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет” (Светоний “Авг.”69).

В 37/36 гг. герой Филипп закрепил за Египтом Кипр, подчинил Клеопатре Бейрут и Дамаск, часть Итуреи и Киликии, набатейский Синай. Так в чем дело? Ведь не к парфянам и не к ханьскому Китаю уплыли “казенные земли”, ведь в 39 г. сенат, соответственно Аппиану(5,75), ратифицировал все настоящие и будущие Антониевы мероприятия на Востоке впрок. Разве распорядитель Востока не вправе, исходя из интересов Империи, распоряжаться доверенными в управление территориями? Разве без всегда платежеспособного Египта, который необходимо всячески усиливать и компенсировать, сокрушишь парфянского монстра? Разве без Египта установишь и гарантируешь романскую безопасность вкупе с гегемонией до Гиндукуша и Инда?!

По поводу “подарочной Итуреи”, к примеру, существует свидетельство знакомого нам Порфирия (из “Хроники” Евсевия 1,170): Клеопатра считала 16-й год своего правления 1-ым годом новой эры, поскольку в этом году Антоний подарил ей после казни царя Лисимаха* (Лисания) царство Халкидское. В хроно-неблагонадежности монолизатора дуалистических действий и явлений Порфирия мы наглядно убедились выше. Да и не мог Антоний еще перед парфянским походом казнить Лисания, если сам, сообразно Диону (48,31), произвел его из династов в цари. Присвоение же итурейскому династу царского титула** имело место не ранее осени 37 г., т.е. не ранее прибытия Антония в Сирию. (До того он Сирией, в отличие от Малой Азии, не занимался: ни руки, ни ноги не доходили.) Отсюда вывод: если в 37/36 гг. Лисаний уступил Клеопатре часть Итуреи, облеченный взамен на уступку царским титулом, то позднее, но не ранее 35/34 гг., обвиненный задним числом в конспирации с (позорно прогнавшими Антония) парфянами он потерял в пользу Клеопатры и царство, и голову. Этапности и контрастности произошедшего удивляться не следует: накануне большого похода, Антоний, спеша в поход с большинством своего воинства и опасаясь за тыл, отнесся к коллаборационисту Лисанию, как и к Антиоху Коммагенскому, милостиво. Затем, когда поход провалился, обхождение изменилось: бывшее не забылось, “малые” козлы отпущения нашлись.

* По Флавию (И.д.15,4,1), казнь Лисания предшествует походу Антония в 34 г. до н.э. в Армению.

** Откупившийся в 64 г. крупной суммой от рассерженного на сиро-финикийских тиранов Помпея и встретивший в 40 г. парфян хлебом-солью Птолемей Менней умер в 39 г., не нося царский титул. Значит, либо Лисаний принял этот титул при парфянах (от парфян), либо получил от Антония. Вряд ли Антоний признал бы за ним право на корону, при Пакоре надетую или Пакором дарованную. Стало быть, (территориально урезанный) царизм Лисания дело рук (кнут и пряник) самого Антония, кто распорядительски занялся (ранее прифронтовой) Сирией на месте, прибыв сюда после Тарента и выигранного Вентидием Гиндара.

Так, “великодушно” не взятая в 37 г. Самосата будет в 35 г. взята; “великодушно” не наказанный Лисаний будет изобличен и казнен.

Спрашивается: чем Антигон Маккавей хуже, виноватее Лисания? точнее, намного ли он виноватее Лисания? Почему хронологически ненадежный Аппиан, валя царские назначения Антония за пятилетку 41-36 гг. в общую кучу, говорит о назначении Ирода царем Идумеи и Самарии? Налицо реальное отображение ситуации 37/36 гг., когда Ироду фактически подвластны только Идумея и Самария. Римляне обязывают к провиантированию своей армии и его, и Антигона, тянут денежные суммы из них обоих, довольно вяло поддерживают тарентского назначенца, считаются до поры с данностью. (И потом вдумайтесь: Клеопатра не в силах заграбастать в 37/36 гг. часть Палестины или собственно Иудеи, потому что Ирод еще должен, в том числе для нее, Палестину основательно завоевать.)

Другой пример похожего дуэлянтского рода при временном секундантстве римлян – это Архелай и Ариарат Каппадокийские. Еще в 41 г., победно объезжая Азию, Антоний, чтобы сделать приятное полюбившейся ему малоазийской гетере Глафире, подарил ее сыну Сизину царство Каппадокийское. Однако, полноценная смена власти в Каппадокии задержалась на 5-7 лет, ибо волюнтаристскому ставленнику распорядителя Востока упорно сопротивлялся последний представитель династии Ариаратидов, плененный и казненный Антонием аж в 35 или в 34 г.* (к месту добавить: в пору взятия Иерусалима, пленения и казни Антигона Маккавея).

В остальном перемены и новинки на антонианском Востоке выглядели следующим образом. Сын известного стойкой обороной Лаодикеи ратора Зенона, Полемон, получил царство Понтийское. К концу 38 г. Антоний из Греции или коротко посетив Малую Азию, вверил ему, участнику обороны, Киликию Трахею. Ныне богатая судостроительным лесом Нагорная Киликия перешла к Египту, Полемон пошел на повышение и перевелся в Понт. Куда делся прежний понтийский назначенец-антонианец Дарий (сын Фарнака, внук Митридата), поставленный царствовать над Понтом в 41 г., неизвестно. Позже Полемону придется воевать и осаждать в крепости Сагиллион несанкционированного претендента на понтийский престол, брата Дария – Арзака. Тогда же, т.е. в 37/36 гг., на вакантный по смерти Кастора трон Галатии взошел бывший секретарь и военачальник царя Деиотара –

* Анналисты Тацит (Ан.2,42) и Дион (57,17) сообщают о смерти Архелая в Риме под 17 г. н.э. (год аннексии Каппадокии), причем Тацит, оговаривая, что ненавистный Тиберию за пренебрежение к нему в годы родосского “анахоретства”(6 г. до н.э. – 2 г. н.э.) царь Архелай (см.ниже) “50-й год владел Каппадокией”, пишет: “Завладев после пресечения рода Цезарей императорской властью, Тиберий заманил Архелая написанным Августой (Ливия) письмом”. Дело в том, что из Тацита неясно, когда именно Тиберий заманил в Рим Архелая – сразу по своем приходе к власти или несколько позже: т.е. откуда исчислять 50-й год правления – с 37/36 или с 35/34 гг.? Т.Моммзен датирует казнь Ариарата 34 г. в предположительной связке с армянским походом Антония. Вероятно, каппадокийский расклад напоминал иудейский, т.е. назначенный в 41 г. царем, но лишенный эффективной римской поддержки Архелай утверждался в стране с 37 по 35/34 гг.

Аминт. Он зарекомендовался перед триумвирами во время Филиппийской войны, своевременно поменяв фронт; в 41 или в 38 гг. удостоился от Антония Писидии; теперь тронно стяжал всю Галатию, части Ликаонии и Памфилии. Удостоверьтесь: тенденция выдвижения в вассальные венценосцы энергичных, непорфирородных и даже родословно чуждых вассалитетам креатур, обязанных своим возвышением исключительно автократуру М.Антонию, вполне очевидна. Не менее очевидна также временная, на период парфянской войны, игра в толерирование старых династических кадров, кое-где их блокирование назначенцами-наторишами и одновременно выкачивание из них при всякой возможности денег в оплату за наигранную терпимость. (Деньги не пахнут!) С одной стороны, нетерпеливому кандидату в Александры не хватало предподходного времени для установления устойчивого порядка в регионе, с другой, окончательный порядок откладывался на время после победы и рассматривался во взаимосвязи с глобальной победой.

Что касается синхронистичности 16-го года Клеопатры 1-ому году *Новой эры-эпохи* (осень 37/осень 36 гг.; в Египте – сентябрь, в Сирии – октябрь), то факт приобретения египетской царицей частей Итуреи или Киликии не исчерпывает причину возникновения новоэпохального летоисчисления. Эра единственной наследницы-правопреемницы Александра, Птолемеев и Селевкидов завалированно олицетворяла царственную эру-эпоху царя-невидимки Антония. Дальше мы убедимся, как один неплохо информированный источник датирует завоевание Иерусалима Сосием и Иродом в 34 г. до н.э. “третьим годом эры Антония”.

Между тем, время грандиозного похода неуклонно приближалось. К зиме 37/36 гг. в Антиохии попросил убежища унесший ноги от лютующего Фраата IV Аршакид Монаиз. Осчастливленный Антоний сравнил судьбу азялянта с судьбой Фемистокла, согрел, приютил беженца, отдал ему во владение три сирийских города Ларису, Аретузу, Гиераполь и посулил потомственному Аршакиду иранский трон*. Вскоре, однако, Фраат, напуганный массовой оппозицией знати, прекратил кровавый террор и послал эмигрантам, в частности, Монаизу восточку мира с предложением вернуться при гарантиях безопасности. Почетно отпущенный не выказавшим гневливостью Антонием на родину парфянин передал царю царей римские условия мира: возвращение захваченных Суреном знамен Красса и остающихся в живых военнопленных 53 г. Мнящий себя хитрецом римлянин хотел мирными инициативами (мол, дипломатическое решение проблемы возможно), усыпить бдительность шахиншаха в то время, когда к Евфрату отовсюду стягивалось огромное воинство. “Бактрийцы и индийцы – преувеличивает Плутарх – содрогнулись, прослышав о стотысячной армии” (Ант.37).

* Передав подвластную, согласно Страбону (16,2,10), династам Эмессы Аретузу во владение Монаизу, Антоний лишил гегемонии над городом Ямвлиха Эмесского, т.е. урезал его территориально в то же время, что и Лисания Халкидского. Позднее Ямвлих, сходно Лисанию, будет казнен, правда, за “сговор” не с парфянами, а с Октавианом – в дни Акцийской войны.

Великая армия триумвира и императора состояла, согласно Ливию (130), из 18, согласно Веллею Патеркулу (2,82), из 13, согласно Помпею Трогу (Юстин 42,5) и Флору (4,10), из 16 легионов: в общей сложности около 60 тысяч пехоты, 10 тыс. испанских и кельтских всадников, формирования передневосточных “друзей и союзников” числом в 30 тыс., из них 6 тыс. армянской конницы и 7 тыс. пехоты.

Около середины весны 36 г. главком в сопровождении Клеопатры объявился на берегах Евфрата, отправил даму сердца домой в Египет (где она к осени родила их третьего ребенка – Птолемея Филадельфа) и возглавил готовое к выступлению войско*.

Намерение форсировать Евфрат в районе Зевгмы для лобового марша на Селевкию и Вавилон не удалось. Сконцентрировавшие войсковые соединения в Месопотамии парфяне были начеку. Фраат располагал армией численно равной антониаанской: 50 тыс. кавалеристов, 4 тыс. гвардейской пехоты, плюс мидо-атропатенские соединения – 40 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы**.

Запасной вариант операции предусматривал обходной марш-маневр через дружественную приевфратскую Коммагену на Мелитену, переправу у Мелитены и использование в качестве маршевого плацдарма для вторжения в Атропатену***, а затем из Атропатены в Мидию и Месопотамию союзной римлянам (поневоле) Армении. Оснащенный несколькими легионами Канидий Красс пришел сюда осенью и зазимовал тут; по весне он, в ожидании инструкций, изготавился и... дождался главкома. Летом последний устроил смотр войскам южнее Арташата в долине Аракса, возобновил бравый марш и пересек в районе Джульфы, промаршировав от Зевгмы итого 8000 стадий (1500 км), мидо-атропатенскую границу. Это был тот маршрут, который Артавазд Армянский безуспешно предлагал в 53 г. Крассу, мотивируя предложение тем, что естественное прикрытие гор есть безальтернативная защи-

* Ливий (130) утверждает, что выступление Антония было сезонно запоздалым, из-за беспечного времяпрепровождения с Клеопатрой. Плутарх (Ант.37), напротив, говорит о преждевременном начале похода с целью поскорее вернуться опять-таки в объятия Клеопатры. По Флору (4,10), Антоний начал военные действия без повода, без объявления войны и без четкого плана операции. Насчет необъявления войны верно, прочее – ерунда: поход начался своевременно и развивался в соответствии с разработанным планом.

** Об участии мидо-атропатенской армии в войне парфян против Антония источники молчат, но вывод напрашивается. Численность этой армии приводит со ссылкой на Аполлонида Страбон (11,13,2).

*** Атропатена – северо-западная часть Мидии между Великой Мидией и Арменией. Наименование страны происходит от имени ахеменидского сатрапа Мидии Атропата, который командовал мидийцами в битве при Гавгамелах; после смерти Дария перешел на службу к Александру, получил Мидию от него и положил начало местной династии, выведившей родословную от персидских Ахеменидов.

Позднейшее арабско-тюркское название Атропатены – Азербейджан или Азербайджан. Арабские завоеватели (Халифат) появились в этом регионе Ирана в VII, тюркские (потомками которых являются современные азербайджанцы) – в XI вв. н.э.

та от смертоносных ударов парфянской кавалерии. (Красс не внял и загубил армию.) Но, главное, это был тот маршрут, которым, согласно Светонию (Цез.44), планировал идти войной на парфян Юлий Цезарь, собираясь начать наступление из Малой через Великую Армению. Не секрет: тот, кто твердо стоит на Армянском нагорье, держит под оптическим прицелом Иранское плоскогорье, Месопотамию, Вавилонию и Персидский залив.

Ускоренный атропатенский марш римлян до стен Фрааспы (царская резиденция к юго-востоку от озера Урмия) прошел беспрепятственно, так как местный властитель Артавазд Мидийский находился с большей частью армии при Фраате IV в Месопотамии. Вместе с тем, Антоний допустил роковой промах: он поторопился одолеть 400 км от среднего течения Аракса до сердца страны и обложить Фрааспу, оставив позади на подходе медлительную обозную вереницу с осадной техникой (300 установок) под охраной двух легионов Оппия Статиана.

И вот, пока Антониево воинство окапывалось и возводило осадные валы против гарнизона хорошо укрепленной цитадели в ожидании катапульт и онагров, парфяне, совершив стремительный кавалерийский рейд из Месопотамии, всей мощью обрушились на римский обоз. Возглавлял кавалерийскую атаку вчерашний беженец Монаиз. Усталые, застигнутые врасплох легионеры не смогли ни организовать оборону, ни оказать серьезное сопротивление и были, в результате короткого боя, в числе около 10 тысяч, перебиты. Осадную технику нападающие сожгли и тотчас испарились, взяв пленным вассального союзника римлян, свежее испеченного царя Понта — Полемона.

* * *

Издревле повелось думать, будто Артавазд Армянский не то не вмешался в дело при атаке на Статиана, хотя вроде бы находился где-то неподалеку, не то, сочтя, по плачевному итогу нападения, общее поражение Антония неминуемым, снялся (с фронта? с марша? из лагеря у Фрааспы?) и ушел во главе то ли 13-ти, то ли 16-тысячного войска назад в Армению.

Противоречивые сведения исходят от Страбона, Плутарха и Диона. Но Дион ничего не сообщает о злоумышленном самоустранении Артавазда, констатируя (49,25) факт неучастия царя армян в сражении, а вернее, его отсутствия на месте происшествия (без указания причины) и сразу дистанцированно добавляет: "... как говорят некоторые, если бы он даже мог помочь римлянам, то не сделал этого и не соединился с Антонием, возвратившись к себе на родину". Одним словом, авторство туманно-криминальной версии Диона за "некоторыми", за кое-кем; "есть мнение".

По Плутарху (Ант.39), уход Артавазда обусловлен уничтожением осадной техники как прологом общего поражения; о намеренном неучастии в отражении парфянской атаки на обоз и вообще о какой-либо караульной причастности армян к обозу нет ни слова. Информация об их досрочном выходе из игры следует за рассказом о побоище, причем Артавазду инкриминируется вина за всю войну в целом! В чем она состоит вещественно, Плутарх не объясняет. Разгадку предлагает Дион, у которого сказано, что, найдя

Евфрат зорко охраняемым, Антоний изменил первоначальный план вторжения и двинулся против царя Мидии-Атропатены, к чему, мол, его подбил конфликтующий с мидийцем армянский тезка.

Вот тебе раз. Скомбинированный вывод из повествований классиков превосходит все ожидания и заслуживает занесения в книгу рекордов Гиннеса. Видишь ли, из-за склоки двух неуживчивых Артаваздов, мидийского и армянского, простачок Антоний затеял стотысячный поход по стопам Александра, изумился непредвиденной трудности форсировать Евфрат в Сирии, наобум рванул в Армению и из Армении на собственную погибель ворвался, подстрекаемый Артаваздом, в Атропату. Зачем в Армению? Понимай: утешиться и спросить у Артавазда, как быть? Зачем в Атропату? Понимай: всего-навсего постоять за честь обиженного “друга и союзника”. Оказывается, побудительным мотивом мировых прожектов верховного распорядителя Востока являлись интересы и ссоры армянского царя. Свидетель древнее Плутарха и Диона современник событий – Страбон. У него (11,13,524) сведения похлеще, порекорднее: поход Антония загубили не природные условия, но его тайный губитель, этакий Иван Сусанин, сталкер без чести и совести – армянский царь Артавазд, которого наивный полководец, сделав советником и доверенным лицом, опрометчиво посвятил в военные тайны. Согласно Страбону, Артавазд несет ответственность не за гибель легионов Статиана с обозом, не за дезертирство, но за заведомо пагубный маршрут похода, за круглую путь в 8000 стадий, за подброс не знакомым с местностью римлянам самой длинной и наитруднейшей дороги в Атропату!

Думайте сами, решайте сами, где правда, где ложь, чему верить, а чему нет.

К кому восходят, от кого исходят сумбурно противоречивые обвинения? кто стартовый историко-литературный обвинитель и небеспристрастный судья Артавазда? По всему, наш старый знакомец К.Деллий, темная лошадка и слуга всех господ эпохи гражданских войн: собразник и порученец Антония, историк и участник парфянского похода. Будучи армейским легатом, он испытал все прелести великого драпа “великой армии” из Атропатены на своей шкуре и впоследствии активно заманивал сделанного главным виновником неудачи армянского царя в антонианскую ловушку. Объективности от Деллия, конечно, не дождешься. И все-таки, в чем виноват Артавазд?

Уже после похода Плутарх (Ант.39) вкладывает в уста не желающего признавать позорный финал Антония горькие и громкие фразы-сетования: дескать, я – герой-победитель, и “продолжительная” победа была бы за мной, останься быстрая армянская конница при мне с тем, чтобы своевременно преследовать, настигать и добивать всегда (18 раз!) разбитого мною в боях врага. Неужели отпадение 13 тысяч армян (из них 7 тыс. всадников) решило судьбу войны и судьбу “Grande Armee”? (Разве Наполеон проиграл наполеоновские войны из-за разрыва с ним Пруссии или Саксонии? Разве Гитлер потерпел крах под Сталинградом из-за провала фронта итальянцами? или поражение во Второй Мировой войне из-за выхода в 1943 г. Италии из войны?)

В 53-37 гг. на протяжении 16 лет бесменными союзниками Артавазда, шурина Пакора, были более близкие армянам, нежели римляне, парфяне. Кроме того, Артавазд помнил печальный опыт союза с Крассом, кто не только не последовал полезному совету наступать вдоль гор, но и незаслуженно назвал союзника предателем, когда тот, скованный инвазией в страну Орода, не явился на зов Красса в Месопотамию. Да и зачем должен был явиться? Погибнуть за компанию при Каррах, которые предвидел? Ради чего?

В 37 г. другой Красс, антонианец Канидий, навязал Артавазду немилый армянам антипарфянский союз, а в 36 г. Антоний пошел на парфян через Армению и Атропатену в духе, перво-наперво, политико-топографического завещания Цезаря, использовав выгодный ему конфликт между Артаваздами армянским и мидийским. Гибель обоза с осадной техникой незадолго до осенних холодов безошибочно провозвестила невзятие Фрааспы и проигранную во глубине атропатенских гор военную кампанию. Странно, что плохой стратег Антоний этого так и не понял, вернее, обуреваемый иллюзией обязательной победы, не захотел ни признать, ни понять. К тому же, Ливий (131) вменяет вероломно захватившему в 34 г. Артавазда Антонию нарушение честного слова римлянина, клятвopеступление; Тацит (2,3) называет подстроенную Артавазду коварную западню и расправу над ним “бесчестным поступком Антония”. Неужто римские историки выгораживают предавшего и загубившего тысячи римлян вассала? Каким образом Артавазд и Антоний чуть позже, по достижении римлянами на обратном марше смерти спасительной армянской границы, братались и обменивались любезностями при столь откровенном акте предательства? Почему оно вынырнуло наружу позднее? Стало быть, на момент ухода армян (неясно когда и неясно откуда) реальность выглядела иначе; стало быть, такой их уход или неприход из Армении в Атропатену (?) как-то ситуативно предусматривался и изначально никаких нареканий не вызвал. Скажем больше, возобнови армяне в ту критическую для римлян минуту союз с Парфией, *сталинградский котел*, устроенный М.Крассу под Каррами, непременно бы повторился. Именно благодаря позиции армянского царя, благодаря невраждебности армян, Антонию удалось избежать тотального разгрома и отделаться, вместо *сталинградского котла*, *бегством Бонапарта из России*.

Относительно же плюрализма мнений древних историков, критика в адрес К.Деллия просто неуместна, а греко-римлянин Страбон и греко-римлянин Плутарх не лучшие свидетели по делу Артавазда Армянского, поскольку *обрусевшим инородцам*, как известно, *свойственно пересаливать по части исконно русских* или исконно римских *настроений*.

Не Артавазд, не Клеопатра и не “господин Мороз” повинны в катастрофическом фиаско Антония. Наполеон, в отличие от него, признал, что ошибся, начав войну с Россией.

* * *

Впрочем, обо всем по порядку.

Устремившись от стен Фрааспы на выручку Оппия Статиана, главком обнаружил лишь трупы тысяч легионеров и обгорелые остатки онагров. На

сооружение эрзац-установок ушло драгоценное время. Фрааспа имела довольство запасов, не бралась и не сдавалась, тогда как вокруг нее образовалось любопытное двойное кольцо окружения: в цитадели осажденные римлянами мидийцы, вовне — понемногу облагающие римлян парфяне и мидийцы.

Настроение ошарашенных молниеносной гибелью двух легионов осаждающих менялось к худшему. Это огромное войско было армией движения, не предназначенной к взятию крепостей долгим измором. Римляне жаждали открытого сражения, рвались в бой стенка на стенку, задыхались без боя, подобно выброшенной из воды рыбе.

Взяв 10 легионов, 3 преторианские когорты и конницу, Антоний отошел от атропатенской столицы под видом добычи провианта, в действительности же, надеясь вовлечь противника в схватку. Не получилось. Парфяне от фронтального столкновения искусно ускользнули, заставили преследовать себя, измотали и довели преследователей до бешенства. Привычная военная схема не сработала, сизифовы потуги канули в песок, произошло короткое замыкание в мозгах. Маневр потерпел унылый провал: враг потерял всего 80 человек убитыми и 30 пленными. На обратном пути летучие парфянские эскадроны свирепо атаковали изнуренных римлян, оставаясь почти неуязвимы и став многочисленнее, чем прежде. (Нелишне спросить: а что подельвала кельтская и испанская кавалерия? где были прославленные конные галаты?) Великолепно обученные наездники появлялись на необходимой для стрельбы из лука дистанции, прицельно, без промаха, посылали тучи убийственных стрел и пропадали, словно в никуда. С трудом легионы, когорты, и, наверное, беспомощные верховые кельты с испанцами прибыли назад, к стенам крепостного бастиона.

Тут их ждала горечь новых разочарований. Неожиданная смелая вылазка осажденных отогнала осаждающих от возведенного ими и разрушенного, вследствие вылазки, вала, лишила части наскоро сколоченных стенобитных машин. Антоний, точно сходящий с непосильной дистанции бегун, начинал сдавать. Брызжа слюной, он искал и карал виновных, не удусуживаясь оборотиться на себя.

Отступившие от вала подразделения были подвергнуты децимации (казнь каждого десятого по жребию) и переведены на ржаной хлеб. Не помогло. Боевой дух неудержимо падал. Фрааспа стояла непоколебимо; без взятия крепости и замирения мидийцев на зимовье во вражеской глубинке рассчитывать не приходилось. Армию ожидали голод и холод. Положение усугублялось разорением округа, опустошенной как добывающими провиант римлянами, так и препятствующими интервентам местными жителями и парфянами. Фуражиры либо не возвращались, либо возвращались с пустыми руками.

Минул день осеннего равноденствия; Фраат так же, сообразно Плутарху (Ант.40), опасался наступления холодов, боясь быть покинутым предводителями отдельных крупных формирований, вассалами Иранского дома, не привыкшими воевать зимой или зимовать под открытым небом.

Стороны вступили в переговоры. Исхождение переговорной инициативы от Фраата, о чем сообщают Плутарх и Дион (49,27), весьма сомнительно. Увы, в нашем распоряжении исключительно окцидентальная версия; пар-

фян репрезентировать некому; Парфия нема, Парфия безмолвствует. Так или иначе, Антоний, корча из себя победителя, выразил готовность заключить мир на прежней основе: знамена Красса и военнопленные. Дион пишет, что Фраат принял римских парламентариев, восседая на золотом троне, небрежно поигрывая тетивой от лука. Он говорил с ними оскорбительным тоном и лишь после множества посрамлений обещал не препятствовать уходу вторженцев, если римляне незамедлительно снимут осаду и снимутся с места. Вернуть трофейных орлов и пленников шахиншах, как уверяет Плутарх, наотрез отказался и, вероятно, велел передать Антонию, что условия здесь, в Иране, ставит не Антоний, а он — царь царей.

У главкома не достало духа поведать легионерам о неотвратимости отступления. Тяжелое слово сказал Домиций Агенобарб.

Назад вели две дороги: короткий путь через открытое плоскогорье на юго-запад от озера Урмия, в низинную Месопотамию; и более длинный (наступательно пройденный) путь вдоль горных хребтов на север от озера Урмия, через Тавриз, в Армению. Накануне выступления в римский лагерь явился некий доброжелатель, соответственно Веллею (2,82) и Флору (4,10), римлянин, знаток парфян и парфянских повадок, из числа пленных 53 г.; соответственно Плутарху (4,10), некто из племени мардов. (?) Он категорически предостерег Антония от короткой дороги, заверив, что там римлян ждет судьба Красса, и убедил императора улепетывать горами.

Сообразно Диону (49,28), мидийцы без промедления продемонстрировали враждебность, спалив оставленную мирно снявшимся Антонием осадную технику (не понятно, правда, откуда она взялась в столь значительном количестве после гибели Статиана). Плутарх пишет, что Антоний не сразу принял совет доброжелателя, не желая выказать недоверие к парфянам. Следовательно, условиями двустороннего перемирия путь отступления был оговорен и только на оговоренном, т.е. на коротком пути назад Фраат гарантировал римлянам безопасность. Видимо, Антоний, вняв безымянному советчику, первым нарушил договоренность, чем восстановил состояние активной войны. По территории не своей, да еще разбойничьи атакованной тобою страны, нельзя, не став победителем, отступать, как тебе вздумается.

* * *

Самое время вспомнить про роковой поход Красса.

Прибыв в 54 г. на сирийский Восток, триумvir М.Лициний Красс (с одной стороны, вовсе не уполномоченный сенатом завоевывать Парфию, с другой, облеченный чрезвычайными проконсульскими полномочиями сроком на 5 лет) без объявления войны форсировал у Зевгмы Евфрат и занял месопотамские Карры. Отсюда римляне, не встречая противодействия (поскольку шахиншах Ород, не то воюя восточных степняков-кочевников, не то одолевая внутреннюю иранскую оппозицию, обретался где-то вдали от Междуречья), двинулись на Никефорион. Предпочитая Ирану Рим, греко-македонские колонии Месопотамии приветствовали их как освободителей и получили “свободу” под римским протекторатом. Попытавшийся оказать

отпор вторженцам, парфянский сатрап Силак проиграл с немногочисленной конницей бой при Ихне, сумел, будучи ранен, спастись бегством и отправился лично доложить Ороду о случившемся. В занятых населенных пунктах левобережья расположились римские гарнизоны — 7 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников. Лишь жители Зенодотиона вероломно убили 100 ими же испрошенных римских солдат, вследствие чего не настроенный шутить Красс взял город штурмом, отдал легионерам на разграбление, продал население в рабство и аккламированный императором ушел зимовать, плюс грабительски наживаться в Сирию.

Еще у Никефориона к нему явилось посольство Орода с запросом о причине столь грубого попрания норм международного права в смысле нарушения двухсторонне признанной евфратской границы. Парфяне заявили, что если Рим начал форменную войну, то ни переговоров, ни пощады не будет, но если Красс, как они прослышали, вторгся в Месопотамию против воли своего отечества, из жажды личной наживы, то пока еще есть время одуматься, и что в сем случае царь царей готов проявить великодушие и пощадить его преклонный возраст. В 54 г. глуховатому, выглядевшему старше своих лет Крассу было уже за 60. Выслушав послов с усмешкой, он надменно обещал удостоить Орода ответом в его столице — в Селевкийи-на-Тигре*. На это глава посольства, старший по возрасту сатрап Вагиз показал ладонь и сказал: “Скорее здесь вырастут волосы, нежели ты увидишь Селевкию, Красс” (Плутарх “Красс” 18; Дион 40,16). Тем переговоры и кончились.

Вместо того, чтобы основательно, крупными силами занять евфратское левобережье, укрепиться и лагерно зазимовать там или, не медля, идти на Селевкию, алчный рвач-триумвир, считая завтрашнюю победу делом решенным, предпочел доходный комфорт зимних квартир в Сирии и вокруг нее. Выкачал за зиму деньги отовсюду, откуда смог, куда дотянулся и из кого/чего успел: обобрал города, ограбил храмы, прикарманил, в частности, сокровищницу Иерусалимского святилища; а весной 53 г. выступил в “победоносный” марш “до бактрийцев, индийцев и находящегося за ними моря”.

Тем временем Ород, сообразно плану своего полководца Сурена, наводнил во главе части войск Армению и нейтрализовал Артавазда, одновременно грозя выйти наступающим римлянам в тыл, тогда как сам Сурен с основной частью парфянского воинства уводил, уходя от ближнего боя, врага вглубь страны. Замысел парфян полностью удался. Посредством имитации отступления, противник был завлечен в открытую долину Белиха (35 км от Карр), окружен, расчленен и разбит. Сначала погиб залихватски увлекшийся кавалерийской атакой, отрезанный от своих и павший в бою вместе со всей конницей сын Красса Публий. Тяжело раненный, он отклонил предложение двух каррских греков бежать переодетым в Ихну и велел заколоть себя. Насадив его голову, во устрашение врага, на острие пики, парфяне приступили к окружению основных сил римлян. Напрасно старый

* Селевкия находилась на протвположном от Ктесифона западном берегу Тигра.

Красс призывал солдат и офицеров отомстить за смерть храброго сына: в ловушке, куда они попали, у них не было для этого ни духа, ни сил, ни возможности. После массированного обстрела окруженной армии лучниками, римская конница не устояла под мощным натиском бронированных на феодально-рыцарский манер ударных эскадронов парфянской кавалерии. Пехота была смята, рассеяна и повержена. Поднятая тысячами конских копыт пыль в песках слепила и душила легионеров, словно газовая атака; полуденное солнце жгло нещадно; стрелы у врага не иссякали (запас подвозился на верблюдах); расстрел издали, в перерывах между боями, продолжался бесперебойно.

С трудом остатки разбитых легионов добрались до Карр и укрылись за крепостными стенами*, однако, днем позже, при неудачной попытке достичь спасительного берега Евфрата, нашли гибель в котле под Каррами. Красс погиб, пойдя по требованию отчаявшихся солдат, вопреки собственной воле, на прямые переговоры с Суреном**. Настигнув и окружив отступающих, парфяне хотели, используя переговорный камуфляж, захватить главного виновника войны живым. Завязался короткий бой и в результате “самый матерый волк”, как он сам себя называл, лишился жизни. Не говори, что матер — встретишь более матерого!

Итогом затеянной и проваленной Крассом авантюры стала гибель восьми легионов: почти 40 тыс. римлян не вернулись из похода. Во время устроенного победителями потешного триумфа в Селевкии-на-Тигре римские трофеи были свалены к подножию трона царя царей. Одного из пленных римлян парфяне нарядили царицей, шутовски посадили на лошадь и заставили изображать Красса.

* * *

27 холодных октябрьско-ноябрьских дней и ночей длился кровавый исход антонианской армии из Атропатены в Армению.

Первая атака крылатых парфянских эскадронов, после “арт.подготовки” из луков, последовала на третий день марша и была благодаря эффективному противодействию кельтской кавалерии отбита. Следующие 4 дня усилившие арьергард и фланги римляне меньше теряли в живой силе, чем наносили урон противнику от обороны. Плутарх (Ант.42) уверяет, что раздосадованные и подавленные неподатливостью врага парфяне уже хотели

* Сурен появился у каррских стен на белом коне победителя и предложил римлянам беспрепятственный уход за Евфрат взамен на выдачу Красса и его легата Г.Кассия (будущий убийца Цезаря). Предложение было отвергнуто. Затем Крассу приспичило легкомысленно, ввиду отсутствия, по его мнению, выбора, довериться местному греку Андромаху, который вызвавшись вывести римлян ночью из города и благополучно провести к Евфрату, выдал план отступления Сурену. Причем Кассий каким-то непонятным образом пропал с марша, вернулся во главе части войск в Карры и смог позднее уйти за Евфрат в Сирию.

** Перед уходом он с горечью обреченного наказал своему окружению сказать в Риме, что погиб из-за коварства врага, а не предательски выданный соотечественниками.

под предлогом близящейся зимы прекратить преследование, как вдруг военное счастье повернулось к ним передом. Отбив очередной натиск верховых, командир одного из легионов, смельчак Флавий Галл, сам, с позволения Верховного, перешел в атаку, ввязался в затяжную рукопашную и слишком увлекся. Грубые окрики квестора Тиция с призывом дать, пока не поздно, задний ход не подействовали. Попав в окружение, теснимый отовсюду Галл воззвал о помощи. Канидий в свою очередь просчитался, посылая один за другим на выручку небольшие отряды, вместо того, чтобы как можно скорее ввести в бой плотную массу тяжеловооруженных легионеров. Ситуация сделалась критической. Авангард армейской колонны охватила паника. В последнюю минуту энергичное вмешательство Антония во главе ударной группы предотвратило окружение и гибель двух-трех легионов.

Подсчеты потерь выявили неутешительную цифирь: 3 тысячи убитых, 5 тысяч раненых; вызволенный из котла Флавий Галл умер от ран. Со слезами на глазах главком обходил и подбадривал уцелевших и искалеченных. Подчиненные отвечали ему взаимностью, именовали императором и обязывали здоровствовать.

Теперь противник устраивался на ночлег в непосредственной близости от римских стоянок, не скрывая своего презрения к римлянам. Изю дня в день парфянские всадники, чем дальше, тем напористее рвали римскую армию, словно платовские казаки уходящую из России армию Бонапарта. Они трепали ее по-волчьи, с боков, обходили спереди, били с тыла. Уверенный в победе Фраат пустил на добивание шахскую “гвардию бессмертных”. Он сам не присутствовал ни при одном сражении, постоянно находясь где-то вне поля зрения.

Согласно Диону (49,29), большинство римлян превратилось бы в перебежчиков, не поражай парфяне всех, пытавшихся сдаться в плен стрелами на глазах у их же товарищей*. Плутарх, наоборот, уверен, что большая часть армии была спасена, поскольку враг не сумел расстроить ее ряды, сломить боевой дух и нарушить порядок отступления.

Стойкость отступающих действительно поразила ожидавших полного развала парфян. Против неутихающего дождя из стрел римляне обычно применяли защитный метод “черепахи” — тестудо: панцирь из сомкнутых над головой щитов. В один из особенно ожесточенных боевых дней легионеры сомкнули щиты в коленопреклоненных позах. Удивленные парфяне приняли коленопреклонение за покорность судьбе или за капитуляцию, отложили луки, копья, пики, спешились, и держа короткие мечи наготове, приблизились. Не тут-то было: грозный боевой клич поднял легионеров в атаку, завязался жаркий бой, враг потерял множество убитыми и ретировался.

Но запал прошел, а проблем не поубавилось; преследователи опомнились и насели снова. Отступление продолжалось короткими переходами, жертвы росли. С провиантом становилось все хуже, в конце концов солдат донял и заставил питаться любыми, в том числе несъедобными кореньями голод. Потребление в пищу какого-то ядовитого растения вызвало массовое

* Орозий (6,19) пишет о множестве солдат, сдавшихся в плен.

отравление и массовую смертность. Если верить Плутарху (Ант.45), метавшийся среди этого ада Антоний не раз восклицал: “Ах, десять тысяч”, имея в виду вдесятеро меньших числом на много более долгом пути воинов Ксенофонта.

У парфян совсем иссякло терпение и они напоследок предприняли попытку выманить римлян на открытую местность, предложили им, демонстрируя мирный настрой, сократить, срезать путь. Поднятый в вытянутой руке лук с ослабленной тетивой – парфянский знак мира. Хитрость не сработала: в римский лагерь примчался тайный вестник не согласного с намерением Фраата полностью уничтожить армию вторжения Монаиза и убедил римского главнокомандующего ни в коем случае не сворачивать с избранной дороги спасения, вновь напомнив об ужасной доле Красса. Фраат гневался на Антония за обман; Монаиз благодарил давешнего и, кто знает, быть может, завтрашнего покровителя за гостеприимство.

Расстояние в 42 стадии, преодоленное за ночь, совершенно изнурило обессиленных воинов. Запас воды иссяк. К мукам голода прибавилась нестерпимая жажда. На рассвете полусонный авангард подвергся нападению. Долгожданный водный источник оказался непригодным для питья: солоноватая речная вода привела к желудочным спазмам и к усилению жажды.

Посыльный Монаиза появился еще раз, настойчиво рекомендуя римлянам без остановок двигаться до следующей реки, где вода вполне пригодна и где парфяне точно решили прекратить преследование.

Нападений и вправду больше не было. Одновременно неимоверное перенапряжение сил спровоцировало взрыв изнутри: ночной привал изнемогшей армии обернулся кровавыми междуусобными эксцессами, грабежами, убийствами из-за золота. Озверелые мародеры не пощадили даже личный багаж Верховного. В суматохе по взбудораженному лагерю разнесся слух о парфянской атаке. Потерявший голову Антоний взял клятву с верного вольноотпущенника и телохранителя Рамна, во-первых, немедленно заколоть его, как только он подаст сигнал; во-вторых во что бы то ни стало успеть обезглавить труп, отделить голову от тела и не дать добраться до нее супостату – зарыть, изуродовать до неузнаваемости, уничтожить. Брошенная к ногам Орода голова Красса, кому жестокие победители, ругаясь над мертвым, влили расплавленное золото в рот за алчность, мерещилась несчастному императору в кошмарных снах наяву.

Все обошлось. К утру тревога улеглась, мародеров обуздали, полуживые колонны пришли в движение. На шестой от последнего боя день они, никем не препятствуемые, вышли к возвешенной Монаизом реке (южный приток Аракса). Вдали, на подходе, показались парфянские всадники, но ожидаемого сражения не последовало: враги подняли луки с ослабленной тетивой, зычно воздали должное храбрости римлян и исчезли.

Легионеров охватил страх. Знаку мира никто не поверил: очередная тактическая уловка! При виде быстротечного Аракса разнесся черный слух: побоище на переправе неминуемо. Ничего похожего не случилось. Ступив на противоположный армянский берег, воины Антония падали на колени, целовали землю и плакали от счастья. Спасены!

В Армении Антоний возблагодарил богов за спасение, Артавазда (в глаза) — за хлебосольство и, стеноя сердцем, установил потери: 20 тысяч пеших и 4 тысячи конных — павших в боях, умерших от ран и болезней. Далее никчемный ледяной марш воинского большинства через мерзлое Армянское нагорье (Канидий остался с частью легионов в Армении) унес еще 8 тысяч жизней без всяких боев. Итого “Великая армия” потеряла 32 тысячи человек — треть личного состава. Причем сам пресыщенный войной (и позорищем) император подался (в возке?) вперед, к морю.

Бонапарт бросил остатки погибающей обмороженной армии у Березины и отправился в крытом возке в Париж собирать новую. Есть такой анекдот. Где-то на границе герцогства Варшавского герой Аустерлица не удержался, выглянул из возка и грозно спросил пограничный патруль: “Много дезертиров?” Патрульный офицер ответил: “Никак нет, Ваше величество, Вы — первый.”

Кстати, современный французский биограф-симпатизант Антония Ф.Шамо пишет*, что совокупный баланс похода не был полностью негативным: экспедиция рекогносцировала стратегию и тактику противника, обеспечила безопасность Сирии, нейтрализовала на время агрессивные поползновения соседней державы. Гм!!! По таковской логике можно заявить, что результат наполеоновской войны в России не был для Наполеона полностью негативным: пришлось, немного погодя, пенсионироваться сначала на Эльбу, потом за экватор, в Атлантику.

Плачевный поход 36 г. сломал императора и триумвира. Отсюда, несмотря на всю помпезную фонограмму ближайших лет, его жизнь и карьера безвозвратно пошли на убыль. Раньше он умел собрать, когда надо, римскую волю к победе в кулак и плыть против течения. После парфянского похода он плыл по течению, безвольно отдавшись волнам. Именно в 36 г., в год крушения амбициозных планов на Востоке, М.Антоний вышел на финишную прямую к *акцийскому Ватерлоо*.

В декабре 36 г. хмурый распорядитель Востока ждал на средиземноморском берегу появления парусов Клеопатры, ютясь подальше от суеты в маленькой деревушке Левке-Коме между Бейрутом и Сидоном. Побывав проездом в Антиохии, он заменил на легатском посту Г.Сосия Мунацием Планком. Во время парфянского похода Сосий бдил в Сирии, на Евфрате, и привел к повиновению, взяв либо штурмом, либо измором упорствовавший как до прихода, так и со времени ухода парфян мятежный финикийский Арад**.

* Chamoux, François “Marcus Antonius: der letzte Herrscher des griechischen Orients”, Paris 1986 (Ins Dt. übers. von W. Kügler).

** Дион сообщает о падении Арада под 38 г. до н.э., которым неверно датирует и Гиндарскую битву, и отставку Вентидия, и покорение арадийцев, и даже взятие Сосием Иерусалима (49,19-22). Притом абзацем выше (49,18) речь идет о событиях 35 г. — о конце С.Помпея; а 49-я книга в целом охватывает события 36-33 гг. до н.э. Каким образом в нее, грубо нарушая анналистику, втесались датированные по консулам 38-й и 37 гг.? (49,23,24). Понятно, что Дион мог суммарно отожд-

Наконец Клеопатра явилась: привезла подарки и деньги для легионеров, поприветствовала всех, забрала продрогшего, согревающегося чрезмерным винопитием избранника и увезла в Александрию. Ее час — час царицы Египта — пробил.

* * *

Год провала Антония на Востоке в год консульства Л.Геллия Попликола и М.Коцея Нервы (брат Нервы-миротворца) в Риме стал годом триумфа Октавиана на Западе.

Слово Светонию: “Сицилийская война была одним из первых его начинаний, но тянулась она долго, с частыми перерывами: то приходилось отстраивать флот, потерпевший крушение в двух бурях, несмотря на летнее время, то заключать перемирие по требованию народа, страдавшего от прекращения подвоза и усиливающегося голода. Наконец он заново выстроил корабли, посадил на весла 20 тысяч отпущенных на волю рабов, устроил при Байях Юлиеву гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера; и после того как его войска обучались там в течение всей зимы, он разбил Помпея между Милами и Навлохом (Авг.16).

Не в одночасье.

Операция началась 1 июля 36 г. = 718 г. а.У.с. (Аппиан 5,97,98) при хороших предзнаменованиях, в месяц божественного Юлия. Три флотские эскадры из ПUTEОЛ, Тарента и Африки взяли курс на Сицилию с намерением овладеть островом.

Третий не-лишний Лепид все-таки откликнулся на зов и снялся с африканского якоря, ведя 70 судов, 12 легионов и 5 тысяч нумидийских всадников. Из Тарента к острову циклопов направились антонианские корабли под командой Статилия Тавра. Флагманскую эскадру из ПUTEОЛ вели Октавиан и Агриппа. Внушительная увертюра лопнула: мощный, наподобие прошлогоднего, шторм, поднявшийся на третий день с юга, казалось, расстроил все планы. Только Лепид, сколь ни странно, сумел десантироваться на крайнем сицилийском западе, но что он мог в одиночку, кроме как окопаться? Статилий Тавр вынужденно вернулся в Тарент.

Стихийное бедствие нанесло флагманской армаде серьезный ущерб: потери исчислялись в 6 крупных и 26 мелких судов. Для приведения в пригодное состояние прочих изрядно потрепанных боевых единиц требовалось не менее 30 дней. Впереди предвиделись осенние непогоды. Отсрочка всего предприятия еще на год была чревата дурными внутрииталийскими последствиями и новым всплеском популярности Помпея, рим-

дествить (и наверняка, не вникая в вассальные детали, отождествил) год назначения Ирода царем с годом его воцарения в Иерусалиме; мог также ошибиться, сдвинувшись из 37 в 38 г. И тем не менее, почему завоевание Иерусалима датировано 38 г.? Ведь, если придерживаться присущего Диону анналистического принципа, то за 35 г. в книге, посвященной 36-33 гг., должен азбучно следовать 34 г. до н.э. — истинный год завоевания Иерусалима. Кто повинен в хаотической путанице, сам Дион или позднейшие переписчики?

ские симпатии к которому не в последнюю очередь (парадоксально) подогревал продовольственный кризис. Если первым мафиозо на Сицилии был одноглазый циклоп Полифем, то вторым сделался Секст Помпей.

С 49 г. он не бывал в Риме, не имел возможности столично и самолично ковать политический капитал, не доучился, недообтесался. С 43 г., заделавшись островитянином, досаждал цезарианцам, морил Италию голодом, нагло грабил италийское побережье. И все равно многие в Вечном городе и в Италии его, словно легендарного Робин Гуда, заочно любили, о нем рассказывали самые невероятные истории; по поводу повторного шторма, например, говорили: “И боги помогают Помпею”. В 36 г. Сексту исполнилось 39 лет. Этот Ихтиандр с жабрами молодой акулы вместо легких никогда не был ни созидателем, ни политиком. Он был классический возмутитель спокойствия, мятежник, авантюрист, *овод*, азартный игрок ради азартной игры, почти Спартак, призвавший рабов к свободе. Этот борец за абстрактные идеалы, этот не лишенный ни притягательности, ни обаяния политиканствующий уголовник спас в дни изуверских проскрипций триумвиров сотни бежавших на Сицилию римских граждан. Но он же коварно убил Помпея Вифиника и Стайя Мурка; он же умел проявить искреннее благородство; он же не в шутку возомнил себя полубогом. Да, он с удовольствием носил личину благородного разбойника. Однако на 40-летнем рубеже с ней или в ней далеко не уедешь. Разве, что уплывешь, да и то недалеко: сцапают и поставят к стенке.

Пока же, под момент, разрушительный шторм вызвал фрондерское выражение симпатий к крамольнику в столице: слушки, смешки, стишки, глухой ропот. Уполномоченный Октавианом Меценат поспешил для поддержания порядка в Рим и принял на себя общий надзор за Италией.

Помпей непростительно упустил драгоценную передышку, не воспользовался ею, чтобы сбросить Лепида в море, довольствуясь удержанием фронта. Напряжением всех сил будущий Август добился возобновления операций в августе. Поняв, что карта стареющего патрона бита и что вокруг пахнет жареным, Менодор в очередной раз поменял хозяина: был прощен и, разумеется, не без недоверия, под усиленным “колпаком”, снова принят на службу. Летом 39 г., после трудного Мизенского соглашения, он в часы веселой трапезы на помпеянском флагманском судне предложил шефу разрубить гордиев узел — враз избавиться от замлевших за столом триумвиров. Секст ответил: “Дорогой Мена, тебе следовало сделать это, не ставя меня в известность. Теперь слишком поздно, я — не клятвопреступник”.

Между тем, Статилий Тавр с флотом в 102 боевых корабля подошел к Скилайону из Тарента. Сам Октавиан повел флагманскую эскадру из Гиппония к острову Строгил, передал командование ею Агриппе, вернулся в Гиппоний, возглавил сухопутную армию высадки и двинул во главе ее в Скилайон. Операция началась.

В августовской битве у Мил (северо-восток Сицилии) выдающийся флотоводец М.Агриппа, получивший задание сковать вражеские корабли и тем генерально способствовать, во-первых, свободному проходу судов с армией на борту через узкий пролив, во-вторых, десантированию армии на остров,

развевал миф о непобедимости С. Помпея на море. Последний лишился 30 боевых кораблей, тогда как потери противника составили всего 5. Жаркое сражение своевременно отвлекло внимание и силы островитян, Октавиан успешно проскользнул между Сциллой и Харибдой, пришел в Левкопетру, оттуда поутру тронулся на Сицилию и силами 3 легионов, 500 всадников, 1000 легковооруженных, 2000 ветеранов высадился без помех южнее Тавромена, где, не медля, разбил лагерь. Валерий Мессала оставался в это время с остальными силами на юге Калабрии.

Срочно стянутые помпеянцы не решились атаковать десант в наступающих сумерках. До утра армия высадки укрепила занятые позиции.

Октавиан рискнул, передав командование Л. Корнифицию, лично вернуться на материк за основной массой войск, подвергся морской атаке помпеянских капитанов-вольноотпущенников Аполлофана и Демохара, разгромно (имея в распоряжении лишь устаревшие суда Антония) проиграл и чудом на единственном не потопленном и не захваченном корабле достиг калабрийского берега. Здесь его два дня спустя обнаружили в укрытии солдаты Мессалы. Дабы опровергнуть слух о собственной гибели, понадобилось неотложно демонстрироваться всем войсковым подразделениям вживе. Слух все же докатился до Рима и вызвал волнения. Меценат прибег к крутым мерам.

Второй удачный десант с острова Липара, куда были переправлены 4 калабрийских легиона, в район занятого Агриппой Тиндара и соединение октавиановского воинства с Лепидом вылились в конфликт, который, створившись африканский триумвир с Помпеем, мог кончиться для Октавиана летально. “Бронзовый призер” вдруг заартачился и подал заявку на первое место.

Тем охотнее Октавиан принял вызов Помпея на решающее морское сражение. Враждебные армады (по 300 судов от каждой стороны) сошлись у Навлоха 3 сентября 36 г. до н.э. Над синими тирренскими волнами разыгрался заключительный акт семилетнего противоборства. Молодой Цезарь и армия наблюдали за батальей с берега. Светоний пишет: “Перед самым сражением его внезапно охватил такой крепкий сон, что друзьям пришлось будить его, чтобы дать сигнал к бою. Это, как я думаю, и дало Антонию повод оскорбительно заявлять будто он не смел даже поднять глаза на готовые к бою суда — нет, он валялся, как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и тогда только встал и вышел к войскам, когда Марк Агриппа обратил уже в бегство вражеские корабли...” (Авг. 16).

Оставим “брюшной сон” на совести Антония: когда позже шла холодная, в преддверии горячей, пропагандистская война нервов, Рим и Александрия не стеснялись ни в выражениях, ни в средствах. К слову, это Наполеон не до, а после Ватерлоо заснул крепчайшим сном.

Октавиан сдержал обещание победить наперекор покровителю Помпея — Нептуну. Отважный фронтальный прорыв Агриппы сквозь самонадеянно парадный строй вражеской эскадры, быстрое расчленение оной и абордажное одоление по частям дали в сумме блистательный результат: Агриппа, если верить Аппиану (5,121) и Орозию (6,18), потерял всего 3 судна, Помпей — 163, из них 28 потопленными, 135 захваченными. Лишь 17 пом-

пеянских кораблей уцелели* и ушли к Мессане. Разбитый в пух и прах пасынок Посейдона стремительно покинул проигранное Тирренское море и устремился к морю Эгейскому, на Лесбос, в надежде крепко подружиться с Антонием. Октавиан запретил его преследовать. Зачем? Пусть теперь у Антония голова болит.

Глупо прождав до исхода морской баталии, Лепид осмотрелся и запретендовал на Сицилию: не попросил, но в расчете на свои 20 легионов (12+8 сдавшихся ему помпеянских) приказал коллеге-триумвиру убираться прочь. Однако не минуло и двух недель напряженного противостояния, как он, брошенный перешедшими на сторону Октавиана легионами, припелся к нему в трауре молить о пощаде. Наказание состояло в лишении триумвирального достоинства, в нескрываемом презрении и в толерантной ссылке до конца земных дней в Цирцеи. Сакральное пожизненное право на верховный понтификат Цезарь II у ссыльного не отобрал.

Капитуляция Лепида имела место около 20 сентября. Конец сентября и октябрь ушли на вознаграждение победоносных воинов, на усмирение чайтелей более высоких наград и на увольнение в запас служивых со дней Мутины и Филипп особенно крикливых дембилей-ветеранов. Статилий Тавр привел к повиновению обложенную контрибуцией в 1600 талантов Сицилию и отправился легатствовать в экс-лепидовскую Африку.

Сенат декретировал Октавиану овацию и почетную трибунскую неприкосновенность, постановил ежегодно праздновать день Навлоха 3 сентября** во все времена и воздвигнуть победителю золотую статую с надписью, оповещающей мир о восстановлении им нарушенного гражданской войной мира на море и на суше.

13 ноября 36 г.*** диарх-триумфатор вступил в Рим с овацией. В обращении к сенату и народу он объявил, что гражданские войны позади, что жертвы, жестокости и ограничения свобод являлись следствиями крайней необходимости, что отныне римлянам предстоит воевать только против варваров, что порядок и мир повсеместно восстановлены.

М.Випсаний Агриппа получил в награду за Милы и Навлох корону *rostrata*.

* * *

А как прошел достопримечательный 36 г. до н.э. для Ирода?

В отличие от него, последний Маккавей****, будучи типичным представителем уходящей эпохи и династом поры трагического заката вымирающих династий, не обладал ни широтой римско-имперского кругозора, ни интегральным потенциалом к сотрудничеству с присвоившим ойкуменическое наследие взломщиком границ — державным Римом. Имманентная

* Согласно Флору (4,8), всего 6 или 7.

** CIL I² p. 214,244.

*** CIL I² p. 50,77,180.

**** Он носил два имени: Маттафия — как первосвященник иудейский; Антигон — как иудео-эллинистический монарх.

сущность иудейства обязывала к признанию за народом Бога Единого особого статуса, обязывая в свою очередь само еврейство (при абсолютной невозможности как-нибудь отгородиться от вездесущего Рима) к выдвижению из иудейской среды незаурядного посредника в сношениях и соотношениях между протекторатом и метрополией. Недаром идущие в ногу со временем Антипатриды и их квинтэссенция — Ирод, так продуктивно вписались в восточно-средиземноморскую конъюнктуру Помпея, Цезаря, республиканцев, Антония и Августа. Выражаясь образно, не будь Ирода, Иудейская война 66-73 гг. грянула бы столетием раньше! Веспасиан и Тит много бы дали, чтобы иметь такого вот пособника в римских рядах, на стороне римлян. Не нашлось и не могло найтись. Время было другое. Иосиф Флавий — этот своего рода Ирод I в. н.э., слава Богу, в Ироды не сгодился.

Впрочем, пока Ирод только на пути к вождельной вассальной власти. Не ранее поздней весны 36 г., после понадобившегося, из-за зимнего похода, продолжительного отдыха для войска, он, покинутый ушедшим к Антонию Силоном, выступил против галилейских “разбойников в пещерах”.

“Эти пещеры, находясь в отлогих горах, были неприступны: только очень узкие, извиленные тропинки вели вверх к ним, а скалы, на которых находились их отверстия, отвесно ниспадали вниз в зияющие пропасти. Недоступная местность делала царя долгое время беспомощным. Но, наконец, он придумал чрезвычайное средство. Он приказал сильнейших своих воинов опускать вниз в ящиках на канатах для того, чтобы они могли проникать в отверстия; здесь они рубили разбойников вместе с их семействами и бросали пылающие головни в тех, которые сопротивлялись. Охотно бы Ирод захватил в свои руки некоторых из них живыми, он с этой целью предложил им через герольда самим выйти к нему. Но никто не сдавался добровольно и даже из побежденных многие предпочитали смерть плену. Один старик, отец семерых детей, следующим образом убил последних. Он встал у входа в пещеру, приказал им выходить поодиночке и заколол каждого отдельно появившегося сына. Ирод, потрясенный этой сценой, за которой он издали наблюдал, простирал правую руку к старику и умолял его пощадить собственных детей. Но старик и слышать его не хотел: резкой бранью он напомнил Ироду о его низком происхождении, умертвил еще свою жену над трупами детей, и швырнув их вниз по отвесной стене, сам вслед за ними бросился в бездну.

Таким образом Ирод овладел пещерами и их обитателями. После этого он часть войска, казавшуюся ему достаточной для подавления могущих возникнуть волнений, оставил под предводительством Птолемея, а сам с 3 000 тяжеловооруженных и 600 всадников отправился в Самарию против Антигона. Его отъезд опять ободрил виновников обычных беспорядков в Галилее: неожиданным нападением они умертвили полководца Птолемея, опустошили страну и ушли в болота и другие малодоступные местности. Извещенный о восстании Ирод быстро явился на помощь, истребил огромную массу зачинщиков, освободил все осажденные крепости и взыскал со своих врагов в наказание за поднятое ими восстание 100 талантов” (И.в.1,16,4,5).

Так называемые пещерные разбойники 30-х гг. I в. до н.э. — это, как сказано, протозилоты и протосикарии, преемники атамана Езекии, лютые ненавистники римского владычества и ставленника римлян — узурпатора-эдомита. В этнически шахматной Галилее, на иудейских обитателей которой в собственно Иудее смотрели свысока (видя в них полукровок и прозелитов), хватало как эмансипированных иудеев, так и ортодоксов поправовернее самого первосвященника. Оттого в сложившихся условиях здесь повсюду полыхал огонь.

Политическая география Палестины 36 г. вырисовывается рельефно. Страна охвачена гражданской войной с зачастую фронтом без флангов и с фронтом за линией фронта, но при всем том преимущественно антииродианская Иудея сжата с севера и юга преимущественно проиродианскими Самарией и Идумеей; районные центры Галилеи завоеваны Иродом, на периферии же, напротив, дерзко орудуют партизаны. Их осино-пещерные гнезда, откуда они совершали опустошительные вылазки, терроризируя округу, находились западнее Тивериадского озера, в окрестностях Арбелы (Ирбид). Идумея была для Антипатридов и иродианской монархии (особенно в ее начальной стадии) все равно, что для русских царей область войска Донского, где набиралась “железная гвардия трона”; а самаряне представляли собой традиционную “пятую колонну” в истории послевавилонского еврейства Земли Обетованной на всем протяжении эпохи Второго храма.

Если Антигон был не в состоянии прорваться через Самарию и оказать помощь прохасмонеийски настроенным галилеянам, то Ирод был аналогично не в состоянии покорить без помощи римлян враждебную ему Иудею. Одолев партизан в пещерах, он попробовал оставить часть войска в галилейском тылу и померяться с Антигоном силами на юге Самарии, но тотчас получил взрыв со спины и вынужденно вернулся для подавления восстания обратно.

В процитированных выше абзацах “Войны”, синхронных рассказу “Древностей” (14,15,5,6), лаконично отображена вся внутripалестинская кампания 36 г. Она, как видим, локализована галилейским театром военных действий; исключение составляет кратковременный поход Ирода к границам Иудеи, в Самарию, и преждевременный поворот назад. Событийность в пределах года кажется на первый взгляд не слишком насыщенной, однако, при последовательном раскладе все произошедшее в сумме (поздний уход на зимние квартиры; долготрудное оборение пещерных партизан; самарийский марш; возвращение; кровавое умиротворение галилеян в болотах и неприступных местностях; освобождение осажденных ими крепостей), как нельзя лучше укладывается в промежуток времени от второй половины весны до осени/зимы 36 г.

Да и слабо было оставленному римлянами в одиночестве Ироду добиться в тот год чего-то большего.

Правда, согласно наличным флавиевским текстам, никакой зимы и зимних квартир после описанного усмирения Галилеи вроде бы нет. Дело в том, что очередная зима (или вторая, средняя, из трех зим) в период от Иродова назначения царем до завоевания Иерусалима у Флавия выпала, так как отсутствовала в пользуемом им источнике и не соответствовала его

хронохиме, сообразно которой галилейская драма с убийством Птолемея и последующей экзекуцией имела место не в 36, но в 37 г. по “Войне” и в 38 г. по “Древностям”. То есть согласно И.Флавию, между царским назначением Ирода и завоеванием Иерусалима всего две, а не три зимы.

Смотрим продолжение авторского текста:

“Тем временем Пакор пал в битве и счастье отвернулось от парфян. Тогда, по приказанию Антония, Вентидий послал Ироду на помощь Махера с двумя легионами и тысячей всадников” (И.д.14,15).

“После того, как парфяне были изгнаны из страны и Пакор был убит, Вентидий, по приказанию Антония, послал Ироду тысячу всадников и два легиона в помощь против Антигона” (И.в.1,16,7).

В объективе грубый, но помогающий реконструировать истину рубежный анахронизм. Пакора нет в живых с лета 37 г.; Вентидий в Риме с осени 37 г.; сейчас на дворе не 38 и не 37, но конец 36 г. до н.э., когда счастье не только не отвернулось от парфян, но широченно ослабилась парфянам. Они прогнали Антония в шею, и прибыв зимой в Сирию, он накануне отъезда в Египет приказал не Вентидию и не Сосию, а новоназначенному сирийскому легату Мунацию Планку послать весной в помощь Ироду два легиона и тысячу всадников.

Что же касается похеренной Флавием средней из трех зим, то опустить ее просто-напросто невозможно, ибо события от весеннего начала операции против пещерных инсургентов до отсрочивших (якобы без промежуточной зимы) осады и взятие Иерусалима зимних холодов никак, ну ни под каким соусом, не умещаются в один-единственный сезон, в одну годовичную кампанию, о чем мы, как любит выражаться Иосиф Флавий, подробно побеседуем ниже.

* * *

Лечебно-профилактическое время начала 35 г., проведенное Антонием в Александрии, не пропало даром: Клеопатра времени напрасно не теряла. Распорядитель Востока утешился и был подведен к безвыборной ставке на египетскую пирамиду, как на маковку вселенной, плюс ставки на Александрию, как на перспективно неподотчетную Риму столицу. Грубо говоря, Александр Македонский из него не получился: пришлось переквалифицироваться в александрийские управдомы.

Стопроцентный западный успех Октавиана, конечно, больно полоснул так обидно оплошавшего коллегу и родственника. Вдобавок ко всему, в антонианских территориальных водах объявился, легок на помине, сумасбродный анархист-максималист С.Помпей. Замена Сосия в ключевой на римском востоке Сирии Планком была вызвана, по всей видимости, ничем иным как появлением в опасной близости на Лесбосе Помпея. Вероятно, Планка, как и приходившегося ему племянником Тиция, разделяла или, точнее, связывала с Помпем глубокая вражда (о Тиции это достоверно известно)*, отчего Антоний предпочел держать неугомонного смутьяна на

* См.Аппиан (5,142,144).

мушке именно через них обоих — через памятливых дядюшку с племянником. Летом 35 г. Секста (во многом их усилиями) не станет и Сосий сделается легатом Сирии вторично, т.е. резонно предположить, что Планк в качестве наместника опорной азиатской провинции и при нем Тиций нужны были Антонию как ярые антагонисты Помпея.

Впрочем, лето еще не наступило: обветшалый герой Филипп пока в зимней Александрии, не в одиночестве и в думах. Лепид досрочно отправлен на пенсию, Октавиан неудержимо ползет вверх, за ним стоит Рим; 10 тыс. обещанных в Таренте легионеров не дослал, отнятыми у Лепида Африкой и у Помпея Сицилией не поделился. Чем и кем противопоставиться зазнайке шурина (дабы, в случае необходимости, говорить с ним на равных), если не богатейшим Египтом и если не царственной Клеопатрой. Дорога назад отрезана. Вперед не пустили парфяне. Быть вторым при мальчишке Октавиане? Ни-ни! Рожденный для вторых ролей, отличный служака и неплохой тактик под стратегическим началом какого-нибудь выдающегося вождя, но сам отнюдь не вождь и не стратег (кишка тонка), Антоний с момента убийства Цезаря рвался себе же на беду не танцевать, но заказывать музыку. Октавиану — начальнику Рима, всего 27; ему, исполосованному боевыми рубцами и убеленному седыми висками, скоро 50; поезд вот-вот уйдет; когда-то ведь надо прыгнуть в дамки. Где и откуда? Разумеется, в стране-на-Ниле и из страны-на-Ниле; все равно выбирать уже не из чего. Он и раньше не мог устоять перед соблазнами Востока, он и раньше был привержен Востоку душой и сердцем больше, чем Западу. Ныне ориентализация личности вступила в завершающую стадию.

Клеопатра выводила себя от Птолемеев, Александра и дальше от Тутмоса с Хеопсом, от 30 египетских династий, уходящих в незапамятное, в непроницаемое былое. В ней и с ней доисторическая звезда страны пирамид взошла над горизонтом в последний раз, чтобы, словно потухающий светильник (или выгорающая лампада), ослепительнее всего вспыхнуть напоследок. Восставшая за ее спиной из гроба трехтысячелетняя египетская мумия вознамерилась мумифицировать мир, повернуть эволюцию вспять, переориентировать все дороги, ведущие в Рим, на Александрийский маяк. Посредством плодородного синтеза фараонского *позавчера*, эллинистического *вчера* и римского, в облике Антония (при Клеопатре), *сегодня* в лице престолонаследных Цезариона и Александра Гелиоса, *завтра* Египту уготовано великое будущее. Не имеют ли Египет и Эллада больше прав на Ойкумену, чем выскочка Рим — эти могучие торсы и грубо посаженные на них тупоумные головы; эти погромные челюсти, способные перемалывать камни. Для победы над неотесанными потомками троянцев надобен новый вариант троянского жеребца!

Римлянин в Антонии дышал на ладан. Этот Эней навсегда останется в гостях у Дидоны.

Между тем, решивший было сложить все присвоенные инсигнии, позабыть обо всех амбициях и безоговорочно ввериться М.Антонию С.Помпей снова поднял голову.

По дороге из Мессаны осенью 36 г. он, признав свою карту битой, скинул адмиральскую мантию, и страшась быть опознанным либо услышанным в море, велел снять с подневольных гребцов цепи и погасить судовые огни. Затем, удивившись отсутствию погони, не забыл, плывя мимо бруттийского юга Италии, ограбить лакинское святилище Геры. На острове Кефаления повстречал многих беглецов-соратников, распустил большинство из них, посоветовав рассеяться и спастись кто как может. Потом продолжил путь и с малым числом наиболее преданных сторонников причалил к Лесбосу. Первоначальное намерение отдаться в распоряжение или сдаться на милость Антония кажется вполне искренним. Некогда в дни Перузийской войны Секст гостеприимно принял Антониеву мать Юлию и с почетным эскортом препроводил ее навстречу сыну в безопасную Грецию. Долг платежом красен.

Лесбосцы встретили изгнанника в память о Помпее Магне и об оказанных им острову благодеяниях восторженно. Азийский наместник — антонианец Гай Фурний не проявил к незваному гостю враждебности, поскольку, как пишет Аппиан (5,137), не располагал достаточными воинскими силами и не знал позицию начальства, в связи с чем решил ничего не предпринимать (если поднадзорный объект не спровоцирует) до возвращения шефа из парфянского похода*.

На Лесбосе разбитый в пух и прах пораженец обсох, распрямил спину, понемногу оклемался и даже, когда сюда докатилась молва о траурном исходе парфянской авантюры, задорно распетушился. Капитулянтские настроения претерпевали занятную метаморфозу. Безмерное, смертельно оскорбленное честолюбие всплыло, подобно утопленнику, брюхом вверх, но утопленник не понимал, что сделался политическим трупом и удумал поставить на кон еще раз. При всем разительном междусобойном различии они, несостоятельный “Дионис-Осирис” и несостоятельный “Нептун”, разительно схожи: оба недооценили осторожного трезвенника Цезаря Меньшого, всегда тендируя к союзу во вред ему; оба в сто раз переоценили себя. И все-таки не сошлись.

Восточнее островной Митилены лежали малоазийские просторы. Секст лихорадочно мозговал: совсем недавно Лабием владел ими под крылом у парфян, чеканил монету и именовался императором. Почему бы не стать вторым, удачливым Лабиемом; может быть, тут, в поражении Антония, кроется крутой шанс. Узнав об отъезде атропатенского “героя” в обществе коронованной утешительницы в Египет, Помпей Минор запрезириал неудачника, заново облекся в командирскую мантию и привел свое малое войнство в повышенную боевую готовность**.

* Дион (49,17) пишет об изначальном недружелюбии Фурния; Аппиан — скорее, о миролюбии. Правда лежит посередине.

** За истекшее время к Лесбосу постепенно стянулись беглые помпеянцы.

Он затеял двойную игру: снарядил послов в Египет и одновременно послал гонцов-лазутчиков к местным династам во Фракию, в Понт, в Армению и к царю царей в победоносную Парфию. Цель? Привлечь, кого удастся, к союзу, прощупать возможности создания базы для строительства черноморско-помпеянского флота и обеспечить, на случай провала, уход через Армению в Ктесифон. Абсурдное сумасбродство всех этих тайных контактов-проектов очевидно и исчерпывающе характеризует элементарную неспособность постсицилийского ирреалиста к мало-мальски взвешенной калькуляции. Вероятно, молва об атропатенском крахе докатилась до Лесбоса гиперболически: треть не вернувшейся из похода армии переросла в три четверти, что и ввело незадачливого заговорщика в крайнее заблуждение.

Зимние посланники в Александрию без обиняков предложили высокочтимому Антонию антиоктавиановскую дружбу: задействовали больные струны автократора — напомнили о недоданных легионерах, о победе над Секстом при помощи Антониева флота, указали на устранение Лепида и на безвозмездную узурпацию Африки, плюс Сицилии. В конце концов они проникновенно раскрыли карты: Антоний-де сейчас единственный, кто в состоянии противостоять неприкрытым самодержавным поползновениям римского моновира на земле и на воде; Помпей же — сын водной стихии. Все бы хорошо, однако, неожиданно вышел конфуз. В ходе аудиенции в Египет были доставлены Помпеевы гонцы в Парфию, перехваченные по пути с поличным. Не смущенные очной ставкой и то, и другое посольства без краски стыда извинились за излишнюю горячность патрона, оправдывая поведение несчастного экзюлянта неуверенностью в завтрашнем дне и стремлением перестраховаться, найти всего-навсего постылое убежище на чужбине в случае неприятия протянутой руки. Все, дескать, тотчас устроится, стоит лишь Помпею получить благожелательный ответ на александрийский запрос.

Хвалимый Аппианом (5,136) за “прямоту, великодушие и неумение кривить душой” Антоний не изменил распоряжений, которые отдал своим легатам еще в декабре, находясь в Сирии. На имя проконсула Азии Г.Фурния пошел тогда приказ держать совместно с вифинским наместником Д.Агенобарбом ухо остро, не выпускать лесбосский объект из-под пристального наблюдения, соблюдая, при миролюбии объекта, нейтральную дистанцию. С другой стороны, племянник Мунация Тиций готовился по весне направиться с флотом на Лесбос и, согласно инструкции, если Помпей проявит добрую волю, препроводить его к Антонию, если нет — пустить в ход оружие. Как видим, послепоходный Антоний не махнул рукой в сторону Лесбоса, приняв зимой все необходимые меры предосторожности.

Констатиrowав военные приготовления островитянина, Фурний сразу обратился к вифинскому соседу Д.Агенобарбу и к галатскому царю Аминту. Те незамедлительно откликнулись и во главе подкомандных воинств явились. Секст громко запричитал — не виноватый, мол, я, вооружаюсь для блага вашего главкома — и параллельно замыслил похитить доверенного антонианца Д.Агенобарба в качестве заложника. План обнаружился и полетел к черту. Срыв покушения подтолкнул действие. Не дожидаясь ответа из Александрии, Помпей высадился в районе Дарданелл и захватил Лампсак.

Среди поселенных здесь Цезарем италийских ветеранов он, раскошелившись, быстро набрал три легиона и 300 человек конницы. Попытка овладеть Кизиком на берегу Мраморного моря успеха не имела. Атака была отбита с суши и с моря, следом за чем нападающие спешно ступили в Трою. Фурний и Домиций попробовали до подхода кораблей Тиция блокировать прижатого к морю противника. Тот, применив обходной маневр, отважно вырвался из окружения, юрким броском на северо-восток занял Никею и Никомедию, заполучил-таки южный берег Мраморного моря и, можно сказать, достиг в общем определенного результата: закалифствовал на час. Армия росла, ряды ее пополнялись, недовольные высоким налогообложением босяковатые провинциалы стекались к обещающему молочные реки и кисельные берега вольнолюбцу.

* * *

Едва двучленные посланцы-младопомпеянцы изрекли свое веское слово и неизвестно, покинули Египет? или были взяты там под стражу? как в Александрию нежданно-негаданно заявился с радостной вестью Полемон Понтийский. Плененный Артаваздом Мидийским во время уничтожения обоза Статиана, он освободился за выкуп и теперь извещал Антония о ссоре Артавазда с Фраатом, посреднически предлагая от имени первого союз и дружбу. Сообразно Плутарху (Ант.52) и Диону (49,33), Фраат обидно обошел атропатенского венценосца при дележе походной добычи. Видимо, к тому же, Артавазд убоился тиранического произвола победителя и решил довериться антонианскому верховному покровительству, т.е. занять на Востоке то буферное положение по поддержанию равновесия между сверхдержавами, которое занимал Артавазд Армянский. Дальний протектор, да еще вкупе с элиминированным армянским недругом-тезкой, выгоднее и безопаснее ближнего, тем более, что у непредсказуемого тирана Фраата вот-вот начнутся внутренние трудности – на повестке дня частая нестабильность в Доме Иранском. Итак, ситуация во всех случаях обязывала главкома к обязательному личному присутствию в узловой Сирии, куда Антоний весной 35 г., без сомнения, сопровождаемый Клеопатрой, отправился.

По вопросу его географических перемещений в данном году среди античных авторов нет ни единства, ни ясности. Соответственно Плутарху (Ант.52,53), он впервые после Тарента попал в Египет не раньше середины/второй половины 35 г., иначе говоря, не отплывал в Александрию, возвратившись из похода зимой; Плутарх сообщает о приезде Клеопатры с деньгами и теплым обмундированием для воинов в Финикию, но молчит о зимнем отъезде царственной четы в страну-на-Ниле. У Аппиана (5,136) постпарфянский Антоний однозначно принимает помпеянских посланцев в Александрии и далее ни словом не упоминается его отъезд в том же году в Сирию. В отличие от Плутарха и Аппиана, Дион приложительно к текстуально разорванному 35 г. фиксирует как антонианское пребывание в Александрии (49,18), так и временный отказ Антония на уже начатом в северном направлении марше от походных видов – вроде бы на Армению (49,33).

Скомбинируем информацию классиков и выведем среднее арифметическое. Зимой наш герой утешился и прошел обработку в Египте, а с весной двинул в Сирию. О реализации крупных военных планов в 35 г. серьезно и говорить нечего: ни полководец, ни армия на них не тянули, прошлогодний шок еще не прошел. Соблазнительная весть Полемона свалилась, как снег на голову или излилась, как бальзам в душу. Надлежало поразмыслить о предприятиях следующего года и максимально использовать год текущий для наведения образцового державного порядка в собственном (афро)-азиатском доме. Чем поднять боевой дух проигравшего воинства? чем залечить кровоточивую рану? чем облегчить себя? Локальными, практически достижимыми победами.

* * *

И вот по весне 35 г. свежeproинструктированный М.Тиций отплыл, предводительствуя флотом в 120 судов, разобраться с С.Помпеем; Канидий Красс выступил из дружественной Армении в поход на Иверию и Албанию; сам Антоний не позднее апреля-мая осадил Самосату. Впрочем, сначала он письменно отвалил изготовившуюся приехать к нему супругу Октавию. Согласно Плутарху (Ант.53), она прибыла из Рима в Афины, где ее ждала отписка мужа с уведомлением о предстоящем походе; согласно Аппиану (5,138), она провела зиму в Афинах; согласно Диону (49,33), тронулась в путь из Рима. Так или иначе, Антоний узнал о намерении Октавии прибыть с открытием судоходства к нему из Греции в Сирию (не в Египет же!) еще зимой, по возвращении из Атропатены, и к весне отправил ответ, причем как пишет Плутарх, веля ей оставаться в Афинах, то есть в его владениях; как пишет Дион, — веля возвратиться в Рим. Понимая истинную нефронттовую подоплеку отвода и пав духом, она, тем не менее, покорно написала, что имеет передать ему 2 тысячи преторианских гвардейцев, амуницию для солдат, деньги, подарки и вьючный скот для нужд армии. Письмо доставил Нигер, друг Антония, который изъявил благодарную готовность принять дары, но принятое решение не изменил.

Это оскорбительное обхождение Октавиан предвидел. Весной он сам, зная, вопреки победной антонианской реляции, правду про парфянский поход, и силясь, минимум внешне, вернуть еще не совсем пропавшего блудного сына отчизне, послал зятю 70 уцелевших из числа полученных в Таренте судов, присоединив в довесок к так называемым дарам Октавии эскадрон конницы.

О коннице прослышал, соогласно свидетельству Аппиана (5,138), Помпей и захотел перехватить кавалеристов на переправе из Македонии, купить их за золото. Не сладилось: македонский наместник-антонианец оказался начеку, конфисковал помпеянское золотишко и раздал ратным всадникам — объекту запланированного подкупа.

Ниже у Аппиана читаем: “В начале весны к Фурнию подошли сперва 70 судов из Сицилии... потом 120 с многочисленной армией на борту под командованием Тиция из Сирии” (5,139).

* * *

Таким образом, дав заочно из Антиохии красный свет жене Октавии в присутствии успокоившейся подруги жизни Клеопатры, Антоний махая после большой проигранной драки кулаками по-маленькому, грозно выступил против Антиоха Коммагенского и осадил не взятую два года назад Самосату. Повод? Повод всегда найдется, было бы желание (разве политика не искусство возможного): тайная работа на парфянский империализм, неявка вассала на вызов в Сирию и т.д и т.п. Антиох был очень богат и не так давно проявил строптивость; время свести счеты настало; возможность представилась. Вновь идти в Иран через Коммагену и Армению ориентальный диарх всерьез уже не собирался — только из года в год, вплоть до Акцийской войны, пыжился. Но Армения подождет (до грядущего 34 г.); время терпит; нынче на очереди Коммагена.

К крепостным стенам цветущей Самосаты-на-Евфрате мы проследуем в компании с Иродом.

* * *

Весна 35 г. принесла Ироду подход из Финикии двух легионов и тысячи всадников под командой (преемника Силона) легата Махера.

“К начальнику этого войска, Махеру, Антигон письменно обратился с просьбой перейти на его сторону; обещав ему за это деньги, он вместе с тем жаловался на насильственный образ действий Ирода и на его презрительное отношение к царской фамилии. Махер не мог, однако, игнорировать того, кто его послал, к тому же Ирод платил еще лучше. Он поэтому не склонялся на измену, но заигрывал в дружбу с Антигоном и, вопреки предостережению Ирода, отправился выведать положение первого. Антигон же проник его намерение, запер перед ним город и оборонялся против него со стен города, как против врага, пока Махер не был принужден возвратиться назад к Ироду в Амму (Эммаус). Раздраженный неудачным исходом своего предприятия, он истреблял всех попадавшихся на пути иудеев, не щадя также и иродянцев, а поступая со всеми, как со сторонниками Антигона.

Такое поведение Махера до того ожесточило Ирода, что он готов был поднять против него оружие и мстить ему, как врагу; но он все же поборол свой гнев и отправился к Антонию жаловаться на преступные действия Махера. Последний же, осознав свою ошибку, поспешил вслед за царем и горячими просьбами вымолил у него прощение. От поездки к Антонию Ирод все-таки не отказался, а напротив, узнав, что Антоний с сильной армией ведет атаку на Самосату (сильный город на Евфрате), он еще больше ускорил свой путь, так как здесь ему представился удобный случай показать свою храбрость и этим еще больше обязать Антония. И действительно, его прибытие положило скорый конец осаде; он истребил много варваров и собрал много добычи. Антоний, давний обожатель его храбрости, сделался им теперь в еще более высокой степени; к прежним знакам отличия он прибавил ему еще новые и укрепил его надежды на престол. Царь Антиох должен был, однако, сдать Самосату (И.в.1,16,6,7).

Как видно, даже в 35 г. Маккавей Антигон еще пробовал, находясь в безвыходном положении, найти общий язык с римлянами, о чем свидетельствует его письменное обращение к Махеру. Версия “Древностей” в противовес “Войне” неправдоподобно утверждает, что Махер склонился на подкуп со стороны Антигона, который вместе с тем “понял его планы” и “встретил его” при приближении к Иерусалиму “градом камней пращников” (И.д.14,15).

Весной Ирод и Махер выступили объединенными силами из Галилеи через Самарию воительным маршем на Иудею. Неискушенный римский легат мнил, не вникая предостережениям Ирода, войти в доверие к Антигону и легко, обманом, захватить Иерусалим. Возле Эммауса римляне отделились от иродианцев и направились к иудейской столице. Трюк их командира накрылся, пришлось под огнем пращников отступить. Кстати, впервые Антигон открыто поднял руку на Рим. До того, зимой 37/36 гг., он отказался содержать римлян дольше месячного срока на зимне-квартирном довольствии, не применяя оружие против них. Теперь ему ничего не оставалось, кроме отчаянной борьбы до смертного конца при хилой надежде на новый приход разбивших Антония парфян. Одновременно Ирод уяснил для себя, что иудеев партии отчаяния без массивированной державной поддержки, с помощничками наподобие Махера, никак не сломить. Где, у кого раздобыть нужную позарез войсковую помощь? У верховного распорядителя Востока — у Антония.

Согласно рассказу “И.д.” (14,15,8), путь к стенам Самосаты по территории охваченной антиримским восстанием Коммагены пролегал с боями и Ироду, взявшемуся руководить группой едущих к месту действия из Антиохии лиц, удалось отличиться храбростью. Поверить можно: в отваге тарентскому назначенцу не откажешь; не зарекомендоваться перед Антонием (в пути и в ходе осады) было просто нельзя, — ведь Иерусалим предстояло брать римлянам. И хотя Антоний не являлся давнишним обожателем Иродовой храбрости, а Самосата сдалась не из-за Иродова приезда и не так уж сразу, все равно Иродова сопричастность к капитуляции сильной цитадели на Евфрате возымела для него положительные последствия. Цель поездки к протектору была достигнута, компромат коллаборации 40-38 гг. был окончательно с умелого протезе снят.

В “И.д.” читаем: “Так как немного спустя Антиох сдал Антонию свою крепость и тем самым война окончилась, Антоний поручил Сосию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам отправился в Египет” (14,15,9).

Не все в один миг. Самосата сдалась не ранее июля или августа 35 г.; Сосий (видимо, участвовавший в осаде) облек сирийскую легатуру *iterum*, сменив Мунация Планка, не ранее августа или сентября уже в Антиохии и, двинув два легиона в помощь Ироду незамедлительно, планировал выступить во главе крупных воинских сил на Иудею самолично после зимних квартир.

* * *

Проясним одно из белых пятен древней истории — итерационную осаду Самосаты. В энциклопедиях и в трудах историков нового/новейшего вре-

мени таковая обычно не значится. Примечания к Флавию преимущественно указывают на авторскую ошибку: Иосиф-де ошибается, завершая осаду сдачей, так как согласно Плутарху (Ант.34) и Диону (49,20,21), осада была безуспешна. Иногда правота признается за Флавием, но в большинстве случаев предпочтение отдается большинству, т.е. общий счет как бы 2:1 не в пользу Флавия.

Неужели не проще догадаться, что речь идет не об одной, а о двух осадах Самосаты в разные годы и с разным исходом. Перед нами очередной пример опрощения исторических реалий, превращения двоицы в единицу. Если Плутарх и Дион запечатлели памятное невзятие Самосаты после Гиндара, просмотрев ее локальную заслоненную парфянским фиаско Антония капитуляцию, то Флавия невзятая (37 г.) Самосата, не имея прямого отношения к событиям в Иудее, не интересовала, тогда как Самосата, сданная Антиохом (35 г.) при участии в осаде крепости Ирода, прямо входила в тему флавиевского повествования. При всем том Флавий, руководствуясь своей неверной хроносемой, передвинул факт падения евфратской цитадели во время ее непадения, т.е. в 37 г. в “Войне” и в 38 г. в “Древностях”. Так, в результате разноплановых тематических ракурсов, задач и углов зрения разных историков, плюс ввиду трудноизлечимого свойства человеческой памяти сводить двоицу к единице, два разных события разных лет неправомерно слились (за давностью лет) воедино. Современные же историки не сумели в накладке разобратся и отдали преимущество количественному большинству, чем усугубили искажение летописной действительности.

Однако общий арифметический счет, если вовлечь в дело расширенный исторический материал, все-таки не 2:1 в пользу моно, но 3:2 в пользу дуа, ибо по вопросу взятой Самосаты Флавий, оказывается, не одинок. Помимо него об этом сообщают два автора V в.: Орозий и армянский историк М.Хоренаци.

У Орозия сказано: “Вентидий победил вторгшихся в Сирию парфян и персов в трех сражениях, причем их царь Пакор пал в тот же день, в который парфянами был убит Красс. Антоний заключил после взятия одной единственной крепости мир с Антиохом, создавая тем самым впечатление, будто все военное предприятие в целом завершил именно он (6,18). Цитата не зависящего от Флавия Орозия подтверждает факт падения Самосаты, но (опять-таки из-за пресловутого моноподхода) ошибочно прилагает оное ко времени Вентидия, когда Самосата устояла.

Хоренаци пишет: “Разгневанный Антоний прибывает сам во главе всех римских войск. Дойдя до Шамшата (Самосата), он узнает о смерти Тиграна, овладевает городом и, оставив Сосия в помощь Ироду для схватки с Антигоном в Иерусалиме, сам уходит на зимовку в Египет” (2,21). В предшествующем рассказе армянского историка об изгнании Антипатридов из Иудеи парфяне идентифицируются с армянами и соответственно перевирается повествование Флавия: деяния парфян приписываются армянам под верховенством царя Тиграна. Дело тут не в банальном фальсификате, а в том, что армянин Хоренаци ассимилирует парфянское прошлое. Именно Армения, где династия Аршакуни (ветвь парфянских Аршакидов) царство-

вала с 66 по 428 гг. н.э. как никто иной вобрала в себя самобытное наследие партеваканов, став духовной правопреемницей уничтоженной в 20-х гг. III в. персидскими Сасанидами Парфии. Ретроспективная ассимиляция парфянской наследственности в устах армянского автора — суть вызов самоутверждения в борьбе с низложившей династию армянских Аршакидов и враждебной армянам-христианам зороастрийской Персии. Но речь сейчас не о том. В тексте наличествует любопытное косвенное указание на взятие Антонием Самосаты спустя три года от воцарения Антигона в Иерусалиме. “...После этого жизнь Тиграна продлилась не более трех лет...” (2,19); ниже по тексту Антоний овладевает Шамшатом, якобы “узнав о смерти Тиграна” (2,21). Тигран II умер в 56/55 гг. до н.э. и в сирийской экспансии Пакора не соучаствовал (в ней соучаствовал Артавазд); упоминание Тиграна, (который эпически аккумулировал в воспроизводимом Хоренаци армянском предании Артавазда) применительно к тридцатым годам I в. до н.э., конечно, грубый анахронизм, однако, за анахронизмом таится реальный интервал времени длиной в три года — от бегства Ирода из Палестины в 38 г. до падения Самосаты в 35 г.

Подведем итог: во-первых, Флавий не в меньшинстве, во-вторых или, бесспорно, во-первых, проблема взятой/невзятой Самосаты разрешается при правильно реконструированной хронологии дуалистически.

* * *

Добавочно помогает нумизматика. В объективе спорная датировка II и III из всего-итого четырех императорских аккламаций Антония, связанных, согласно монетным легендам, с титулом *cos.desig.iter.et.ter.* (дезигнированный консул II и III), т.е. относящихся к постмизенскому периоду 715-719 гг. а.У. = 39-35 гг. до н.э. В 34 г. Антоний, согласно Мизенской конвенции, сделался консулом во второй раз (*iter.*) и далее, вплоть до третьего договорного консульства в 31 г. именовался *cos.design.ter.* (III). Ясно, что поводом ко второй салютации послужили победы над парфянами подкомандного ему Вентидия, следовательно, триумvir обзавелся второй импературой либо к концу 38 г. — года Таврской и Аманской побед, либо в 37 г. — в год Гиндара. (Две аккламации за одну и ту же войну исключаются.) Отсюда вывод: третья салютация консула *design.iter.et.ter.* имела место или в 36 или в 35 гг.

В.Галанд*, за неимением, по его мнению, иного выбора, приурочивает третью импературу, “сколь бы это ни казалось на первый изгяд невероятным”, к парфянскому походу 36 г.; дескать, основания для такого не лучшего предположения есть: Антоний отправил реляцию об одержанной победе в Рим, играл в победителя и т.д. Играл, но не настолько. У продрогших, оголодавших и чудом спасшихся легионеров не повернулся бы язык победно аккламировать своего любимого императора за Атропатену. Одним словом, к точке зрения Галанда следовало бы волей-неволей при-

* W.Galand “Die Imperator-Aclamationen des M. Antonius” “Zeitschrift für Numismatik”, 12, 1885.

соединиться, если бы не из чего было выбирать. За сим не станем чересчур деградировать Антония и приурочим третью аккламацию к одолению Самосаты: аккламироваться за нее все же приличнее, нежели за парфянский поход.

* * *

А чем кончилась сдача крепостной цитадели для Антиоха Коммагенского? О насильственном конце монарха сведений нет, хотя послепарфянский Антоний не похож на помилователя: головы Лисания Халкидского, Ариарата Каппадокийского и Антигона Иудейского вот-вот скатятся; Артавазд Армянский вот-вот окажется в цепях и в застенке.

Многоопытному царю Антиоху было в 35 г. за 60 лет: он правил примерно с 70 г. до н.э., признавал сначала гегемонию Тиграна Армянского, затем подчинился Лукуллу, потом Помпею. Впоследствии поддерживал Помпея в войне против Цезаря. В 51 г. предупредил римского наместника Киликии Цицерона о военных приготовлениях Пакора за Евфратом. В дальнейшем сотрудничал с Пакором. Будучи сыном царя Коммагены из армянского дома Ервандидов Митридата Калиника и дочери Антиоха VIII Селевкида (по прозвищу Грип), самосатский венценосец, являясь тестем шахиншаха Орода, состоял в родстве еще и с парфянскими Аршакидами. Согласно Диону (49,22), Фраат, предав мечу внуков царственного коммагенца, будто бы убил и его самого. Информация не соответствует действительности, но наводит на приблизительное время (середина 30-х гг.), и возможно, на не совсем естественный род смерти. По Плутарху (Ант.61), в дни Акцииской войны 32/31 гг. антонианскую Коммагену представлял во главе воинского контингента уже Антиохов сын и преемник, царь Митридат, т.е. Антиох перестал быть царем в промежутке 35-32 гг. до н.э. Примем за верное: он потерял трон, сдав Самосату в 35 г., и вскоре умер. Какой смертью? Неизвестно. Во всяком случае, от него сохранилось знаменитое надгробье на горе Нимрод-даг.

* * *

Другое Антониево мало-боевое предприятие 35 г. — экспедиция Канидия Красса в Иверию и Албанию — традиционно датируется, на основании скомбинированных данных Плутарха (Ант.34) и Диона (49,24), периодом 38-36 гг., т.е. временем либо после Гиндара (сдвинутого в 38 г.), либо после прибытия Антония на восток по заключении Тарентского соглашения, но до похода в Атропатену. Притом если Плутарх говорит о закавказском походе в общем контексте и до Тарента, то Дион, оперируя анналистически, пишет: “С окончанием зимы (36 г.) Публий Канидий Красс предпринял поход против иверов, победил их царя Парнаваза в сражении и привлек к союзу; далее совместно с ним вторгся в соседнюю Албанию и победил царя Цобера, которого тоже сделал союзником”. У Плутарха оставленный в Армении Канидий побеждает и армян, и иверов, и албанцев зараз, и тем множит славу Антония. Но в интервале между послегиндарским изгнани-

ем парфян за Евфрат и началом мидо-атропатенской кампании 36 г. обстоятельная экспедиция Канидия в Иверию и Албанию состояться не могла, так как в Армению Канидий ступил не ранее лета/осени 37 г., а с весны 36 г. он, сообразно Плутарху (Ант.42), участвовал в парфянском походе. Значит, время транскавказского похода оптимально приходится на 35 г.* Для Плутарха и Диона все ратные победы Антония, за исключением стоящего особняком (малопобедного) пленения Артавазда Армянского, схематично предшествуют переломному атропатенскому поражению. Оттого у них победа, одержанная генералом-антонианцем в Закавказье, хронологически смещена назад. На самом деле она принадлежит к числу побед типа самосатской, иудейской, армянской – из серии последрачного махания кулаками по-маленькому.

И Иверия, и Албания скоро от навязанного им союза отпадут; их мимолетная вассализация имела не столько практическое, сколько символическое значение.

К осени или уже осенью 35 г. до н.э. Канидий, пройдя обратным маршем через все еще дружественную Армению, победоносно (так сказать, умножив славу патрона) пришел в Сирию.

* * *

До того, летом, когда на Евфрате решалась судьба Самосаты, на северо-востоке Малой Азии был дописан эпилог жизненной драмы С.Помпея. Весной Г. Фурний передал проконсульские полномочия новоприбывшему М.Тицию и тот возглавил операцию.

Перед лицом подавляющего превосходства противника на море Помпей решил сжечь свои корабли, чтобы усилить за счет судовых команд пешее войнство, дотянуться марш-броском до Армении и уйти в Иран. (Гм, поди доберись до Армянского нагорья из Никомедии.) Впрочем, Аппиан (5,140) называет только Армению, где как раз в то время отсутствовал ушедший воевать Кавказ Канидий; вывод о Парфии напрашивается. Абсурдный авантюризм планов конченного экс-адмирала и бесперспективность всякой борьбы побудила его ближайшее окружение поменять лагерь. Крысы бегут с тонущего корабля. К Тицию, на милость Антония, заведомо оговорив оную, перебежали Г.Кассий Пармский, К.Насидий, С.Сатурнин Ветуло, К.Ми-нуций Терм, Антистий Регин, Фанний и даже тесть Секста Скрибоний Либон.

Покинутый ими беглец бросился с сухопутными силами вперед на восток через Вифинию. Антонианцы шли за ним по пятам. На вифинской земле он с прощальной дерзостью смело атаковал, имея при себе 3 тысячи легковооруженных, застигнутого врасплох противника. Противник, не ожидая от преследуемого такой прыти, завалился, устав за напряженный день погони, спать без должных мер предосторожности, в результате чего потерял

* Следующее после 35 г. до н.э. анналистическое упоминание авторами древности иверов и Иверии относится к 35 г. н.э. (см.Тацит “Анналы” 6,38; Дион 58,26).

множество убитыми и поспешно среди ночи ретировался. Но помпеянцы, не попытавшись развить успех, словно огорошенные слишком крупной удачей, устремились в бег сквозь Малую Азию дальше. Гончие быстро оправались и снова сели им на хвост. Наконец, загнанный Секст, видимо, разуверившись и сам в осуществимости задуманного, вступил через разделительную речную линию фронта в переговоры с Фурнием.

“Я хочу сдаться тебе и только тебе, мой Фурний, и прошу тебя лишь об одном — дать мне слово, что ты доставишь меня к Антонию”. Это условие он ставил, доверяя Антонию, чье благородное сердце он знал” — наивно продолжает Аппиан (5,141). К ответной логике дружного в прошлом Помпею Магну Фурния не придерешься: “Почему ты сам не отправился к Антонию? Почему не дождался ответа от него на Лесбосе?” К месту спросить: куда делись помпеянские посланцы? попали в Александрии под стражу? Судя по Аппиану, Помпей все еще ждет их, тщась гарантиейно сдаться в плен Фурнию, который, делая в ходе переговоров резкие справедливые упреки собеседнику, раскрывает суть антонианского приказа: почетная доставка в случае сдачи, причем непременно Тицию; ликвидация в случае враждебных действий. Но враждебные действия начаты высадкой десанта, более того, усугублены форменной войной, стало быть, жребий брошен.

Фурний не мог и не хотел нарушать ни субординацию, ни инструкцию: операцией руководит молодой прыткий Тиций, сдаваться велено ему и баста. Вот этого-то Помпей и не желал ни при каких условиях, соглашаясь на худой конец довериться Аминту Галатскому, на что тоже получил категорический отказ со ссылкой на железную директиву Антония. Переговоры закончились ничем, правда, у Фурния сложилось высказанное на вечернем военном совете убеждение: беглец на пределе и завтра сдастся (Аппиан, 5,142). Предположение не оправдалось. Секст неожиданно рванул в сторону морского берега, замыслив, согласно Аппиану, сжечь корабли Тиция. Зачем? Вероятно, в бессильной ярости: выгод корабельное пожарище не сулило никаких. Отчаянное намерение рывка к побережью выдал последний перебежчик — единоутробный брат Помпея *Minor* М.Эмилий Скавр*. Аминт Галатский во главе 1500 всадников пустился в погоню за вражеской пехотой, которая при его приближении кинулась врассыпную, оставив командира в горьком одиночестве.

Об условиях сдачи больше никто не говорил. Полная и безоговорочная капитуляция стала фактом. Доставленный Тицием в Милет С.Помпей был там казнен.

Дион сообщает (49,18), что приказ о казни отдал сам Антоний “во гневе”; а затем, пожалев о скоропалительности, направил Тицию другой приказ о помиловании. Первый гонец прибыл со смертной депешей почему-то позже второго; адресат же привел в исполнение приговор, а не помилование; либо, сочтя первую депешу важнее второй, либо поступив так умышленно. Версия чересчур фантастическая и очень уж напоминает фатальную запятую из Тридевятого царства.

* После развода, данного Муции Помпеем в 62 г. до н.э., она вышла замуж за М. Эмилия Скавра.

Симпатизант Антония Аппиан (5,144) пишет: “Он (Тиций) поступил так или по собственной инициативе, мстя Помпею за некогда нанесенное оскорбление, более ему памятное, чем последующее благодеяние, или по приказу Антония. Впрочем, некоторые полагают, что не Антоний, но наместник Сирии Мунаций Планк, имевший право пользоваться в экстренных случаях печатью Антония, отдал письменное распоряжение о казни от его имени”. Иные, по мнению Аппиана, склонны думать, что Планк действовал с ведома Антония, желавшего, из-за популярности Помпея, прослыть непричастным к казни; иные полагают, что без ведома, ставя целью ликвидаторски предотвратить ухудшение отношений между Антонием и ярым врагом Секста Октавианом.

Заметим, и Аппиан, и Дион считают местонахождением Антония в дни милетской казни Александрию, чем отчасти и питаются их неуверенные версии. Но это не так. Антоний, как мы выяснили, прибыл зимой из Александрии в Сирию и перед тем как отправиться геройствовать под Самосату, лично проинструктировал Мунация с Тицием, доверив грязную палаческую работу сообразительности и взаимопониманию дядюшки с племянником.

Выбор на Тиция пал не случайно. Сын проскрибированного триумвирами и сбежавшего на Сицилию отца, он, зеленый юнец, вздумал самочинно пиратствовать в Тирренском море, совершал набеги на Этрурию (42-40 гг.). *Морской дьявол* Помпей возмутился дилетантской отсебятиной в своих мафиозных водах и поручил Менодору обезвредить конкурирующую фирму, что тот и сделал, предъявив безусого капитана гроссадмиралу вживе. Пленник удостоился помилования, по мизенской амнистии вернулся в Рим, под влиянием дяди Мунация стал антионианцем, махнул на восток, побывал в парфянском походе, и вот получил задание особой важности. Следуя Аппиану, над его отношением к Сексту довлекла какая-то давняя глубокая обида, которая, скорее всего (будучи семейной сварой?), касалась и Мунация. Так или иначе, Аппиан заостряет внимание на “несправедливости” (5,142) либо “оскорблении” (5,144) дважды, не вдаваясь в подробности, вернее, не располагая информацией по сути личного или семейного конфликта. И действительно, Помпей наотрез отказывался сдаваться Тицию, зная, что пощады от Тиция не будет. Но ведь о том же знал и Антоний, зная кому поручить щепетильную операцию; зная, кто не помилует популярного смутьяна; зная, кто не договорится и не сговорится с ним; зная, кого подставить в палачи вместо себя.

Короче говоря, Мунаций Планк на посту сирийского проконсула в 35 г. и М.Тиций в должности чрезвычайного проконсула Азии требовались Антонию как гаранты полутеневой ликвидации С.Помпея*. Скоординированное взаимодействие между родственниками и вправду имело гарантийное значение, но стержневая инициатива устранения *последнего из могикан* исходила не от них.

* Возможно также, что Антоний не вполне доверял Сосию в деле Помпея.

Победив Антиоха Коммагенского, верховный автократ Востока вернулся в сопровождении верного паладина Ирода в Сирию. За время отсутствия суженого Клеопатра, наверное, посетила подаренную и пока не подаренную ей части Киликии, плюс чуть-чуть осунулась и чуть-чуть похудела. Не мудрено, ибо соперница Октавия до сих пор обреталась в Афинах. Согласно Плутарху (Ант.53), хитрая Птолемейша расчетливо изображала заплаканно-влюбленную любовницу, которую, из-за так называемого законного римского брака, больно пренебрегают. Она-де согласна на все, даже на унижительный статус персональной гетеры, лишь бы Антоний был рядом; она-де, как пить дать, умрет, если он ее вдруг бросит. Вот, мол, о чем витязю на перепутье нашептывали придворные льстецы, чем его вконец обабил и превратили в безвольную тряпку. Старый моралист Плутарх, разумеется, сгущает краски. Все, к чему чаровница Клеопатра целенаправленно подводила привороженного ею избранника (вряд ли уже опасаясь быть брошенной), так это к определенности, к занятию более решительной позиции в вопросах Октавии, Октавиана и неотвратимого финального конфликта Рим-Египет – Запад-Восток.

Плутарх уверен, будто это она, играя горемычную комедь, не пустила героя-полководца в новый парфянский поход, не дала ему в 35 г. соединиться, как было задумано, с Артаваздом Мидийским, чтобы реваншироваться за прошлогоднюю “победу”. То, что Клеопатра, подобрав свою общипанную слепоходную половину зимой 36/35 гг. в Левке-Коме, противилась дальнейшим проектам завоевания Ирана и Индии, пожалуй, не вызывает сомнений, но можно также не сомневаться, что “реваншист” Антоний дал очень легко себя уговорить не ходить в Парфию, не показывать (до поры, до времени) парфянам, где раки зимуют, поскольку сейчас много актуальнее показать недавнему строптивцу Антиоху Коммагенскому, кто в Доме хозяин. Увы, постпарфянский “второй Александр” был силен одолевать лишь тех, кто послабее. Клеопатре же не достало проницательности распознать в болезненном сопляке Октавиане сильнейшего.

Прибыв в Антиохию, покоритель Самосаты (до осеннего отбытия на зимовку в Александрию) наказал супруге Октавии отправленным в Афины письмом ехать в Рим, т.е. подал на развод без развода. На место Планка он вернул Сосия: в видах намеченного к реализации покорения Иудеи, когда сам главком собирался под видом Парфии в Армению*, на посту легата Сирии нужен был боевой генерал, а не смекалисто-интриганистый *хранитель королевской печати* – шутоватый и трусоватый *рыцарь плаща и кинжала*.

Далее, летом/осенью 35 г. административно-территориальная начинка восточного пирога вновь претерпела проегипетские изменения. Клеопатра приобрела часть заиорданских владений набатеев, плюс все Халкидское

* Артавазду Мидийскому было послано письменное обещание союзного прихода Антония в следующем году.

царство вызванного на аудиенцию и казненного за “бдительно вскрытую” Антонием парфянофилию царя Лисания.

Не остался в стороне от мероприятий Клеопатридов-Антонидов и Ирод. Накануне срочного отъезда вскоре по прибытии с Евфрата из Дафны в Палестину царь иудейский дал обязательство, взамен на воцарительную помощь, уступить Клеопатре после завоевания Иерусалима баснословно прибыльный пальмово-бальзамовый район Иерихона. Не он, а ему, монарху вассальному и бессильному вскарабкаться на иерусалимский престол без державной подпорки, ставили условия.

Да и ситуация в Иудее за время отсутствия узурпатора заметно ухудшилась. Тревожные вести оттуда звали неотложно в дорогу.

* * *

“Между тем, дело Ирода в самой Иудее потерпело чувствительный удар. Он оставил здесь командующим над войсками своего брата Иосифа и дал ему инструкцию до его возвращения не затевать никаких враждебных действий против Антигона, так как на Махера, судя по его прежнему поведению, нельзя было рассчитывать, как на надежного союзника. Но как только Ирод удалился, Иосиф, не стесняясь его инструкциями, с пятью добавочными манипулами, полученными от Махера, двинулся к Иерихону, чтобы грабить с тамошних полей вполне созревший хлеб. В горах и непроходимых местах он был достигнут неприятелем. После храброго сопротивления Иосиф сам пал в этой битве и вместе с ним погиб весь римский корпус; последний состоял из новичков, недавно набранных в Сирии, и им не был дан ни один из римлян, из так называемых ветеранов, которые могли бы поддержать неопытных воинов.

Антигон, не удовлетворяясь одной победой, так далеко зашел в своем ожесточении, что наглумился даже над трупом Иосифа: он велел собрать павших, а Иосифу отрезать голову, хотя брат убитого Ферора предлагал ему 50 талантов выкупа. После этой победы Антигона в Галилее опять поднялось бурное восстание, которое на этот раз достигло ужасающих размеров: назначенные Иродом сановники были проволочены приверженцами Антигона к морю и там утоплены...” (И.в.1,17,1,2).

В информации Флавия о вполне созревшем на полях хлебе, который навострился грабить Иосиф, содержится четкое хронологическое указание: речь идет о майских хлебах в Палестине, где, соответственно ее природно-сельскохозяйственным условиям, посев производился во второй половине осени, а сбор урожая поздней весной или в начале лета, в зависимости от подвижной Пятидесятницы лунно-солнечного календаря как праздника окончания хлебной страды. Пятидесятница 35 г. до н.э. выпала на середину мая. Даже учитывая то обстоятельство, что в охваченной гражданской войной стране урожай не повсюду был убран в срок к празднику, мы, тем не менее, датируем вылазку и гибель Иосифа временем не позднее конца мая/начала июня. Следовательно, немного раньше, в первой половине мая, Ирод направился на север, к Антонию, причем согласно тексту “Войны”, он узнал о ведении Антонием с сильной армией атаки на Самосату в пути,

т.е. осада евфратской цитадели началась, как отмечено выше, в апреле/мае. Одним словом, хлебно-датировочный ориентир немало помогает в реконструкции событийной хронологии и в опровержении абстрактной научной модели, к чему мы вскоре специально обратимся. Пока же последуем за несущимся из Дафны в Палестину Иродом.

“Он ехал с невероятной быстротой и прибыв в Ливан, принял к себе на службу 800 тамошних жителей; там же с ним соединился один легион римлян. Не выждав ни одного дня, он вторгся в Галилею и ставших против него врагов отбросил назад. Вслед за тем он немедленно приступил к осаде крепости; но прежде чем успел овладеть ею, он, вследствие сильной бури, был вынужден перейти в соседние деревни. Через несколько дней прибыл к нему второй легион, присланный Антонием; тогда неприятель, в страхе перед превосходством его сил, в ночное время сам очистил крепость...” (И.в.1,17,3).

“Затем царь поспешил к Иерихону, имея в виду отомстить жителям за смерть своего брата...”

На следующий день 6 тысяч врагов спустились с горных вершин и своим желанием вступить в бой испугали римлян. Неприятельские легковооруженные выступили вперед и стали закидывать дротиками и камнями вышедший против них отряд царя, причем сам Ирод тоже был задет дротиком в бок.

Тем временем Антигон послал в Самарию полководца по имени Папп с небольшим отрядом, желая возбудить во врагах убеждение, что он ведет войну с большими силами, чем бы следовало. Этот полководец укрепился станом против Махера. Между тем Ирод вскоре взял пять городов, перебил найденных и захваченных там жителей, число которых доходило до 2 тысяч, а сам, предав огню эти города, двинулся на Паппа. Последний расположился станом около деревни Исана. Тут к Ироду пристало множество людей из Иерихона и других частей Иудеи; когда же он подошел ближе и враги отчаянно ринулись ему навстречу, он сразился с ними и разбил их, а затем в отместку за убийство брата преследовал их до самой деревни, куда они бежали, и по пути предавал их избиению. Так как все жилища были забиты воинами и многие искали убежища на крышах, Ироду пришлось взять их силой; когда же он велел разрушить крыши, то увидел, что внутри строений было полно воинов. Тогда сверху на них стали швырять каменные глыбы и убивать их массами. То было самое ужасное зрелище за всю войну; груды тел затем были свалены в кучу около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же участи. Вблизи деревни можно было видеть множество беглецов. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное победой царское войско пришло бы к самому Иерусалиму и все дело было бы сделано, тем более, что и Антигон, ввиду всеобщего бегства, уже носился с мыслью об оставлении города (И.д.14,15,11,12).

Если в начале весны 35 г., при попытке Махера обманом проникнуть в Иерусалим, Антигон впервые открыто поднял руку на римлян, отогнав их от стен города камнями пращников, то весной/летом он сделался безнадежным врагом римского народа, уничтожив пять предоставленных Махером Иосифу манипул. И пусть манипулы были укомплектованы не соб-

ственно римскими гражданами, а происходившими из Сирии грекоязычными новобранцами, все равно неприкрытое покушение на державу стало свершившимся фактом и далее ни подкупов державных репрезентантов, ни какой-либо апелляции к державному арбитражу, со стороны Антигона, понятно, уже не было.

Насколько иродианский режим в пору завоевания власти (и в последующем) держался, помимо римской державы, личностью самого Ирода, наглядно показывает поражение Антипатридов во время его самосатского отсутствия. Только самаряне целиком сохранили верность Иродианам. Даже в Идумее, где Махер укрепил цитадель Гитру, среди наиболее иудайзированных идумеян началось брожение, тогда как галилеяне снова отпали от похитителя престола и утопили назначенных им сановников в Генисаретском озере.

Из Дафны Ирод двинулся в Палестину в сентябре 35 г. В Ливане он принял на службу 800 местных жителей и дождался подхода первого из двух новонаправленных ему в помощь антонианских легионов.

Взятие без боя после пережданной в соседних деревнях грозовой непогоды и недолгой осады какой-то галилейской крепости, при участии второго подошедшего к тому времени римского легиона, имело место поздней осенью, в пользу чего дополнительно свидетельствует упоминаемая Флавием сильная буря.

В общем, с сентября по ноябрь/декабрь судьба войны решилась. Однако, сколь бы источник Флавия не ускорял блицкриг, вменяя победу, первоначально, Ироду, основная ее причина, естественно, заключалась в том, что на стороне тарентского назначенца сражались итого четыре римских легиона, притом сражались на сей раз не пассивно, не вяло, но в полную силу.

Антигон уклонился от генерального сражения у Иерихона, досаждая противнику мелкими вязкими стычками, и затем роковым для себя образом разделил подкомандное воинство на две части, послав убийцу Иосифа Паппа в “мамонтский прорыв” в Самарию с тем, чтобы опустошить тыл, перерезать провиантирование врага и вызвать острое, наподобие кануна зимы 37/36 гг., недовольство римлян дискомфортной войной. Затяжка кампании до зимних квартир виделась Маккавею не столько лучшим, сколько единственным средством нейтрализовать 4 легиона, без поддержки которых иродианцы будут-де вынуждены снова покинуть Иудею.

Устрашительно-отмстительный террор, развязанный Иродом против иудеев (пять сожженных городков и две тысячи жертв), жестокая битва у Исаны (примерно в 30 км к северо-востоку от Иерусалима) и груды трупов провозвестили как скорое падение столичной твердыни, так и террористическое будущее создаваемого железом и кровью иродианского режима. Зима даровала Антигону предпогибельную передышку. В декабре на фронте наступило затишье.

* * *

А теперь аннулируем академическую модель с ее безразмерным 38 г. до н.э., когда якобы просходит все вышеописанное. По этой модели, на основе

ошибочного Флавия, получается, что с весны до поздней осени/начала зимы успело случиться следующее: 1. после поздних и долгих, согласно Флавию, зимних квартир, Ирод потратил долгое время на одоление галилейских партизан в пещерах; 2. 9 июня Пакор пал у Гиндара; Вентидий изгнал парфян, осадил Самосату и затем, “по приказанию Антония”, т.е. уже по прибытии Антония к осажденной крепости не раньше июля, послал в помощь Ироду два легиона и 1000 всадников; 3. из Галилеи Махер и Ирод вступили через Самарию в Иудею; 4. Антигон попробовал завязать переговоры с Махером и подкупить его; 5. возле Эммауса последний отделился от Ирода и направился к Иерусалиму, откуда атакованный пращниками отступил, убивая в дороге всех иудеев без разбора, назад к Эммаусу; 6. здесь он рассорился с Иродом и Ирод устремился на север к Антонию, перед тем все-таки помирившись с римским легатом и оставив вместо себя заместителем брата Иосифа. Имея в качестве отправной точки откомандирования Махера из Сирии в Иудею месяц июль, путешествие Ирода в Антиохию и к Самосате следует датировать временем не ранее августа/сентября. Значит, Иосифу придется грабить вполне созревший на иерихонских полях хлеб по осенне-европейскому, а не по весенне-палестинскому урожайному графику! Дальше – больше – за какие нибудь два с половиной/три месяца “свершается”: 1. многодневно-многокилометровая поездка Ирода из Иудеи, минуя Финикию и Сирию, с боями на территории восставшей Коммагены, под Самосату; 2. продолжающаяся не день и не два осада; 3. Иродовы геройства в ходе осады; 4. сдача цитадели Антиохом; 5. совместный путь щедрого протектора и обласканного протеже в Антиохию; 6. отъезд Ирода на юг, принятие на службу 800 ливанцев в Ливане, подход одного римского легиона, осада безымянной галилейской крепости, сильная буря, переход иродианцев в соседние деревни, подход второго римского легиона, овладение крепостью; 7. дорога на Иерихон, бой с 6 тыс. неприятелей, ранение царя дротиком в бок; 8. разделение Антигоном армии, роковой рейд Паппа в Самарию, сожжение Иродом пяти городов-селений, наконец битва у Исаны, море крови, и предотвратившая незамедлительный марш к стенам Иерусалима суровая зима.

Взгляните на географическую карту, на длину дорог из Сирии в Иудею (Махер), из Иудеи на Самосату, из Самосаты в Антиохию, в Дафну и обратно в Иудею (Ирод)! Только методом библиотеки приключений и ненаучной фантастики, задействовав машину времени (да такую, что сам Г.Уэллс руками разведет) и перенеся в I в. до н.э. средства передвижения XX-XXI вв., можно кое-как уместить все перечисленные события от прихода Махера в Иудею до... сражения у Исаны, плюс наступления зимы, в сроки с августа по ноябрь/декабрь!

Кроме того, о постсамосатском Антонии в “И.в.” лаконично сказано: “...назначил правителем Сирии Сосия и поручил ему поддержать Ирода в борьбе с Антигоном. Он сам возвратился опять в Египет” (1,17,2). В “И.д.” говорится: “... поручил Сосию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам отправился в Египет” (14,15,9); уточнение “опять” в “Древностях” опущено. Возникает вопрос: разве осенью 38 г. или в 37 г., не взяв Самосату (и в первый раз назначив Сосия правителем Сирии), Антоний отправлялся

в Египет? Отнюдь. Прибыв в Сирию летом 37 г., он попал в Египет лишь после парфянского похода, зимой 36/35 гг., и “опять”, как выразительно оговаривает Флавий, направился в Египет, уже взяв в результате летней кампании Самосату и вторично назначив Сосия легатом Сирии, осенью 35 г. до н.э.

* * *

Среди декретированных Октавиану в силу как бы завершившей гражданской войну победы над С.Помпеем почестей была одна очень важная: почетный народный трибунат и трибунская неприкосновенность. (Хотя, чего она стоит? разразись снова ночь длинных ножей.) Именно пожизненный, т.е. ежегодно обновляемый трибунат, вслед за чрезвычайно-триумвиральной (43-37-32 гг.) и непрерывноконсульской (31-23 гг.) правовыми основами становящегося принципата, делается с 23 г. до н.э. одним из краеугольных правовых столпов консенсуально-универсального верховенства кесаря Августа. Если в 23 г. эта латентно-монархическая форма конституционно республиканской власти увенчает дозрелый, вступающий в *золотой век* принципат, то за 13 лет до того в 36 г. была произведена закладка переходного камня основы.

Не случайно Октавиан, выиграв Навлох и отстранив Лепида, заявил о готовности сложить обусловленный гражданским противоборством триумвират напару с Антонием, по возвращении содиарха из парфянского похода. Неизвестно, правда, написал ли он точно о том же Антонию в письме, которое, согласно Аппиану (5,132), послал осенью и на которое Антоний ответил устно, через посланника, снарядив в Рим из Александрии, видимо, ранней весной 35 г. своего человека Кальпурния Бибула. Аппиан сообщает о задании Бибулу обговорить с Октавианом вопросы государственного управления и об антонианском намерении принять участие в запланированной римским триумвиром иллирийской кампании. Вторая — невероятная информация — это либо блеф строящего хорошую мину при плохой игре автократора Востока, либо непредумышленная дезинформация Аппиана, которая серьезного внимания не заслуживает. Антониевы страсти и вождения в 35 г. лежали далеко от Иллирии.

После изгнания из западных территориальных вод разгромленного Помпея и отправки на уничтожительный покой Лепида, Цезарь II имел под командой, по данным Аппиана (5,127), огромное воинство: 45 легионов*, 25 тысяч всадников, 12 тысяч легковооруженных и флот из 600 боевых судов. Подвластная ему половина Римской империи простиралась от Иберии до Адриатики в Европе и от Мавритании до провинции Африка в Африке. Как дважды два ясно — он не мог всерьез опасаться Антония, тем паче, раздолбанного парфянами. Иное дело, что Рим истово противился возобновлению гражданского конфликта. Искренне не желал оно и Октавиан, отчего, к примеру, не воспользовался (минимум открыто) достоверными сведениями об атропатенском позоре Псевдо-Александра в пропа-

* Орозий (6,18) говорит о 44 легионах.

гандистско-дискредитационных целях. Официальный Рим повел себя соответственно официальному отчету героя Филипп: празднично возблагодарил богов за достигнутые им успехи.

Отметив сей факт, Дион (49,32), перевирая хронологию, объясняет Октавианово поведение единовременными трудностями борьбы с С.Помпеем. Неверно: судьба Секста на западе решилась в сентябре 36 г., тогда как новости об атропатенском провале дошли до римлян не ранее зимы или весны, когда в Риме не страшались ни беглого *сицилийца*, ни побитого *александрийца*. А вот вытащить зятя из египетской трясины, разумеется, под собственной эгидой “первого среди равных”, будущий Август, при помощи сестры Октавии, действительно хотел. С одной стороны, 10 тысяч не доданных коллеге легионеров на восток не отправились, с другой, туда проследовали т.н. октавианские дары-долги: 2 тысячи преторианцев, эскадрон конницы и 70 уцелевших от “тарентской” эскадры судов. Остановленная, так сказать, походом на Самосату в Афинах Октавия отослала все предназначенное супругу в Сирию и покорно ждала от него дальнейших директив, то есть второго письма.

Суда, отчалившие в Малую Азию, в дни младопомпеянского эпилога примкнули, как мы знаем, к флоту М.Тиция. По фатальному стечению обстоятельств, С.Помпей взшел на милетскую плаху в год консульства Л. Корнифиция и другого – законопослушного Секста Помпея – некоего безвестного октавиановца, (вряд ли случайно) облеченного в 719 г. а.У. консульством.

* * *

Весь 35 г. до н.э. в Италии энергично решались проблемы хромающей экономики, наведения общественного порядка, закручивания рабовладельческих гаек, обустройства поселенных в Калабрии и Кампании ветеранов и т.д..

Страна кишмя кишела разбойничьими бандами – гнилой накипью длительных неурядиц, проскрипций и конфискаций. Некто Сабин, напористый военный из высшего офицерского состава, приступил к ликвидации преступных группировок и суровейшими методами со сложной задачей за год справился.

Десятки тысяч беглых рабов, находивших приют у Помпея-островитянина, подорвали экономическое равновесие живущего рабским трудом общества. Предоставленную им в виде зачисления на воинскую службу амнистию Октавиан, руководствуясь государственно-хозяйственными резонами, вероломно похерил. Командиры армейских подразделений получили секретные депеши со строжайшим предписанием вскрыть почту в один и тот же день. 30 тысяч взятых под стражу бывших невольников власти передали прежним хозяевам; 6 тысяч, чьи владельцы не откликнулись, были подвергнуты публично-назидательной экзекуции через распятие.

Еще до наступления весны Цезарь Младший пристал к покинутой осенью Сицилии, планируя переправиться в Африку, чтобы лично проинспектировать и прибрать к рукам отобранные у Лепида владения. Сначала отплытие задержала непогода, потом пришли тревожные известия: альпийские и заальпийско-иллирийские племена салазов, таурисков, либурнов, япидов отложились от империи, прекратили выплату податей и произвели разбойные нападения на пограничные районы северной Италии. Говоря о походах 35-33 гг. “против иллирийцев”, Аппиан (5,145) поясняет: “часть из них не была под римским владычеством, часть во время гражданской войны отпала”.

Повернув из Сицилии назад, Октавиан снарядил боевых легатов на север, сам решительно урезонил отчисленных в прошлом году за чрезмерную наградительную требовательность из армии, затем вновь принятых на службу и вновь распоясавшихся ветеранов, восстановил твердой рукой строгую армейскую дисциплину и выступил в поход против приистрийских япидов. В боевых действиях он проявил недюжинную храбрость, при штурме укрепленного япидского центра Метулы, подавая личный штурмовой пример солдатам, был сброшен врагами с крепостной башни, но не убили, отделавшись ушибами. Дион (49,35) пишет о массовом, после короткого отчаянного сопротивления, самоубийстве отдавших предпочтение смерти перед рабством япидов, включая убитых мужами женщин и детей — “так, что Цезарю не достался из этого племени никто; даже те, кто попали в плен раньше, покончили в застенке самоубийством”.

От Метулы легионы двинулись в Паннонию и обложили Сискию — поселение у слияния притоков Дуная Савы и Колопса. Крепость пала после 30 дней осады. В ходе речных боев римской флотилии с упорными туземцами повстречал давно примеривавшуюся к нему смерть скандальный вольноотпущенник и адмирал С.Помпея Менодор. Они оба погибли в одно лето: один — от рук палача, другой — в морском бою.

По окончании ратного предприятия 25 когорт под командованием Фуфия Гемина разместились в крепостной Сискии — опорная паннонская цитадель Рима и плацдарм для основательного покорения правобережья Дуная.

Осенью триумвир-победитель возвратился в Рим, отложил декретированный ему сенатом триумф, но касательно ликвидации в Малой Азии последней помпеянской авантюры санкционировал праздничные игры и воздвижение антонианской статуи в храме Согласия. (Правда, об обеспечении безопасности приадритических рубежей он позаботился, естественно, не без мысли о проходящей южнее границе компетентности триумвиров. Вдобавок к тому, армия нуждалась в маневренном поддержании боеготовности и запасалась ею, воюя, сообразно обещанию, только против варваров.) Одновременно, показательное, наряду с чествованиями Антония, обращение Октавиана к приехавшей из Афин Октавии заключалось в требовании покинуть за нанесенное оскорбление римский дом александрийского двоеженца. Поди придерись к подобному требованию руководствующегося братскими чувствами родича, невзначай привлекающего общес-

твенное внимание к неблагоприятному поведению персоны, облеченной исключительными полномочиями от имени римского народа квиритов. Благородная Октавия отклонила братнино настояние, потребовав в ответ не разыгрывать ее карту в политических целях; она осталась в мужнином доме и продолжала растить как их общих дочерей, так и младшего сына супруга от брака с Фульвией. “Сим — замечает Плутарх (Ант.54) — она против собственной воли еще больше вредила репутации Антония, кого еще резче осуждали за оскорбительное пренебрежение такой женой”. Между тем друзья и сподвижники александрийца, по-прежнему, согласно Плутарху, пользовались ее покровительством и посредничеством перед Цезарем.

Ближе к концу 35 г. до н.э. = 719 г. а.У. сенат декретировал Ливии и Октавии статуи, правовую неподопечность и личную трибунскую неприкосновенность.

* * *

“Лишь только зима ослабла, Ирод двинулся к Иерусалиму, повел войско до городских стен и как раз при окончании третьего года своего назначения в Риме царем расположился лагерем против храма. Именно с этой стороны город был доступен, с этой стороны он раньше был взят Помпеем. Распределив работы между войском и вырубив растительность ближайших окрестностей города, он велел сделать три вала и возвести на них башни. Для этих работ он оставил на месте самых способных и надежных людей, а сам отправился в Самарию, чтобы отпраздновать свой брак с дочерью Александра, сына Аристовула, с которой, как выше было сказано, он был помолвлен. Так он свою женитьбу превратил в эпизод иерусалимской осады, ибо давно уже начал презирать своих врагов.

По окончании свадебного торжества он возвратился в Иерусалим с еще более значительной армией, так как и Сосий примкнул к нему с сильным войском, состоявшим из конницы и пехоты. Вся соединенная армия, 11 легионов пехоты и 6 тыс. конницы (не считая значительного числа союзников из Сирии) расположилась лагерем близ северной стены города. Сам Ирод опирался на заключение римского сената, которым он был назначен царем, а Сосий — на Антония, который предоставил подкомандное ему войско в помощь Ироду” (И.в.1,17,8,9).

Смотрим “И.д.”, вычленим разницу и дополнительную информацию. “По окончании зимы Ирод подошел к самому Иерусалиму и расположился вблизи его лагерем. То был уже третий год, что его назначили в Риме царем... (14,15,14).

“Свадьба эта была уже справлена, как через Финикию двинулся Сосий, выславший вперед часть своего войска изнутри страны, а сам во главе многочисленного конного и пешего воинства следовавший за ним. Тогда явился из самарянской области и царь, ведя с собой значительное подкрепление к прежним своим боевым силам; у него было теперь около 30 тыс. человек...” (14,16,1).

В “И.в.” сказано о подходе Ирода к Иерусалиму и соответственно о фактическом начале осады еще зимой (“лишь только зима ослабла”); сог-

ласно “И.д.”, это происходит “по окончании зимы”, т.е. уже весной. Причем если в “Войне” за отправной осадный срок взята конечная стадия или конец третьего года от Иродова назначения царем, то в “Древностях” “конечного” уточнения нет, третий год просто в ходу и даже вроде бы в стадии начальной.

В приложении к исторической действительности сведения “Войны”, дословно позаимствованные Флавием из используемого им источника, и правильны, и точны. Удостоверьтесь: тарентское назначение Ирод получил весной 37 г., плюс свои царственные годы он отсчитывал с 1 нисана 37 г., следовательно, накануне весны 34 г. близился к концу третий год от произведения его в цари римлянами.

Между тем, к флавиевской хронохеме в “Войне”, сообразно которой Ироду довелось назначиться царем не ранее зимы 39 г., а Иерусалим пал в 36 г., “начально-осадное” “окончание третьего года” приложимо, скорее, календарно (т.е. к 1 нисана), чем фактически, или приложимо с натяжкой, посредством присущего Флавию вольно-инклюзивного округления. Ведь речь применительно к кануну весны 36 г., отталкиваясь от зимы 39 г., следовало бы вести не об окончании, но о начале третьего назначенного года.

В “Древностях” Флавий задействовал фиксированную датировку, сдвинул царское назначение Ирода и падение Иерусалима на год назад и частью откорректировал теперь уже побочные данные использованного в “Войне” источника, частью приспособил их к видоизмененному хронометражу. Так, за исходную осадную точку берется уже не зима, а весна 37 г., соответствующая третьему текущему году от псевдоназначенного конца 40 г. до н.э. Притом собственно осада длиной в 5 или 6 месяцев* отсчитывается неверно (как в “Войне”), с момента прихода в Иудею Сосия, и продлевается аж до Судного дня (10 тишири = 3 октября 37 г.), принятого в “И.д.” за точную дату взятия Иерусалима.

На самом деле осада началась с нетерпеливого подхода к Иерусалиму Ирода (“повел войско до городских стен”) в начале февраля (“лишь только зима ослабла”) и продолжалась в общей сложности около 5 месяцев до завоевания города и ухода римлян в июне/июле 34 г. до н.э.

* * *

К весне 34 г. Ирод состоял в браке с Мариамной немногим более двух лет и имел от нее дочь. Себе же на беду он любил юную жену-Хасмонею не столько из политического расчета, сколько перво-наперво пламенно и безмерно, любил, как ласковый и нежный зверь, всегда готовый разорвать объект дикой любви из чувства ревности или оспоренной собственности. Припасенное им на победный час свадебное торжество в Самарии являлось прежде всего торжеством личным вкупе с демонстративным вызовом Антигону и всей антииродианской партии. Женившись в конце 37 г. на Мариамне, Антипатрид “правопреемственно оженил” прежнюю династию, и

* В “И.д.” общая продолжительность осады не приводится вовсе; в “И.в.” она исчисляется пятью (1,18,2) или шестью (5,9,4) месяцами.

ныне, ступив твердой ногой в Иудею, перед воцарением в Иерусалиме, отпраздновал во “второй столице” на виду у осажденных упрямцев-иерусалимлян отложенную ранее до лучших времен свадьбу. Лучшие времена наступили: *“Так громче, музыка, играй победу...”* Если весна 37 г. открыла счет царственным годам тарентского назначенца от его назначения римлянами де-юре, то с 1 нисана 34 г. пошел счет лет его царствования над иудеями де-факто.

Располагая данными о предштурмовой самарийской свадьбе и оперируя 37 или 36 гг., как временем завоевания Иерусалима, Флавий, разумеется, проворонил два брачных года, свадебному шоу предшествовавших.

Теоретически можно, конечно, датировать не только плакатно-приданичную свадьбу, но и брак Ирод-Мариамна февралем/мартом 34 г., однако, вряд ли такая датировка воспроизведет реальную картину ибо, во-первых, в 37 г. 15-летняя Мариамна вполне достигла брачного возраста (иудейские отроковицы выходили замуж в 12/13-15 лет; 18-летняя незамужняя ориентальная принцесса трудно представима) и страстно любящему ее Ироду незачем было оттягивать женитьбу до осады Иерусалима, наоборот, брачные узы и дети от Хасмонейки способствовали легитимации нового царя в глазах части иудеев-средняков; во-вторых, до своей трагической гибели осенью 29 г. Мариамна успела родить пятерых детей и, скорее, родила их за 7/8, нежели за пять с половиной лет брака. Не позднее осени 34 г., уже после Иродова восшествия на иерусалимский престол, у них родится старший сын Александр.

Одним словом, брак 37 г. и свадебное шоу 34 г. призваны были трубно возгласить соединительную династическую легализацию тронных притязаний Ирода и тем самым сгладить неприкрытую узурпацию власти по милости Рима. Брачный союз декларировал непротивоправное отпочкование иродианской династии от хасмонеи, что, так или иначе, помогло Антипатридам утвердиться у власти.

С другой стороны, никогда не питавшая теплых чувств к зятю-простолюдину мать Мариамны Александра, видимо, рассчитывала, что в царствование последнего, по устранении Антигона, с упразднением теократии, первосвященское достоинство перейдет к ее юному сыну Аристовулу, и наверное, Ирод на начальном этапе войны за трон соответствующим образом тещу обнадеживал. Правда, ближе к победным дням 34 г. он выписал из Вавилонии, где тогда процветала крупнейшая иудейская диаспора, своего старого знакомца, священника Ананила, кого, то есть нетуземного Аронида, наметил в архипастырские преемники Антигону.

* * *

Количественно-войсковая цифирь “И.в.” и “И.д.” приводит к заключению об участии в штурме Иерусалима около 80 тысяч человек: 11 легионов, 6 тысяч конницы, 30 тысяч воинов-иродианцев и вспомогательные сирийские отряды. Общеизвестно — Флавий горазд завьшшать числовые показатели; возможно, легионов было на пару-другую меньше, и все-таки примем наличную информацию (почти) за верное. Она поможет нам установить

количество войск, состоявших под командой Антония в 34 г. до н.э., когда автократор Востока предпринял “парфянский поход” в Армению во главе около 16 легионов. Согласно Плутарху (Ант.56), именно 16 легионов двинулись в 33 г. из Армении в сторону запада, на Акцийскую войну. Значит, в Армянской и Иудейской кампаниях участвовали итого минимум 25 легионов, соответственно чему общее число антонианских войск на 34 г. составляло не менее 28 легионов*.

И.Кромайер** неправоммерно сводит их численность в 34 г. к 22, доводя оную лишь в 32 г., при начале Акцийской войны, до 30. По мнению историка, в канун кампании 36 г. Антоний располагал приблизительно 19 легионами, 16 из которых пошли воевать Атропатену, откуда вернулись всего 14, причем в значительно редуцированном виде, отчего армия восточного триумвира в первые месяцы 35 г. насчитывала не более 45-50 тысяч человек в составе 17 легионов; летом того же года она пополнилась за счет трех легионов С.Помпея (Аппиан 5,137), плюс к весне 34 г. за счет двух ново-сформированных соединений. Неверно. Как видим, знание даты завоевания Иерусалима автоматически опровергает гипотезу Кромайера с ее заниженной цифройю.

Реконструируем данность. В 38 г. Вентидий выступил развернутым мало-азиатским фронтом в поход против Лабиена и парфян силами около 10-12 легионов. В течение 38 и 37 гг. Антоний наблюдал из Греции за схваткой Октавиана и С.Помпея, готовился, поручив подготовительный этап Вентидию, идти в Иран по стопам Александра, заключил Тарентский договор, прибыл под Самосату, в Сирию и т.д.; но главное, он не сидел все это время в плане увеличения армии сложа руки. К весне 36 г. его воинство составляли не 19, а 22 легиона; 16 или 18 из них вторглись в Атропатену, 4 или 6 остались, частью в сирийском ведении осаждавшего и бравшего Арад*** Сосия, частью были стационарованы в Малой Азии, в Кирене, в Греции/Македонии, в Египте. Половина Римской империи западнее Адриатики не так уж мала и не может оставаться совсем без прикрытия: всего трех легионов (сообразно Кромайеру) для осады Арада и дислокации хотя бы в части перечисленных регионов явно не достаточно.

После Атропатены антонианская армия исчислялась 20 легионами, причем 14 из них изрядно сократились в численности. Таким образом, весь 35 г., наряду с оборением С.Помпея и осадой Самосаты, вплоть до весны 34 г., во-первых, усиленными темпами восполнялись потери, во-вторых, были спешно сформированы 5 новых легионов (+3 помпеянских)****.

* Численный состав легиона эпохи 40-30-х гг. I в. до н.э., вероятно, составлял, учитывая множество легионов той смутной поры и спешность формирования многих из них, не 5, но около 4-х тысяч человек.

** J. Kromajer “Forschungen zur Geschichte des II Triumvirats”, “Hermes” 33, 1898, 25-29.

*** Сосий безусловно осаждал упорствовавший Арад силами не менее двух-трех легионов, если уж для осады Иерусалима понадобилось около 10 легионов.

**** Кромайер (133,28), апеллируя к Э.Бабелону (*monnaies consulaires*. I p. 200), ссылается на частые медально-нумизматические номера 22 легионов, не в пример более редким номерам последующих 8 легионов, в чем видит подтверждение своей

Антонию в обязательном порядке требовалось не слишком отстать от содиарха окцидентального, под чьим началом после победы над Помпеем и Лепидом стояли 44/45 легионов. Стало быть, Александрия не могла не усиливать гонку вооружений, тем паче, что набираемые на востоке подразделения формировались не из италиков, лучших солдат тогдашнего мира, и потому сильно уступали октавиановским в боеспособности.

Итак, весной 34 г. до н.э. около 15 легионов тронулись, ведомые Антонием, в Армению, около 10 — ведомые Сосием — в Иудею.

* * *

Перед тем, т.е. пышной александрийской осенью или мягкой зимой Антоний, вероятно (неведомо по какому обряду), свадебно женился на Клеопатре (пример к подражанию для Ирода). Во всяком случае, брак между ними до 35 г. исключен, так как еще в 35 г. Октавия с согласия и одобрения Октавиана пробовала добраться до законного мужа, чего она не стала бы делать, будь он уже к тому времени откровенным, в нарушение римских законов, двоеженцем без маски. Затем, в марте 34 г. царственная александрийская чета отбыла в Сирию. Антониев мальчик на побегушках К.Деллий понесся на всех парах к армянскому царю Артавазду предложить ему в нареченные зятя 5/6-летнего сына венценосных александрийцев Александра. Клеопатра обзавелась всем финикийско-палестинским побережьем (в том числе иудейской Яффой) “от реки Элевтера до границ Египта, исключая Тир и Сидон”, как уверяет в преддверии армянского похода Флавий (15,4,1), и снова, сродни увертюре 36 г., провожала избранника до Евфрата. (В 34 г. к ней не отошел также “сектор Газа” — оставленный пока Ироду выход к морю.)

Освещая армянскую кампанию и ее предысторию, Дион предлагает следующую картину: в 35 г. (49,33) Артавазд якобы не откликнулся на зов-повестку протектора явиться в Египет, заподозрив неладное; тот якобы пошел на него войной, но узнав о приближении из Рима Октавии, (почему-то) повернул назад. Никаких адресованных царю армян вызовов-приглашений в 35 г. не было, ибо в то время Антоний занимался Антиохом Коммагенским и Самосатой, о чем Дион не знает, но о чем хорошо знал и оттого не мог не проникнуться определенным скепсисом, даже без приглашений, приберегаемый автократором на десерт Артавазд.

версии относительно экзистенции тех и других, соответственно, в 34 и в 32 гг. “Опоздание” и “недочет” налицо: 22 легиона экзистировали весной 36 г., 28 — весной 34 г., и не менее 35 — в 32 г. Число легионов Октавиана явно стало не меньше чем 45, вследствие начала Акцийской войны. Следовательно, Антоний не мог рассчитывать на успех силами менее 35 легионов. Если нумизматика насчитывает не более 30 медальных номеров, то лучше вести речь о скудости археологического материала или, скорее, о легионах с двойными номерами, нежели отрицать их наличие. Плутарх (Ант.61) исчисляет пехотинцев Антония к началу Акцийской войны в 100 тыс. (25 легионов), причем говорит лишь о легионах, задействованных на театре боевых действий, не считая 4 легиона в Кирене и 7 — в Египте, Сирии, Армении (см.ниже).

Продолжая уверять армянского царя в дружбе и братстве, Антоний чаял, в частности, большего хаоса в Иране, и вот в 34 г., когда в Доме Иранском бушевала распря* (а Артавазд Мидийский блокировал ненавистного тезку с востока), позапрошлогодний “победитель” парфян пустил в ход для отвода глаз династическую помолвку. Послав вперед Деллия, он, вместе с тем, не дожидаясь ответа, быстро двинул вдоль Евфрата через смирную Коммагену на север, достиг основанного Помпеем у подножья Понтийских гор Никополя и отсюда, т.е. из провинциальной Армении Малой, зазвал союзника на аудиенцию, чтобы, сообразно Диону (49,39), посоветоваться о мероприятиях против парфян. Согласитесь, у Артавазда имелись основания уклониться от свидания в Никополе.

Тогда Антонию пришлось на ум послать Деллия с возобновленным вызовом, как отвлекающий маневр, вторично, а самому стремительно пуститься следом и выйти скоростным маршем, по преодолении в минимальные сроки 600 км, к Арташату-на-Араксе.

* * *

Тем временем Сосий и Ирод осаждали Иерусалим.

“Население осажденного города переживало самые разнообразные волнения. Слабые толпились вокруг храма и почитали счастливым и блаженным того, кто умирал; более смелые, образовавшие шайки, занимались разбоем и особенно усердно грабили окрестности города, так как чувствовалась нужда в жизненных припасах для людей и лошадей; лучшая дисциплинированная часть ратного люда защищала осажденных: они отгоняли от стен строителей шанцев и каждый день изобретали новые защитные средства против осадных орудий. Но ни в чем они не превосходили врагов так бойко, как в проведении мин.

Для прекращения разбойничьих вылазок царь прибег к засадам, которыми, действительно, положил им конец; для пополнения недостатка в съестных припасах он организовал подвоз продуктов из более отдаленных местностей. Военная опытность римлян давала ему некоторый перевес над иудеями, но в смелости он не мог их превзойти. В открытом поле они хотя и не дрались с римлянами, так как тут они видели перед собою верную смерть, но через свои подземные ходы они внезапно появлялись в их среде и прежде чем те успевали разрушить одну часть стены, они возводили другую. Короче говоря, ни руки у них не уставали, ни творческая сила не исчерпывалась, они были готовы на самое крайнее сопротивление. Несмотря на чудовищные силы осадного войска, они выдержали осаду в течение пяти месяцев, пока наконец некоторые избранные воины Ирода не собрались духом и не взлезли на стену; вслед за ними вторглись в город центурионы Сосия. Прежде всего было взято место храма... (И.в.1,18,1,2).

В “И.д.” об осаде и штурме читаем:

“Благодаря дружной работе множества рук вскоре были сооружены три

* Террористическое правление Фраата вызвало мятеж парфянских баронов.

вала. Теперь было летнее время, так что и погода не препятствовала успешному ходу работ. Установленные на валах осадные орудия стали поражать стену и в ход были пущены все средства овладения городом. Однако, осажденные несколько этим не смущались, но в свою очередь употребляли все старания, чтобы ослабить начинания врагов; так, например, при своих вылазках они поджигали полуготовые или уже совсем готовые осадные орудия, а в происходивших при этом стычках несколько не уступали римлянам в смелости, хотя и не обладали их военной опытностью. Когда они разрушили первые осадные сооружения римлян, неприятели воздвигли новые; иудеи приняли в свою очередь все меры, сражались под землей с солдатами, занятыми прокладкой подземных подкопов и вообще бились в этой войне до крайности, скорее, впрочем, из отчаяния, чем по строгому плану, тем более, что их осаждало столь значительное войско, да и донимали их голод и недостаток во всем необходимом потому, что тот год был субботним. И вот первыми взойшли на стену 20 добровольцев, а затем и центурионы Сосия. Первая стена была взята по истечении 40 дней, а вторая по прошествии 15 дней. При этом были подожены некоторые из храмовых портиков, в чем Ирод обвинил Антигона, имея в виду тем самым возбудить против него ненависть иудеев. Когда же были взяты окрестности храма и нижний город, иудеи бежали в самый храм и в верхнюю часть города. А так как они боялись, что римляне помешают продолжать ежедневные жертвоприношения Господу Богу, то они отправили к ним посольство с просьбой разрешить им ввоз исключительно жертвенных животных. Ирод позволил им это в расчете, что они теперь сдадутся ему. Когда же он увидел, что ошибся и что иудеи продолжают рьяно стоять за Антигона, он собрал все свои силы и штурмом взял город. Произошла страшная резня, поскольку римляне были раздражены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не хотели оставлять в живых никого из противников (14,16,3).

“Целые толпы были уничтожены в тесных переулках, в домах, на пути бегства в храм; не было сострадания ни к бессловесным малюткам, ни к старцам, ни к беззащитным женщинам. Хотя царь разослал людей и призывал к пощаде, но ни один солдат не остановился; как бешеные они неистовствовали против всякого возраста. Тут и Антигон, забыв свой прежний сан и настоящее положение, вышел из своего замка и бросился к ногам Сосия. Не тронутый такой превратностью судьбы Сосий разразился неудержимым хохотом и назвал его Антигоной. Однако, он не отпустил его, как женщину, а, напротив, приказал заключить в кандалы и приставить к нему стражу” (И.в.1,18,2).

“Теперь, победив врагов, Ирод задался также целью обуздать своих иноверных союзников, так как чужеземные войска собирались подвергнуть осмотру храм и его святыни. Одних царь удержал от этого путем увещаний, других угрозами, а некоторых пришлось прогнать даже с оружием в руках потому, что если бы они узрели что-либо из запрещенного видеть в храме, он считал бы победу хуже поражения.

Вместе с тем он запретил также вполне разграблять город, настоятельно спрашивая Сосия, разве римляне желают лишить город окончательно людей

и имущества и оставить его, Ирода, царем пустыни, тогда как ему не хотелось бы купить даже владичество над всей вселенной убиением стольких сограждан. Когда же тот возразил, что солдаты имеют право на грабеж, вследствие участия своего в осаде, Ирод сказал, что готов выдать каждому из них вознаграждение из своих собственных средств. Выкупив таким образом остальную часть города, царь исполнил свое обещание: он блестяще вознаграждал каждого воина, подобающим образом одарил военачальников, а Сосию сделал прямо царский подарок, так что римляне расстались с ним богатыми людьми.

Это бедствие постигло Иерусалим в консульство Марка Агриппы и Каниния Галла, в третий месяц, в 185-ю Олимпиаду и опять-таки в день поста*, как бы для повторения постигшего иудеев несчастья при Помпее: 27 лет тому назад, в этот же самый день город был взят последним. Принеся затем в жертву Господу Богу золотой венец, Сосий ушел из Иерусалима и повез с собой в оковах Антигона, чтобы отдать его Антонию” (И.д.14, 16,3,4).

Пятимесячная продолжительность осады, приводимая Флавием в контексте рассказа о собственно осаде и штурме Иерусалима, бесспорно более заслуживает доверия, чем риторическое словцо-округление об осаде шестимесячной, приводимое в назидательной речи Иосифа, обращенной к иерусалимлянам, осажденным легионами Тита (И.в.5,9,4). Кстати, “И.в.” выводит на осень (36 г.), как на время падения святого Города, не очень уверенно и побочно, одним-единственным указанием на 5-месячную осаду, “несмотря на чудовищные силы осадного войска”. То есть пять месяцев исчисляются от подхода к Иерусалиму из Финикии после Иродовой свадьбы легионов Сосия и, значит, истечение этих месяцев выпадает уже, скорей всего, на осень, а именно на Судный день, который представлен и прецизироваан в “Древностях” как день поста (37 г.), хотя с приложением флавиевского “постного дня” обязательно к дню Судному** согласны далеко не все историки-специалисты (Э.Шюрер*** 1,359-60). В общем вопрос остается спорным по сей день, правда, если относительно месяца или, шире, заведомо определенного времени года мнения ученых авторитетов разошлись, то относительно самого года споров давно нет: 37 г. до н.э., как год взятия Иерусалима Сосием и Иродом, в науке с XIX-XX вв. каноничен.

В 1894г. Кромайер пишет: “Das Jahr 37 kann seit Drumann (1,446) und van der Chis mit Sicherheit als das der Eroberung betrachtet werden, und es ist darüber

* ...ὑλατεύοντος ἐν Ρώμῃ Μάρχου Ἀγρίππᾶ καὶ Κανινίου Γάλλου, ἐπὶ τῆς πέμπτῃ καὶ ὀγδοηχοστῆς καὶ ἐξατοστῆς Ὀλυμπιάδος τῷ τρίτῳ μηνί, τῇ ἑορτῇ τῆς νηστείας.

** τῇ ἑορτῇ τῆς νηστείας

*** E.Schürer “Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi”, Bd. 1-3, 1901-1909. Эмиль Шюрер (1844-1910 г.) – немецкий протестантский теолог (профессор теологии в Лейпциге, Гисене, Киле, Геттингене). Создатель науки об античном еврействе. Его трехтомный труд “История еврейского народа в эпоху Иисуса Христа. От восстания Маккавеев до восстания Бар Кохбы” до сих пор считается непревзойденным источником по истории еврейства II в. до н.э. – II в. н.э.

kein Wort mehr zu verlieren, der Monat bildet dagegen immer noch den Gegenstand der Controverse.”*

В 1913 г. В.Отто**, автор массивного энциклопедического труда об Ироде, констатирует:

“Das Jahr 37 v.Chr. als Jahr der Eroberung Jerusalems hat sich jetzt wohl allgemein durchgesetzt.” (37 г. — как год завоевания Иерусалима, — ныне повсеместно принят.)

Суди сам, читатель, с годом мы во многом разобрались и еще не раз будем к данному вопросу обращаться и возвращаться. Пока же разберемся с “месяцем” и с “постом”. Дело в том, что при выходе на 34 г., как на безальтернативно завоевательный, спор о времени года (лето или осень) сам собой отпадает, поскольку 3 сентября 34 г. до н.э. Г.Сосий, согласно триумфальным фастам (CIL I² p.76), отпраздновал в Риме свой триумф ex Iudaea, следовательно, он завоевал Иерусалим не позднее начала лета, так как успел вслед за тем уйти из Иудеи на север, передать сирийское проконсульство Кальпурнию Бибулу, отплыть в победную путь-дорогу и триумфально вступить в Рим. Засим спорить нам о сезоне незачем: тут все ясно.

Однако, Шюрер и прочие авторы-“великопостники”, вероятно, правы в том, что Флавий разумеет под днем Поста день Судный, ибо способствовавшее успешному погодному ходу осадных работ “летнее время” + 40 и 15 дней, понадобившихся на взятие первой и второй крепостных стен т.н. внешнего пояса также свидетельствуют о взятии “места храма”, с точки зрения Флавия, лишь осенью. В таком случае осенний пост может приходиться либо на никак теоретически не равный по значению дню Всепрощения день памяти Гедалии (3 тишри), либо, согласно торжественной “помпеянской” аналогии, на Йом-Кипур 10 тишри. Предыдущий от тишри иудейский пост приходился и приходится поныне на летний месяц ав,

* “Hermes” 29, 1894 “Forschungen zur Geschichte des zweiten Triumvirats; 2. Die Eroberung Jerusalems durch Herodes” 563.

(После работ Друманна и Ван дер Хиза 37 г. может с уверенностью считаться годом завоевания Иерусалима и дальнейшие споры об этом неуместны; месяц же, напротив, до сих пор предмет споров).

W.Drumann “Geschichte Roms” B. 1-6, 1833-44

Van der Chis “De Herode magno” Leyden 1855,35.

** W.Otto “Herodes” RE Supplement B.2, S.31, 1913. Вальтер Отто (1878-1941 гг.) — немецкий историк (профессор древней истории в Грайфсвальде, Марбурге, Мюнхене). Труды по Селевкидам, Птолемам и т.д. Автор работы об Ироде и статей о прочих Иродианах в RE.

До середины XIX в. дата завоевания Иерусалима по наличному тексту Диона — 38 г. до н.э. — в определенной мере конкурировала с флавиевской. Так, за *завоевательный* декабрь 38 г. выступают составители греко-римских хронотаблиц Г.Клинтон (Fasti Hellenici, Oxford 1831/1851) и Э.Фишер (Römische Zeittafeln; Altona, 1846). Во второй половине XIX в. Флавий полностью вытеснил “недобор” Диона и положил конец любому “перебору”. Скорее как на курьез Шюрер (1,360) указывает в начале XX в. на двух категорически ошибающихся авторов, рискнувших продвинуть завоевательную дату из 37 в 36 гг. Интересно было бы увидеть реакцию Шюрера на 34 г.!

последующий — на зимний месяц тевет: в сочетании с пятью-шестью флавиевскими месяцами начатой весной (И.д.) осады, ав — срок слишком ранний, тевет — чересчур поздний.

Про покорение Иерусалима Помпеем в “И.д.” сказано: “... город был взят в день поста, в третий месяц, в 179 Олимпиаду, в консульство Гая Антония и Марка Туллия Цицерона” (14,4,3). Не вызывающую сомнений эпонимию Цицерона и Антония, к слову сказать, единственно правильную из четырех консульских датировок в “Древностях”, подтверждают Дион (37,16) и Орозий (6,6)*, тогда как предположения современных ученых насчет загадочного “третьего месяца”, столь же неуклюже сформулированного и в сосианско-иродианском прецеденте, кардинально расходятся: третий месяц чего? — иудейского календаря? олимпиады? осады?

Но порядковые месяцы олимпиад, да еще без привычно пронумерованного олимпийского года, в пределах датировочной четырехлетки никогда и никем не нумеровались. Непонятно зачем Флавий должен был прибегнуть к настолько карикатурному псевдосчету.

Третий месяц иудейского календаря по весеннему стилю дает — сиван, по осеннему — кислев, где постных дней нет.

Посему оба дословно идентичных флавиевских параллелизма имеют ввиду третий месяц осады**, о чем применительно к Помпею в “И.в.” говорится прямым текстом дважды: 1. “На третий месяц осады после того, как римляне с большим трудом разрушили одну из башен, они проникли в храмовый двор” (1,7,4); 2. “После трехмесячной осады они (иудеи) сдались” (5,9,4). Помимо того, про третий осадно-помпеянский месяц сообщают Евтропий (6,4)***, Орозий (6,6) и Зонара (5,6).

С другой стороны, победа Помпея над иудеями-храмовниками ранее осени 63 г. плохо воображима, потому что длинный перечень событий от вывода им по весне войск из зимних стоянок (И.д.14,3,2) до, во-первых, беспрепятственного вступления в город и начала осады Храмовой горы, во-вторых, ее штурма и вторжения в храм, требует исчислять осадно-штурмовые сроки временем не ранее, чем от июня-июля до двадцатых чисел сентября. А раз так, то нет оснований отвергать помпеянско-завоевательную традицию Судного дня: день Поста 10 тишири 63 г. до н.э. в переводе на пролептический юлианский календарь = 22 сентября.

Не то в деле Ирода, который обложил иудейскую столицу без Сосия — “лишь только зима ослабла”, т.е., видимо, на заре февраля, в месяце шеват (когда в Палестине становится теплее, когда зацветает миндаль) и потому

* Помпеянское взятие Иерусалима запечатлено греко-римскими авторами четче, чем иродианское, и по причине памятного года консульства Цицерона/заговора Катилины, и как деяние Помпея Магна и, главное, как первое, или как собственно покорение Иудеи/Иерусалима римлянами. В сравнении с этим событием завоевание 34 г. было для неиудеев событием не столь важным, менее памятным, вторичным.

** Правда, в случае Ирода это прежде всего третий месяц осады, но отчасти и третий месяц иудейского календаря, так как падение Иерусалима в 34 г. пришлось на рубеж месяцев сиван и таммуз.

*** Евтропий датирует завоевание Иерусалима Помпеем не 63, а 64 гг.

не мог маяться с завоеванием города до, согласно Флавию, великопостного дня, т.е. около 8 месяцев, аж до октября.

Соответственно букве текстов “И.в.” и “И.д.”, Флавий, констатируя и “пять месяцев”, и “третий месяц” осады, в строгом налично текстуальном смысле противоречит самому себе: поэтому следует найти компромисс, обязывающий приплюсовать к двухмесячному сроку от подхода к Иерусалиму в начале февраля Ирода “третий месяц” от прихода под стены иерусалимские в начале апреля Сосия. Логическое заключение: 2 + около 3 месяцев = около 5 суммарных месяцев осады сделал Л.Герцфельд*, с кем Кромайер (29,568) касательно завоевательной хронологии принципиально согласен, но кому он возражает, что для взятия (после 55-дневного штурма двух крепостных стен) цитадели храма срок менее месяца неестественно короток, так как впущенный партией Антипатра/Гиркана в город Помпей потратил свыше двух или около трех месяцев именно на храмовую осаду. Контраргумент Кромайера не годится, поскольку, взяв Иерусалим, Помпей, согласно Страбону (16,763) и Тациту (Истории 5,9), повелел срыть крепостные стены и наверняка в первую очередь укрепления Храмовой горы, доставившей ему околотрехмесячные хлопоты. При римлянах эти укрепления, без сомнения, не были восстановлены в прежней мере**, а Антигон вряд ли за свое короткое правление, ведя постоянную борьбу за выживание, успел (или сумел) восстановить их в сколько-нибудь полной мере. На 30-е годы I в. до н.э. город был укреплен сильнее, чем храм, отчего на взятие двойного крепостного пояса ушло 55 дней, на взятие храма — меньше месяца.

Подведем итог. Таким образом, Иерусалим пал в год консульства Л.Семпрония Атратина и Л.Скрибония Либона, в пятый месяц иродианской и в третий месяц совместной сосианско-иродианской осады, в 186-ю олимпиаду, в июне; не позднее же самого начала июля*** римляне покинули поверженную и утопленную ими в крови иудейскую столицу, оставив владелином в ней Ирода****.

* L.Herzfeld “Wann war die Eroberung Jerusalems durch Pompeius und wann die durch Herodes?” in Frankels Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1855, 109-15.

** Восстановить стены Иерусалима иудеям позволил в 47 г. до н.э. Ю.Цезарь (И.д.14,8,5)

*** 9 таммуза 586 г. до н.э. вавилоняне сделали первый пролом в иерусалимской крепостной стене (см.Книгу Иеремии 52,6). Ирод старался по возможности щадить национально-религиозные чувства иудеев и, во-первых, не стал бы штурмовать Иерусалим или храмовую цитадель ни в субботу, ни в праздник; во-вторых, чтобы не очень напоминать о Навуходоносоре (или Навуходоносора) он не мог не позаботиться об уходе римлян из св.Города до скорбного дня поста — 9 таммуза = 4 июля 34 г..

**** Уходя, Сосий оставил не в Иерусалиме, но за стенами города один легион для поддержки Ирода.

* * *

Примечательно следующее. Если Флавий, опираясь на одну из иудейских традиций, экстраполировал помпеянско-иерусалимскую хронологию суднопостного дня на хронологию завоевания Иерусалима Иродом, то средневековый еврейский “Иосифон” (X в.)*, наоборот, проецирует, сообразно иной традиции, кровавое воцарение Ирода в месяце таммуз на сокрушение града Господня Помпеем. По “Иосифону”, Помпей берет Иерусалим в день поста 17 таммуза (4,23), Ирод – в день поста четвертого месяца (5,12). Но день 17 таммуза – день прекращения жертвы в 70 г. н.э., попал в число календарно постных в эпоху после разрушения Второго храма, став отсчетной точкой “трех недель скорби” с 17 таммуза до 9 ава, как дня гибели Первого и Второго храма. Значит, в “Иосифоне” сохранился верный исторический отголосок Иродовой завоевательной-хронологической причастности к дню поста 9 таммуза, вернее, к “постному” месяцу таммуз, начавшемуся в 34 г. до н.э. 26 июня.

Событийная аналогия порождает аналогичную обстоятельную и датировочную; национально-религиозной памяти присущи символизм, параллелизм и символический параллелизм. В традиции, откуда черпал Флавий, обобщительный тон задавала трагедия 63 г.; в традиции, воспроизведенной “Иосифоном”**, трагедия 34 г.***

* * *

Как видим, между обеими этими преемственными трагедиями сентября и июня/июля почти 29 лет, хотя у Флавия их всего 27, в то время как от 10 тишри 63 г. до принятой в “Древностях” даты 10 тишри 37 г. только 26 лет. Описка? школьно-арифметическая невнимательность? Чья? флавиевская? переписчиков? Сказать сложно, но нельзя не заметить, что промежуток в 27 лет точно соответствует подспудной хронологии “И.в.”, согласно которой Сосий и Ирод взяли Иерусалим не в 37, а в 36 г. Каким-то макаром интервал “Войны” – оригинала “Древностей” проник в “Древности”.

* Живописная хроника истории еврейства, автор которой представляется как Иосиф бен Горион (см.ниже).

** Согласно “Иосифону”, Помпей берет Иерусалим в консульство Гая Антония и Туллия Цицерона (по Флавию), но в четвертый месяц, причем не осады, а иудейского календаря; Ирод – в консульство Агриппы и Каниния, в 185-ю олимпиаду, и тоже в четвертый месяц не осады, а иудейского календаря.

*** То, что Ирод помешал иноверным союзникам проникнуть в запретные для язычников отделения храма, не помешало иудейской традиции представить одинаково роковые помпеянское и иродианское завоевания как предтечные катастрофы 70 г. осквернения святилища.

* * *

Стоит привести несколько примеров из напрасно игнорируемого наукой “Иосифона”*, где рассыпано немало латентно ценных и совсем не обязательно созвучных Флавию историко-хронологических сведений. Например: 1.Ирод, прибывая за короной в Италию, пристаёт не в Брундизи, как у Флавия, а в Отранто (Тарент) (5,9). 2.После назначения Ирода царем Антоний и он вместе выезжают из Рима и расстаются в Антиохии: Антоний идет войной на парфян, Ирод направляется добывать царство через Птолемаиду в Иудею (5,9). Такой расклад несовместим с периодом 40-38 гг., когда Антоний в Антиохию не приезжал, но очень близок конъюнктуре 37 г., когда Ирод и Антоний выехали из Италии на восток почти одновременно. 3.Вяло содействовавший в 37/36 гг. Ироду римский легат Силон, когноминальный*, но безфамильный в текстах Флавия представлен автором “Иосифона” как Пардалий (Силон 5,10); а это есть искаженная форма приводимого Дионом родового имени или фамилии Силона: Поппедий***. Сосий, взяв Иерусалим и пленив Антигона, уводит последнего, чтобы отдать Антонию не в Антиохию, но в Египет (5,12); и дело тут не в том, что данная информация ошибочна, а в том, что просматривается за ней. Упоминание Египта в связи со взятием Иерусалима неприложимо к 37 г., ибо в 37 г. Антония в Египте не было, но вполне приложимо к 34 г., ибо в 34 г. Антоний, пусть даже не в момент пленения Антигона, там, т.е. в египетском лежбище, основательно был.

* * *

Очень важен выразительный синхронизм субботнего года (И.д.14,16,2). Обстоятельный разговор о дающем ключ к разгадке многих хронотайн и весьма интересном иудейском субботнем цикле — точнее, о циклах, так как Маккавеи изменили прежний график суббот-шмита, открыв в 140 г. до н.э., т.е. в “первый год свободы”, новый или хорошо забытый старый цикл субботников — у нас впереди. Сейчас, предоставляя читателю информацию к размышлению, отметим, что флавиевские “Война” и “Древности”, исходя (или словно исходя) из двух разных версий фарисейского предания, неверно экстраполируют завоевание Иерусалима Иродом на субботний год по домаккавейскому хронографическому циклу, отчего, согласно версии (не) задействованной в “И.в.”, шмита выпадает за кадром на 37/36 гг., тогда как согласно версии, задействованной в “И.д.”, суббота покоя земли приходится

* “Josephus Gorionides”, Gothae 1707.

** Когномен — третья составная часть римской номенклатуры. Например, Гай (praenomen — личное имя); Юлий (nomen gentilicum — фамилия); Цезарь (cognomen — прозвище). Личных имен у римлян было немного — всего 18 — из них 11 общих и 7 только у разных представителей старого патрициата: к примеру — Аппий — в роду одной из ветвей Клавдиев; Мамерк — Эмилиев. При сокращениях: Л. — Луций, П. — Публий, Гн. — Гней, М. — Марк.

*** Поппедий Силон — это фамилия и прозвище; его личное имя неизвестно.

на 38/37 гг. до н.э. Проекция первой из этих “суббот” и вправду реконструктивно укладывается в дохасмонеийский ежесемилетний график, вторая — искусственно сконструирована на основе спорного и распространенного уже в пору Флавия и поныне толкования понятия *ty [iykiv. yaEc | Am (mosaei Shevi'ith)*, как “года после субботнего года”, а не собственно “субботного года”.

Проблема для некоторых современников Флавия заключалась в ответе на вопрос о том, когда по домаккавейскому субботнему хронометру (которым они ретроспективно подменяли хронометр маккавейско-иудианский) был разрушен храм Титом — в год субботний? или в год после субботнего года? В зависимости от ответа на этот вопрос ретроспективная хронология могла калькуляторски меняться, уводя, либо из 69/70 гг. н.э. в 37/36 гг. до н.э., либо из 68/69 гг. н.э. в 38/37 гг. до н.э. Пока столько; подробнее см. ниже.

В действительности, последняя маккавейская (считая от 140/39 гг.) и первая прииудианская суббота покоя земли началась 1 тишири 35 и продолжалась до 1 тишири 34 гг. до н.э.*.

Дальше — больше. Отталкиваясь от шмиты 35/34 гг., нельзя не прийти в шмиту 63/62 гг.; следовательно, если Иерусалим был завоеван Иродом в разгар, ближе к исходу субботнего года, то под ударами Помпея это случилось (10 тишири) в самом начале оногo.

Отсюда, как под рентгеновским лучом, видно, почему Страбон (16,763), по-язычески, инкомпетентно говорит о покорении Помпеем Иерусалима в нерабочий медитативный день (субботнего) поста, а Дион вещает о завоевании Иерусалима и Помпеем (37,16), и Сосием (49,22), оба раза подчеркнуто в день Кроноса/Сатурна; хотя 22 сентября 63 г. до н.э. — четверг, а Сосий и Ирод не штурмовали город или храмовый комплекс ни в субботу, ни в пост. И в многослойной иудейской традиции, но особенно у несведущих авторов-язычников, безграмотно из нее черпавших, субботний день наложился на субботний год: в иудейском эсхатологическом предании день усилительно смешался с годом**; в языческом восприятии “день” безостаточно поглотил “год”. Читатель вправе спросить: в каком смысле? А в таком: и Страбон, и Дион могли кое-как воспринять “день”, либо *золотой век* Сатурна, однако, они вряд ли могли, вряд ли захотели (бы) вникнуть в специфически иудейский институт повторяющегося каждые 7 лет субботнего или, упаси языческие боги, каждые 49 лет — юбилейного года. Оттого год шмита свелся у Страбона к “постной” помпеянкой “субботе”, а у Диона годы шмита свелись к помпеянскому и к сосианскому “субботним дням”.

* В начале 15-й книги “И.д.” о времени непосредственно после взятия Иерусалима, т.е. об осени 37 г., говорится: “... именно теперь наступил субботний год, когда нам запрещено сеять” (1,2). Здесь Флавий, противореча самому себе (14,16,2), передвигает шмиту с 38/37 на 37/36 гг., т.е. в кадре “Древностей” опять, как и в случае с 27-летним межзавоевательным интервалом, всплывает (закулисная) хронология “Войны”.

** Иудейская традиция датировала завоевание Иерусалима “в субботний день” Птолемеем I и Помпеем; в “субботний год” — Иродом; “в субботний день и год” или “в субботний день года после субботнего года” — Навуходоносором и Титом.

Внимание, читатель! Совершенно верную датировку воцарения Ирода в Иерусалиме дает “Арабский Иосифон”, который не напрасно считают предтечей “Еврейского” и отпочкованием так называемой арабской “Книги Маккавеев”. В еще большей степени, чем к “Иосифону” (евр.), версия авторской самостоятельности и использования иных, помимо Флавия, в том числе не только фольклорно-апокрифических древнееврейских источников, применима к “Иосифону” (араб.).

Рассмотрим, например, концовку 3-й и начало 4-й книг в эпитомированном немецком переводе Ю.Веллхаузена*.

Звенья событийной канвы – призвание Антигоном персов/парфян, пленение Фазаила и Гиркана, бегство Ирода, путь через Египет в Рим к Антонию и сенатское назначение на царство – былинно воспроизведены по Флавию (3,70). Далее следует расхождение: Ирод и Антоний совместно (как и в “Иосифоне” бен Гориона) отбывают из Рима на Восток, в Антиохию; отсюда Антоний идет против персов, Ирод – против Антигона. Освобождение родни в Масаде царственному назначенцу успешно удаётся; осада Иерусалима безуспешна: подкупленные Антигоном римские офицеры плохо помогают Ироду (3,70). Сим 3-я глава-книга заканчивается.

Победив персов и сразив их царя, Антоний бивакует на Евфрате, где его навещает Ирод, просит о помощи и получает в помощники Сосия (4,71). Создается впечатление, будто речь идет о времени гибели Пакора и осады невзятой Самосаты (37 г.). Но оказывается, что победа Антония над персами разделена на две победные кампании, достаточно отдаленные одна от другой во времени: “первая” из них относится к периоду еще до воцарения поддержанного персами Антигона (3,69), “вторая” к периоду вышеозначенного выступления Антония в поход из Антиохии. Стало быть, в качестве антионианских побед накладочно презентуются и Вентидиана 38/37 гг., и отнюдь не победный атропатенский поход 36 г. (который Антоний начал, расставшись в Антиохии с Иродом). Путаница и накладки налицо, однако для нас в настоящий момент актуально другое: Антоний бивакует на Евфрате в 35 г.! Порученный заботам Сосия Ирод осаждает Иерусалим, берет город 17 таммуза** и воцаряется в нем. Когда именно? Про взятие Иерусалима и про воцарение Ирода в тексте сказано одним предложением: “Это произошло в 30-м году, после чего Ирод стал царем в 3-м году Антония” (4,71)***. Анонимный 30-й год в данной не требующей пояснений форме может иметь отправной точкой опоры лишь общеизвестную провинциализацию Сирии в 64/63 гг. Помпеем, то есть эпоха этой знаменитой

* Первоавтор этого дошедшего до нас на арабском языке “Иосифона” не араб, но иудей.

См. “Der arabische Josippus” von J. Wellhausen. Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse. Berlin 1897.

** “Арабский Иосифон” относит завоевание Иерусалима и Помпеем (3,59), и Иродом на 17 таммуза.

*** В менее зависимом от Флавия “Арабском Иосифоне” нет ни консульских, ни олимпийских флавиевских датировок.

помпеянской эры есть осень 64 г. до н.э., и значит, завоевательный иродианский таммуз выпадает на лето 34 г. до н.э. “Третий год Антония” (и Клеопатры) бесспорно исчисляется от (антиохийской) осени 37 г. до н.э., и значит, воцарение Ирода в завоеванном Иерусалиме “в третьем году Антония”, в летнем месяце таммуз, опять-таки приходится на лето 34 г. до н.э.*

Убедитесь: “Арабский Иосифон” исчерпывающе подтверждает реконструированную нами хронологию**.

* * *

В суммарных сообщениях державно-оикуменических классиков античности фиксированная хронология падения периферийного Иерусалима понятно не в почете.

1. В кратком обзоре по Иудее arrogantный державник Тацит пишет: “Первым римлянином, покорившим иудеев и переступившим порог их храма был Гней Помпей. С тех пор известно об отсутствии в пустом святилище изображения божества, о бессмысленности и никчемности тайного культа. Стены Иерусалима были скрыты, храм остался нетронутым. Когда впоследствии, в период наших гражданских войн, восточные провинции достались в удел Марку Антонию, Иудеей овладел парфянский царь Пакор; он пал, побежденный Публием Вентидием; парфяне были отеснены за Евфрат; иудеев одолел Гай Сосий. Царской властью Антоний облек Ирода; Август расширил ее после своей победы...” (История 5,9).

Дат нет, последовательность децениалии “от Антония до Августа” выдержана четко, поэтапно, без вопиющих разрывов. Восток достался Антонию в 40/39 гг. условиями Брундизийского и Мизенского соглашений. Пакор овладел Иудеей в 38 г. (позднее, чем Сирией), пал под Гиндаром в 37 г.; Сосий одолел иудеев в 34 г.; Август оставит антонианца Ирода у власти и расширит его владения в 30 г. Приложишь строгую тацитовскую поэтапность к общепринятому флавиевскому хронометражу и она заметно расстроится: Пакор “овладеет” Иудеей до получения Антонием Востока по брундизийско-мизенскому жребью, а главное, все перечисленные события, за исключением последнего, скучатся на досрочном пятачке 40-37 гг.; между 37 и 30 гг. заияет вакуумный пробел.

2. Аппиан (5,72-75), сообщая после рассказа о Мизенском соглашении (39 г.) про поставление Антонием Ирода царем над Идумеей и Самарией, опосредованно синхронизирует это обстоятельство с пребыванием Октавиана в Галлии: мол, Антоний отправился на Восток (где и воцарил, в частности, Ирода), в то время как Цезарь подался в охваченную волнениями Галлию. Любопытно, что в 39 г. Октавиан в Галлии не был, а в 34 г. точно был.

Провернем, сопоставляя классиков, пленку и проверим. По заключении

* Веллхаузен не понимает “третий год Антония” как год иерусалимской интронизации Ирода (ибо не допускает и мысли о 34 г.) и предлагает читать: “третий год Антигона” (подразумевая интервал 40-37 гг.). “Тридцатый год” Веллхаузенем не комментируется.

** См. Приложение 2.

Мизенского договора Цезаря II *отправляет* “в охваченную волнениями Галлию” только Аппиан (5,75), тогда как Плутарх (Ант.33) говорит о совместном, душа в душу, правлении триумвиров, об игре в кости и т.д., то есть об их совместном вплоть до осеннего отъезда Антония в Грецию нахождении в Риме. Согласно Диону (48,49), Октавиан побывал “в волнуемой Галлии” в 37 г., то есть после Тарента (что много более вероятно, поскольку летом/осенью 37 г. времени на поездку за Альпы у него, во-первых, хватает, во-вторых, ничто поездке не препятствует) и позднее зимой/весной 34 г., перед вторым иллирийским походом, собираясь поначалу в Британию (что также не вызывает сомнений). С другой стороны, Мизенское соглашение состоялось явно курортным летом 39 г., ибо воины обеих сторон на радостях от заключенного мира массово попрыгали в воды Путоланского залива, где, привольно плескаясь и ныряя, обнимали и поздравляли друг друга. Чуть позже, к осени, начался роман Октавиана и Ливии, которая вернулась в обществе мужа в Рим благодаря мизенской амнистии, и Антоний, насколько следует из Светония (Авг.69), был какое-то время, до своего отбытия в октябре в Афины, очевидцем этого любовного романа. Да и не рискнул бы Октавиан оставить его одного безраздельным хозяином Рима/Италии, из-за менее важных волнений в Галлии, куда вполне мог послать кого-то из своих паладинов и куда как раз в 39 г. отправился легатствовать Агриппа. Кроме того, трех октавиановских поездок в Галлию в 40, в 37 и в 34 гг., без сомнения, достаточно; в 39 г. он туда не ездил. Возникает риторический вопрос: не оплошал ли, не произвел ли ошибочную калькуляцию зачастую беспомощный в хронологии Аппиан, который о галльских вояжах 37 и 34 гг. ничего не знает, *отправляя* в 34 г. Октавиана по заранее намеченному плану, причем еще “посреди зимы”, в Иллирию (Иллир.24).

Далее, свидетельство о мизенской дезигнации триумвирами консулов на последующие годы у никудышного хрониста Аппиана загадочно касается лишь четырех консульств с 34 по 31 гг. (5,73), т.е. происходит противоестественный перескок, причем опять из 39 в 34 гг.

3. Плутарх (Ант.36), повествуя о расточительной раздаче Антонием имперских земель Клеопатре, царств и тетрархий своим клеветам в дни послетарентского нахождения ориентального диарха с осени 37 г. в Антиохии Сирийской, говорит и о произведении в цари Ирода, и разом о казни лишённого трона Антигона. Скажите, разве Ирод мог назначиться, по Плутарху, царем в 40 г. и завоевать Иерусалим в начале лета 37 г., если, следуя Плутарху, Антоний приступил к раздаче/перераздаче корон и казенных земель осенью 37 г. из Антиохии?! Упомянув в преддверии подробного рассказа о парфянском походе дарственно-назначенские, плюс карательные (казнь Антигона) инициативы и мероприятия Антония, Плутарх не лучшим образом совокупил менее существенные для него звенья трехлетней цепи, от осенней 37 г. Антиохии до (невключительно) следующего (чему посвящен специальный абзац-рассказ) однородного этапа в инволютивной биографии Антония — политико-территориальной декларации в пользу Клеопатридов-Антонидов осенью 34 г. в Александрии. Т.е. назначение Ирода царем де-юре и его воцарение де-факто — события 37-34 гг. суммарно отнесены Плутархом на 37/36 гг., не дифференцированы и не разведены во времени.

4. Не-ошибка не-анналиста Плутарха похожа на ошибку римского анналиста Ливия (или эпитоматора Ливия)*, у кого “первичный” юридический акт политических перемен-перестановок в антонианской Иудее 37 г. аккумуляровал в связи с противопарфянской Вентидианой “вторичную” реализацию этих перемен в 34 г. Вот, вероятно, откуда, т.е., скажем так, из ближе неизвестного римского источника, Флавию, уже допустившему самостоятельный промах в “Войне”, довелось почерпнуть мнимо завоевательную консульскую дату “Древностей”, к которой он прибавил датировку олимпийскую и в результате еще дальше, чем в “Bellum”, ушел от истины. Таким образом, листая в Риме греко-римские источники, Флавий вполне мог обнаружить год назначения Ирода царем, слитый языческим автором с годом или выданный языческим автором за год завоевания Сосием Иерусалима. Затем достаточно было провести ретроспективный поиск, чтобы уверенно принять и эпонимировать 40 г. до н.э. в качестве “назначенского”**.

5. У державного анналиста Диона, который теоретически в равной иным авторам-”центристам” мере мог подпасть так называемой сляпательной ошибке-накладке, завоевание Сосием Иерусалима крайне нелепо (о чем уже сказано выше) эпонимировано 38 г. до н.э. (49,22) в пределах 49 книги “Римской истории”, охватывающей период 36-33 гг. до н.э. Притом стоит повторить, перед иудейско-иерусалимской драмой повествуется о гибели С.Помпея в 35 г., следом за чем, вместо ожидаемого 34 г., в текст как-то уж очень контрабандно вклиниваются 38 и 37 гг. до н.э.

6. П.Орозий (6,18) информирует о завоевании Иерусалима якобы Вентидием (а не Сосием) для Ирода после взятия Антонием Самосаты, т.е. после 35 г. до н.э.

7. М.Хоренаци (2,21-23) относит взятие Сосием Иерусалима для Ирода на время после падения Самосаты, ко времени похода Антония в Армению и пленения Артавазда Армянского в 34 г. до н.э.

8. Не случайно одно из обращенных вспять сивиллических пророчеств (I в. до н.э. — I в. н.э.) гласит:

“Тебя, Армения, ждет неотвратимое рабство,
Но и к Иерусалиму приближается страшный ураган войны...” ***

Сивиллины книги (4,114-15)

* См. Livius (128).

** Консульские датировки 63 и (смещенная) 37 гг., вероятно, позаимствованы Флавием из языческого источника; эпонимия 40 г., вероятно, дана им самостоятельно. Впрочем, подтверждение “правильности” 40 г. Флавий вполне мог обнаружить у анналиста типа Диона, центристски подчинившего дату вторжения парфян в Палестину дате завоевания ими Сирии.

*** Рим воевал с Арменией и Иудеей и в 60-е, и в 30-е гг. I в. до н.э. посредством Помпея, потом Антония, Сосия и Ирода. Тигран Армянский склонился перед Помпеем в 66, Иудея в 63 гг. до н.э. В 34 г. Армения подпала рабству, а Иерусалим одному из военных ураганов, предтечных катастрофе 70 г. н.э. В 60-е гг. I в. н.э. армяне при помощи парфян успешно дистанцировались от Рима, иудеи ввязались в роковую Иудейскую войну. Т.о. синхронистическое пророчество сивиллы наиболее актуально своим символическим параллелизмом именно для 34 г. до н.э.

Разве вешее слово сивиллы не указывает на единовременность порабощения римлянами Армении и Иерусалима в 34 г. до н.э.?

9. Евсевий Кесарийский в “Хронике” (138-39) датирует воцарение Ирода в Иерусалиме третьим годом 186-й олимпиады. Эпоха эры олимпийского летоисчисления – 1 июля 776 г. до н.э., и потому в буквальном смысле 01.186.3. – это лето 34/лето 33 г. до н.э. Однако, учитывая знакомство Евсевия с “Иудейскими древностями” Флавия (см. “Историю церкви”) и приводимый Флавием Судный день 10 тишри в качестве даты падения Иерусалима, 3-й год 186 олимпиады дает 34 г. до н.э. по Евсевию.

10. Древняя иудейская хроника “Седер Олам”, автором которой считается равви Иосе бен Халафта (около 160 г. н.э.), исчисляет время существования Второго храма в 420 схематичных лет: из них всего 34 года! отводятся на двухвековой в реальности период персидского владычества; 180 лет числятся за греками, то есть за македонянами; 103 года за Хасмонееми; и 103 года за Иродианами (глава 30). Вопрос в том, в каких пределах могут лежать броские своей выразительной равнозначностью суммарные годы Хасмонеев и Иродиан, поддаются ли они столь же выразительно-броской хронологической фиксации? Оказывается, вполне, ибо: 1) от выступления Маккавеев под эгидой Маттафии в 166 г. до взятия Иерусалима и храма Помпеем в 63 г. до н.э. насчитывается итого 103 года; 2) от завоевания Иерусалима Иродом не в 37, но в 34 г. до завоевания Иерусалима и разрушения храма Титом в 70 г. н.э. также насчитывается итого 103 года.

* *Междущарствие* 63-34 гг. до н.э. и *постхрамовое* царствование (после 70 г. н.э.) не в Иерусалиме Агриппы II из счета *сокращенных* по схеме “Хроники” храмовых лет выпадает, т.к. и хасмонейская, и иродианская сумманды, по 103 года каждая, вовлечены этой схемой в общую продолжительность экзистенции Второго храма произвольно, будучи взяты из другого, независимого от 420-летней сумманды источника – из иудейской традиции, поучительно отождествлявшей конечные даты обеих *равнопротяженных* греховных династий, в обоих случаях, с датами падения Иерусалима и храма.

Примечательно, что 103 года Хасмонеев можно уложить также в период 140-37 гг. до н.э. (т.е. от “первого года свободы” – года принятия Симоном М. титула этнарха, до года назначения Ирода царем), тогда как 103 года Иродиан умещаются только в период 34 г. до н.э. – 70 г. н.э.

Епифаний Саламинский (Анакефал 20) синхронизирует Рождество Христово, которое он относит на 6.01.2 г. до н.э., с 33-м годом правления Ирода, т.е. исчисляет Иродово правление с 35 г. до н.э. Сульпиций Север (Хроника 2,39) отсчитывает воцарение Ирода с 36 г. до н.э., датируя Р.Х. 25.12.4 г. до н.э. – датой, соответствующей, по его мнению, 33-му году Ирода.

Как видим, Прокрустов отрезок иродианской биографии за 40-37 гг. в неправильном отображении Флавия был в далеком прошлом отнюдь не столь безальтернативно *царственным*, как в новое-новейшее время. Скажем так: колебания лежали в пределах 40-34 гг., своеобразно балансируя по обе стороны от промежуточного 37 г. до н.э.

Небезынтересен также римский, консульский и триумфальный расклад знаменательного 34 г. до н.э. = 720 г. а.У.

1 января М.Антоний сделался, сообразно мизенской дезигнации, консулом *iter.in absentia* и в тот же день отсутственно уступил консульство Л.Семпронию Атратину, который стал соконсулом вчерашнего младопомпеянца, а ныне антонианца — Л.Скрибония Либона. Консульство Атратина в год иродианского завоевания Иерусалима бросается в глаза тем, что именно он замолвил, согласно Флавию, рекомендательное словечко за Ирода в римском сенате (если, конечно, таковое вообще имело место, причем не очно, а заочно, и не в 40, а в 37 или скорее, в 34 гг.). Не исключено, что в пользуемом Флавием панегирическом (без фиксированной датировки) источнике Семпроний патетически преобразился в одного из сенатских рекомендателей Ирода, будучи всего-навсего эпонимом* завоевательного года и даже полугодия, так как оба январских консула были сменены суффлектами 1 июля.

Накануне, 30 июня, отпраздновал свой африканский триумф *ex Africa* Т. Статилий Тавр. Номо *povus* из всаднического сословия, друг антонианцев Кальвизия Сабина и Г.Фурния, предположительно, сам поначалу антонианец, суффлектный соконсул консула-*ord.* М.Агриппы в 37 г., он командовал тарентской эскадрой Антония на заключительном этапе борьбы против С.Помпея. Потом утихомирил Сицилию, до конца 36 г. отправился легатствовать в присвоенную Октавианом Африку, победил здесь, вероятно, кочевников африканской пустыни, аккламировался императором, сдал весной/к лету 34 г. легатуру преемнику, прибыл в Италию и заслуженно триумфировал.

Человек обоих диархов (и вместе с тем, уже истовый октавиановец) Статилий как бы олицетворял все еще рекламируемый ими на публику идилический дуализм, весьма приятственное римскому народу квиритов паритетное единодушье обоих вождей.

Спустя два месяца, 3 сентября, состоялся иудейский триумф антонианца Г.Сосия. Столь расторопный отъезд победителя иудеев, до возвращения Антония из Армении, в Рим был, само собой разумеется, заранее согласован между ними, был запланирован Антонием. Наметив перед выступлением в поход на Армению беспрецедентный осенний квазитриумф в Александрии, Антоний спешил предпослать оному (работая на два фронта — восточный и западный) очередной, следом за антонианско-вентидианским, антонианско-сосианский триумф в Риме. Имидж!

Кстати, весь походный сезон 34 г. Октавиан воительно провел в Далмации и (уверенный в собственных силах) вовсе не мешал Антонию и антонианцам (консулы-*ord.* и триумфатор) набирать очки в так называемой единой и неделимой, в так называемой совместной державной столице.

Кромайер (33,18) относит устроенное римлянами по поводу взятия Соси-

* В одних фастах и хрониках эпонимом значится Антоний, в других — Семпроний.

ем Иерусалма празднество на 37 г., поскольку, видишь ли, триумф Сосия, вследствие “неизвестных причин”, последовал аж в сентябре 34 г. В RE в очерке “Sosius” (2;3,1;1176-79) чувствуется некоторое недоумение касательно “пробела” в биографии “полководца Антония”: дескать, в 37 г. покорил Иерусалим, затем неизвестно где пропадали целых три года: не аукается — не откликается; видимо, находился вдалеке от Рима, и вдруг триумфально всплыл. Не надо мудрить: 1) в 37 г. римлянам и в голову не приходило праздновать взятие невзятого Иерусалима; 2) никаких пробелов в сосианской биографии 37-34 гг. нет. Триумф, декретированный сенатом аккламированным легионерами в Иерусалиме императором Сосию, не из числа аномально запоздалых, напротив, все свидетельствует об оперативной передаче проконсульских инсигний Кальпурнию Бибулу и о целеустремленном пути победителя в Рим без задержек. Сенат отреагировал политически взвешенно, подчеркнув единство триумвиров предоставлением триумфа генералу-антонианцу в парадно-праздничный день, во вторую годовщину Навлоха. (Вспомним о триумфе Вентидия в шестую годовщину триумвирата!) Сосий не мог прибыть в Италию в сопровождении легионов, нужных Антонию на Востоке: следовательно, в его триумфальном распоряжении оказались великодушно *одолженные* ему парадные войска!

Спустя еще сорок дней, точнее, на сороковой от двойного сентябрьского торжества день — 12 октября 720 г. а.У. в мировой столице триумфировал ex Hispania убежденный октавиановец Г.Норбанн Флакк. В октябре/ноябре 42 г. он заменил больного Октавиана на командном посту в Филиппийской войне, в 38 г. облакал эпонимическое консульство, в 36 г. преемствовал в испанском проконсульстве Домицию Кальвину. Одержал в течение 35/34 гг. какие-то неувекочеченные анналами боевые победы, на верное, над воинственными местными горцами, сдал проконсульство и вступил в Рим с триумфом.

Из приведенных примеров явствует: и Статилий, и Норбанн триумфировали без опозданий, после одержанных побед, в год сдачи легатур. Соприродно им, т.е. без опоздания, более того, поспешая, триумфировал в год одержанной победы Г.Сосий*.

* * *

Мы в курсе: пересекши из не входившей в состав Армянского царства Армении Малой границу лояльного вассалитета, Антоний вышел на первой скорости, идя “воевать парфян”, и не встречая сопротивления союзных

* В конце анналистического рассказа о событиях 34 г. Дион (49,42) вменяет проконсульское вымогательство антонианским и октавиановским триумфаторам данного года, разумея вытянутое ими из подчиненных уделов золото в счет триумфальных венцов. Неужели Г.Сосий (так как другие антонианцы в 34 г. не триумфировали) вымогал золото (а это тот самый, оговоренный Флавием, “прямо царский подарок”, сделанный ему Иродом) в течение трех-четырёх лет после одержанной победы?! Т.о. “вымогательская” ремарка Диона лишней раз указывает на факт падения Иерусалима не в 38 (по Диону) и не в 37 (по Флавию) гг. до н.э.

армян, к столичному Арташату-на-Араксе. Дион (49,39) ничего не сообщает о реакции Артавазда на предложение верховного протектора сделаться свояками. Реакция немятежного вассала, к слову сказать, не могла быть отрицательной. Между тем, в Никополь армянский царь зазывается уже как бы лишь с целью посовещаться насчет предстоящего похода в Иран (точь в точь по маршрутной букве завещания Цезаря: из Армении *Minor* сквозь Армению *Maior*). Адресованный Артавазду через Деллия *обручальный контракт* был не более, чем недостойной включения в “Стратегематон” Фронтин “военной хитростью”. В нареченные невесты для Александра Гелиоса венценосные александрийские родители изначально, т.е. с 35 г., втихомолку сосватали дочь Артавазда Мидийского, имея в виду устранить конкурентного мидийцу армянского тезку и аннексионистски продвинуть междержавно-вассальный буфер до иранских рубежей Мидии-Атропатены. Действуя сообразно заведомому плану, стратег Антоний пустил в ход поочередно бранный и совещательно-походный блеф, чтобы ввести расчетливо элиминируемого “союзника-сваяка” в заблуждение и как можно меньшей кровью или, если удастся, совсем без крови, во-первых, пленить его, во-вторых, завладеть его страной и казной. В канун вполне предсказуемого конфликта с Западом не следовало, при возможности, терять в живой силе на Востоке и одновременно следовало предельно консолидировать умиротворенный Восток. Армения на севере и Иудея на юге представляли собой последние недовольные в орбиту Клеопатридов/Антонидов очаги подпадающей египетскому скипетру восточной половины *Imperium Romanum* перед дальнейшим противостоянием Риму.

Так, поставленный в на редкость затруднительное положение Артавазд явился под честное слово римлянина в Антониев лагерь у Арташата, намереваясь, в случае наилучшего исхода встречи, мирно договориться либо, в случае исхода наихудшего, спасти запоздало-добровольной явкой страну от разорения. Военное противодействие мощному кулаку из не менее 15 стоявших уже в сердце страны легионов он счел бессмысленным и воевать склонен не был. Следуя своей “миротворной” задумке, Антоний принял почти родственника как друга, тайно, пока без оков, пленил и, продолжая ломать комедь, потребовал, мирно заняв Арташат, от комендантов прочих армянских крепостей выдать ему царские сокровища якобы, как пишет Дион, ради блага и защиты от внешних врагов их царя и родины!

Высказывания Ливия и Тацита относительно клятвоступного и бесчестного поступка/поведения Антония приводились выше. К ним можно присовокупить слова Веллея и Орозия. Веллей (2,82) говорит о “вероломном” пленении Артавазда; Орозий (6,19) — о пленении посредством “хитрости и предательства”.

То, что не все армяне разделяли пацифистскую или капитулянтскую, смотря как посмотреть, позицию монарха, видно из реакции на выдвинутое Антонием требование. Партия войны отклонила “заботливый” ультиматум, провозгласила царем кронпринца Арташеса и вступила в борьбу с римлянами. Видимо, не будучи согласен с отцом, Арташес заблаговременно покинул Арташат, благодаря чему сумел, в отличие от младших братьев и сестер, избежать плена. В ответ на вооруженное сопротивление александ-

рийский воитель-распорядитель сбросил маску, заключил царственного пленника в серебряные оковы, не желая согласно Диону, унижать, пусть плененное, но все-таки монаршее достоинство оковами железными, и обнажил меч. Летом 34 г. потерпевшему военное поражение Арташесу пришлось отступить в охваченную междоусобицей Парфию.

Одержав верх, Антоний двинулся к атропатенской границе, заключил дружественный пакт с Артаваздом Мидийским и заочно помолвил Александра Гелиоса с малолетней дочерью атропатенца Иотапатою.

Армения подверглась бессовестному грабежу. Римляне надругались над землей, которую они всего полтора года назад, уйдя от парфян живыми, целовали, падая на колени, как собственное спасение. Даже главное святилище Анаит в Акилисене, у верховьев Евфрата, было осквернено, гигантская золотая статуя богини разбита и унесена по частям.

В сентябре псевдопобедоносца М.Антоний, предвкушая колоссальный александрийский триумф, прибыл из “героического” похода с богатой добычей и знатными пленниками в сирийскую Антиохию-на-Оронте*.

* * *

Обратимся к тексту Флавия.

“Царь Ирод предпринял теперь чистку иерусалимского населения. Своих единомышленников он еще больше привязал к себе пожалованием им почетных должностей; приверженцев же Антигона он приказал казнить. Вследствие недостатка в наличных деньгах, он все свои драгоценности перечеканил в монеты и послал их Антонию и его приближенным. Этим одним он все-таки не мог купить себе продолжительный покой, потому что Антоний уже давно страдал любовью к Клеопатре и всецело был поработан своей страстью. После того, как Клеопатра покончила с собственным своим семейством и никто больше не остался из ее кровных родственников, она обратила свою кровожадность на чужие страны. Интригами и клеветой против сирийских князей она старалась склонить Антония на их казнь, надеясь тем скорей унаследовать их владения. Она уже бросала жадные взоры также на Иудею и Аравию и исподтишка принимала меры к низвержению правителей этих стран, Ирода и Малха.

До этих пор Антоний беспрекословно исполнял все ее требования, но убийство храбрых людей и выдающихся царей он считал преступлением. Зато он уклонялся от близкой дружбы с ними и отнял у них для Клеопатры обширные местности. Так были отняты и уступлены Клеопатре пальмовый лес возле Иерихона, где добывается бальзам, и все города, лежащие по ту сторону реки Элевтера, за исключением Тира и Сидона. Сделавшись владелицей этих последних, она провожала Антония в его походе против парфян до Евфрата и прибыла через Апамею и Дамаск в Иудею. Богатыми подарками Ирод смягчил ее враждебное расположение и снял у нее в аренду оторванные от его царства владения за 200 талантов в год, после чего он со всевозможными почестями провожал ее до Пелузия. Недолго спустя поя-

* См. Приложение 3.

вился Антоний из парфянского похода и вез с собою пленным сына Тиграна Артавазда, как подарок Клеопатре, так что вместе со всеми сокровищами и всей добычей ей предоставлен был также парфянин” (И.в.1,18,4,5)

Повествование “И.в” отчасти (в плане интриганской алчности Клеопатры) суммарно, отчасти (в плане парфянства Артавазда) неверно, но оно и на сей раз в гораздо большей мере, чем “И.д.”, отражает и подтверждает (при необходимой корректуре и правильном прочтении) реальную историческую хронологию. Оттолкнемся от 36 г., как от незафиксированной даты падения Иерусалима, и получим в качестве даты сборочно сконструированного Флавием “парфяноармянского” похода следующие – 35 или 34 г. до н.э. Как видим, в “Bellum” произошла неправомерная “монолизаторская” идентификация парфянского (36 г.) и армянского (34 г.) походов – “два” соединились в “одно”, вследствие чего Артавазд Армянский превратился в парфянина. Ничего чересчур невероятного в такого рода путанице нет: близких друг другу парфян и армян часто путали в древности, особенно со второй половины I в. н.э., когда в Армении утвердились цари Аршакиды и узы стали теснее. Помимо того, Антоний ограбив и провинциализировав Армению, настолько тщился выдать содеянное за победу над парфянами, что из векового далека не мудрено было (касаясь вопроса боком) элементарно запутаться. В “Древностях” Флавий повадился исправить допущенную ошибку, отделил армян от парфян и дифференцировал разновременные походы, поставив невнятно упомянутую (15,3,9) кампанию 36 г. в 35 г. и, быть может, продвинув кампанию 34 г. в 33 г.

По тексту “И.д” – вслед за фактическим иерусалимским воцарением Антипатрида свершается длинный ряд произвольно распределенных и ошибочно хронологизированных событий, в ходе которых сначала выныривает обрывочное, без дальнейших разъяснений, замечание “Антоний двинулся на парфян” (15,3,9) и лишь затем появляется плененный уже в результате собственно армянского похода и подаренный вместе с награбленными сокровищами Клеопатре армянский царь Артавазд (15,4,2,3). Сопоставим с “Войной”. Здесь, напротив, повествуется о взятии Иерусалима и об армянском, а не о парфянском походе Антония в пределах одной и той же главы, из которой, если читать критически, зная предысторию и подкладку, красноречиво следует вывод о событиях одного и того же года, причем расположенных (без сумманд-обобщений) в строгой хронологической последовательности. Первую послезавоевательную “чистку иерусалимского населения” Ирод начал сразу по завоевании города в июле; Клеопатра посетила Иудею, прибыв сюда через Апамею и Дамаск, в августе; Антоний вернулся из Армении в Сирию в сентябре; он отбыл морем в Александрию в октябре 34 г. до н.э.

* * *

Падение иудейской столицы ознаменовало кровавую кульминацию в упорной трехлетней борьбе римского ставленника за власть. Овладев городом, он перекрыл все ходы-выходы из него и задействовал проскрипционный опыт державных триумфиров: враждебная Антипатридам промакка-

вейско-саддукейская верхушка подверглась беспощадному уничтожению. Экспроприация людей, знамо дело, сопровождалась конфискацией имущества. Флавий пишет о распоряжении царя умертвить “45 главных приверженцев Антигона” (И.д.15,1,2). Под ними надо, вероятно, понимать 45 из 70 членов синедриона – представителей высшего государственного органа страны, казнив которых и заменив их послушными креатурами, узурпатор до конца царствования обеспечил за собой покорное парламентское большинство. И вообще синедрион играл далее при нем настолько ничтожную роль, что некоторые исследователи даже сомневаются в самом факте его тогдашнего существования.

Увод скованного цепями первосвященника Маттафии = царя Антигона в Антиохию означал смертный исход хасмонейской теократии. Доступ к духовному сану неАронида и прозелиту в третьем колене Ироду был закрыт, хотя царь в патриархи и не стремился, делая ставку на светскую форму правления с отделением церкви от государства – при полном ее послушании интересам персонифицируемого монархом государства. Короче говоря, церковь получила свой “угол в государстве”. Революционер на троне ликвидировал наследственную и пожизненную нормы обладания патриаршим саном, низведя подверженного царскому назначению/смещению архипастыря до уровня марионеточного культового служащего. Посоху предписывалось рабски подпирать трон. Тем не менее, опасаясь назначить первосвященником брата Мариамны Аристовула, Ирод произвел в архипастыри лишненного местной базы и связей вавилонского иудея Ананила, подвизавшегося в царском стане уже в дни осады столицы.

Это глубоко оскорбило тещу венценосца-назначенца Александру; ведь она, сродни терпимому крылу саддукейской аристократии, надеялась на послеобедное предоставление первосвященской вакансии ее юному сыну в духе дуалистического разделения верховенства между Иродианами и остаточными Маккавеями. Тещины чаяния зять удовлетворил не сразу, только под давлением обстоятельств и на недолгий срок.

* * *

Подчеркнем наличие ограниченной лоялистской базы у Антипатридов во внутрииудейской среде.

Саддукейская аристократия и тесно связанные с нимбом правящей фамилии массы маккавейских приверженцев от народа, понятно, не видели компромиссного выхода из политического либо апокалиптического тупика и вели отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть. Однако, многие фарисеи, члены влиятельного в народе ордена благочестивых, не поддерживали Маккавеев, наоборот, жаждали ухода грешной династии. Фарисейско-хасмонецкий конфликт восходит ко временам постепенной секуляризации потомков священника Маттафии: Иоанна Гиркана, Иуды Аристовула, Александра Янная. По убеждению фарисеев, следующие за пятью легендарными братьями Хасмонеи оказались в плену у порочного эллинизма, исповедовали во вред чистоте крови и Земле Обета ассимиляторско-завоевательную политику, урвали на себя в ущерб первосвященству царский

титул, навязали богоизбранному народу мирские языческие приоритеты и теперь заслуженно расплачиваются за совершенные преступления. Орудием возмездия Предвечный избрал римлян и их ставленников. Грешников постигла кара Господня: они профанировали непреложную сакральную максимуму “превосвященник выше царя”, отвратились от Всевышнего и потеряли право на предводительский статус: они подвели народ под рабское ярмо и должны уйти до Страшного суда в небытие.

Характерно, что “Арабский Иосифон” называет первым царем Иоанна Гиркана (2,44), Флавий – Аристовула (И.д.13,11,1)*, Страбон – Янная (16,40,763). Последовательная секуляризаторская тенденция прослеживается вполне зримо, фактическая же правота Флавия в данном вопросе вряд ли оспорима.

Не в последнюю очередь именно за счет программного упразднения *греховной теократии* Ирод сумел снискать лояльность выбравшего *наименьшее из двух зол* фарисейства. Так, например, главы двух ведущих фарисейских школ, согласно флавиевскому тексту, Поллион и Самея (И.д.15,1,1), видимо, знаменитые Гилель и Шамай, “советовали согражданам во время осады Иерусалима принять к себе Ирода”. Впоследствии оба пользовались почетом и уважением со стороны царя. Еще лояльнее по отношению к нему зарекомендовались аполитичные ессеи. Те и другие**, по-разному, жили истовыми молитвенно-мессианскими чаяниями и воспринимали Ирода, как бич Божий, как роковую, но правомерно-неизбежную ступень на тяжком усеянном терниями пути к звездам, к исполнению времен, к Царствию Божию на земле.

Личность венценосца и антивенценосца Ирода сложна, трагична и противоречива. Всю тронную жизнь, не довольствуясь страхом, который подданные перед ним, тираном, испытывали, он искренне тщился стяжать любовь иудеев, которыми правил. Интегрироваться самому в иудейство и интегрировать Иудею в римско-эллинистическую державу-ойкумену, сохранив за иудеями и святой Землей самобытность в пределах дозволимого – вот оно, кредо увенчанного краденой короной Антипатрида, обернувшееся в конечном итоге сокрушительным провалом.

Впрочем, до провала еще есть время и время пока терпит, тогда как китайская мудрость учит: “Завладевший властью оседлал тигра и несется верхом. Но это очень опасно!”

* Флавий ошибается, говоря о возложении Аристовулом царского венца “481 год и три месяца спустя после возвращения иудейского народа из вавилонского плена”. Но, наверное, не случайно Иуда Аристовул принял царский титул, т.е. восстановил царство Иудейское в 103 г. до н. э., в год прошествия-исполнения 69 седмин Даниила (483 года) от разрушения Первого храма и конца Иудейского царства Давидидов в 586 г. до н.э.

** На рубеже старой и новой эр численность фарисеев и ессеев составляла, соответственно, шесть и четыре тысячи. Сколько их было в 30-е гг. I в. до н.э. неизвестно.

* * *

Клеопатра заявила в Иудею в августе 34 г.; пришел срок наложить руку на дарственные земли-территории. Мавр сделал свое дело, во-первых, завоевав для нее богатейший район Иерихона, во-вторых, способствовал победой над Антигоном стабилизации обстановки в ее владениях за Иорданом и на палестинском побережье. Правда, аппетиты “Изиды-Афродиты” шли дальше. Проводив Антония в поход весной, она задержалась в узловой Сирии, занятая в пору воительной занятости автократора на севере и его легата Сосия на юге делами правления как во все еще римских, так и в отошедших к ней частях-юдолях дробленного региона.

Затем, летом “третьего года” своей новой эры дезигнированная царица цариц, едучи хорошенько подготовиться к осеннему триумфу сухим путем в Египет, побывала, миновав Апамею и принадлежащий ей Дамаск, в поверженной Иудее. Заметьте, Флавий ничего не говорит о посещении Иерусалима, в чем не ошибается, поскольку разгромленный и обескровленный город не подходил тогда для приема высоких гостей. То есть знатная визитерша посетила собственные пальмово-бальзамовые приобретения и удостоилась блистательных почестей в Иерихоне или в Самарии, где и завязала полезный контакт с озлобленной на зятя тещей Ирода, которую очень скоро попыталась против него использовать.

Мавр, конечно, неплохо сделал дело, только вот уходить никуда не собирался. А венценосная греко-египтянка думала иначе, ибо и фараоны, и Птолемеи некогда властвовали над всей Палестиной. Таким образом, едва заполучив Иерусалим, Ирод получил противника куда более могущественного и опасного, чем Антигон. Иродианско-иудейское царство вытянулось с юга на север, не имея, помимо сектора Газа, выхода к морю на западе и упираясь в египетскую Трансиорданию (Келесирию) на востоке. Следовательно, Эрец-Исраэль лета 34 г. представлял собой узкую сухопутную полосу из четырех урезанных израильских областей в крокодиловой пасти. И эта зубастая пасть десятиметрового нильского крокодила могла в любую минуту больно захлопнуться.

Но, хочешь жить — умей вертеться. Сквозь тайный скрежет зубов, ничем не выказывая ярость, Ирод заарендовал у Клеопатры за 200 талантов в год плодородную землю иерихонскую, мало того, поручился за прилежную выплату арендной суммы с арабской части Заиорданья, точно так же отобранной ранее у набатея Малха и набатеем Малхом заарендованной (35 г.). Возложенный на Антипатрида контроль за царем патрийцев создавал угодную Клеопатре почву для трений между ними, давал возможность натравить при надобности одного на другого, чтобы когда-нибудь проглотить обоих.

* * *

В “Древностях” (15,4,2) имеется анекдотичный рассказ о безрезультатном покушении царственной обольстительницы в ходе визита на целомудрие Ирода: он, дескать, героически не поддался и даже подумывал, не задушить ли зловредную фурию, лишь бы облагодетельствовать весь род человеческий и

оказать спасительную услугу лопуху Антонию. Думается, что сей пассаж позаимствован Флавием из Иродовых мемуаров, где коронованный мемуарист, во-первых, круто и очень ориентально польстил своему мужскому самолюбию, во-вторых, внес задним числом верноподданническую вассальную лепту в римскую идеологическую интерпретацию Акцийско-Александрийской войны. Официальное острие августейшей критики по адресу списанного в царство мрачного Аида александрийского тандема всегда жалило преимущественно египтянку Клеопатру, по возможности щадя замороженного колдовскими чарами римлянина (или экс-римлянина) Антония. Разгромную критику в его адрес могли себе позволить В.Мессала, А.Поллион, Т.Ливий, тогда как подобным Ироду или Николаю Дамаскину служивым нацменам подобная позиция не приличествовала. Их, инородцев, младших друзей и союзников, местнический этикет обязывал утрированно переносить центр порочной тяжести на Клеопатру. Вот в чем подковырка.

Согласно дешевой байке, *целомудренный муж-правитель* устоял и тем стяжал непримиримую вражду *осекшейся соблазнительницы*. От мысли умертвить ее полное гневной решимости *удушителя* якобы отговорили верные друзья и соратники. (Легко представить, что бы с ним сделал Антоний!)

* * *

Маленьким тиранам свойственно воображать себя большими, подражать вышестоящим, утолять нереализованные амбиции в воображении. Видимо, неспроста одна из жен Ирода впоследствии будет зваться Клеопатрой.

* * *

Внешне расставание царя иудейского и богато одаренной им царицы египетской выразилось в торжественном эскортировании последней до Пелузия. В реальности они расстались политическими врагами: он знал кому стал поперек дороги и не обманывался иллюзиями; она поняла, вернее, лишний раз убедилась, что имеет дело с крепким орешком.

* * *

В августе того жаркого года Иродовы заботы/проблемы не замыкались на Клеопатре. Узурпатору надлежало обязательно добиться казни свергнутого Антигона и потому, когда в сентябре Антоний объявился в Антохии, там его уже ждали специальный посыльный, чрезвычайно веские устно-письменные доводы и крупный бакшиш от хозяина завоеванного Иерусалима.

В конце 14-й книги “И.д.” Флавий пишет: “Ирод опасался, как бы Антигон не был пощажён Антонием, привезен им в Рим, и там не был бы оправдан сенатом, если только он заявит, что сам он происходит из царского рода, Ирод же простой человек, и что поэтому, несмотря на его про-

винности относительно римлян, царская власть все-таки принадлежит его детям. Опасаясь такого оборота дела, он большой суммой денег уговорил Антония казнить Антигона. После этого Ирод избавился от своего страха, а владычество Хасмонеев прекратилось после 126 лет” (16,4).

В начале 15-й книги сказано: “Между тем взявший в плен Антигона и державший его в оковах Антоний рассчитывал сохранить его для своего триумфа. Когда же он узнал, что народ волнуется и относится с расположением к Антигону, ненавядя Ирода, он решил отрубить Антигону голову в Антиохии, ибо иначе нельзя было никак успокоить иудеев. Подтверждение моим словам находится у каппадокийца Страбона, который говорит по этому поводу следующее: “Привезя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил ему там голову. Он был первым римлянином, кто велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит иудеев забыть о нем, а с другой стороны ослабит их ненависть к Ироду”. Таково свидетельство Страбона (1,2).

Согласно Флавию, завоевав Иерусалим, Ирод стал собирать царские драгоценности и грабить лиц состоятельных: “набрав таким образом множество серебра и золота, он одарил всем этим Антония и его приближенных” (15,1,1). Так фамильное золото детронизированного царя умирающей династии пошло в оплату его казни. Сенату в Риме Антоний пленника, разумеется, представлять не собирался, собираясь поначалу украсить (в том числе) им александрийский, а никакой не римский триумф. Почему бы не провести по улицам Александрии сразу двух царей вместо одного. Кстати, упоминание триумфа во флавиевском контексте довольно четко выказывает в подтексте контуры не 37, но 34 г. до н.э. Судите сами: с осени 37 г. распорядитель Востока обретался в Антиохии (не намереваясь подаваться в Рим) и только готовился идти войной на парфян, думая про парфянский триумф в не столь близкой перспективе. Во всяком случае, речь об антонианском триумфе применительно к 37 г. менее уместна, чем применительно к 34 г., когда план осеннего триумфа был ясен уже весной. И с весны же Сосий руководствовался начальственной директивой доставить и оставить порфирородного пленника в Антиохии.

Касательно собственно казни, выпавшей вопреки первоначальному намерению Антония на долю Антигона, — она произвела глубокое впечатление на современников и запомнилась. Ее беспрецедентный характер подчеркивают и Страбон (у Флавия), и Плутарх (Ант.36), и Дион (49,22), причем Дион делает упор на предшествовавшем плахе бичевании осужденного. Сам по себе смертный приговор венценосному лицу был вынесен тогда Антонием не в первый и не в последний раз: приговоренные к высшей мере в 35 г. Лисаний Халкидский и Ариарат Каппадокийский тоже титуловались царями; в 31 г. будет казнен эмесский династ Ямвлих. Однако, видимо, ни Лисаний, ни Ариарат не подверглись настолько позорной публичной экзекуции (посредством бича и топора), призванной развенчать и убить в глазах и сердцах иудеев особую хасмонейскую харизму. Да и

потери, понесенные римлянами при осаде и штурме Иерусалима, должно быть, сильно озлобили Антония.

Мотив бичевания царя иудейского перед казнью мог, конечно, опосредованно просочиться в рассказ автора III в. Диона из христианского источника, но с другой стороны, разве подобное не могло иметь место дважды, то есть в сентябре 34 г. до н.э. в Антиохии Сирийской и в апреле 33 г. н.э. в предпасхальном Иерусалиме.

Обратите внимание: между 34 г. до н.э. и 33 г. н.э. насчитывается 66 лет; между 34 г. до н.э. и 66 г. н.э. пролегает интервал длиной в 99 лет. Теологическая и историческая хронология не противоречат друг другу, напротив, взаимно подтверждают одна другую.

Нельзя, честно говоря, не удивиться настырности и искусной весомости как политических, так и денежных аргументов Ирода, с помощью которых ему удалось склонить тщеславного Антония от триумфальной к казнейлюбивой альтернативе. Враждебность Клеопатры не оставляла иудейскому узурпатору выбора, кроме как и быть, и наипаче — слыть нужным человеком (нужником!) и незаменимым вассалом вдвойне. От живого Антигона он должен был избавиться любой ценой и оттого за ценой не постоял, после чего (или параллельно чему) ритуально взошел в месяце тишри 34 г. на царский престол. Далее это приуроченное к новогоднему дню торжество ежегодно праздновалось.

Соответственно мишнаистскому трактату “Рош-Хашана” (2,1), новые и порядковые годы иудейских царей начинаются и исчисляются с 1 нисана. Но Мишна составила около 200 г. н.э. в постгосударственную эпоху Рассеяния, на постхрамовом этапе консервации национально-религиозных ценностей, и дает идеальный царский календарь. В исторической действительности иудейские цари использовали оба стиля: весенний или осенний. К примеру, Иосия Благочестивый в VII в. до н.э. и Ирод Антипа в I в. н.э. исчисляли годы своего правления не с 1 нисана, а с 1 тишри (см. ниже); Ирод I летоисчислительно опирался на 1 нисана 37 г., одновременно узурпировав 1 нисана 34 г. и дополнительно приватизировав в качестве персонально-именного дня восшествия на престол первый новогодний день месяца тишри (вероятно, в контрпамять и в пику аналогичному акту Антигона в 38 г. до н.э.).

Разберем информацию Флавия о прекращении владычества Хасмонеев “после 126 лет.”

Основным пунктом хасмонейского первосвященско-династического главенства над иудеями Флавий несомненно считает мнимое (с опорой на символистскую традицию) принятие Иудой Маккавеем архипастырского достоинства по одержании победы над Никанором и по смерти (псевдо) первосвященника Алкима (И.д.11,10,5,6). Победа над Никанором (1-я Макк.7,26-50) была одержана иудеями под предводительством Иуды 13 адара 151 г. селевкидской эры и речь здесь идет об эре Селевкидов с эпохой эры 1 нисана 311, а не 1 нисана или 1 тишри 312 гг. до н.э. То есть исторический “день Никанора” — это 13 адара 160 г. до н.э. Книга Маккавейская ничего, в отличие от Флавия, не сообщает о принятии победителем первосвященства, принятого его братом Ионафаном, как первым из Хасмонеев,

спустя восемь лет в 152 г. до н.э.* (1-я Макк.10,21). Сам Иуда, едва успев одержать судьбоносную победу и обратиться со знаменательным посланием к римлянам, погиб в первом месяце следующего 152 г. селевкидской эры, т.е. весной 160 г. до н.э. в битве против армии Вакхида (1 Макк.9,1-22), тогда как нечестивец Алким пережил павшего героя на 13 месяцев (1 Макк. 9,54-57). Следовательно, налицо резкое расхождение Флавия с Книгой Маккавеев.

Тем не менее, факт в том, что победа над Никанором возымела огромное морально-политическое значение в священной войне Израиля за независимость**; день 13 адара правомерно вошел в число праздников и именно с этого дня, с этого события Иуда фактически возглавил победоносное еврейство уже не только как обновитель очищенного святилища, но и как избавитель от македонского ига, как восстановитель свободы, как первый репрезентант маккавейской династии.

Займемся арифметикой. Сколько лет между 160 и 34 гг. до н.э.? Ответ арифметически прост: 126 (число совсем не круглое, не половина от целого – не 120, не 125, не 130, и значит, претендует на высокую точность). Вот откуда, каким образом и докуда исчисляла наследственные лета Маккавеев одна из иудейских традиций***.

Флавий в точности воспроизвел почерпнутую им из предания 126-летнюю сумманду, которую, вместе с тем, невозможно уложить в пользуемую им хроносхему. В конце 12-й книги “И.д.”, подводя итог великим деяниям погибшего Иуды, он пишет: “Такой конец постиг Иуду, человека благородного и необычайно отважного, помнившего заветы отца своего Маттафии и взявшего на себя труд и все тяготы борьбы для восстановления прежней свободы своих сограждан. Вследствие такого своего благородства, он стяжал себе величайшую славу и оставил по себе вечную память, осво-

* Еще через 49 лет Иуда Аристовул принял царский титул.

** Для судеб мировой цивилизации эта победа Иуды имела то же значение, что победа Карла Мартелла при Пуатье (732 г.) – место битвы, где арабы были остановлены франками.

*** А вот другая. Иудейская средневековая хроника “Седер Олам сутта” (IX в.), вольно исчисляя период Хасмонеев со 175-го года “греческой”, т.е. селевкидской эры, считает первым династическим Маккавеем Иоханана Гиркана и числит за ним 37, за его сыном Яннаем 27, за его сыном Аристовулом 13, за его сыном Антигоном 26 лет правления. 175-й год эры Селевкидов, беря за эпоху эры осень 312 или весну 311 гг. до н.э. оптимально дает 137 г. до н.э.: минус 37 лет Гиркана = 100 г. до н.э.; минус 27 лет Янная = 73 г.; минус 13 лет Аристовула = 60 г.; минус 26 лет Антигона = 34 г. до н.э. Вероятно, “Малая хроника”, сродни флавиевской традиции, датирует падение Иерусалима и храма Судным днем 10 тишри. Далее в тексте сказано, что после убийства Антигона в 103-м году хасмонейского царства, власть захватил сын Антипатра Ирод – раб и истребитель дома Хасмонеев. В итоге на 103-м году царствования прозелитов Иродиан римляне разрушили храм Господень. Т.о., невзирая на вольности и искажения, дата завоевания Иродом Иерусалима однозначно приходится, согласно хронике “Седер Олам сутта”, именно на 34 г. до н.э. Эта традиция отпочковалась от традиции, отображенной р.Иосе в “Седер Олам рабба” (“Большая хроника”).

бодив народ свой и избавив его от македонского ига. Он умер на третьем году своего первосвященства” (11,2).

Из сказанного определенно следует тождество начала владычества Хасмонеев символическому первосвященству Иуды. В сем случае, раз уж Иерусалим пал по Флавию в 37 г. до н.э., вскоре после чего пришел конец Антигону, то Иуда должен победить Никанора и стать первосвященником не позднее 163/62 гг. до н.э., что абсолютно исключено. Буде же кто-нибудь возразит, что Флавий исчисляет владычество Хасмонеев от даты Обновления храма, то и тут неувязка, ибо между декабрем 164 г. (первая Ханукка) и 37/36 гг. до н.э., когда, судя по флавиевским “Древностям”, был казнен Антигон, никак не 126, а целых 127 или свыше 127 лет*.

Вывод: единственно верная интервализация “126 лет” ведет из 160 в 34 гг. до н.э.

* * *

В отношении принявшего мученический венец Антигона можно сказать следующее. Если списать с его конто “откушенные уши” (изувеченного, вероятно, парфянами) Гиркана, плюс вложенный в рану (самоубийцы) Фазаила яд, плюс 500 иудейских женщин на 500 парфянских всадников, т.е. если убрать перлы иродианско-дамаскинского посточернительства и проклятия памяти по адресу мертвого конкурента, то его, пожалуй, не в чем будет упрекнуть. Он симпатичнее Ирода, как (не) любая контрреволюция симпатичнее революции, несмотря на подчас трагическую неизбежность революционных катаклизмов в эволюции человечества и в жизни общества. Он вышел из башни и бросился к ногам Сосия не только во имя свое, но во прекращение чудовищной резни, устроенной озверелыми победителями среди иерусалимлян на храмовой эспланаде. Он отчаянно боролся за прошлое, пытаясь реанимировать холодный труп, но у него не было ни иного выхода, ни иного выбора. Царь-царевич Пакор не стал и не мог стать для иудеев новым Киром. Спасение мира, идущее *от Иудеев* зрело в иной ипостаси.

От пяти сыновей Маттафии предтечная Вифлеемской звезде звезда Хасмонеев целительно взошла над мировыми горизонтами; с иудео-эллинистическим царем Антигоном, над кем и вправду витала, кого сопровождала на земле и в загробный мир скорбная тень дочери Эдипа Антигоны, эта потухшая звезда трагически закатилась. Антигон умер мученически и тем искупил сакральную вину поздних Маккавеев перед Израилем. Мученичество не унижает царей.

* В отрывке за авторством Юлия Африкана, сохранившемся у Георгия Синкела (308), сказано: “Готовясь к походу против парфян, Антоний казнил Антигона и отдал Аравии Клеопатре”. Т.е. Ю.Африкан правильно реконструирует ошибочную точку зрения Флавия, согласно которой Антоний казнил Антигона перед парфянским походом 36 г. = на 128-ом году от Обновления храма.

* * *

В октябре 34 г. М.Антоний, приплыв в Египет, устроил свой (скандально-карикатурный) александрийский триумф, чем воспретендовал поставить Александрию минимум вровень с Римом, сделать страну-на-Ниле Вторым Римом.

Подготовив блестящую столицу Лагидов к небывалому торжеству и тщательно подготовившись сама, Клеопатра принимала парад в божественном костюме Изиды, восседая на подиумном золотом троне неподалеку от мавзолея Александра Великого. Согласно Веллею (2,82), увенчанный плющевым венком триумфатор замыкал роскошную процессию на триумфальной колеснице в шафрановом облачении, с посохом Тира в руке. Перед ним, по направлению к тронному подиуму, у подножья которого толпились изумленные александрийцы, шли пленники: армянский царь, причем уже не в серебряных, но в золотых, по особо торжественному случаю, оковах, и члены царской фамилии. За ними следовала пышно декорированная вереница награбленных в Армении сокровищ. Импровизированный ритуал “исторического события” предполагал коленопреклонение царственных пленников у золотого трона на серебряном подиуме с мольбой о пощаде. Ничего подобного, вопреки расчетам и желанию организаторов зрелищной постановки, не произошло. Артавазд проигнорировал предложенное ему (взамен на льготный плен) обращение к “живой Изиде”, как к “царице царей”, на колени не опустился, о снисхождении не попросил. Сходно повели себя все домочадцы монарха. По словам Диона (49,40), они стяжали гордую славу в глазах александрийцев, безрезультатно убеждавших их покориться судьбе ради собственного спасения.

Разве поведение Артавазда в плену не есть лучшее доказательство лживости выдвинутых против него обвинений в предательстве, в дезертирстве, в тайных контактах с парфянами и с Октавианом, короче, в подрывной работе на все антиантонианские разведки мира? На воре и шапка горит: кто и кого, пустив в ход коварство сожравших Д.Кука гавайских дикарей, предал и пленил?

Пленных и все доставленное в Александрию добро плющевый комедиант подарил златотронной избраннице: положил к ее стопам под видом Иранской ойкумены Армению, т.е. легкую добычу — вместо оказавшейся не по зубам Парфии.

* * *

Спустя пару дней после помпезного парада, в гигантском александрийском гимнасионе (выражаясь современно, это концертно-спортивный комплекс под открытым небом) был разыгран второй державно-территориальный акт карнавального маскарада. Теперь автократор Востока восседал рядом в с Клеопатрой; у ног Клеопатридов-Антонидов сидели малолетние престолонаследники: шестилетние близнецы, Александр Гелиос и Клеопатра Силеня, и двухлетний малютка Птолемей Филадельф; возле Клеопатры, у трона, стоял ее тринадцатилетний сын от Цезаря Птолемей Цезарион.

Декларация, представленная в тот бархатный октябрьский день Анто-нием, заслуживает внимания: се редкий пассаж-документ. Александру Гели-осу предоставлялись в перспективе Армения, Мидия и все территории на восток от Евфрата... до Инда. Дион (49,41), не без улыбки, удивляется, сколь щедрым жестом отец дарил сыну еще не завоеванные пространства. В психопатическом воображении Антония Дом Иранский был уже сокру-шен. Маленькому Александру, кому в жены предназначалась дочь Артавазда Мидийского, отныне предстояло появляться на торжествах с монаршими атрибутами армянских и мидо-атропатенских царей – при восьмиконечной тиаре, в сопровождении личной гвардии из мидийцев и армян. За его сестрой Селеной скромно закреплялась ливийская Кирена. Птолемей Филадельф получал часть Сирии, Киликию и Азию к западу от Евфрата. С тех пор принца стали наряжать в тронные одежды македонских царей и окружать гвардией из “гоплитов”.

Клеопатра-мать официально удостоилась титула царицы царей, а также подтверждения и присвоения прав на владение/управление Египтом, Кип-ром, Ливией, Келесирией, плюс всеми распределенными между наслед-никами (до их совершеннолетия) территориями. Никогда прежде, ни при фараонах, ни при Птолемах Египет не разрастался до такой степени и не простирался так далеко.

Качественная разница мицраимских приращений 37-34 гг. и аннексио-нистских даров 34 г. заключалась в том, что прежние приращения, по мень-шей мере, выглядели административными перекройками под эгидой пол-номочного триумвира в пределах *Imperium Romanum*, тогда как нынешние титулярно-территориальные формы и содержание дарственных аннексий открывали стране пирамид доступ к выходу из состава Римской империи. Они членили империю на Запад и Восток; они сопернически противо-поставляли, если не сегодня, то завтра, державную Александрию держав-ному Риму. Египетская мумия покинула гробницу.

Это совершалось не на политическом, но на духовном плане, между тем как формально, на практике, речь шла не столько о расширении владений Египта, сколько о дальнейшей консолидации антонианского Востока (посредством сгруппированных вокруг Египта афро-азиатских весей-вассалитетов) накануне конфликта с октавиановским Западом. Клеопатру не очень занимали Антониевы прожекты насчет Ирана до Инда, точнее, они виделись ей более осуществимыми после устранения Октавиана и постав-ления-вовлечения западного потенциала под александрийскую десницу, в александрийскую колесницу.

Наряду с тем, первый целевой удар лично по Октавиану был нанесен провозглашением в ходе октябрьского мероприятия отрока Цезариона сы-ном божественного Юлия с титулом царь царей и со всеми вытекающими отсюда для приемного Юлиева сына последствиями.

Сказав в гимнасионе к исходу большого торжества, что величие Рима не в том, что Рим взял, а в том, что Рим отдал, Антоний не сразу оповестил римлян о произведенных им в должности римского распорядителя Востока изменениях/переменах.

Пока же до квиритов постепенно докатывались слухи об устроенном в

Александрии псевдотриумфе и о какой-то странной прокламации. Военный триумф римлянина где-либо, кроме Вечного города, без посвящения боевых трофеев Юпитеру Капитолийскому, без восхождения триумфатора к храму Благого и Величайшего на Капитолий — дело неслыханное, кощунственное, недопустимое. В Рим вползала из-за морей черная молва и вдумчивые граждане задавались вопросами: неужели правда?! как мог римский гражданин, герой, император и триумвир так низко пасть? как он не постыдился, как он посмел инсценировать под чужим небом, в угоду своей египетской гетере, святотатственный водевиль? Разгромив Красса, парфянин Сурен устроил потешный триумф в Селевкии-на-Оронте. Но то был враг. Кто есть Антоний?

Впрочем, современных средств массовой информации и передвижения в те дни не существовало; на зиму море для простых смертных и для подавляющего большинства мореходов закрывалось; все, помимо деторождения и смерти, длилось дольше.

* * *

Вслед за нанесенным Ироду августовским визитом Клеопатры, в сентябре 34 г. в Иудею наведлся вездесущий К.Деллий. Рассказу об этом в “Древностях” предшествует рассказ о возвращении из парфянского плена Гиркана (15,2,1-4), что имело место не ранее 33 г. до н.э. (см.ниже), тогда как приезд Деллия в Иудею последовал непосредственно за армянским походом Антония.

При верно реконструированных опорных точках иродианской хронологии, т.е. назначенско-завоевательного интервала 37-34 гг. необходимость ломать голову по поводу расклада и развития иудейских событий до Акцийско-Александрийской войны враз отпадает: от правильного хронометража просто некуда деться, ибо времени, как принято говорить, остается в обрез.

Из Антиохии небезызвестный участник покорения Армении Деллий направился сухопутной дорогой в Пелузий с тем, чтобы перед александрийским триумфом заехать, вероятно, не исключительно по своим (согласно мнению Флавия) делам, но по персональному поручению патрона в заграбастанное Иродом царство.

“Увидя Аристовула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариамны и сказал, что Александра является матерью на редкость красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и наконец сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, не решился послать за царицей, женой Ирода, но отправил послов за юношей, правда, с оговоркой: если это не представит затруднений. Когда это было сообщено Ироду, он решил, что небезопасно послать такого красавца, каким тогда был 16-летний Аристовул, да вдобавок еще столь знат-

ного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что если только этот юноша выедет из страны, это подаст немедленно повод к войне и к всяким смутам потому, что иудеи только и ждут случая для мятежа (И.д.15,2,6).

Правдоподобность истории со срисованными, вопреки строгому запрету иудаизма на изображение живых существ, портретами детей Александры довольно сомнительна. Роль сводника Деллия, напротив, в силу общеизвестных наклонностей и разносторонней распушенности куплера, сомнений не вызывает. С осени 34 г. сладострастное времяпрепровождение окруженных многочисленной свитой Клеопатридов-Антонидов в Александрии помаленьку достигало апогея. Изогранные излишества всевозможного рода калейдоскопически сменялись, и Антоний вполне мог послать за красавцем Аристовулом с намерением вовлечь юношу в знаменитый александрийский клуб “прожигателей несравненной жизни”, где сам весело председательствовал. Ничего невероятного в сведениях об антонианском запросе нет. Показательна и осторожная оговорка политика: если это не представит затруднений. Новых волнений в замиренной большой кровью Иудее, особенно сейчас, после “великой октябрьской” декларации, следовало всячески избегать. “Царь царей” достаточно ценил бойкого Антипатрида и решил не переступать некоторых границ компетентности полезного вассала во внутренних делах. Экспансионистская в отношении к Ироду позиция Клеопатры понятна, но сдавшись “Изиде” по-большому, “Дионис” умел пережить ей по-маленькому.

В остальном, как раз перед живописанием приезда Деллия в Иудею, “Древности” извещают о назначении первосвященником безвестного иудео-вавилонского священника Ананила (15,2,4) и о возмущении Александры, матери “прекрасного Аристовула и миловидной Мариамены”, оскорбительной кадровой политикой зятя.

“Она очень обеспокоилась и смутилась позором ее сына в том смысле, что при его жизни первосвященское достоинство перешло к какому-то выскочке. Поэтому она отправила при содействии одного музыканта письмо Клеопатре с просьбой добиться от Антония назначения на пост первосвященника ее сына” (15,2,5).

Из Флавия как бы следует, будто Ирод этак неторопливо, этак не сразу по завоевании Иерусалима послал в Вавилонию за давно дружным ему Ананилом и произвел его в архипастыри. Разве Израиль мог обходиться без первосвященника? Зачем усугублять зияющим вакуумом и без того вопиющее в восприятии народа устранение-отсутствие патриарха Маттафии? Замена нужна тотчас, без промедления. Повторим: *законоревнитель* Ирод сделал Ананила первосвященником в июле: овладев Иерусалимом, он немедленно заполнил добытую железом и кровью вакансию. Заблаговременно выписанный из Вавилонии Ананил уже в ходе осады города находился в стане узурпатора, готовясь к отправлению патриарших обязанностей.

Клеопатра и Александра встретились в августе и взаимовыгодно приглянулись друг другу. Тогда Ананил едва вступил в должность, отчего свежее

недовольство тещи зятем было в ходу и в разгаре. Версию тайно адресованного вскоре Александрой, при посредстве некоего музыканта, жалобного письма в Египет можно принять лишь в том случае, если допустить, что Ирод наглухо воспрепятствовал доверительному контакту Клеопатры и Александры. Такое трудно вообразимо. Скорее, Клеопатра даже без лишних слов все отлично усекла на месте, и не дожидаясь письма с музыкантом, подбросила Антонию идею назначить Аристовула первосвященником, чтобы держать Ирода на поводу и прицеле. Паточные славословия Деллия укрепили надежды Александры на покровительственное вмешательство Александрии и, видимо, обернулись (дополнительной) просьбой, адресованной Клеопатре изустно, через него, безо всяких музыкантов и художников. И почему бы царице цариц не присоединиться к рекомендации Деллия касаясь приглашения Аристовула в Александрию? Заполучить юного Маккавея в руки означало заполучить козырную антииудианскую карту. Из Александрии обработанный здесь Аристовул мог быстро вернуться на первосвященство в Иудею сопутственно вопросу на заранее известный ответ или ответу на решенный вопрос: а к чему иудеям вообще царь, тем более, чужак-идумеянин? Ведь имманентная структура еврейства позволяет обходиться герузией и патриархом, как при Птолемах; царские же прерогативы лучше передать в ведение Египта.

Однако, дело так далеко (пока) не зашло. Антоний оставил “отпускное” решение за Иродом и обладавший отменным политическим нюхом Ирод отреагировал мгновенно, по-тигриному: сам (опережая Клеопатру) сместил Ананила и возвел в первосвященники своего почти семнадцатилетнего шурина.

Семейная распря временно затихла. В умиротворении живых Хасмонеев и саддукеев Антипатрид нуждался на крайне опасном для него этапе царской биографии, в состоянии крайне неустойчивого равновесия. Суметь выжить, живя возле угрожающе распахнутой пасти нильского крокодила совсем не просто и не каждому дано.

Дата назначения Аристовула, в свете синхронизации разноречиво приводимых Флавием возрастными данными юноши (16,17 и 18 лет) с общей событийной последовательностью 34/33 гг., безошибочно выпадает на ноябрь/декабрь 34 г. до н.э., когда Аристовулу было без малого 17 лет и когда растоптанную маккавейскую теократию сменил, казалось, примирительный иродианско-хасмонейский дуализм. Но так только казалось!

* * *

Пребывание Октавиана в Галлии зимой/весной 34 г. с целью ратной переправы по стопам Цезаря в Британию продлилось недолго.

Обстоятельства вынудили Цезаря II отставить запланированную экспедицию и поспешить на Балканы.

Мятежные паннонцы изгнали из Сискии дислоцированный тут в прошлом году под командой Фуфия Гемина гарнизон и нанесли римлянам чувствительные потери. Впрочем, еще до подхода ведомых Отавианом воинских сил, совладавший с ситуацией Гемин разбил мятежников и восста-

новил поколебленный статус-кво. Умелая оперативность подчиненного дала подоспевшему главкому возможность, не откладывая, предпринять Далмацкую кампанию.

В 47 г. далматинцы, выйдя из повиновения римлянам, разбили завлеченного в западную цезарского легата А.Габиния и захватили римские боевые штандарты; в 45 г. против них сражался П.Ватиний; в 39 г. — Азиний Поллион. Теперь, в ходе Иллирийских войн (35-33 гг.), настало время восстановить и установить твердую гегемонию Рима в восточно-адриатическом регионе. Симптоматично, что в 34 г. активность Октавиана по сравнению с предыдущим годом развернулась не в направлении Дуная, но сползла к югу. Не мудрено: от Скодры через Адриатику к Африке пролегла граница компетентности содиархов. Дальновидный учет эвентуальных осложнений предполагал обеспечение безопасности как побережных, так и расположенных супротив италийского берега балканских рубежей. Одним словом, Октавиан серьезно, напряженно и неуклонно, без лишних слов, ковал надежную адриатическую подкову между Апеннинским и Балканским полуостровами. Тем не менее, квалифицировать предприятие 720 г. а.У., как проведенное именно (или лишь) в расчете на конфликт с Антонием, не следует, поскольку будь это так, не было бы изначально ни поездки в Галлию, ни плана боевой высадки в Британии.

На продвижение октавиановских легионов с севера вглубь страны аборигены ответили решимостью драться. Осада и взятие Промоны потребовали ощутимого напряженной сил: 12 тысяч туземцев под началом местного вождя Верса мужественно обороняли осажденную по всем правилам военного искусства крепость. Позднее к ним подошел во главе армии другой далмацкий предводитель — Тестим. Он был разбит в бою и отброшен в горы. Разбиты были также попробовавшие совершить вылазку ему навстречу осажденные, преследуя которых, римляне ворвались в город и принудили на пятый день запертый во внутренней цитадели гарнизон к капитуляции.

Затем пришлось один за другим брать прочие укрепленные пункты, оперируя в сложных условиях горно-лесистой местности и партизанской войны. Перед лицом поражения Верса Тестим распустил свою не способную фронтально противостоять римлянам армию и перешел на партизанщину. Туземная попытка заманить противника в ловушку, причем опять там, где в нее некогда угодил Габиний, возле Синодия (современная Босния), осталась без успеха. Цезарь II разгадал хитрость врага, сжег взятое поселение и, развивая наступательную инициативу, обложил Сетую. В сражении с подошедшими на выручку окольцованных собратьев далматинцами легионеры одержали убедительную победу. Главком проявил воинскую отвагу, получил ранение камнем в колено, но выбыв из строя лично, упорно продолжал кампанию и, невзирая на наступление холодов, осаду Сетуи не снял. В декабре, вследствие приближения срока его второго консульства, он направился в Рим, передав командование Статилию Тавру.*

* См. Аппиан (Иллир.24-27); Дион (49,38); Светоний (Авг.20).

Глава III

33 — 30 гг. до н.э. = 721 — 724 гг. а.У.

1 января 33 г. до н.э. в консульство вступили Г. Цезарь Октавиан и Л. Волкаций Тулл.

В жизнеописании Августа Светоний (26) пишет об облечении им второго консульства “в течение нескольких часов: в день нового года он с утра сел на консульское кресло перед храмом Юпитера и, недолго посидев, сложил должность и назначил себе преемника”. Аппиан (Иллир.28) подтверждает факт новогоднего вступления Цезаря Минор в консульство, передачу в тот же день магистратуры Автронию Пету и отъезд в Далмацию, к стенам осажденной Сетуи. Дион (49,43) говорит про второе консульство, которое Цезарь сложил, подобно Антонию, в первый же день, и про возведение им с одобрения сената некоторых граждан в патрициат.

Как видим, авторы древности ничего не сообщают о каком-либо выступлении и выпадах однодневного консула против Антония в сенате. Кромайер на сей счет иного мнения (33,36,37) и, кажется, не без оснований полагает, что традиционная вступительно-консульская речь “*de republica*” была использована Октавианом для политико-дипломатической критики по адресу александрийского автократора. Анналистический очерк “*Iulius Augustus*” в RE (10,322) выражается осторожнее и вернее: “Вероятно, в речи впервые прозвучало заявление о том, что прежнего согласия между триумвирами больше нет.” На объявленную Антонием посредством октябрьской декларации войну без объявления войны, о чем коллега-триумвир узнал в Далмации, следовало отреагировать и первоаварское консульство предоставляло нужную возможность для умеренной контратаки. Но Октавиан не делал никаких резких шагов и не брал на себя открытую инициативу обострения конфликта, провоцируя на резкие действия противника. Основные октавиановские заповеди в политике и в войне с молодых лет гласили: “спеши не торопясь”; “осторожный полководец лучше безрассудного”; “лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрее” (Светоний “Авг.”25). Пусть томогавк войны выроет торопливо-безрассудный Антоний. Таким завуалированным образом и эзоповым языком брошенная из Александрии перчатка была осторожно подобрана в Риме.

Противопоставившись златотронному “царю царей” и принятым по всей республиканской форме консульством, и благородно-соприродным сложе-

нием оно, и сдержанной небезоговорочной речью, и т.д. и т.п., Цезарь Меньшой противопоставил эпикурействующему александрийцу также мужественным отъездом посреди зимы, при раненом колене, во благо отчизне, на далмацкий фронт.

С капитуляцией взятой измором Сетуи война вскоре закончилась. Капитулянты признали верховенство Рима, выдали победителю 700 отроков в качестве заложников, обязались выплатить всю невыплаченную за годы непокорности в *Смутное время* дань и вернули Октавиану трофейные знамена, захваченные у Габиния. Далее, главком побудил без единого выстрела к изъятию повинения напуганных известием о готовящемся против них походе южных соседей далматинцев, обитателей района современной боснийско-черногорской границы – племя дербани; воспользовавшись Гражданской войной, они, сходно северянам, отпали от Рима.

Итак, в итоге скрупулезно-кропотливых, безо всякого показушества и планов завоевания мира, Иллирийских кампаний 35-33 гг. приадриатический берег, сообразно замыслу кузнеца-инициатора, так вытянулся своеобразной территориально-стратегической подковой от северо-востока Италии до подступов к межевой Скордре. Подкова представляла собой как оборонительный кордон в видах прикрытия Италии, так и плацдарм, нацеленный равномерно в сторону 1.дунайского берега и 2.греческого юга; последнее на случай морской и сухопутной конфронтации Запада и Востока.

Достаточно бегло сопоставить деятельность и достижения обоих триумфиров за период 36-33 гг., чтобы без труда понять, чья звезда восходила, а чья закатывалась навсегда.

Пятую императорскую аккламацию за Далмацию Октавиан принял; декретированный ему сенатом триумф снова отложил, тогда как в отчете сенату, видимо, в феврале, сравнил свои результаты, согласно Аппиану (Иллир.16), с “бездеятельностью Антония”. Т.е с одной стороны, он показал товар лицом, с другой – ткнул пальцем в несоответствие напарника занимаемой должности. Это и есть первый зафиксированный античными источниками ответ Рима на дуэльный вызов Александрии.

Около того же времени, к весне или весной 33 г., умер вассальный династ Мавритании Бох. Решением римского триумвира мавританский вассалитет превратился в римскую провинцию. Аннексионистский жест контрастно демонстрировал заботу рачительного правителя об интересах державы на фоне безответственного разбазаривания казенных земель правителем-транжирой. *За державу обидно!*

* * *

Зиму 34/33 гг. Александрия провела весело, как никогда. День за днем члены “Сообщества прожигателей несравненной жизни” силились превзойти все нормы и формы отправления пиршественных вакханалий. По всему, именно той зимой римский консуляр Мунаций Планк, кого Веллей (2,83) клеймит презреннейшим из льстецов, отплясывал перед Клеопатрой голышом, будучи выкрашен сине-зелеными красками, с

приделанным к заду рыбьим хвостом, танец морского бога Главка.

Плиний Старший (Естественная история 9,119-21) сообщает, что однажды за устроенной Антонием невиданно роскошной трапезой Клеопатра пренебрежительно отметила ее дешевизну. На удивленный вопрос, чего не достает царице цариц? последовал лукавый ответ: пира стоимостью в 10 млн. сестерциев. Пиродателю это показалось слишком; в итоге они заключили пари. Балагуристый дядюшка Мунаций взялся быть арбитром. На следующий день, не заметив никаких баснословных особенностей в сервировке, Антоний уже посмеивался над проигравшей спор царицей. Между тем, владычице Египта принадлежали две самые дорогие жемчужины тогдашнего земного круга. Дождавшись десерта, она быстро, к всеобщему потрясению, растворила одну из них в какой-то специальной эссенции, смешала пятимиллионный раствор с вином и опрокинула вовнутрь. Вторую жемчужину спас от сходной участи Мунаций Планк, поспешно объявивший Клеопатру победительницей в споре*.

Что касается Антония, то как повествует Плиний (33,50) со слов В. Мессалы, он велел изготовить для себя ночные горшки из чистого золота (чем почти уподобился апологету сортирного использования золотого тельца при коммунизме В.И. Ленину), написал брошюру “Об искусстве пьянства” (Плиний 14,148) и охотно принимал божественные почести. Так, дошедшая до нас александрийская эпитафическая надпись некоего Афродисия от 28.12.34 г. до н.э. возносит ему хвалу как богу и благодетелю. Подданные вовсю курили фимиам Клеопатре – как Изиде и Афродите, Антонию – как Дионису и Осирису; художники писали с них картины; скульпторы валяли статуи; оба посвящали друг другу памятники и храмы. Во время жертвоприношений божественно-царственная Изиде изрекала: “Я, Изиде, возвращенная Гермесом... Я – старшая дочь Кроноса... Я – жена и сестра Осириса... Я – мать бога Гора... Я отделила землю от неба... Я указала дорогу звездам... Я определила путь Солнца и Луны... Я принесла людям посвящение в мистерии... Я положила конец господству тиранов... Я поставила право выше злата и серебра... Я повелела учиться истине... Я в сиянии Солнца... Я побеждаю судьбу... Судьба покорна Мне...”

Впрочем, за веселым и таинственным времяпрепровождением не забывались военно-государственные заботы – полезное совмещалось с приятным: шло усиленное строительство/умножение флота и формирование новых легионов. Число последних выросло в течение 33 г. до не менее 35. В дополнение к сему Антоний, в отличие от противника, делал определенную ставку на милитантное подключение вассальных династов. Однако, в гораздо большей мере властная александрийская пара ставила и надеялась на силы военно-морские. В 35 г. антонианский флот числил в своем составе 270 (учитывая 70 возвращенных Октавианом после победы над С.Помпеем) кораблей. К весне 32 г. общее число судов восточной армады выросло до

* Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.

(А.Пушкин)

800, из них 500 боевых (причем 200 египетских) и 300 транспортных; т.е. ориентальный флот численно превзошел римский, правда, по состоянию октавиановского флота на 36 г. (600 военно-транспортных единиц). От богатой судостроительным лесом Нагорной Киликии через Лаодикею Сирийскую и до Александрии Египетской, всюду на восточно-средиземноморских верфях, в основном на средства Египта, возводились разнокалиберные суда от обычных трирем и пятирем до особой надежды героя Филипп – плавающих крепостей – восьмирем и десятирем. Агриппа продуктивно использовал крупные суда при одолении юркого биремного Помпея; теперь Антоний, опираясь на крупнейшие суда-колоссы, намеревался сокрушить Агриппу. Понятно, что вложив столько сил и средств в гигантский флот, Клеопатра желала решающей схватки на море.

* * *

Весной 33 г. в Рим пришло официальное послание из Александрии, которое содержало ультимативный перечень упреков одного содиарха другому. Приведем, заимствуя у Плутарха (Ант.55) и Диона (50,1), некоторые из них: 1.элиминировал Помпея и Лепида, отобрал у них Сицилию и Африку, не поделился землей, добычей, войсками, флотом; 2.одолжил корабли и не вернул; 3.роздал своим ветеранам колониальные наделы в Италии, оставив Антониевых ветеранов ни с чем; 4.распоряжается Италией, как собственной вотчиной, хотя триумвиры обладают равными в ее отношении правами, в частности, правом рекрутирования солдат... Ультиматум венчало требование сатисфакции по всем перечисленным пунктам: половину конфискованной у Помпея с Лепидом движимости и недвижимости, рекрутов, землю для ветеранов и т.д. Тем самым начало конфронтационно-дуэлянтской корреспонденции и войне нервов на триумвирально-государственном уровне было положено.

Отписав филькину грамоту, Антоний в последний раз в жизни отправился “в парфянский поход” и в последний раз в жизни не продвинулся дальше Армении. В стране Араратской, где стояли 15/16 легионов под началом Канидия, полным ходом осуществлялась провинциализация: административно-территориальные перекройка и обустройство завоеванного вассалитета, создание поселений колонистов и т.д. Отдельные отсеченные от переставшего существовать Армянского царства территории отошли к Артавазду Мидийскому, который встретился для заключения дружественного пакта с Антонием на берегу Аракса. Артавазд вернул союзнику плененные в 36 г. при уничтожении легионов Статиана римские знамена и вверил нареченному свояку малолетнюю дочь Иотапату, которой должно было отныне расти и воспитываться (в залог политической дружбы) возле Александра Гелиоса в Александрии. Союзники обязались взаимно поддерживать друг друга и обменялись воинскими подразделениями: отборный отряд мидийцев пополнил антонианское воинство; римляне-антонианцы встали на защиту Мидии-Атропатены. В награду за ценные посреднические услуги в деле достижения александрийско-атропатенского союза Полемон Понтийский вступил во владение Арменией Малой.

* * *

В Иране в первой половине 33 г. внутренняя ситуация несколько стабилизировалась. Дело в том, что если Плутарх (Ант.53) побочно датирует внутриварфянскую заваруху 35/34 гг., то по Диону (51,18), таковая имело место в пору Акцийской войны, т.е. в 32/31 гг. до н.э. Помпей Трог (у Юстина 42,5), охватывая размашистой скороговоркой десятилетку 35-25 гг., кучно сообщает о тираническом зазнайстве Фраата после победы 36 г., о восстании варфян против него и о бегстве изгнанного шахиншаха на восток — к скифам. Данное сообщение воспроизводит лишь общую недифференцированную картину иранских смут, тогда как нумизматика выявляет некоего безымянного самозванца на шахском престоле в марте-июне 32 г.*, а Дион говорит о самозванце Трдате времен войны при Аксиуме. Значит, речь, насколько явствует из сопоставления/синхронизации источников, надо вести о двух-трех мятежах варфянских баронов. Первый из них — упомянутое Плутархом восстание 35/34 гг. Фраат подавил; со вторым — вспыхнувшим к исходу 33 или в 32 г., под предводительством небезымянного самозванца Трдата, совладать поначалу не сумел и сбежал за поддержкой к среднеазиатским скифам. Иначе говоря, в 33 г. в Парфии царило относительное меж-мятежное затишье, косвенное подтверждение чему, во всяком случае, факту пребывания Фраата пока не у скифов, находится у Флавия (см.ниже). Но, так или иначе, Фраат — свидетель провала нацеленной на запад завоевательной политики Орода и Пакора — всю тронную жизнь будет избегать конфликта с западной империей, являясь изоляционистом и не проявляя никакой склонности к идее заевфратской экспансии.

Наряду с тем, в 35-30 гг., в период острой борьбы за власть и выживание, он отчасти не мог, отчасти не рискнул воспрепятствовать отпадению Атропатены или поддержать проварфянскую партию в Армении. Как только обстоятельства позволяют, и то, и другое в 30 г. последует: Атропатена вернется в иранское лоно; в Армении утвердятся варфянофил Арташес.

Впрочем, в 30 г. Антонию уже станет не до Атропатены и не до Армении, где летом 33 г. он получил ответ на свой ультиматум из Рима.

* * *

Воспользовавшись прямым весенним выпадом противника, Октавиан взялся перед сенатом и народом — устно, а по почте — письменно за опровержение выдвинутых обвинений и за выдвижение весомых контробвинений. Лепид — парировал Цезарь II — лишился триумвиральных полномочий из-за сицилийской попытки переворота и из-за неспособности, как выяснилось, облекать пост государственного руководителя: однако, за ним великодушно сохранена не только жизнь, но и сан верховного понтифика. Победенному в честном бою С.Помпею было милостиво позволено покинуть октавиановские воды живым, в то время как в антонианском Милете

* A. von Gutschmid "Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden", Tübingen 1888 (102).

его безжалостно умертвили. Антоний запятнал позором честь римского народа, вероломно пленив и предав Клеопатре армянского царя, договорного союзника римлян. Антоний произвел в угоду Клеопатре и в ущерб Риму черный территориальный передел на Востоке. Он признал отпрыска Клеопатры сыном и наследником божественного Юлия, чем простер от имени Египта лапу на фамильное и державное наследие Цезаря. У Антония нет оснований притязать на Италию, ибо он не получал Египет по жребии в статусе дарованном им Египту. Если же он хочет половину от всего конфискованного у Помпея и Лепида, то пусть поделится половиной Египта и Армении. На земельные надель в Италии ветераны-антонианцы претендовать не вправе, так как их ждет весь парфянский Восток, который они под предводительством своего победоносного императора в его славном походе не то уже завоевали, не то все еще собираются воевать и завоевать.

* * *

Кстати, о так называемых недоданных легионах и о так называемых недовозвращенных Октавианом Антонию судах надо сказать особо. Кроммайеру (33,21) и др. исследователям они напрасно кажутся неоспоримыми. Плутарх (Ант.35), как мы знаем, говорит о двух обещанных в Таренте легионах, не вспоминая о них в дальнейшем, но инкриминируя Октавиану со слов Антония недовозвращенные или невозвращенные корабли (Ант.55). Аппиан (5,95) ведет речь о 20 тыс. договорно-тарентских легионеров, говоря позднее, что Антоний их никогда, по словам александрийских посланников С.Помпея (5,135), не дождался. Дион (50,1), перечисляя взаимные обвинения триумвиров, о каких-либо судах и легионах глухо молчит. Предложим возможный вывод. Первоначальное условие звучало так: легионеры в обмен на корабли; т.е. часть кораблей стали одолженными, из-за недодачи легионеров, из-за отправки на восток 8-10 (8+2)*, вместо обещанных 20 тыс. солдат-италиков, и потому Октавиан вернул Антонию 70 "одолженных" (или, учитывая малоазийскую борьбу с С.Помпеем, 50 одолженных + 20 впридачу) эскадренных судов.

Далее, не мешая в общем ключе заметить: креатуры "александрийца" регулярно облекали римские магистратуры; генералы-антонианцы (Вентидий и Сосий) триумфировали в Риме. А кто и где представлял интересы римского триумвира к востоку от Адриатики? Уж не Артавазд ли Армянский, кого он якобы завербовал? Пусть по жребии Италия принадлежала обоим диархам, но разве по бундизийско-мизенским договоренностям Египту отводились гегемонистские функции? разве за Египтом признавались региональные функции? разве Антоний не потерял все права на римскую Италию, сделавшись сорегентом в Египте, сделав державную ставку на державный Египет!

Октавиан действовал хитро, рассудочно, трезво, как умный политик, как новый Одиссей, который непредставим без нового варианта троянского коня.

Точно рассчитанный удар попал в цель. Ориентальный триумvir сме-

* В 35 г. Октавия везла и отправила Антонию две тысячи отборных солдат.

шался, разгорячился и засуетился. Видимо, он рассчитывал на дольшую перепалку и на менее оскорбительный тон. Громогласным насмешливо-ядовитым напоминанием о парфянском фиаско римский оппонент наступил ему на любимую мозоль. Ознакомившись с издевательским контр обвинительным вызовом и рассвирепев, бедолага-александриец приказал Канидию сняться с армянского якоря-постоя и двигаться во главе костяка легионов на Эфес — сборный пункт антонианского воинства = противозападного Востока.

Сам Антоний подался из Армении в Сирию, точнее, в Антиохию и в Лаодикею, где доформировывались сухопутные и достраивались военноморские силы. Здесь осенью 33 г. к нему присоединилась Клеопатра. Отсюда, из Лаодикеи Сирийской, они зимой отчалили в Эфес.

* * *

Назначив юного Аристовула под конец 34 г. до н.э. первосвященником, Ирод в следующем году энергично продолжал укрепление иродианского режима, перемежая кнут с пряником внутри страны и ловко лавируя в качестве вассала вне ее, в системе приегипетско-антонианских вассалитетов. Перманентная враждебность собственных подданных и могучей Клеопатры требовала от зависимого царя-узурпатора искусных маневров лощмана, ведущего судно между опасными рифами под сильным ветром. И он вел свой вассальный корабль вперед, зная, что отступить некуда, что обратной дороги нет.

Оставленный Сосием в иерусалимских окрестностях римский легион стоял на страже царских интересов; всего в 15-20 км к юго-востоку от Иерусалима в крепости Гиркания еще держалась осажденная иродианцами сестра казненного Антигона Маккавея.

В 33 г. до н.э. после пятилетнего нахождения на чужбине вернулся из парфянских пределов в Иудею старый экс-первосвященник Гиркан.

Флавий пишет: “Когда Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату и последний узнал о его знатном происхождении, к нему стали относиться мягче. Царь освободил его от оков и разрешил ему жить в Вавилонии, где жило множество иудеев. Они почитали Гиркана, как первосвященника и царя, равно как делали это и все прочие иудеи, жившие у Евфрата. Это было Гиркану приятно. Когда же он узнал, что царская власть перешла к Ироду, он воспрянул духом, поскольку был вообще расположен к Ироду, а кроме того, рассчитывая, что Ирод вспомнит об оказанной ему некогда услуге, когда Гиркан спас его от опасности смерти во время суда, которому подвергся Ирод. При этом Гиркан говорил с иудеями о том, как бы ему хотелось отправиться к Ироду. Те, однако, удерживали его и уговаривали остаться, указывая на то, что он пользуется у них всяческой властью и почетом, как первосвященник и царь, тогда как на это он не будет там иметь права, вследствие того, что его некогда искалечил Антигон; при этом они еще ставили ему на вид, что цари не всегда помнят услуги, оказанные им, когда они были еще простыми людьми, и что поворот в их судьбе нередко изменяет их мирозерцание.

Несмотря на все эти представления, имевшие в виду одно лишь благо Гиркана, он все-таки хотел уехать, тем более, что и Ирод прислал ему письмо, в котором советовал упросить Фраата и тамошних иудеев не сердиться на него, если он разделит царскую власть с Иродом. При этом Ирод упоминал еще, что теперь как раз наступил момент, когда он сможет отблагодарить его за все оказанные благодеяния — как за полученное воспитание, так и за спасение ему жизни. Отправив такое письмо Гиркану, он одновременно с этим послал к Фраату с письмом и богатыми дарами Сарамаллу, прося не препятствовать ему воздать должное своему благодетелю. Впрочем, не в том заключались истинные намерения Ирода, ибо он, опасаясь всяческих осложнений, хотел иметь Гиркана в руках или совершенно от него избавиться, что несколько позже и сделал.

Гиркан склонился на убеждения и будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл к Ироду, который принял его со всякими почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманным образом отцом своим и всеми силами стараясь подавить в нем всякое подозрение в своей лояльности (И.д.15,2,2-4).

Словно родившийся в мир на пагубу маккавейской династии и себе самому, бесхарактерный Гиркан, этот невольный сомогильщик дома Хасмонеев, сделал все для поэтапной узурпации власти в Иудее сначала идумеянином Антипатром, а потом и его сыновьями с конечной интронизацией Ирода.

Рассказ о репатриации пожилого экзюлянта из Вавилонии нефлексибельно предпослан у Флавия назначению первосвященником Ананила, обиде Александры на зятя, приезду в Иудею Деллия, замене Ананила Аристовулом и т.д., т.е. возвращение Гиркана попадает, сообразно флавиевской хронограмме (взятие Иерусалима — осень 37 г.), не позднее, чем на следующий 36 г.*; что смотрится крайне тухло: ибо в год парфянского похода Антония Ирод не мог послать письмо, плюс дары Фраату, не мог обратиться к воюющему против римлян шахиншаху с какой-либо просьбой. И вообще даже столь безобидно-дипломатический контакт Ирода с Фраатом выглядит очень неестественно для всего периода 37-35 гг., чего не скажешь о времени последующем. Да и не нужен, вернее, не к спеху был Гиркан Ироду до Ананила (вероятно, прибывшего в иродианский лагерь весной 34 г.), в дни осады и завоевания святого Города. Иное дело после, когда утвердившись на троне, можно и искренне отблагодарить, и занять в руках немощного старца на все случаи непредвиденных осложнений. Ведь увечье лишило отставника прав на первосвященство, но в новых условиях не на корону, разведенные и дуализированные самим Иродом. Следовательно, потенциальная опасность в живом Гиркане все-таки таится и лучше держать его, могущего стать пешкой в чужих руках, возле себя, дабы при надобности оперативно ликвидировать, а до того по потребности использовать. Гиркан

* Можно, конечно, возразить, что Флавий укомплектовал повествовательный материал не хронологически, но прагматически, однако, тем не менее, из повествования ясно следует, что репатриация Гиркана была одним из первых мероприятий овладевшего Иерусалимом Ирода.

пользовался определенным авторитетом и маккавейской популярностью в массах, в связи с чем, послушно стоя у трона, способствовал как легализации присвоителя власти, так и лоялизации иудеев (к Антипатридам).

Между прочим, отправка царем иудейским письма и даров через сирийского богача Сарамаллу царю царей в Иран проливает любопытный свет на антонианско-парфянские отношения 34/33 гг. до н.э. Оказывается, пораженец Антоний довольно мирно сосуществовал тогда с Фраатом, чем лишний раз подтверждается ненамерение “александрийца” снова ходить войной на Восток (в преддверии войны с Западом). Фраат же, противостоял внутренней оппозиции, временно мирился с отпадением/переориентацией Атропатены. Не будь в тот период междержавного взаимопонимания, вассал-антонианец Ирод не рискнул бы просить врага метрополии о предоставлении выездной визы Гиркану.

Важен следующий доказательно-хронологический момент, где Флавий, заимствуя верное свидетельство из неизвестного, видимо, иудейского источника, опять противоречит собственной схеме. В “И.д.” сказано: “Когда Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату...” Согласно Флавию и академической модели, пленение Гиркана имело место в 40 г. до н.э.; однако, будь это так, пленник должен был бы быть привезен не к Фраату, но к Ороду, поскольку в 40 г. шахиншах Ород находился в добром царственном здравии и лишь летом 37 г., т.е. аж три года спустя, сломленный гиндарской гибелью Пакора, отрекся от престола в пользу Фраата. Бросается в глаза, что применительно к плененному парфянами Гиркану у Флавия об Ороде нет ни слова — от начала и до конца фигурирует только Фраат (хотя по букве флавиевского рассказа получается, будто Гиркан был три года пленником Орода и менее, или не более года пленником Фраата). Приложим текстуальную наличность к исправленной хронологии и все сойдется: Пакор и Барзафарн привезли Гиркана в Парфию к зиме 38/37 гг., т.е. с 37 по 33 гг.* Гиркан являлся пленником Фраата IV.

Ород не сыграл, точнее не успел сыграть в судьбе пленного Гиркана никакой роли, отчего источник, из которого черпал информацию Флавий, понятным образом не обмолвился в рассказе про плен и отпущение Гиркана, об Ороде.

* * *

Возведение Аристовула в первосвященники совсем ненадолго утихомирило конфликт венценосного зятя и неугомонной тещи.

“Таким образом Ироду казалось, что он уладил свои семейные дела, хотя он и не переставал, как бы то следовало ввиду состоявшегося примирения, относиться с подозрением к Александре, боясь, чтобы она по примеру прежних интриг не вздумала улучшить минуту для совершения государственного переворота. Поэтому он распорядился, чтобы она не покидала царского дворца и ничего не смела предпринимать самостоятельно. Все это вскоре довело Александру до форменной ненависти к нему. Преисполнен-

* О возвращении Гиркана из плена в Иудею после армянского похода Антония, т.е. после 34 г. до н.э., говорится в “Истории Армении” М.Хоренаци (2,24).

ная женского тщеславия, она не выносила подозрительного за собой наблюдения, предпочитая подвергаться чему угодно, чем лишаться под видом почета свободы и жить в рабстве и постоянном опасении” (И.д.15,3,2).

По всей видимости, Ирод велел теще не покидать дворец под предлогом ее же безопасности. А что касается сути дела, то ни первосвященство сына, ни почести, возданные репатрианту-отцу Гиркану, не развязали мертвый семейный политико-династический узел. В инволюции этих фамильно-политических взаимоотношений горчайшая доля Ирода-человека выступает наиболее рельефно. Как царь, он ошибся, сделав серьезную ставку на иродианско-маккавейский симбиоз в первом колене; как муж, он имел несчастье безумно любить Мариамну. Неприятие его персоны хасмонеи родней или правильнее будет сказать, женской половиной родни (ибо Гиркан и Аристовул здесь в пассиве*), роковым образом усугубляло худшие черты и без того неумолимого властителя.

Фактически посаженная под почетный домашний арест Александра нашла возможность отправить письмо Клеопатре с просьбой о помощи. В ответ Клеопатра сумела довести до неё совет бежать, забрав с собой сына, к ней в Египет. Хитроумный план изготовления двух гробов для себя и для Аристовула, исчезновения из дворца под видом покойников и морского путешествия в Александрию провалился, вследствие болтливости одного из слуг и доноса по высшему начальству другого. Дав заговорщице “дойти до исполнения задуманного намерения, Ирод велел схватить ее с поличным на месте преступления. Но – пишет Флавий – посмотрел сквозь пальцы на ее провинность, тем более, что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру, и сделал вид будто прощает Александре из великодушия. Однако, вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил отложить пока это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком резко бросилось всем в глаза” (И.д.15,3,2).

Примем за верное. Гиркан вернулся из парфянской Вавилонии весной 33 г.; план Александры сорвался летом; Антоний в то время находился в Армении, куда отбыл по весне и откуда попал в Сирию осенью**.

* * *

“Когда вскоре наступил праздник Кушей, празднующийся у нас с большой пышностью, Ирод весело провел эти дни, предаваясь со всем остальным народом удовольствиям. Одновременно с тем праздник дал повод к зависти, которая особенно побудила его привести в исполнение задуманное. Дело в том, что когда юный 17-летний Аристовул в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его

* Гиркан был стар и слишком слаб, а Аристовул слишком юн, тогда как мужей из числа представителей среднего между ними поколения Хасмонеев к тому времени уже не было в живых.

** Совет, поданный Клеопатрой Александре, предполагает отсутствие не затронутого этим делом Антония в Египте.

необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народную охватил нескрываемый экстаз, и все вспомнили о деяниях, совершенных его дедом Аристовулом. Победенная этим чувством толпа сейчас же обнаружила свое настроение кликами и пожеланиями всякого благополучия, так что тут проявился весь восторг народа, причем восхищение прошлым было выражено в более высокой степени, чем то дозволялось в присутствии нынешнего царя. Вследствие всего этого, последний решился привести в исполнение свой замысел относительно юноши. Когда, по миновании праздника, царь обедал в Иерихоне, куда Александра пригласила его вместе с сыном, он весело шутил с юношей, а затем увлек его в отдаленное место и стал предаваться в его обществе различным играм и юношеским забавам. Но так как стало слишком жарко, они вскоре утомились и вышли освежиться к тем большим прудам, которые находились на дворе и несколько освежали полуденный зной. Сперва они глядели, как купались служители и приближенные, а затем и Аристовул, по совету Ирода, полез в воду. Тут царские приятели, кому Ирод заранее отдал соответствующее распоряжение, принялись как бы в шутку погружать Аристовула в воду и отпустили его не прежде, чем он потонул. Так погиб Аристовул, которому не было и 18 лет. В течение одного года он был первосвященником, а преемником ему вновь сделался Ананил” (И.д.15,3,3).

Гибель юноши явилась следствием интриг его матери и хищной реакции узурпатора на народный восторг; причина же рассчитанного убийства заключалась в невозможности мирной коэзистенции двух династий, старой и новой, в одной стране. Царско-первосвященский дуализм иродианско-маккавейского почина изначально был фикцией и рухнул, подобно халтурному зданию, второпях построенному на песке. Публичное проявление народной нелояльности к воцаренному режиму больно задело самолюбие диктатора и подтолкнуло трагическую развязку. Опасно дергать тигра за хвост!

В отношении к политическим противникам Ирод применял криминальное кредо Сталина (или Сталин применял кредо Ирода): нет человека — нет проблемы. Их обоих нельзя назвать паталогическими мокрушниками, оба убивали из гипертрофированного инстинкта самосохранения и из холодного расчета, руководствуясь государственно-тираническими резонами. Правда, в отличие от Сталина, менее выдержанному Ироду не всегда хватало умения ждать.

Заметим, что убийца немало рисковал, зная, какой козырь он предоставляет Клеопатре, и однако, не колеблясь, привел свой беспощадный замысел в исполнение.

* * *

Иудейский праздник Кушей (15-22 тишри) приходился в 33 г. до н.э. на 25 сентября — 2 октября. Преступление в Иерихоне совершилось, насколько видно из флавиевского рассказа, почти сразу или очень скоро после праздника, о чем свидетельствует также жаркая погода, т.е. до или не позднее середины октября.

Аристовул родился в начале 50 г. до н.э., стал архипастырем (без малого)

17-ти лет отроду к концу 34 г., а погиб на 18-м году жизни, не достигнув 18-летнего возраста. Говоря, что он был первосвященником в течение одного года, Флавий немного округляет, т.к. первосвященство юного Хасмонея продлилось около 10/11 месяцев. Теперь, действительно, помимо обреченного доживать, не ведая доживет ли, под Иродовым прицелом Гиркана, никого из прежней династии по мужской линии не осталось. Семя Маттафии иссякло, огонь Маккавеев погас.

На пышно обставленном погребении царь, “сокрушаясь” о безвременно, “в результате несчастного случая”, погибшем, плакал навзрыд, позаботился об обилии курений и о положении множества драгоценностей во гроб. Флавий пронизательно отмечает: “... быть может, истинная скорбь и обуяла его, когда он видел перед собой труп цветущего и прекрасного усопшего, хотя и считал смерть последнего необходимой для своей личной безопасности” (И.д.15,3,4).

Обильные крокодиловы слезы тирана ввели, надо полагать, кое-кого в заблуждение. Не исключено даже, что обожаемая им Мариамна, при виде столь сильной похоронной скорби, смягчилась и захотела поверить в невиновность еще не безнадежно постылого ей мужа.

* * *

“Между тем всем этим он, однако, нисколько не обманул Александру; напротив, постоянное напоминание ей о постигшем ее бедствии делало царя еще ненавистнее, и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатре о коварстве Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, несчастьем которой она сочувствовала, и потому она приложила всяческое старание, не переставая побуждать Антония отомстить за смерть юноши. Несправедливо, говорила она при этом, что Ирод, получивший от Антония без всякого со своей стороны права царскую власть, теперь совершает такие беззакония по отношению к настоящим царям. Антоний склонился на ее доводы и когда прибыл в Лаодикею, послал за Иродом, чтобы он отчитался в гибели Аристовула, причем Антоний присовокупил, что если это убийство случилось с его ведома, то он поступил совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражать Клеопатру, не переставшую возбуждать против него Антония, Ирод решил повиниться (другого выхода тут не было); поэтому он передал все дела своему дяде и зятю Иосифу, тайно наказав ему, в случае, если ему, Ироду, придется погибнуть от руки Антония, немедленно убить также Мариамну; сам он был слишком привязан к этой женщине и опасался, как бы в случае его смерти, ее красота не послужила для кого-либо другого предметом искушения...” (И.д.15,3,5).

Производя хронологический расклад описанных Флавием в “И.д.” событий периода после завоевания Иродом Иерусалима до его войны с арабами, ученые историки реконструируют и оспаривают флавиевскую хронохему 37-32/31 гг. в частности, не удосуживаясь поставить под сомнение ее правильность в принципе, на корню. Так, Шюрер (1,362) относит назначение Аристовула первосвященником на начало, убийство на осень 35, а

устроенную Антонием Ироду лаодикейскую правилку на канун армянского похода 34 г. до н.э. Шюреровская аргументация назначенного начала 35 г. зиждется на повествовательной предшествующей назначению отсылке Александрией срисованных портретов Мариамны и Аристовула в Египет, где, мол, Антоний появился, лишь вернувшись из парфянского похода – в январе 35 г. Насчет постпоходного зимнего стыка 36/35 гг. верно, но Шюреру следовало бы ответить на вопрос: как быть с флавиевским отплытием Антония в Египет вслед взятой Самосате? Когда Самосата все-таки бралась и когда не бралась? Кроме того: согласно версии Шюрера, Аристовулово назначение приходится, учитывая переписку между Александрией и Иерусалимом, не раньше, чем на март 35 г., и получается, что Аристовул пробыл архипастырем всего около полугода.

В.Отто (38,39) с Шюрером не согласен и сдвигает все перечисленные события на год назад: дескать, срисованные портреты – клеветническая выдумка, отчего Аристовулу ничего не мешает облечь первосвященство в 37/36 гг. и погибнуть осенью 36 г., так же как Ироду ничего не мешает выйти сухим из воды в Лаодикие весной 35 г. Насчет неправдоподобности истории со срисованными портретами верно, но ведь портретная история не отменяет факт нахождения Антония в Египте непосредственно до и во время первосвященского назначения Аристовула. А разве Антоний в 37/36 гг., проводя зиму с Клеопатрой в Сирии и готовясь к парфянскому походу, был в Египте? Совсем нет.

При всем том ни Шюрера, ни Отто не смущает то обстоятельство, что, согласно мимолетной скороговорке Флавия, Антоний после лаодикейского разбирательства “двинулся на парфян” (И.д.15,3,9). По Шюреру, который ссылается на допущенное Флавием смешение парфян и армян в “Войне” (1,18,5), они якобы аналогично перепутаны в “Древностях”, плюс к тому, Антоний, мол, идя на армян, фанфаронил о парфянском походе, соответственно чему накладка простительна. Отто парирует: Антоний-де грозился парфянским походом и в 35, и в 34 гг., стало быть, мельком упомянутое “движение на парфян” можно поместить в 35 с не меньшим успехом, нежели в 34 гг. до н.э.

Выше мы, однако, выяснили и наличный текст не оставляет сомнений: в “Древностях” Флавий уверенно развел парфян и армян. Если в 3-й главе 15-й книги робко упомянута Антониева экспедиция против парфян, то в следующей 4-й главе ясно говорится о походе в Армению. Значит, парфянский поход падает у Флавия (И.д.) на 35, армянский – на 34 или 33 гг., тогда как лаодикейский судный вызов однозначно предшествует именно парфянскому походу. Итак, по вопросу восстановления авторской хронологии “Древностей” Отто в данном пункте *немного правее* Шюрера, отчего, впрочем, принципиально неправильная авторская хронология не становится более правильной.

Далее, необходимо сказать о том, что досрочно-преждевременная флавиевская интронизация Ирода в 40-37, вместо 37-34 гг., непомерно, на три лишних года расширила дальнейшую перспективу и вынудила автора, дабы заполнить вакуумные лакуны, искусственно растягивать, продлевать событийную канву во времени. “Долгое” призвание из Вавилонии Ананила;

“долгая” приставучесть Клеопатры к Антонию в деле произведения Аристо-вула в патриархи; “долгая” печаль Александры, которая печалилась, из-за гибели сына, до написания письма Клеопатре “больше и больше”; “долгое” возвращение Гиркана из плена; “долгие” задержки арабским царем арендных платежей... Короче, при внимательном прочтении текста выявляется целая вереница чересчур долгих долгостей. Замедленный темп очевиден!

Как видим, Флавий, пишучи в Риме, не располагал по первому этапу тронной биографии Ирода подробным синхронистически выдержанным материалом. Он обработал, самостоятельно синхронизировал и укомплектовал недатированные сведения различных, притом достаточно скудных источников, — во-первых, подчинив собственную обработку предпосылочной хронограмме, во-вторых, произвольно распределив в ее неестественно растянутых пределах насыщенную событийность 34-32/31 гг. до н.э.*.

В действительности Александра нашла способ послать Клеопатре весть о гибели сына, нимало не медля, и зная о пребывании царицы в Сирии. Клеопатра же получила отчаянное письмо Александры в ноябре 33 г., находясь с Антонием в Антиохии или уже в Лаодикее, так как местом их встречи для совместного пути в Эфес была Сирия. Античные источники на сей счет малословны. Дион (49,44), не вдаваясь в путевые детали и обходя Клеопатру молчанием, *отправляет* Антония в 33 г. прямо из Армении “на войну против Цезаря в Ионию и Грецию”. Орозий (6,19), прессуя интервал 33-31 гг., без конкретностей уведомляет о предвоенном антонианском повелении Клеопатре выехать ему навстречу. Согласно Плутарху (Ант.56), отдав, будучи в Армении, приказ Канидию вести легионы на запад к морю, сам Антоний направился в обществе Клеопатры в Эфес. Откуда, из какой геоточки они вместе двинули в Эфес? Плутарх не уточнил, чем обусловил появление двух современных версий: 1.о заезде Антония из Армении за Клеопатрой в Египет и о совместном плавании в Ионию; 2.о прибытии обоих в Эфес из Армении и Египта порознь. Увы, обе догадки ошибочны и убедительно опровергаются верно прочитанным Флавием. Антоний в Египет не заезжал; порознь царственные александрийцы в Эфес не плавали. Они сошлись в Сирии, и побуждаемый Клеопатрой распорядитель Востока срочно вызвал Ирода на разбирательство в портово-судостроительную Лаодикею, где накануне запоздалого взятия александрийской парой курса на Эфес отдавались последние региональные распоряжения, а главное, доводились до кондиции флотские военно-строительные насущности.

* Отсюда вывод. Доверенный рецензент недетальных мемуаров царя иудейского Николай Дамасский панегирически и обзорно отобразил этот этап Иродовой биографии на страницах своей “Всемирной истории”. Он не находился тогда ни возле Ирода, ни, вопреки распространенному мнению, в Александрии, в должности наставника детей Антония и Клеопатры. Дамаскин, кому в год смерти Ирода было около 60 лет (фрагм. 136,8), родился не ок. 64, но ок. 60 гг. до н.э.; следовательно, в период 40-30 гг. он еще слишком молод для ученого наставника, а дети Клеопатры еще слишком малы для нужды в ученом наставнике; роль же усатого няня ученому философу никак не подходит. Т.е. его ученое наставничество относится ко времени после 30 г. до н.э., когда дети покойных Клеопатры и Антония росли под опекой Октавиана в Риме.

Заведуя в отсутствие царя делами в царстве и во дворце, Иосиф, приходившийся Ироду не только, как муж Саломии, зятем, но и дядей со стороны отца, всячески пытался уверить Мариамну и Александру в глубочайшей преданности родного племянника им обеим. Однажды он из лучших побуждений дошел в порыве откровения до того, что желая выразить степень царской любви к жене, сказал ей в присутствии матери о тайном приказе Ирода, “во избежание позора” убить ее. Излишняя болтливость пожилого стража, разумеется, возымела обратное воздействие, до смерти испугав настороженных женщин. Вдобавок, по Иерусалиму пополз пущенный анти-иродианцами слух о позорной казни коронованного ответчика в Лаодикее. Запаниковавшая Александра кинулась уговаривать Иосифа бежать под защиту римского легиона, стационарированного в предместье города.

“Между тем, пока они все еще рассуждали об этом, пришло письмо Ирода с сообщением всего хода дела, из которого видно было, что слухи безусловно ложны. Прибыв к Антонию, Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собой из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал сердиться на него и наветы Клеопатры утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в царстве (в таком случае он сам не желал бы быть царем). Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре вмешиваться в дела правителей. Обо всем этом писал Ирод, указывая при том на почести, которыми удостоил его Антоний, ежедневно приглашавший его на совещания и к своему столу, несмотря на все происки Клеопатры, сильно желавшей завладеть его страной, а потому старавшейся всеми силами избавиться от него. Но раз он достиг благоволения Антония, ему, Ироду, уже нечего опасаться более неприятностей; он скоро вернется, а расположение Антония укрепит его на престоле. Клеопатре тоже более не на что рассчитывать потому, что в ответ на ее домогательства ей предоставлена Келесирия, чем она удовлетворена и чем положен конец ее вожделениям относительно Иудеи” (И.д.15,3,8).

Мемуарная тенденциозность партийно обработанного или заново написанного года спустя, в видах историко-литературной публикации, “письма” налицо. Не все в Лаодикее складывалось и обошлось столь “письменно” гладко и ненакладно. Ирод, без сомнения, не выглядел таким уж героем-гоголем, каким представил себя сам, умея выходить, если не сухим, то живым из опасной воды. Иудейскую часть Келесии, Самарию и портовую Газу ему пришлось Клеопатре уступить; мало того, ее новые приращения в Аравии и недоданные ей арабским царем деньги он обещал гарантировать и добыть.

Келесией или Дольной Сирией, искони понятийно идентичной Сирии в целом, Страбон (16,2,16) называет страну между Ливаном и Антиливаном, т.е. Халкиду. Но страбоновское обозначение, позаимствованное Шюрером (1,363-64) и следом за ним Кромайером (29,574-75) применительно к Флавию, не эквивалентно флавиевскому. Г.Бухгайм (101,

примеч.28)* метко указывает на тот факт, что Флавий не менее 20 раз употребляет наименование “Келесирия” для обозначения Заиордания и ни разу для обозначения Халкиды. И Бухгайм, и А.Шалит** – автор лучшего, наиболее обстоятельного и наиболее объективного труда об Ироде, – предлагают понимать под предоставленной Клеопатре в Лаодикее (или даже раньше) Келесирией Десятиградие – организованный Помпеем на отнятых у Маккавеев восточно- и отчасти западно-иорданских землях Декаполис***. Однако, вряд ли лаодикейские (от 33 г.) приобретения Клеопатры касаются Десятиградия (или исчерпываются Десятиградием), вероятно, отошедшим к ней (частично, либо целиком) раньше. Скорее, под Келесирией в контексте 33 г. надо понимать отобранную у Ирода заиорданскую Перею и отсеченный у арабов очередной жирный кусан Трансиордания вдоль зыбкой границы Сирии = Келесирии с Аравией. Сообщая в “Древностях” задом наперед, вдогонку Лаодикее, о визите Клеопатры в Иудею в дни армянского похода Антония (34 г.), Флавий пишет:

“...здесь с ней встретился Ирод, кто заарендовал полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона “ (И.д.15,4,2). Но арабскую часть Аравии у царицы цариц заарендовал в 35 г. Малх, то есть под Аравией, сданной в аренду Ироду, кроется не набатейская, но перейская Аравия = Келесирия, причем полученная Клеопатрой (одновременно со следующей частью набатейской Аравии = Келесирии) и тотчас арендно задействованная не в 34, а в 33 г. до н.э.

Таким образом, Клеопатра обзавелась за счет Иудеи в общей сложности Яффой и прибыльно базальмовым районом Иерихона в 34 г.; уступленной ей в ответ на ее домогательства Келесирией = Переей****, Газой и Самарией***** к концу 33 г. до н.э. Во-первых, т.н. иродианское письмо из Лаодикее понимает территориальные приращения венценосной египтянки

* Н. Buchheim “Die Orientpolitik des Triumvirn Antonius” Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch- historische Klasse, Jahrgang 1960, Heidelberg 1960.

** A. Schalit “König Herodes”, Berlin 1969, Anhang XII, “Die Schenkungen des Antonius an Kleopatra”. Абраам Шалит (1899-1979 гг.) – видный израильский историк древности. Родился и учился в Вене. С 1929 г. в Палестине.

*** Десятиградие отличал преимущественный процент грекоязычного населения, предпочитавшего римское провинциально-державное управление иудейской национально-государственной власти.

**** В 63 г. Помпей отсек от гос-ва Маккавеев все морское побережье и Трансиорданию. В 47 г. Цезарь вернул иудеям Яффу (Иоппию). Кем и когда была включена в состав Иудеи Газа – Цезарем? Кассием? или Антонием? – неизвестно. Наместником над Келесирией, т.е. в т.ч. над Переей, Ирода назначил в 46 г. сирийский легат С. Цезарь (И.д.14,4,8).

***** Из “И.д”, следует, что Ирод на 34 г. владел Газой (15,7,9), затем потерял ее и снова обрел милостью Августа в 30 г. (15,7,3). Там же, т.е. под 30 г., говорится о включении Августом в пределы иродианского царства после победы над Антонием и Клеопатрой Самарии. В 34 в Самарии перед взятием Иерусалима была сыграна свадьба Ирода и Мариамны, т.е. тогда Самария принадлежала Ироду. Вероятно, он заарендовал у Клеопатры в Лаодикее новоуступленную ей Самарию также, как и Перею.

в настоящем, т.е. в результате лаодикейского разбирательства, а не в прошлом, как ошибочно допускают, исходя из ошибочной хронологии, Бухгайм (71) и Шалит (XII,774); во-вторых, трудно вообразить, чтобы Клеопатра, зарясь на все Иудейское царство, могла удовлетвориться, ничего не отобрав у Ирода; в-третьих, не случайно Евсевий Кесарийский информирует в “Хронике”^{*} как раз под 33/32 г. (1984 год Авраама; 4-й год 186 олимпиады) про получение Клеопатрой “в дар” от Антония Аравии. Синхронизм Евсевия косвенно подтверждает и хронологию 33 г., и произведенные, согласно Флавию, в Лаодикее новые территориальные усечения Иудейского и Набатейского царств в пользу Египта.

В дополнение к сему Ирод обязался наказать/наставить Малха на путь истинный за задержку и невыплату арендных денег. Повторим, Малх арендовал отнятую у него часть Аравии до аренды пальмовых плантаций Иродом, еще в 35 г. и, видимо, за ту же сумму – 200 талантов в год, которые выплачивал по частям, раз в полугодие. Третья выплата задержалась, четвертая на исходе 33 г. не последовала. То есть воспользовавшись близящейся войной и отбытием Клеопатридов-Антонидов на запад, набатеи заерепенались, в связи с чем Антоний и Клеопатра облекли Ирода церберским заданием вышибить из них недоданную деньгу и привести их к прежнему, если Малх до весны не одумается, повиновению. Стало быть, Ироду предстояло военной лоялизацией патрищей гарантировать за Клеопатрой аннексию старо- и новоприсоединенных к ее владениям аравийских земель. Вот всего-итого чем, не считая привезенных Антонию подарков и денег, закончилась для вассального царя лаодикейская правилка: вновь урезанной территорией, потерей единственного выхода к морю, заданием проучить и приструнить на службе у державного Египта арабов. Не позднее, а именно тогда, в конце 33 г., в Лаодикее, ему было велено, вместо явки весной в Ионику, сосредоточиться на арабах.

В остальном Антоний и вправду не удовлетворил происки Клеопатры полностью, не устранив нужного вассала Ирода, если, конечно, Клеопатра собственно устранения добивалась.

Итак, пусть тарентский назначенец изрядно перехвалил себя в мемуарном письме для Истории, но, согласимся, он все-таки умел выходить мокрым и живым из тяжелой воды.

* * *

Настигнутый летом в Армении посланием из Рима автократор Востока, с одной стороны, испытывал неуверенность в завтрашнем дне, с другой – пыжился и силился ввести противника в заблуждение. О неуверенности и

* “Хроника” Евсевия (около 260-339г.) сохранилась не в оригинале, но в латинском переводе Иеронима (IV/V вв.) и в армянском переводе V в.

См. “Eusebi Chronicon” ediert A.Schoene, Berolini 1875.

См. “Die griechischen cristlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte”. “Eusebius Werke. Die Chronik”. Aus dem armenischen übersetzt und mit Commentar herausgegeben von Dr. J.Karst, Leipzig 1911. “Eusebius Werke. Die Chronik des Hieronymus” von R.Helm, Berlin 1956.

блефе говорит тон частного Антониева письма, адресованного Октавиану не ранее осени 33 г. из Сирии.

“С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, — да и не все ли равно в конце концов, где и с кем ты путаешься” (Светоний “Авг.”69).

Светоний не совсем прав, называя это письмо дружеским, и совсем не прав, помечая оное временем, когда между диархами не было ни тайной, ни явной вражды. Грубоватый солдафонский колорит этого писаного как бы валяжным тузом письмеца “товарищески” обманчив, но указание на “девятилетнюю” связь с царицей выдает время и тайной, и явной вражды. Соединительная встреча Антония и Клеопатры произошла летом 41 г. в Тарсе; следовательно, 9-й год их связи, некорректно перевоспроизведенный Светонием как 9 лет, начался лишь летом 33 г. до н.э.

Частная корреспонденция триумвиров, должно быть, прервалась с момента оскорбительного отвода, данного Антонием Октавии в 35 г., и возобновилась уже в виде взаимной перебранки в 33 г. Антоний не может не знать, почему Октавиан настолько серьезно взъелся и валяет дурака, акцентируя беспочвенность обвинений антагониста на своей вовсе не вчерашней бигамии.

Кстати, в 40-38 гг. 23-25-летний Цезарь Миног действительно впадал в разврат и возглавлял, играя в Аполлона, вакханально-скандальное “пиршество 12 богов”, бывшее у всех на устах. Однако, он остепенился даже раньше срока, всего в 30 молодых лет, тогда как Антоний продолжал оставаться дураком-переростком аж в 50-летнем возрасте.

Осенью 33 г. из Сирии отплыл в Рим свежeproинструированный патроном и свояком Домиций Агенобарб. Он и Г.Сосий, два антонианца, готовились сделаться консулами 1 января. На 1 февраля 32 г. была назначена атака Сосия в сенате.

Клеоптриды-Антониды прибыли в Эфес с опозданием, в декабре. Возможно, они использовали вполне благоприятные для гребного флота “дни моря без ветров” в период зимнего солнцестояния или доплыли морем из Лаодикии до Памфилии и преодолели остаток пути по суше. Задержка в Сирии была обусловлена неотложными делами. Часть флота и приведенные Канидием из Армении легионы находились в районе Эфеса с осени. Прибытие союзных династов и подход прочих как военно-морских, так и военно-сухопутных соединений в Ионику ожидались весной.

* * *

Тем временем вернувшийся, к досаде недругов, в Иудею по-прежнему царем Ирод сразу столкнулся с семейными трудностями.

Его сестра Саломия обвинила своего мужа Иосифа в сожительстве с Мариамной. Яростная ревность захлестнула существо царя. Любовый вопрос Мариамне и ее клятвы верности, казалось, разрядили напряженность — оба

расплакались и заключили друг друга в объятия. Из рассказа Флавия (15,3,9) видно, что Мариамна не изначально ненавидела супруга и даже на коротком этапе пыталась склониться к нему сердцем. (В 33 г. у них родился второй сын – Аристовул.) Под конец сцены она в порыве откровения не удержалась и с горьким упреком сказала: “Однако, все не доказательство твоей любви то, что ты приказал сделать, если бы погиб от руки Антония, а именно, чтобы и я безвинно погибла.” Кровь ударила Ироду в голову, он принялся рвать на себе волосы: никогда-де Иосиф не проговорился бы о тайном поручении, не установись у него слишком близкие отношения к Мариамне. “В таком состоянии царь чуть не убил жену; но и на этот раз любовь к ней осилила порыв его и он сдержался, хотя это стоило ему громадных усилий. Вместе с тем он, даже не повидав Иосифа, приказал казнить его; Александру же, как виновницу всего несчастья, приказал заключить в темницу.”

Думается, что темница Александры была вызвана прежде всего направленной ею Клеопатре вестью о гибели Аристовула, и протомилась царская теща в застенке наверняка недолго. Гнев зятя поостыл, рассудок взял верх, политическая осторожность, осмотрительность и любовь к жене одолели. На сей раз худшего удалось избежать.

* * *

Весь 33 г. до н.э. в Риме шло усиленное городское строительство.

Консуляр М.Агриппа сделался на удивление многим курульным эдилом, т.е. облек стартовую, гораздо более нижнюю в *cursus honorum** магистратуру, чем оставленное им позади консульство. В обязанности выборных должностных лиц, эдилов, входило наблюдение за общественными зданиями и храмами, продовольственное снабжение города, обеспечение общественного порядка и т.п. Эдильство давало вернейшему из младоцезарянцев возможность развернуть многогранную созидательную деятельность на различных столичных поприщах и тем способствовать как общему процветанию народа квиритов, так и укреплению политических позиций Октавиана, росту популярности вождя-триумвира и всей партии Цезаря II в противовес посягательствам Антония.

Если в 35/34 гг. Випсаний, приняв участие в Иллирийских кампаниях, взялся, прибыв в Рим, осенью 34 г. за ремонт водопровода *aqua Marcia*, то в год эдильства он побил взятыми на себя инициативами все мыслимые рекорды. Улицы, общественные здания, водоснабжение, бани, зрелища – вот далеко не полный перечень пущенных в ход с утроенной энергией строительно-ремонтных предприятий и разносторонних мероприятий Агриппы. Наряду с доведением до победного конца ремонта Марциева водопровода, подпали реконструкции водопроводы Аппиев, Аниев и Юлиев (Плиний 36,121); Фронтин “Вода для Рима” (9). По итогам начатых в 721 г. а.У. работ Рим получил 700 цистерн-водосборников, 130 резервуаров, 500

* Порядок поступенчатого облечения римлянами различных магистратур; послужной список.

украшенных фигурами из бронзы и мрамора фонтанов. Вода стала поступать в отдельные жилые дома, 70 городских бань были предоставлены гражданам на протяжении 12 месяцев в безвозмездное пользование; бесплатные раздачи оливкового масла, соли, продуктов питания и одежды неоднократно повторялись.

Подземные каналы для стока нечистот – центральная канализационная система Рима *cloaca Maxima* подверглась тотальной очистке и приведению в потребный вид с судходным выходом в Тибр. Число дней, в которые римляне вкушали данные Агриппой игры и другие зрелищные представления, составило в сумме 59. Во время игр раздавались денежные премии, подарки, разыгрывались богатые призы; оплаченные брадобреи обслуживали публику.

Понятно, что в 33 г. римский люд мог удовлетворить свою всегдашнюю охоту к хлебу и зрелищам сполна. При всем том Агриппа максимально шадил казенные деньги, щедро расходуя собственные. Он располагал крупными доходами от обширных земельных угодий в Сицилии, мало того, имел тестем философа и Ротшильда древнего мира – Помпония Аттика.

Помимо перечисленных лично-партийно-должностных деяний во благо народа, строгий эдил распорядился о высылке из Вечного города всех астрологов и чародеев. Ныне, в свете эскалирующей борьбы между Западом и Востоком, Запад особенно нуждался в ставке на рассудочную трезвость. Разум и воля противостояли чародейскому фатализму. Долой ориентальную агентуру из Рима! Пусть астрологией и магией тешатся в декадентном Египте!

Множество персон перебивали в 33 г., в год эпонимии Цезаря Меньшого, суффектными консулами. Сам триумвир Цезарь руководил государством, выступал в сенате, в народном собрании, писал Антонию, соорудил на средства от Далмацкой войны Октавиев портик и поместил в нем посвященную сестре Октавии публичную библиотеку. (Римская *весталка* – хранительница домашнего очага, противопоставлялась египетской *вакханке*.)

Вследствие смерти одного из преторов в последний день года 31 декабря, Октавиан, соблюдая уставной республиканский порядок, назначил ему на несколько часов преемника.

* * *

1 января 32 г. до н.э. = 722 г. а.У. в консульство вступили отъявленные антонианцы Гн.Домиций Агенобарб и Г.Сосий.

То, что они были запрограммированы на решительные переломные действия в пользу Антония, эвидентно. Тем не менее, утверждение Диона (50, 2), на кого опираются многие современные историки, будто экспансивный Сосий в первый же день года перешел в буйную парламентскую атаку, не проходит с порога. Дион допускает ряд грубых неувязок-анахронизмов: повествует о назначенном Октавианом 31 декабря однодневном преторе (49,43) и констатирует заведомый отъезд Октавиана из Рима (50,2) перед воинственным якобы первоянварским выступлением Сосия. Неужели Октавиан, чинно назначив в последний день уходящего года витринного эрзац-претора, бросился, сломя голову и на ночь глядя, в самую новогоднюю

ночь, вон из Рима, чтобы не внимать поутру опасному *деду Морозу* Сосию? Никак нет. Цезарь II не любил суетиться и покинул Рим безо всякой спешки. Вывод: дата Сосиевой эскапады – не 1 января.

Но сим возражения Диону посредством самого Диона не исчерпываются, ибо в 49-й книге “Римской истории”, следом за рассказом о декларативно-территориальных актах Антония в Александрии осенью 34 г. ясно сказано о последующем направлении Антонием этих актов для сенатской ратификации в Рим. “Однако – сообщает Дион – ничего не было предано гласности, поскольку тогдашние консулы Домиций и Сосий отказались, невзирая на нажим со стороны Цезаря, обнародовать антонианское послание. В ответ Цезарь добился необнародования Антониевых реляций об Армении и Артавазде...” (49,41). Когда консулы отказались предать гласности официальный документ? когда на них оказывалось давление? Ведь, если Сосий объявил Октавиану бескомпромиссную парламентскую войну уже 1 января, то означенные события, произошедшие, сообразно Диону, в год консульства Домиция и Сосия, за отсутствием времени просто некуда деть, негде примостить. Значит, январь 32 г. ушел на кулуарную оттяжку конфронтационной бури, которая разразилась 1 февраля.

Соответственно древнему обычаю, два римских консула председательствовали в сенате поочередно, сменяя друг друга каждый месяц. Изрядно подзабытый *turnus* снова возобновил Юлий Цезарь (Светоний “Цез.”20), причем право председательского первенства при вступлении равноправных магистратов в должность принадлежало более старшему, более опытному из двоих, тому, кто значится в дошедших до нас консульских списках первым. Во всех сохранившихся календарных *Fasti* и в хрониках, в т.ч. в списках консулов, приводимых Дионом, Домиций Агенобарб фигурирует первым, т.е. в январе председательствовал он, а не Сосий. И Дион сам говорит (50,2) о непредприятии многоопытным, пережившим не одно разочарование Домицием (в отличие от чуждого пока неудачам Сосия) каких-либо “попыток переворота”.

Итак, 1 февраля председательская смена произошла. Октавиан, предвидя развитие сюжета, не только не явился в сенат, но заблаговременно покинул город и находился где-то на окрестной вилле, готовясь дать египетской диверсии достойный отпор. Между тем, Сосий обрушился на него как на узурпатора и душителя демократии в сенате, противопоставляя бессовестному диктатору принципиального демократа Антония. Антоний писал соотечественникам о готовности сложить триумvirат и вернуть всю полноту власти сенату с народом, требуя от Октавиана поступить сходно. Второй, не зачитанный Сосием документ предлагал совету старейшин (как бы взамен на возвращаемую свободу) ратифицировать все политические акты, декларированные в Александрии осенью 34 г. Несомненно, они были представлены в насколько возможно удобоваримом для римлян виде – под эгидой созидательно-творческого гения автократора Востока с перспективным вовлечением в новосозданную систему его детей и, вероятно, даже без упоминания в державном контексте имени Клеопатры. Послание декларировало, наряду с возрождением западно-республиканской, создание римской монархической, безусловно формально подотчетной сенату и народу

квиритов, системы в восточных пределах Imperium Romanum. Таким образом александрийский распорядитель “жертвенно” брал тяжелую династическую заботу о жухлом Востоке на себя и свое потомство, заново открывая Западу перекрытый тиранами Цезарями путь к народовластию и прогрессу; избавляя Запад от паскудных ориентальных сложностей; гарантируя Западу заградительный кордон против парфян и железное соблюдение римских интересов повсюду.

“Великодушным” жестом по так называемой реставрации погребенной Рубиконом Республики былой герой Филипп, в сущности, ничего не терял, будучи “царем царей” в Афро-Азии и персональным сорегентом в Египте, тогда как для Октавиана подобное сложение триумvirата в угоду коварному коллеге и республиканцам означало необратимый политический каюк. Впрочем, Антоний плутал и витал в собственных иллюзиях, неверно оценивая проведенную противоположной стороной за истекший год обработку общественного мнения. Александрийская начинка восточного пирога ни в каком виде не могла показаться квиритам съедобной. Не случайно Сосий, прибывший в столицу в 34 г. и знавший отечественную ситуацию много лучше, выполнил самовлюбленную директиву патрона лишь наполовину, громогласно обнародовав первый документ и расчетливо замолчал второй.

Расчет на блицуспех чуть не оправдался. Реанимация олигархической республики увиделась отцам нации настолько заманчивой, что герузия едва не приняла соответствующий консулт и одновременно репрессивные меры против “узурпатора”. Помешал умно предусмотренный старый республиканский механизм (напрочь горе-республиканцами запамätованный): народный трибун Ноний Балб наложил строго конституционное вето на юношеский порыв герузиархов и вместо позарез нужного антонианцам спонтанного мата получился унылый пат. Ни туда — ни сюда. В результате сенат разбрелся под шахом, дабы откликнуться к середине февраля на сборный зов *тирана Октавиана*.

* * *

Вернемся к ранее затронутому вопросу об истечении 31 декабря 32 г. второй триумvirальной пятилетки. Напомним, в “Деяниях”* Август вещает о собственном сочленстве в триумvirате по новоустроению государства “на протяжении 10 лет непрерывно”(2,7), разумея деценальный интервал 43-33 гг.; Аппиан (Иллир.28) доводит вторую пятилетку до конца 32 г. Так или иначе, разнородные источники свидетельствуют: Август замыкает в “М.А.” сочленскую десятилетку исходом 33 г., продолжает именоваться

* “Мои деяния” за авторством Августа были вырезаны на медных досках у входа в его мавзолей в Риме. До нас не дошли. В 1555 г. копия этих “Деяний” на латыни и греческом была обнаружена в посвященном Августу Анкирском (Анкара) храме.

Monumentum Ancyranum – “М.А.” или “Res gestae” (R.g.). См. Augustus “Meine Taten. Res gestae divi Augusti”. Lateinisch-griechisch-deutsch, Herausgegeben von E.Weber, Zürich 1999.

(нумизматически* и эпиграфически**) триумвиром в 32 г., но нигде не именуется данным титулом с 31 по 27 гг. до н.э. В чем дело?

Мизенская дезигнация, подтвержденная и прецизированная (с учетом отстранения С.Помпея и младопомпеянцев) в Таренте, предусматривала занятие консульств креатурами диархов и самими диархами в период 38-31 гг. Консульство 32 г. было заранее предоставлено Домицию и Сосию; консульство 31 г. — Антонию и Октавиану (см. Аппиан 5,73; Дион 50,10). Спрашивается: с какой стати, к чему дезигнировать выборных магистратов на 32/31 гг., если чрезвычайный триумвират вроде бы окончательно и полномерно истекает в 33 г.? Следовательно, и 32, и “венчальный” 31 гг. рассматривались еще у мыса Misenum, а главное, в Таренте, где триумвират был продлен, как годы переходного притриумвирального этапа перед пресловутым возвращением власти в обустроенном государстве сенату с народом. Вот о чем неуклюже толкует, перередергивая августейшую автобиографию, Аппиан: он ставит знак равенства между срочным периодом 38/37-33 гг. и сверхсрочно статуированным 32 г., не включая вместе с тем в общий счет также сверхсрочно статуированный 31 г., т.е. год никогда не состоявшегося совместного консульства Цезаря Минор и Антония.

Плюс к тому, немаловажно усвоить следующее: первая триумвиральная пятилетка истекла 31.12.38 г.; ее тарентское обновление случилось весной 37 г.; а сенатская легитимация итерации имела место позднее, предположительно, в 6-ю парадную годовщину *бесперывного* триумвирата, в день триумфа Вентидия 27 ноября 37 г. Можно побиться об заклад, что в акте посттарентской ратификации Тарента переходный этап специально оговаривался, подлежа впоследствии, в 33 г., дополнительному урегулированию на высшем уровне, т.е. с истечением 31 декабря 33 г. триумвиры не становились автоматически из магистратов тиранами.

Как мы выяснили, январь минул внешне спокойно: во всяком случае, никому не пришлось в голову обсуждать законность/незаконность триумвирата. И лишь 1 февраля рупорный Сосий заявил о готовности Антония добровольно, понимай досрочно, сложить чрезвычайную магистратуру, требуя от напарника того же.

Согласитесь, бессмысленно предлагать добровольное сложение временной диктатуры, срок которой сам собой истек. По Диону, Антоний кладет прекраснородушную самоотставку к стопам сената с народом в начале 32 г. (50,2), а позже, уже в разгар конфликта, снова обещает отказаться от, стало быть, все еще действенных особых полномочий (во имя дедовских свобод) спустя всего два месяца после скорой победы (50,7).

Резюмируем. Александрийский “царь царей” умышленно опережал и саботировал договорные события, думая застать врасплох и заматовать противника, натравив на него сенат и народ.

* V.Gardthausen “Augustus und seine Zeit” B.2,1, S.175, Leipzig 1891-1904.

** CIL: “Imp.Caesar cos.design.tert III vir r.p.c. iter. murrum turre sque fecit.”

Консулом-designatus III Октавиан был только в 32 г. между вторым и третьим консульствами 33 и 31 гг., т.е. из надписи бесспорно следует, что в 32 г. он продолжал официально именоваться итерированным триумвиром.

* * *

Взрыв сосианской бомбы нисколько не повредил Октавиану. До середины февраля он созвал совет старейшин, куда явился в окружении телохранителей и тайно вооруженных приверженцев из числа самих сенаторов и занял курульное кресло чрезвычайного главы государства между двумя консулами. Короче, он дал, приняв меры предосторожности, понять всем, кто есть кто, взял слово и произнес длинную направленную против Антония и Сосия самозащитно-обвинительную речь*. Никто, в частности, Сосий, не рискнул ни возразить, ни выступить с речью ответной. За сим оратор обещал предъявить на следующем заседании письменные доказательства антонианской вины/греховности и распустил смирных солидных герузиархов.

Но консулы не стали ждать: прихватив официальные документы, они в ближайшие дни дали деру на Восток, к шефу, в Эфес. В феврале и в марте за ними, никем не препятствуемые, проследовали около 300 сенаторов; свыше 700 остались Октавиану верны. Не рецидив, не продолжение гражданской войны, но схватка Рима и Египта, Запада и Востока — так он открыто квалифицировал новую стадию противоборства, “скрыто” вменив александрийскому автократу государственную измену.

Аналогично, кстати, считает и Аппиан, историк II в. н.э.: неспроста его “Гражданские войны” завершаются гибелью С.Помпея. Разве не верно? Ведь Акцийско-Александрийскую войну гражданской не назовешь.

* * *

В сложившейся обстановке консулам-антонианцам, по сути, ничего не оставалось делать, кроме как улепетывать**. Программа-максимум — устранить антагониста парламентским нахрапом — полетела вверх тормашками; программа-минимум — расколоть римлян на два лагеря — плохо ли? хорошо ли? — была выполнена. Игра в столице проиграна! здесь больше нечего ловить! Надо менять тактику. Все, кому дорого затасканное знамя квиригско-республиканской демократии, айда под антонианские знамена в Азию!

Западный мономир не счел целесообразным мешать чьему-либо отъезду за Адриатику. Более того, он сам постелил оппозиционерам дорогу скатертью — не оставайтесь, мол, надолго в Риме — это опасно! Маски прочь — маскарад кончился***. На войне — как на войне. Враги и *пятая колонна*, вон из Италии!

* Видимо, оставшееся за бортом дополнительное конституирование переходного этапа 32/31 гг. дало повод республиканцам инкриминировать, а фрондерам типа Поллиона прозрачно намекать на совершенный Октавианом гос. переворот. Однако, его вооруженное явление в сенат в феврале 32 г. — не путч и не 18 брюмера. Не Октавиан, а Антоний сделал неудачную попытку совершить гос. переворот.

** Беглецов заменили в консульстве суффекты Л.Корнелий и М.Мессала (не Корвин).

*** В январе 1655 г. О.Кромвель разогнал прозаседавшийся “долгий парламент” со словами: “Хорошего вы сделали слишком мало, а заседаете здесь слишком долго. Ради Бога, уходите!”

* * *

В марте 32 г. Антоний, реагируя на произошедшие перемены, учредил в Эфесе беглый контрсенат, чем уподобился Гн. Помпею, который в 49 г., бежав из Рима, заявил, что законная власть Рима находится там, где обретаются консулы и сенат. Одним словом, в Малой Азии возник альтернативный римско-республиканский парламент под крылом победителя Брута и Кассия при Филиппах.

Фараоны 30 династий до Ионики ни разу не добирались. Клеопатра добралась и в пику здравому смыслу, во вред себе, Антонию и так называемой республиканской партии закоролествовала тут сверх всякой меры. Подаренные ей супругом римские легионеры, эти свободнорожденные граждане, составили личную охрану венценосицы, чьи монаршие инициалы красовались на их щитах. Она сопровождала Антония на официальных мероприятиях, председательствовала вместе с ним в собраниях, появлялась возле него верхом на войсковых смотрах. Ее пышные носилки величественно проплывали между римскими боевыми штандартами, римские офицеры отдавали ей честь, римские сенаторы отвешивали ей поклоны и обращались к ней на ориентально-султанский манер: о Величайшая из величайших; Средоточие вселенной; Дочь Солнца и Луны...

Да — сокрушенно качали головами в Риме — такого позора наше отечество еще не знало! Римляне с ужасом рассказывали друг другу: однажды, потакая капризу Клеопатры, Антоний массирует ей ноги на званом обеде; он ходит за ее носилками пеший в обществе ее евнухов; он, римлянин, публично чтит в ней повелительницу и обязывает делать то же всех окружающих!

Будто в осмеяние римских традиций, ставка Антония и вправду называлась царским дворцом. Главком нахлобучил царскую диадему поверх тюрбана, одевался, как Гарун аль-Рашид, носил кривой восточный кинжал на боку, не переставал роскошествовать и бражничать. Процесс ориентализации личности закономерно кульминировал.

* * *

Весной в эфесской ставке разгорелся жаркий спор. Зная не по рассказам о настроениях в столице, Домиций Агенобарб, единственный римлянин-антонианец, демонстративно отказывавший Клеопатре в царских почестях, поставил вопрос о ее удалении в Египет: нехай едет домой и там спокойно дожидается исхода баталии, война-де не женское дело; т.е. пусть не компрометирует своим присутствием дело республиканцев. Домиция поддержали антонианцы с римскими паспортами, в том числе даже такие сервильные конформисты, как дядюшка Мунаций, племянник Тиций и К. Деллий. Верховный поддался было на настоятельные уговоры и робко предложил супруге дожидаться его с победой дома. Но она жутко страшилась очередного миротворчества Октавии и наняла за крупный бакшиш адвоката в лице Канидия, кто на военном совете сказал, что крайне несправедливо отстранять от войны государыню, внесшую в эту войну огромный вклад:

снабжение всей армии, 200 судов и 20 тысяч талантов. Далее, согласно Канидию, отъезд царицы деморализует египетские флотские команды и вообще непонятно, с чего бы ей не участвовать в кампании, в которой участвуют столько союзных династов?! Неужели владычица страны-на-Ниле, вот уже 20-й год мастерски управляющая Египтом, уступает кому-нибудь из них в способностях или в возможностях?!

Антоний захотел поверить в неопровержимость приведенной аргументации и поверил. Клеопатра осталась, мало того, допустила грубейший промах, начав клятвенно заявлять во всеуслышание, что она скажет еще свое вешнее слово с Капитолийского холма.

* * *

В апреле 32 г. александрийский двор перекочевал на Самос. И в Эфес, и сюда съезжались с воинскими подразделениями вассальные династы, везя богатые подношения и стараясь перешеголять один другого щедрыми взаимоугощениями. Среди них: Архелай Каппадокийский, Аминт Галатский, Митридат Коммагенский, Деиотар Пафлагонский, Таркондимот Киликийский, Ямвлих Эмесский, Садал и Роиметалк Фракийские. От числа снаряжителей боевых подразделений без личной явки Плутарх (Ант.61) верно называет Полемона Понтийского и Артавазда Мидийского, неверно — Ирода Иудейского, Малха Набатейского и непосредственного участника Акцийской войны — Аминта Галатского. Полемон и Артавазд, снарядив ратные контингенты в поход, сами остались блюсти интересы державы Клеопатридов-Антонидов на местах. Ирод повернул войско* против набатея Малха, который не только не послал рать в Ионику, но и просрочил по весне последний платежный срок и в реальности от Антония с Клеопатрой полуотпал, вследствие чего царю иудейскому надлежало призвать арабов мечом к порядку.

Обратимся к тексту “И.в.”: “В начале войны при Акциуме Ирод вместе с Антонием приготавливался к походу, так как теперь волнения в Иудее были вообще подавлены и даже Гиркания, где до тех пор держалась еще сестра Антигона, была также в его руках. Клеопатра сумела, однако, помешать Ироду разделять опасности войны вместе с Антонием. Она, как уже было замечено, имела свои корыстные виды на Ирода и аравийского царя, а потому она уговорила Антония поручить Ироду войну с аравитянами, рассчитывая на то, что, если Ирод победит, то она получит Аравию, а если он потерпит поражение, то ей достанется Иудея, и таким образом она одному из этих двух владетелей приготовит гибель чрез другого (1,19,1).

Как видим, в “Войне” об арабо-иудейской войне 32/31 гг. сказано в общем и упрощенно, хотя Клеопатра саморазоблачена, как “я — поганая Калина-царица”, предельно. В “Древностях”, где упор делается на задержку и невыплату Малхом арендной платы (15,4,4), дело представлено подробнее

* Представ перед победителем Октавианом весной 30 г. на Родосе, он скажет, что “посылал Антонию деньги и хлеб” (И.д.15,6,6), из чего следует неучастие иудейского воинского контингента в Акцийской войне.

и сложнее, точнее, чересчур заумно и сложно: Ирод хоть и идет воевать патрищей, наущаемый через Антония Клеопатрой, тем не менее, как бы максимально отстаивая собственные интересы; Малх, за кого он выступил поручителем, не платит арендные деньги с земель, отнятых Антонием для Клеопатры у арабов, но заарендованных почему-то, видишь ли, Иродом! Получается двойная-тройная аренда. С какой стати? Все обстояло гораздо проще: с Ирода взималась арендная плата за отошедшие к Клеопатре иудейские земли, с Малха — за набатейские; Ирод платил послушно и исправно, Малх — нет, и на весну 32 г., будучи незадолго до того вновь территориально ограблен, ни с грабежом, ни с грабительской платой мириться не захотел. Ирод же, облеченный в Лаодикие конкретным жандармским поручением и функциями, теперь собирался действовать, т.е. собиралась усмирить набатеев и вернуть их под клеопатринско-антонианскую десницу. Ставка Клеопатры на равнопогибельное стравливание династов, разумеется, верна, но не в ситуации 32 г., когда она загребала жар в аравийском вопросе Иродовыми руками (о чем впоследствии иродианская историография предпочла рассказать в более проиродианском виде). Не гоже было в *золотой век* выглядеть вышибалой при Клеопатре до неприличной степени.

В остальном Ироду, надо полагать, импонировало возложенное на него спец. задание. Вряд ли он слишком рвался отлучаться из Иудеи и вряд ли мечтал согеройствовать в схватке двух тигров, где всемирная корона китайского царя-обезьяны ему совсем не светила, наоборот, неясность исхода войны на западе таила в себе непредсказуемые опасности. Скорее, он отказался от услуг римского легиона в Палестине, во-первых, чувствуя себя уже достаточно уверенно в стране, во-вторых, обязавшись блюсти и соблюсти интересы патроната окрест исключительно своими силами. Его мнимое рвение воевать вместе с Антонием призвано выставить его в глазах современников и потомков краше и благороднее.

* * *

Между прочим, в “И.в.” есть важная хронологическая информация: еще в начале 32 г. в крепостной Гиркании, до падения взятой иродианцами штурмом (или измором) цитадели, держалась безымянная сестра царя Антигона. То, что речь идет о начальном годе войны при Аксиуме, датированной в “И.д.” (15,5,1) 187-й олимпиадой (32-28 гг. до н.э.) — вне сомнений. Возникает риторический вопрос: могла ли несчастная сестра Антигона держаться по окончании войны Ирода против Антигона в осажденной крепости более четырех лет — с 37 по 32 гг., если сам Антигон, согласно флавиевской и академической хронологии, продержался у власти в Иерусалиме всего три года — с 40 по 37 гг.?! Никким образом. Находившаяся лишь в 16-18км от Иерусалима (в направлении Мертвого моря) Гиркания, в дальнейшем Лубянка-Бастилия царя Ирода, не располагалась на отвесном плато высотой в 900 м над уровнем моря, подобно неприступной Масаде. И даже Масада продержалась после падения Иерусалима три года, а не свыше четырех лет. К тому же Гиркания была скрыта Габинием в 50-е и заново отстроена Иродом не ранее, чем в 20-е гг. I в. до н.э., т.е. по сос-

тоянию на 40-30-е годы она явно не представляла собой требующий много-летней осады бастион. Короче, мифическую “гирканскую оборону 37-32 гг.” просто смешно обсуждать всерьез*.

Иерусалим пал летом 34 г.; Гирканией Ирод овладел приблизительно полтора года спустя – в начале 32 г. И это вполне реально. Точка.

* * *

Сопутственно вассальным династам, в Самос стекались обязанные к тому служители муз – поэты, актеры, музыканты, жонглеры, певцы, танцоры. Дни и ночи напролет на веселом острове звучали флейты, раздавались струнные инструменты, шли театральные представления, совершались обильные возлияния и ритуальные жертвоприношения, курился ладан богам – земным и небесным. Изумленные островитяне вопросительно перешептывались: если так роскошно празднуется начало войны, то что будет в случае победы?

В мае передвижная главная ставка откочевала в Афины. Пир Валтасара продолжался. Расточительной щедростью Клеопатра тотчас пленила сердца афинян и удостоилась в ответ небывалого идолопоклонства, стремясь затмить пользовавшуюся здесь в 39-37 гг. всеобщей любовью Октавию. Антоний лично, как почетный гражданин Афин, возглавил уполномоченную горожанами на восславление царицы царич депутатую и произнес панегирическую речь в ее честь. Отсюда, из Афин, в июне, вероятно, во второй половине македонского месяца даисий (май-июнь)**, он послал по настоянию Клеопатры разводное письмо Октавии в Рим. Порученцы разводника заявили в его дом в Каринах с приказом очистить помещение. Октавия уходила в слезах, забрав с собой всех воспитуемых ею Антониевых детей, своих и не своих, горько сокрушаясь о своей невольной сопричастности к войне.

Публичная сцена возымела мощный гневно-согратательный резонанс. Акции александрийского гимнасиарха в столице-на-Тибре упали еще ниже. Клеопатра одолела соперницу как женщина, бездумно пожертвовав политическими резонами. Ей-то простительно, а вот чем думал претендующий на державное верховенство политик подле нее? Официально-скандальным разрывом с Октавией он в восприятии многих и многих римлян вызывающе транспарировал окончательный развод с Римом, с римским прошлым. Не случайно Дион (50,3) и Орозий (6,19) инкриминируют факт объявления

* Если Шюрер этот вопиющий нонсенс просто не замечает, то Отто (41), чтобы как-нибудь сгладить его, полагает, будто промаккавейские элементы во главе с сестрой Антигона захватили Гирканию в результате поднятого ими восстания уже после падения Иерусалима (37 г.) и держались там до 33 г. Однако, из текста “И.в.” (1,19,1) предельно ясно следует никакое не восстание оппозиции в период после завоевания Иерусалима, о чем у Флавия нет ни слова, но именно продолжение сопротивления сестрой Антигона в Гиркании, падение которой имело место в год начала Акцийской войны, т.е. не в 33, а в 32 гг. до н.э.

** Месяц даисий указан в “Хронике” Евсевия не у Иеронима и не в армянском переводе “Хроники”, но со слов Георгия Синкела (140).

войны, в связке с разводным письмом, именно Антонию. Симптоматично и то, что именно после этого письма на горизонте замелькали первые перебежчики. В июне-июле 32 г. к Октавиану переметнулись дядюшка Мунаций и племянник Тиций. Повод – оскорбительное обхождение Клеопатры в отместку за их недавнюю позицию на эфесском военном совете; причина – проницательность битых родственничков, вовремя понявших чьи шансы предпочтительнее. Причем оба сиганули не пустопорожними, но при ценных сведениях о депонированном у девственных весталок завещании М.Антония, которое они сами, как свидетели, печатно заверили.

* * *

Документы, сданные на хранение в храм Весты, пользовались статусом священной неприкосновенности. Требование диктатора выдать антонианское завещание весталки твердо отклонили, сказав: войди и возьми сам. Он вошел и взял.

Кошунство вызвало естественную волну возмущения, враз преобразенную скорым оглашением криминально изъятого тестаменты: последнее разрилось девятибалльной бурей уже не по адресу взломщика. Экспропрированный компромат содержал, соответственно Диону (50,3), три особо возмутительных пункта: 1.признание Цезариона законным сыном и наследником Цезаря; 2.презентацию территориального передела в пользу Клеопатридов-Антонидов; 3.сенсационное для римлян распоряжение римлянина о собственных похоронах: даже в случае своей смерти в Риме, Антоний завещал пронести мертвое тело через Форум и отослать в Александрию, дабы обрести вечный мумифицированный покой возле Клеопатры, независимо от того, суждено ли ему ее пережить или нет.

Третий пункт потряс Рим, перекрыв два первых, муссировавшихся давно. Какие еще нужны доказательства? Желать погребения вне Рима!!! Ни один из потомков Ромула не опускался до этого. Он хочет перенести столицу в Александрию! он хочет бросить Вечный город к стопам чужеземки! он полон решимости погубить народ квиритов! Только изменник или безумец способен на такое!

Вопрос мгновенно выхлестнулся из сенатской курии на всенародный форум. Из низов раздался клич: к оружию, граждане! Низы побудили верхи возглавить национально-патриотический угар.

Так противоправное прижизненное обнародование последней воли покойного превращало александрийского автократора на римской родине в политический труп.

Однако, пока подожженный фитиль войны догорал, а пропаганда всю разработывала вариант одурманенного любовными зельями египетской фурии безумца, Антонию все-таки был предоставлен заключительный, больше символический, нежели практический, шанс одуматься. Дион (50,4) повествует о процедурном объявлении войны по возобновленному Октавианом древнему фециальному обряду, тогда как у Плутарха между сообщением о вскрытии завещания (Ант.58) и констатацией объявления войны Цезарем (Ант.60) говорится об откомандировании симпатизантами Антония в Афи-

ны из Рима дипломатического курьера Геминия (Ант.59). Скомбинируем информацию классиков.

Дело в том, что фециальный обряд предусматривал срок в 30-33 дня от предъявления ультиматума до торжественного провозглашения состояния войны. Ответственная за соблюдение норм международного права жрецкая коллегия – фециат, насчитывала 20 человек. Полномочные жрецы направлялись к ближней границе противника, расположенной во дни нахождения города-государства на сопредельных холмах, под боком, и требовали сатисфакции (выдачи виновных, компенсации за причиненный ущерб и т.д.). Каждые десять дней ритуал (итого три раза) повторялся. Невыполнение ультиматума приводило к дип. разрыву и к обнажению мечей спустя, соответственно, 30-33 дня. При этом жрец-фециал метал, громко призывая Марса Копьеносного (Квирина), окропленное кровью жертвенного животного копье через вражескую границу.

В 32 г. до н.э. сакральные 30-33 дня ушли, в частности, на последовавшую не без ведома Октавиана поездку Геминия в Афины. Клеопатре незваный гость сразу же показался подозрительным и она не допустила разговора мужей наедине. Пришлось Геминию, мирясь с агрессивным негостеприимством, во-первых, унижительно ждать высочайшей аудиенции, во-вторых, не дожидаться и открывать карты на очередном пиру, притом в ответ на насмешливый царицын запрос: выкладывай, мол, зачем приехал? И он, предъявляя оригинальный фециальный ультиматум, выложил: “Все может сложиться благополучно, если Клеопатра отбудет в Египет.” Антоний разъярился. Царица, ответствуя вместо него, похвалила незадачливого коммивояжера за чистосердечное признание без применения пытки. И Геминий уехал, вернее, унес ноги ни с чем. Все дипломатические мосты рухнули.

* * *

Сим потенция гражданского конфликта была идеологически исчерпана. Одновременно пропагандистская катушка раскрутила образ внешнего врага до белого каления. Еще в 33 г. за памфлетное перо взялись и преуспевали такие искусные мастера борзописания как (бывшие антонианцы) Валерий Мессала и Азиний Поллион. Хотя Поллион лишь до определенной степени: воевать против Антония не пером, но оружием он отказался*. В сенате, где гневные выступления не прекращались, особенно усердствовали опять-таки позавчерашние и вчерашние антонианцы: Кальвизий Сабин и Мунаций Планк. С высокой трибуны рассказывалось о расточительно-развратных шабашах и об ограблении малоазийских городов: 200 тысяч фолиантов всемирно известной Пергамской библиотеки, скульптуры Мирона, полотна знаменитых художников, другие произведения искусства – все это, будучи

* Соответственно Веллею (2,86), в ответ на призыв Октавиана встать под боевые знамена Поллион сказал ему: “Услуги, оказанные мною Антонию, весьма значительны; знаки его благосклонности ко мне слишком хорошо известны. Поэтому я хочу остаться в стороне от вашего спора и достаться в качестве приза победителю.”

подарено Клеопатре Антонием, уплыло в Египет. Однажды произнесенная Мунацием тирада оказалась настолько длинной и разоблачительно наспигованной пикантными подробностями, что ярые антиантонианцы и те заморщились. А сенатор Г.Копоний, чья жена, спасая мужа в дни проскрипций, жертвенно отдалась Антонию, не удержался и заорал Мунацию с места: “О Геркулес Антоний слишком много потерял с тех пор, как ты его покинул!” Затем вынырнули и закурсивали ветеранские показания личного друга Ю.Цезаря Г.Оппия по делу Цезариона. Притязая на абсолютную компетентность, Оппий клятвенно отказывал Цезариону в зачатии от божественного Юлия*.

В итоге, не ранее августа-сентября 32 г. объявление войны Клеопатре и Египту воспоследовало. Сообщество бесстрашных мужей римлян объявило войну женщине. “Прелюбодетельного похотливца и полубезумца” Антония негражданская война расчетливо обошла молчанием. Тем самым антонианцы из числа римских граждан вежливо приглашались к перемене лагеря. О лишенном всех занимаемых постов и предстоящего консульства Антонии Октавиан заявил в сенате, что он невменяем, что он во власти наркотических чар и что в стане врага всем заправляет придворная камарилья: главный евнух-везирь Мардион, плюс любимые рабыни Клеопатры Шармион и Ирас.

* * *

Установленный не то Туллом Гостилием, не то Анком Марцием фециальный обряд был под предводительством Цезаря Миног скрупулезно разыгран. К чужим границам владевшие половиной мира римляне уже давно не ходили (и часто воюя, об обряде в I в. до н.э. забыли). Со времен войн против Пирра из Эпира, на Марсовом поле, возле храма богини войны Беллоны, стояла колонна (columna bellum) – символ пограничного столба, откуда фециал метал окровавленное копье на воображаемую территорию противника. Цезарь II произнес ритуальную формулу в храме, обмакнул металлический наконечник в кровь заколотой на алтаре свиньи и копье полетело “в Египет”. *Томогавок войны* вырыл, уступая Клеопатре, Антоний; *копьем* распорядился Октавиан.

* Антоний – и того хлеше – заявлял, согласно Светонию (Авг.68), что свое усыновление Октавиан купил у Цезаря позорной гомосексуальной ценой; что он (Авг.63) предлагал свою малолетнюю дочь Юлию, помолвка которой с сыном Антония Антиллом в конфликтных условиях расстроилась, вождю даков Котизону и просил взамен для себя, в качестве то ли второй жены, то ли наложницы, дочь Котизона. А один из убийц Цезаря – сенатор и ядовитый литератор Кассий Пармский писал Октавиану, подвизаясь на службе у Антония в Афинах: “Мать твоя выпечена из муки самого грубого арицийского помола, а замесил ее грязными от лихоимства руками нерулонский меняла.” Атия – дочь М.Атия Балба и сестры Цезаря Юлии происходила по отцу из Ариции: отец Октавиана Г.Октавий занимался обычным для всадников ростовщичеством (см.Светоний “Авг.”3).

Во весь период с весны до осени 32 г., параллельно холодной войне нервов, сухопутные и военно-морские силы противников медленно сближались, занимая позиции по обе стороны от разделительной средиземноморской линии фронта в заливах и в портах, вдоль италийского и балканского побережий, на островах и в Африке. Октавиана наиболее беспокоила консолидация Италии и Запада и он не был заинтересован в форсировании боевых действий. С одной стороны, вызванное непопулярным призраком реанимации гражданской войны смятение умов и чувств следовало основательнее направить в нужное руло, с другой — взвинчивание поборов и податей на покрытие военных нужд привело к вспышкам протеста среди населения и на стабилизацию обстановки нужно было время. Впрочем, поборно-податные волнения относительно быстро улеглись, надежды и денежные ассигнования антонианцев на италийское восстание недовольных не оправдались. Служба безопасности не дремала, настоящей повстанческой базой на Апеннинах Восток не располагал.

Италия и провинции Запада — Галлия, Испания, Иллирик, Африка, Мавритания, Сардиния и Сицилия — присягнули Октавиану на верность.

Выставленные им для ведения войны вооруженные силы Плутарх (Ант.61) исчисляет в 80 тыс. пехоты, 12 тыс. кавалерии и 250 боевых судов, т.е., если принять, что источник Плутарха округляет легион до 4 тыс. человек личного состава, то речь идет максимум о 20 легионах, но укомплектованных римскими гражданами, в высшей степени боеспособных и первоначально оснащенных (из общего числа в 45/46 октавиановских легионов).

Остальные легионы стояли для поддержания порядка и в резерве как в Италии, так и в перечисленных западных провинциях, где не утихла борьба против местных инсургентов и пограничных кочевников, о чем свидетельствуют три отпразднованных в 33/32 г. триумфа: два испанских — А.Клавдия Пульхра и Марция Филиппа, и один африканский — Л.Корнифиция. Правда, Октавиан в любом случае не стремился к численному превосходству ни на суше, ни на море, имея при себе выдающегося флотоводца Агриппу и думая воевать не числом, а умением. И потом, Западу досталась гораздо более выгодная в сравнении с противником диспозиция: никаких передвижений крупных флотско-армейских сил на дальние расстояния, никаких растянутых коммуникаций, отсутствие продовольственных проблем, плотный короткий фронт. Сильные гарнизоны несли вахту в наглухо прикрытых с моря и суши портах концентрации флота — Брундизи и Тарент; крепкая береговая линия обороны протянулась по Апулии, Калабрии и Лукании; резервная армия стационарировалась в Далмации; достаточное количество воинских соединений защищали Сицилию от десанта и Африку от вторжения из Кирены.

Армия Антония включала, согласно тому же Плутарху, 100 тыс. пехотинцев, 12 тысяч конницы и 500 кораблей (+300 транспортных), причем, не считая формирований вассальных династов, численность которых, учитывая длинную вереницу вышеназванных вассалов, вряд ли составляла меньше 50-60 тысяч человек. И Кромайер (33,54,66) напрасно приписывает

Плутарху “ясный” инклюзивный счет: во-первых, из игнорирующего войсковое число союзников плутарховского текста такой вывод не следует; во-вторых, неспроста Дион (50,7) яснее ясного указывает на значительное численное превосходство антонианской армии. Т.е. задействованные на театре военных действий силы Востока превосходили силы Запада вдвое. 100 тысяч пехоты составляли 24 подкомандных Антонию фронтовых легиона; еще 4 легиона находились, согласно Орозию (6,19), в Кирене; прочие стояли (оптимально): 3 резервных в Египте, по 2 в Армении и в Сирии. Третий резервный египетский легион, вероятно, был передислоцирован на Нил из-под Иерусалима. Про Армению Дион (49,44) сообщает, что Артавазд Мидийский успешно противостоял Арташесу Армянскому и парфянам, (надо понимать, в 32/31 гг.), опираясь на оставленных ему в поддержку римлян до их (постакцийского) отзыва Антонием.

Касательно флотских команд — число антонианцев, по Кромайеру (33,54), доходило до 150 тыс. Сократим наполовину и получим число октавиановцев: около 75 тыс. Но команды Октавиана состояли из классно обученных Агриппой моряков и гребцов, тогда как громоздкой армаде Антония с ее восьмиремами и дециремами гребцов катастрофически не хватало и капитаны, выполняя приказ Верховного, приступили к мобилизации на греческой земле кого угодно: крестьян, странников, бродяг, погонщиков мулов. На объявление в августе/сентябре войны Египту и на решения Рима в его адрес экс-триумвир отреагировал заявлением о неприемлемости каких-либо переговоров и о своем непоколебимом намерении вернуть через два месяца после победы всю власть сенату с народом. Лишь настойчивые уговоры соратников убедили свежеепеченного республиканца согласиться начальствовать хотя бы шесть послепобедно-переходных месяцев.

Отгуляв павлином в Афинах, он направился, неразлучно сопровождаемый Клеопатрой, в расположение флота и войск. До конца октября боевые силы Востока рассредоточились на территории от острова Корфу по эпирскому, акарнанскому и пелопоннесскому берегу до Метоны. Флот устроился зимовать в Амбракийском и Коринфском заливах, частично бросил вахтенные якоря в удобных бухтах островов Лефкас, Кефалиния, Зикинф.

К зиме начались трудности со снабжением. Штормовая погода прервала подвоз провианта из Египта. Запад Греции был в те времена беден, слабо заселен и худо возделан. Реквизиционные мероприятия больно задели местное население. Полуголодные желудки и длительное бездействие разлагали уставшую еще до вступления в бой армию.

В ноябре 32 г. Антоний, Клеопатра, так называемая республиканская ставка и александрийский двор осели на зимовье в Патрах.

* * *

Плутарх (Ант.58) приводит как бы общеизвестный упрек Антонию, в силу которого он роковым для себя образом опоздал с началом военных действий, не сумел-де воспользоваться слабой подготовленностью и внутренними трудностями Октавиана в 32 г. Упрек в плутарховском смысле обоснователен, сродни легендарному рассказу Диона (50,9) о несостояв-

шешся якобы из-за недоразумения, позднеосеннем антонианском десанте в Италию. Занятие антонианцами исходных боевых позиций завершилось только осенью 32 г. Они не могли атаковать Италию с налета: бурная осень не время для крупного морского десанта, а итальянский берег зорко охранялся. На переправу и подход армии и флота из Малой Азии к прибрежной линии фронта вдоль западной Греции ушло много времени.

Однако, возникновение приводимых Плутархом или Дионом упреков и небылиц исходит из самого генезиса конфликта, из непонимания, либо недопонимания уже в древности общей медлительности и крайней нерешительности того, кто, проявив инициативу, последовательно выпускал ее из рук. К примеру: дал летом 33 г. сигнал к выступлению, приказал легионам двигаться из Армении на запад, а осенью писал Октавиану: “С чего ты озлобился?”; послал в начале лета 32 г. разводное письмо Октавии и тем то ли прямо, то ли косвенно объявил кому-то войну, а вроде и не объявил: ждал, когда объявят ему и, кажется, вовсе не помышлял о ратной активности, уповая на раскол в Риме. Высадка в Италии? Нет, он не тянул на жребий столь знатного калибра: чтобы пересечь Рубикон, надо быть Цезарем! Разве не Антоний прокламировал нападение (“иду на вы”) и переходил в оборону; бахвалился и стушевывался; делал шаг вперед и два шага назад; играл на отбой. Он не очень осознавал зачем воюет. Показателен следующий пример. Зимой 32/31 г. Октавиан выдвинул условия повесенной кампании: отдаление одной из сторон на расстояние дня верховой езды от берега и беспрепятственная высадка другой стороны для решающего сражения по истечении пяти дней. Сообразно Диону (50,9), герой Филипп не без усмешки уклонился: кто, мол, нас рассудит в случае вероломства одной из сторон; сообразно Плутарху (Ант.62), он возвестил о готовности драться при Фарсалах и померяться с Октавианом силами в бою один на один.

Гм! опять бравадный уклонизм посредством выдвигания невыполнимых контрусловий. Помпеянские позиции 49/48 гг. находились порядком севернее антонианских. Естественно, никто всерьез не помышлял менять фронт ради Фарсал. Да и кого, спрашивается, Антоний рвался там представлять, чью роль хотел сыграть? Помпея? Цезаря? Обоих сразу? Короче, если Фарсалы всплыли на волне карикатурного трепса, то вызов на единоборство был продиктован желанием публично и лично уязвить соперника. Возводивший родословную к Гераклу-Геркулесу “Дионис-Осирис” (или Челубей багатур), несмотря на свои 50 земных лет, был силен, как бык, и страшен в рукопашной*. 30-летний Октавиан не отличался ни крепким здоровьем, ни

* Полководец с шеєю короткой
Должен быть в любые времена,
Чтобы грудь почти от подбородка,
От затылка прямо, чтоб спина

На короткой незаметной шее
Голове удобнее сидеть
И душить значительно труднее,
И арканом не за что задеть...

(В.Высоцкий)

могучим телосложением, ни умением мастерски владеть различными видами оружия. Это был прежде всего великий политик всемирно-исторического значения. Это был истинный политический преемник Цезаря. И Цезарю не могли наследовать двое. “Боливар не выдержит двоих!”

На исходе I в. до н.э. время чудо-богатырей уже прошло, время средневековых рыцарей еще не наступило. В тогдашнем Риме-Мире один на один выходили смертно потешить публику цирковые гладиаторы. Разве Августу к лицу маска гладиатора? В истории одинаково пагубно опаздывать и вылезать наружу досрочно. Стать ее гением может лишь тот, кто приходит минута в минуту.

* * *

Весной 32 г. Ирод двинулся войной на арабов. Рассказ Флавия о ходе войны, сходно рассказу о ее предыстории, тенденциозен.

Версия “И.в.”. После взятия Иродом заложников и нападения на противника в районе трансйорданского Диосполиса следует выигранный иудеями, невзирая на храброе сопротивление врага, верховой бой. И далее: “Это поражение вызвало сильное волнение среди арабов: они собрались опять большими силами у Канафы в Келесирии и ожидали здесь иудеев. Прибыв туда со своим войском, Ирод намеревался вести войну со всей осторожностью и приказал прежде всего устроить укрепленный лагерь. Но солдаты его не хотели повиноваться. Поощренные первой победой они ударили по арабам и обратили их в бегство. Однако, при преследовании неприятеля Ироду подставлена была ловушка: Афинион, один из полководцев Клеопатры, его всегдашний враг, велел жителям Канафы напасть на него с тыла; это неожиданное нападение придало бодрость арабам; они повернулись лицом, выстроились опять в ряды и, обратив на неудобопроходимой усеянной камнями равнине войско Ирода в бегство, произвели здесь страшное побоище. Спасшиеся от смерти в сражении бежали в Ормизу; но и там они были настигнуты арабами, оцепившими их со всех сторон, и вместе со своим лагерем попали в их руки. Ирод хотя скоро после этого поражения и поспешил к ним на помощь, но было уже поздно. Только неповиновение офицеров причинило ему эту неудачу: если бы бой не начался так поспешно, Афинион не нашел бы случая для измены...” (1,19,2,3).

Генералиссимуса Ирода как будто не в чем обвинить. Вина с него заботливо и целиком снята: виноваты спешливые офицеры и солдаты; виноват преступно коварный и подлый стратег Клеопатры Афинион.

Версия “Древностей” в плане предательства Афиниона рельефнее и радикальнее. Ирод побеждает врага в ожесточенной битве у Диосполиса; потом в Канафе собирается огромное арабское войско; прибыв туда, царь иудейский намеревается разбить лагерь, но уступая настоятельному вдохновению подчиненных, начинает наступление; арабов обуревают ужас и они после недолгого сопротивления обращаются в бегство. Тут в дело вмешивается Афинион — издавна враждебный Ироду “военачальник над той частью Аравии, которой владела Клеопатра” (15,1,1); оказывается, он заведомо решил: 1. держаться в стороне, если победителями выйдут арабы;

2.напасть на иудеев со спины, если побеждать будут иудеи. И вот, когда иудеи успели утомиться, уже считая себя победителями, он внезапно напал на них и стал избивать.

Итак, в объективе две версии равнозначно полной полководческой безвинности Ирода и разнообразно поставленной во главу угла, опосредованной и непосредственной, виновности предателя Афиниона, причем в “И.д.” неприглядность Клеопатры вкупе с ее стратегом-наместником усугублена. Флавий в очередной раз некритично подошел к использованию проиудианского источника.

Попробуем выяснить, как дело выглядело в действительности. Сухой арендно-платежный отказ + территориальный саботаж непокорного Малха наносили прямой ущерб Клеопатре и она не могла в период Акцийской войны уполномочить Афиниона, вопреки собственным интересам, на сугубо антииудианскую (насколько явствует из “Древностей”) поддержку арабов. В 32/31 гг. не арабы, но Ирод был естественным союзником Клеопатры, однако флавиевский источник *златовековых* времен хочет обязательно выставить ее его завсегдашне-злющим первоврагом, а арабов менее благонадежными, чем Ирод, союзниками Рима. Афинион мог самое большее не прийти своевременно Ироду на выручку или остаться при сомнительном раскладе нейтральным, но помочь арабам разбить Ирода, более того, нанести решающий удар, он ни под каким соусом не мог.

Вывод: Ирод проиграл арабам кампанию 32 г. по своей полководческой вине; излишняя пылкость солдат и офицеров (если таковая имела место), т.н. побочных виновников поражения, здесь вторична. За недочеты и провал предпринятой кампании отвечает главком, и скорее, не солдатам с офицерами, а ему победа показалась легко достижимой, что в результате повлекло за собой тяжелое, но не катастрофическое поражение. Война затянулась.

“Впрочем, арабам приходилось горько расплачиваться за свою однократную победу, ибо Ирод мстил им частыми опустошительными набегами на их владения...” (И.в.1,19,3). “При этом он располагал станом на горах, но воздерживался от открытого боя. Беспokoя и расстраивая врагов своими всячески исправит урон, нанесенный его воинам...” (И.д.15,5,1).

Проигравшей стороне пришлось отступить, изменить тактику ведения войны и, восполняя потери, восстанавливая боевой дух, готовиться к решительному реваншу в следующем году.

* * *

1 января 31 г. до н.э. = 723 г. а.У. в консульство вступили Г.Цезарь Октавиан и М.Валерий Мессала Корвин. Так, экс-антонианцу Мессале выпало облечь последнее из 8 мизенско-тарентских — плановое консульство, отобранное у Антония. Став в 31 г. консулом III и обновляя выборную магистратуру на протяжении восьми последующих лет ежегодно, Октавиан сложил и отбросил за дальнейшей ненадобностью титул триумвира-моновира, как отработанный шлак. Он не был юридическим узурпатором, отпра-

ляя в 32 г. триумвиральную власть переходного периода, и тем паче, не сделался узурпатором, переключившись в 31 г. на власть консульскую. В Риме куда приличнее и безопаснее быть (или слыть) диархом-консулом, нежели монархом-тираном: законное парное *dua* не притязает в глазах общественного мнения на преступное единовластное *mono*. До принципата (27 г. до н.э.) и бессрочного вождистского трибуната-потестата при принципате (23 г.), причем опять-таки без *mono*, и Октавиану, и римлянам предстояло дорасти поэтапно.

* * *

Еще в ходе зимы западный флот вышел в открытое море и направился к острову Керкира (Корфу), чтобы неожиданно овладеть им, как базой для операций против антонианских кораблей в Амбракийском заливе, однако, повернул назад из-за шторма.

В то же время Антоний праздно и сладко зимовал в Патрах, не торопясь действовать ни зимой, ни по весне. Его во многом силком собранные флотские команды пролежали всю зиму без движения в удобных бухтах, мало заботясь о приобретении военно-морских навыков, но зато неудержимо сокращаясь от эпидемий и дезертирства.

С весной быстроходные либурны Агриппы засновали по Ионике, устраивая пиратские налеты на греческое побережье и острова Ионического архипелага, перехватывая транспортно-продовольственные суда из Египта и Сирии, сея неразбериху и панику в рядах противника. Сам Агриппа ошеломительным налетом захватил на юго-западной оконечности Пелопоннеса Метону — важный перевалочный пункт на морском пути с Востока к местам дислокации антонианских армии и флота в западной Греции*. Впрочем, захват этой поверженной в штурмовой атаке цитадели являлся прежде всего хитрым тактическим маневром, призванным отвлечь посредством шумового эффекта внимание противника на юг ради великоармейского десанта на севере. От Метоны, где расположился сильный октавиановский гарнизон, гроссадмирал двинул северным курсом вдоль берега и произвел ряд впечатляющих высадок.

Виртуозно провернутый трюк принес полный успех. Во-первых, патраская ставка не ожидала столь дерзкого нападения на юге, во-вторых, будучи сбита мастерски поднятым Агриппой шумом с толку, в угрозу крупного южного десанта поверила и суетно принялась таковой предотвращать. Тем временем Цезарь II, сконцентрировав 80 тысяч легионеров, 12 тысяч конницы, костяк флота, множество сенаторов и всадников в Брундиизи, ждал сигнала. Дион лаконично замечает (50,11), что приштабной сбор большого числа герузиархов объяснялся стремлением Верховного обезопаситься от возможных мятежников в Вечном городе на время собственного походного отсутствия.

* Портово-крепостную Метону защищал и погиб при ее падении мавританский династ Богуд, изгнанный из своего отечества и подвизавшийся у Антония с 38 г. до н.э.

Получив условленный сигнал, вышедшая из Брундизи эскадра пересекла море и пристала к противоположному берегу у подножья Акрокеравнийских гор, в Эпире, куда вражеские посты, кончаясь Керкирой, не дотягивались. Сухопутный адмирал Антоний изначально недооценил охватную широту инициатив Октавиана, мало того, выведенный метонским маневром из равновесия, вообще пренебрег “дальним севером”. Таким образом, высадка римлян на Балканах в Акцииской кампании беспрепятственно совершилась. По ее осуществлении Октавиан во главе флота незамедлительно занял Керкиру и повстречал тут Агриппу, кто благополучно уйдя от погони, подошел к острову с юга. Армия высадки ускоренно выступила из района Палеримо на юго-восток и через три дня вошла в Торин.

Лишь теперь все еще сосредоточенный на агриппианском сюрпризе нерасторопный распорядитель Востока внял сногшибательному донесению о появлении и местонахождении всего неприятельского воинства. Застигнутые врасплох патрасцы неописуемо взволновались, притом волнение охватило всех, кроме Клеопатры: она весело подшучивала над мужами-военачальниками, призывая не преувеличивать значение случившегося. Антонианцы впопыхах побросали перегретые зимние квартиры и рванули к горячей точке. Царица с внушительной обслугой из рабынь и евнухов сопровождала, замедляя передвижение, армию.

Флот Антония оттянулся от Акарнанского берега в Амбракийский и Коринфский заливы, удерживая также острова Лэфкас, Кефалинию и Зикинф. Подкомандные Октавиану суда уже 3/4 дня дежурили боевым строем у входа в водное пространство Амбракии, когда запыхавшийся Антоний наконец-то приспел сюда и разбил лагерь на северной окраине Акарнании — мысе Акции. Октавиан в свою очередь расположился лагерем на эпирской высоте (158 м) Микалицы, возле места, где позднее он в ознаменование Акцииской победы основал город Никополь. Корабли западной эскадры бросили якорь в Гомарской бухте на Ионике.

Вызов сойтись без промедления в морском бою *александриец* отверг: его флот был надежно застрахован в заливе узким, шириной всего в 700 м, проливом, по обе стороны которого возвышались расстрельно нацеленные на пролив укрепл. форты с баллистами и катапультами. С одной стороны, проникнуть в воды залива извне в создавшейся ситуации не представлялось возможным, с другой — находящийся в заливе флот попал в блокадную ловушку. Цезарь II был заинтересован в том, чтобы поскорее дать генеральное сражение на море или на суше. Гомарская гавань не могла в достаточной мере оберечь флот от штормовой непогоды. Печальный опыт летнего шторма 38 г., в дни драки с С.Помпеем, внушал обоснованные опасения. Единновременно Антоний в равной степени уклонялся как от морской, так и от не раз предложенной ему сухопутной битвы. С моря он в патовой проливно-заливной диспозиции оставался недосыгаем, на суше — ждал подхода из пунктов зимней дислокации своих разбросанных формирований и оттого медлил (или откладывал развязку уходом от фронтального столкновения, вследствие неуверенности).

Повелось думать, что завершив стягивание боевых сил в ударный кулак, герой Филипп целеустремленно переправился на северный берег залива и

тотчас пригласил врага скрестить оружие; тот-де проигнорировал приглашение по причине произошедших за месяц-полтора перемен. Не совсем так. К самой переправе через пролив, в видах и поисках скорейшего ратного решения, Антония подтолкнуло и вынудило ущербное для него изменение положения в целом. За истекшее время мертвого противостояния на главном фронте Агриппа разгромил сторожевой флот противника у Лефкаса и, победоносно ступив на остров, занял одноименный порт — ключевой пост по контролю над морским сообщением в зоне Ионического архипелага на подступах к Амбракии. Теперь снабжение мыса Акции морем с юга очень усложнилось: предназначенная к обороне Акарнании островная дуга лопнула. Почти лишившись на правом фланге морской “дороги жизни” и не будучи в силах свести стационарированные в двух (Амбракийском и Коринфском) заливах суда воедино, Восток встал перед необходимостью форсировать сухопутную схватку за неимением альтернативы. Вот почему переправа антонианцев через пролив с лихорадочным намерением вступить в последний и решительный бой все-таки состоялась.

Но Октавиан отказался от лобового кровопролитного сражения. Зачем? Сверху, с первоклассно укрепленного Микалицкого холма, разбитый в нездоровой болотистой низине вражеский лагерь обзоревался, как на ладони. Проблемы со снабжением у этого лагеря были в ходу, летний зной нес жажду, малярию и дизентерию. Отныне изморное время работало и вовсе не на Антония. Пусть действует, пусть ищет выход из тупика, пусть мечется и погружается глубже в болото!

Пока Антоний маялся в бесплодных поползновениях завязать битву на северном берегу залива Амбракийского, Агриппа взял южную оконечность Лефкаса* — мыс Дукаато, вихрем ворвался в залив Коринфский и, нанеся сокрушительное поражение антонианскому флотоводцу из числа младопомпеянцев — К.Насидию, захватил сначала Патры, а потом и Коринф. Вскоре затем пали Кефалиния и Зикинф. В результате господство римлян на море сделалось абсолютным, морская связь между Акарнией, Пелопоннесом и Атикой прервалась. Доставку провианта для облепившей Амбракию огромной армии пришлось осуществлять по труднодоступным горным дорогам внутренней Греции. Плутарх (Ант.68), со слов своего прадеда родом из Херонеи, сообщает, что греки под бичами антонианских надсмотрщиков из отрядов *продразверстки* тащили мешки с зерном в расположение недоедающей армии. У свободных граждан усиленно реквизировались рабы, имущество, скот. На дальнейшую эпидемическую децимацию флотских команд главнокомандующий упрямо отвечал, что гребцов у него не убудет до тех пор пока в Греции есть народонаселение.

Параллельно в Спарте, при содействии Агриппы, вспыхнуло прооктавиановское восстание под руководством резигнированного Антонием

* Лефкас не случайно (по ряду признаков) идентифицируется с родиной Одиссея — гомеровской Итакой, еще в древности уступившей свое наименование Итаке сегодняшней — маленькому островку, расположенному ближе к Кефалинии. Как видим, новый головастый Одиссей — Август, не только на Сицилии, но и на Итаке шел путями-дорогами Одиссея при помощи искусного Агриппы.

лакедемонского династа Эврикла. Единственные из греков спартанцы отпали от Востока и примкнули к Риму.

Итак, перебойное провиантирование, вызванные смрадными испарениями заболоченной низины болезни, общая безысходность день за днем ухудшали удручающую атмосферу в Антониевом стане. Все потуги изменить проигрышный расклад на суше и на море неизменно кончались проигрышно. Обложить великолепно обустроившегося, имеющего выход к морю и упорно не принимающего генеральное сражение противника Антоний не мог; штурмовать Микалици, перед лицом неисчислимых потерь и крайне сомнительного результата, из невыгодной диспозиции, да еще с подавленными солдатами, не решался. Попытка зайти Октавиану обходным кавалерийским рейдом в тыл потерпела неудачу. Руководимая Статилием Тавром и перебежчиком Тицием верховая контратака сорвала маневр понесшей весьма чувствительные потери неприятельской конницы. Под впечатлением провала пафлагонский династ Деиотар Филадельф увел пафлагонских всадников к победителю. На примере Деиотара поменял лагерь Роиметалк Фракийский. Вовремя предать в политике или в ее продолжении другими средствами – войне, означает своевременно предвидеть.

Тогда же, душным летом 31 г., в антонианском лагере вновь обострились так называемые республиканско-египетские противоречия. Автократора покинул близкий друг и родственник Домиций Агенобарб, кому, сообразно Светонию, многие, стыдясь повиноваться Клеопатре, тайно предлагали верховную власть. “Из-за внезапной болезни он не рискнул ни принять ее, ни отвергнуть, но перешел на сторону Августа и через несколько дней умер” (Нерон 3). Больной малярией, ненавидимый Клеопатрой, совершенно отчаявшийся в успехе, старый республиканец сбежал к Цезарю в утлой лодчонке, сам сев на весла. К великому возмущению Клеопатры у Антония хватило юмора с усмешкой послать вдогонку беглецу его шарб и рабов: соскучился, мол, по своей любовнице Сервилии Наиде, оттого и сбежал. За Домицием последовал Юний Силан – цезарианец, лепидовец, младопомпеянец и, наконец, после мизенской амнистии, антонианец, который с 34 г. наживался на начальственных должностях в Греции.

Недоверие Антония к окружающим резко подскочило и выразилось в свирепых карательных мерах. Питкам и казни подвергся обвиненный в предательстве родным братом Александром сирийский династ Ямвлих Эмесский. В награду за разоблачительный донос Александр стяжал княжескую власть над Эмессой. Уличенный (или якобы уличенный) в ренегатстве сенатор К.Постумий был четвертован. Снаряженных с заданием вербовать новобранцев в Македонию К.Деллия и Аминта Галатского главным, страшаясь новой измены, вернул с дороги. Однажды ему показалось, что даже Клеопатра сговорилась с Октавианом и хочет его отравить. Она рассеяла подозрения следующим образом: поднесла хмельному, забывшему о страхах лопуху Антонию на очередном лагерном “пиру во время чумы” яд в вине, но не позволив мужу донести отраву до рта, велела дать ее подопытному арестанту, который тут же упал замертво (Плиний 21,12).

В августе 31 г. Г.Сосий под прикрытием густого утреннего тумана смело вышел из залива и обратил подкомандные Л.Тарию Руфу сторожевые вражеские корабли в бегство. Преследуя их, он думал вот-вот одержать верх, но в судьбоносное мгновение с юга вынырнул Агриппа и превратил, казалось бы, неминуемый разгром Тария в убедительную победу. Разбитый Сосий попятился, считая потери, назад в залив*.

Возглавленная в те же часы лично Антонием повторная кавалерийская атака с тыла потерпела крах**; один из ее участников, Аминт Галатский, решив не искушать судьбу долее, улизнул во главе 2 тысяч отборных всадников к Октавиану. В римском лагере царило ликование. Западное воинство не испытывало трудностей со снабжением за счет регулярного подвоза из Италии (Римом и Италией заведовал регент Меценат) и фуражирских рейдов окрест, от Эпира до Македонии. Свежий воздух Микалицкой возвышенности отлично проветривал лагерный постой, чистые родниковые источники в районе грядущего Никополя зорко охранялись и поставляли питьевую воду в достатке.

Около середины августа, по свидетельству Орозия (6,19), на третий день после проигранной атаки Антоний, мрачнее тучи, переправил поредевшую, плюс выдохшуюся, непобедоносную армию через пролив на исходный мыс Акции и созвал высший военный совет. Накануне переправы Аминту Галатскому угодился Архелай Каппадокийский***.

Мнения на совете разделились. Канидий Красс предложил пожертвовать флотом, вести армию в сторону Македонии/Фракии и искать кардинальное решение в битве на суше. На море, говорил он, победившие С.Помпея Агриппа и Октавиан опытнее и сильнее, располагают численным превосходством**** и завидной сноровкой; посему Антонию не зазорно уступить врагу море и развернуться во весь свой полководческий гений, имея твердую почву под ногами, там, где, вдобавок ко всему, вождь гетов Дикомес обещает прийти на помощь с многочисленной армией. Относительно Клеопатры позиция Канидия изменилась: царице следует поскорее отплыть из Эгейского моря в Египет. Обезлюдившие, ввиду болезней и дезертирства амбракийские суда, эта бесполезная сковывающая армию обуза, подлежали, соответственно Канидию, сожжению.

* В ходе провальной вылазки Сосия погиб ее участник — опытный в морском деле союзный династ Таркондимот Киликийский.

** Одновременность этих операций, сосианской на море и антонианской на суше, следует из Диона (50,14).

*** Архелай среди перебежчиков мельком называет только Дион (51,2), тогда как про Аминта говорят и Веллей (2,84), и Плутарх (Ант.63), и Дион (50,13;51,2). Если Архелай и вправду успел перебежать до Акцииского сражения, то крайний срок перемены им фронта выпадает именно на канун переправы.

**** Вследствие потерь у Ионических островов, в Коринфском заливе и провала сосианской вылазки, флот Антония сократился с 500 до около 300, в то время как флот Октавиана вырос, согласно Флору (4,11), до 400 боевых судов; т.е. в течение лета в Гомарскую бухту прибыли подкрепления из Италии.

Царица цариц страстно возразила: уничтожить флот означает отрезать себя от Египта, бросить ее страну, опору антонианцев, и весь афро-азиатский восток впридачу на произвол судьбы, распахнуть перед врагом морские ворота настежь, заведомо капитулировать. Нет, нет и нет! Флот должен, во что бы то ни стало, взяв лучшие легионы на борт, прорвать кольцо блокады и уйти в Египет; армии надлежит отступить в Грецию и Македонию, и смотря по обстоятельствам ближайшего будущего, держаться в укрепленных пунктах либо на месте, либо занять оборону в Малой Азии, откуда всегда можно достичь Сирии и Египта. Провиантирование, новорекрутирование живой силы – все на Востоке разрешимо; нужно, сделав из Египта неприступную крепость, опереться на нее, отдышаться, восстановить ущерб и возобновить непроигранное противоборство. Нильской венценосице, естественно, претила рискованнейшая задержка Антония без нее и без флота на Балканах. Кто охранит ее детей? кто защитит страну-на-Ниле в случае нападения из Африки или морского десанта?

Греция Грецией, Эфес Эфесом, Капитолийский холм Капитолийским холмом, но ведь своя рубашка и своя голова, как никак, ближе к телу и делу. Не до жиру – быть бы живу!

Загнанный и опустошенный Антоний знал, что ему не по плечу, предводительствуя умеренной армией, неизвестно как долго и неведомо насколько упорно, воевать в Македонии. Да и где гарантия, что Октавиан пойдет на решающее сражение, где гарантия, что гет Дикомес поможет? Кто поручится, что лишив антонианцев флота, повязав морально и малярийно кадрированную армию на Балканах, цезарианцы не атакуют Египет? Со времен победы при Филиппах минуло 11 лет, со времени атропатенского поражения всего 5. И все пять последних лет сломленный полководец ломался дальше, уваливая от серьезной войны, побеждая числом и коварством тех, кто послабее, довольствуясь, словно раненый хищник, легкой добычей. Это нескончаемо потное лето в амбракийской ловушке допекло его. Вырваться бы отсюда, а там видно будет. Не все еще потеряно. Он принял план Клеопатры и закрыл совет.

* * *

В лагере цезарианцев, куда уже после военного совета антонианцев перебрался не с пустыми руками К.Деллий*, были обстоятельно проинформированы о намерениях противника. Мнения и здесь разделились. Не являясь поборником колоссальных побоищ и обильного кровопролития, Октавиан думал пропустить врага и бить бегущих по волнам на преследовании. Факт позорного бегства Клеопатридов-Антонидов, без едва ли не половины стартового флота, уже победа, причем без потерь. Покидаемую Антонием армию возможно перетянуть на свою сторону или, не пустив в Азию, быстро одолеть. Однако, Агриппа, во-первых, сильно сомневаясь в продуктивности преследования груженных ценностями и самыми боеспособ-

* Плутарх (Ант.59) неверно относит переход Деллия через линию фронта на 32 г. Верную информацию дает Дион (50,13;23).

ными легионами беглецов под парусами (оторвутся, мол, и не догонишь), во-вторых, не сомневаясь в батальной победе, настоял на морском сражении при выходе из Амбракийского залива, у мыса Акции.

* * *

Острый недобор среди моряков и гребцов, даже с ослятниками на веслах, позволил Антонию выставить всего 170 боевых судов во всеоружии, плюс 60 предназначенных, перво-наперво, к охране царицы за линией фронта египетских кораблей Клеопатры. На судах разместились 20 тысяч легионеров, то есть 5 легионов и 2 тысячи лучников. Остальные бесхозные судабалласт в количестве около 70 были сожжены.

Октавиановцы приготовили к бою 8 легионов и 5 преторианских когорт*.

Мощный четырехдневный шторм в конце августа непредвиденно отсрочил начало операции. И вот ко 2 сентября установилась погожая солнечная погода.

Утром эскадра Антония вышла, минуя узкий пролив, из Амбракии и замерла выгнутым в средиземноморскую акваторию полукругом у входа в залив. Приглашая врага к бою, антонианские корабли плотно жались друг к другу, чтобы не дать скоростным либурнам Агриппы просочиться сквозь их строй; фланги выгнутой дуги сидели почти на прибрежной мели, чтобы предотвратить угрозу окружения справа и слева. Левым южным флангом антонианцев командовал Г.Сосий. Центр вели М.Инстий и М.Октавий. Октавий, бывалый моряк из поколения старопомпеянцев, представлял в стане объединенного Востока римско-республиканскую партию; Инстий соратничал с Антонием еще в дни Мутинской войны 43 г. На правом ударном фланге стояли сухопутный адмирал самолично и Геллий Попликола — ординарный консул 36 г. из числа мизенских дезигнатов; в прошлом республиканец, не раз изблеченный Брутом и Кассием в двурушничестве, он перешел к цезарианцам до битвы при Филиппах и тотчас примкнул к Антонию. Позади галерного фронта, за центром, защищенная отовсюду, томно колыхалась на волнах египетская флотилия.

Супротив Антония и Попликолы левым флангом западной эскадры командовали облеченный флотской командой в целом М.Агриппа и Л.Аррунций. Проскрибированный в 43 г. Аррунций чудом унес ноги из Италии на Сицилию к С.Помпею; вернулся в Рим по мизенской амнистии и поступил на службу к Октавиану. В 31 г. у мыса Акции Октавиан, уступив гроссадмиральский мостик Агриппе, предводительствовал в паре с М.Лурием правым крылом. Лурий, старый испытанный октавиановский кадр, некогда настойчиво перечил у берегов Сардинии Менодору; не устоял и ретировался в Италию; позднее, должно быть, прошел школу Агриппы у Мил и Навлоха. За морской центр римлян отвечал Валерий Мессала, кстати, единоутробный брат Геллия Попликолы. В 40-е гг. авторитет Мессалы дважды оградил Попликолу от расправы за нечистую игру в лагере антицезарианцев. Десяти-

* Про 20 тыс. легионеров и 2 тыс. лучников Антония говорит Плутарх (Ант.64); про 8 легионов и 5 преторианских когорт Октавиана сообщает Орозий (6,19).

летие спустя братья встретились лицом к лицу не на жизнь. “Трагедия не одной семьи времен гражданской войны”, — скажет, пожалуй, историк. Так, да не так. Акция война безусловно отягощена наследственностью войны гражданской, однако, водораздел в ней проходит по мировому меридиану войны миров.

Беря в расчет численное преимущество вражеской армады, Антоний ожидал самонадеянного нападения и в соответствии с этим планировал, расколов ряды врага от сплоченной обороны тараном, уйти в массивный прорыв. Схема не сработала. Далекий от петушиной самонадеянности Агриппа не трогался с места, выстроив римскую армаду серповидным полумесяцем в два ряда вдоль Антониевой дуги, на расстоянии одной морской мили от нее по всей линии фронта.

Основу октавиановского флота составляли, как сказано, корабли от бирем и либурн с двумя рядами весел до средней величины галер с шестью/ семью рядами весел. Кулак антонианской эскадры состоял из боевых единиц от трирем до окованных железом и снабженных артиллерийскими башнями водно-крепостных гигантов, децирем, с десятью рядами весел. Они строились с учетом побед при Милах и Навлохе, где мелкие помпеянские биремы раскалывались о задействованные Агриппой крупные суда, точно гнилые арбузы. Но эффективные на узком присцилийском пятчке, между Сциллой и Харибдой, гиганты не могли эффективно противостоять более юрким и более маневренным судам, при первоклассно обученных командах, на открытом просторе.

Антоний распорядился прихватить такелаж на борт, дабы, так сказать, не дать разбитому противнику тикануть. Агриппа приказал оставить, как и полагалось в обычном морском бою, снасти на суше, дабы не стеснять палубное воинство и оперировать налегке. Причем приказал, нелишне подчеркнуть, зная об умысле неприятеля запасть “парусами надежды” к часу пополуденного бриза “имбатто”; то есть антитакелажная директива подтверждает решимость гроссадмирала не выпустить флот Антония из дуэльной акватории.

С утра до полудня длилось напряженное взаимное испытание нервов. Антагонисты оставались без движения, отделенные морским барьером в 1,5 км. Сухопутные части под командой Канидия на северной окраине Акарнании и под командой Статилия на южной оконечности Эпира обратились в береговых зрителей.

К полудню подул северо-западный ветер. Так и не дождавшись желаемой атаки, темпераментный Сосий на левом южном фланге подался вперед, иначе говоря, пошел на таран. Таким образом, левый фланг антонианцев оказался в роли жертвенного авангарда и смелости Сосия нельзя не отдать должное. Бытующая в современных анналах версия, будто у левофлангового элементарно не выдержали нервы, слаба и неубедительна. Сосий понимал степень риска и чрезмерную зыбкость наступательно-таранного шанса в противовес оборонительному, но у него не было другого выхода. Отход назад в залив обещал всего-навсего рецидив аналогичного расклада и завтра, и послезавтра. Не Сосию, а Антонию следовало прийти в движение, чтобы мощным ударом развернуть фронт на юг и получить пополуденный

ветер в спину. Однако, Антоний медлил, хотя было предельно ясно, что враг первым атаковать не будет и в этом смысле у Сосия, действительно, не выдержали нервы. Он решил вызвать огонь на себя. Правое крыло Антония и Попликолы шевельнулось, выравнивая фронт, следом за ним, затем пришел в движение и центр. Агриппа опять не спешил вступать в бой, осторожно отходя подальше от берега. Выманить противника туда значило обеспечить свободу маневрирования и полноценно использовать численное превосходство. Отведя вражескую эскадру на достаточное удаление, навязав ей избранную им тактику, режиссер Навлоха скомандовал “стоп” и приступил к охватному удлинению линии фронта на опережении. Строевой полумесяц вытягивался режущим серпом, загибаясь по краям и угрожая взять антонианские галеры в клещи. Ответная мера антонианцев по предотвращению обхода с флангов привела к растяжению фронта и к неизбежному образованию в ряду более малочисленной эскадры зияющих брешей. Порядок сплошного построения нарушился, предоставляя Октавиану, во исполнение плана Агриппы, возможность стремительных атак по центру и на флангах для расчленения, окружения и избиения вражеских соединений по частям.

Молниеносные либурины, объединяясь по три/четыре, кинулись на плавающие крепости с разных сторон. Сверху на них сыпался град стрел и камней, их обстреливали лучники и башенная артиллерия. Они, подойдя вплотную, поражали неприятельских гребцов, разили этих несчастных, прикованных к веслам на галерах смертников пиками и копьями, сносили им головы, ломали или карежили весла; выводили из строя у судов помельче рулевое управление, метко отстреливали легионеров снизу и, если не погибали от медвежьих ударов колосса, то также поспешно отскакивали, переключаясь на новую жертву. Или, размещенные на палубах пентарем и шестирем агриппианские штурмовики, решившись на abordаж, цепляли корабль противника баграми и крючьями за борт, взбирались вверх и, соскакивая, кто добрался живым, на палубу, затевали рукопашную схватку.

В неистой мясорубке все смешалось, фланги и центр Антониева флота потеряли контакт. 60 судов Клеопатры, глядя на побоище перед собой, но не участвуя в нем, испуганно переминались с ноги на ногу; переминались, впрочем, недолго, до того момента, когда по центру побоища разомкнулась водная лазейка, способная пропустить египтян восвояси. Улучив минуту, нильская флотилия нырнула в спасительную пробоину, пронеслась мимо кровавых водоворотов и понеслась дальше, натягивая паруса и подставляясь попутному ветру. Понеслась, унося царицу цариц, ее главного внука-везира Мардиона, любимых рабынь Шармион и Ирас, фронтную кассу, золото-бриллианты и жалких, согласно небеспристрастной одической характеристике Горация (1,37), египетских вояк, с которыми Клеопатра грозилась взойти на Капитолий.

Не сразу заметив фигуру высшего лоцманского пилотажа александрийцев, сражавшиеся поблизости воины и корабли разинули в запоздалом замешательстве рты. Та, из-за кого Римская мировая держава разодралась надвое, та, из-за кого тысячи и тысячи мужей сошлись на смертный бой, безудержно уплывала под пурпурным парусом за линию горизонта. Того, что случилось, в настолько экстравагантной форме не предвидели ни Окта-

виан, ни Агриппа, ни Антоний. Несомненно, александрийская чета заключила предварительную договоренность о совместном исчезновении в случае катастрофы. Не секрет также, что весь запланированно-распланированный сценарий героического тарана полетел к черту. Но вместе с тем битва только-только занималась и исход импровизации стоял, грубо говоря или, наоборот, мягко выражаясь, под вопросом. Поди разберись, попробуй реши в мгновение ока, что делать? Ввязываться с 60-ю судами, поддерживая, скорей всего, обреченных соратников, в драку, когда каждая секунда на счету, когда промедление смерти подобно? Нетрудно вообразить общее состояние предельно взвинченной дополуценным штилем, вопреки бойцовским прогнозам и прожекам, Клеопатры; несложно представить ужас, овладевший ею при виде жуткого побоишного зрелища. Ведь в тот достопамятный сентябрьский день у мыса Акции, где бились около 600 кораблей, полыхало крупнейшее и последнее морское сражение древнего мира. Разве удивительно, что Клеопатра сорвалась при первой и, быть может, единственной возможности, чтобы катапультироваться из этого ада, с места. До срока или не до срока? преждевременно или точь-в-точь? — вопрос спорный. Обвинение в предательстве по отношению к женщине здесь не проходит. Да и не верила она больше в погасшую звезду М.Антония.

Увидев произошедшее в пылу боя, он прыгнул с флагманского судна в легкую пятирему и устремился следом. Был зорко замечен и подобран на египетский борт. Некоторые ближние суда его эскадры попытались сделать то же самое и в количестве считанных единиц сумели присоединиться к драпающему адмиралу, к тому, кто тешился надеждой спасти не менее половины флота, а спас всего около 65 или, точнее, около 5, не считая 60-ти уведенных Клеопатрой, кораблей.

* * *

Путь беглеца и беглянки на транзитный балканский юг под довлеющим мицраимским углом пролегал по брундизийско-мизенской меже от Скодры к Африке. В дороге их побеспокоил лакедемонянин Эврикл — детронизированный династ и мститель за своего казненного Антонием отца — пирата Лахара. В итоге нападения спартанец отбил два судна, в том числе личный багаж Клеопатры, и довольный убрался прочь. Он еще всплывет в нашем повествовании четверть века спустя в связи с Иродом.

В течение трех дней пути подобранный главком сидел на корме, обхватив голову руками, не говоря ни слова и отказываясь от приема пищи*. Только

* Полководец переживал свое *Ватерлоо*. Впрочем, сравнение далеко не во всем корректно. Проиграв, Наполеон хотел умереть со своими павшими солдатами. Гвардейцы взяли не помнящего себя императора в живое кольцо и под ураганным огнем врага вывели с поля брани.

P.S. По большому счету, судьба Бонапарта решилась не в русском походе, не у Лейпцига и не у Ватерлоо, но еще до его пика — Аустерлица (4.12.1805 г.), в Трафальгарском морском сражении (21.10.1805 г.), проиграв которое, он проиграл Наполеоновские войны. Трафальгар был 140-й и последней битвой одноглазого

после того как беглецы коротко пристали к среднепелопоннесскому мысу Тенарон, неразлучные Шармион и Ирас свели супругов, уговорив обоих разделить трапезу и ложе.

* * *

Брошенный своим адмиралом флот Антония, не ведая в большинстве о пополуденном салто-мортале Верховного, храбро дрался до вечера 2 сентября. Прознавшие о бегстве цезарианцы орали с кораблей воинам противника: “Сдавайтесь, ваш император вас бросил!” Те не верили, не хотели верить, не слышали и умирали за него.

Верно просчитанное сценарием Агриппы дробление поля боя на пагубные для расчлененных вражеских соединений убойные котлы медленно прогрессировало. Оставленные без инструкций (кроме клича: спасайся, кто может) и центрального руководства, предоставленные самим себе антонианцы отбивались настолько оголтело, что Октавиан прибег к помощи красного петуха: распорядился забросать сопротивленцев факелами и огнеметными стрелами*. На море забушевало пламя. Огонь тушили питьевой водой, суматошно заваливали трупами. На отдельных судах подстегнутое трупным горячим пожарище вспыхивало вновь и распространялось с убийственной быстротой. Повязанные на веслах гребцы сгорали заживо, легионеры плавались в раскаленных доспехах, погибали от удушья, искали спасения в волнах, тонули под тяжестью лат.

К вечеру победа была одержана. В неравном бою сложили головы Геллий Попликола, М.Инстий и М.Октавий**. Потеряв около 40 кораблей и 12 тыс. человек убитыми***, антонианская эскадра или то, что от нее осталось, отступила в Амбракийский залив. Там антонианцы, отчетливо обнаружив и уразумев отсутствие предводителя, на следующий день, в 5-ю годовщину Навлоха, безоговорочно капитулировали.

* * *

Светоний об Августе в сентябре 31 г., при Акциуме, пишет: “Бой был таким долгим, что победителю за поздним временем пришлось ночевать на

Нельсона. Нельсон погиб, но франко-испанская армада потерпела сокрушительное поражение. (Представить себе Нельсона, бросившегося за леди Гамильтон, как Антоний за Клеопатрой, невозможно.)

* Поначалу он отказался от применения огня, надеясь захватить ценности. Но после бегства египтян стало ясно, что Клеопатра забрала все дорогостоящее с собой и огонь пошел в дело.

** О них нет никаких упоминаний в дальнейшем.

*** Про 12 тыс. убитых и 6 тыс. раненых антонианцев сообщает Орозий (6,19). Плутарх (Ант.68) приводит явно заниженное число антонианских жертв: 5 тысяч; а количество захваченных Цезарем в Акцийской битве судов завышает, причем со ссылкой на письма самого Октавиана, до 300. Видимо, речь идет о судах, плененных в ходе всей Акцийской войны, тогда как 5 тысяч убитых — это потери не антонианцев, но октавиановцев в Акцийской битве.

корабле” (Авг.17). Весь день он неустанно носился, координируя действия флотских команд, на одной из либурн по морю, поскольку флагманское судно и главнокомандование всецело доверил Агриппе.

Едва морское сражение отгремело, как сухопутная рать под командой Канидия выступила в условленную сторону Македонии. Правда, уведенные от рокового мыса Акции легионы увелись недалеко. Семь дней бойцы ждали появления Антония. Но Антоний не объявился, а Канидий, боясь подначальных солдат и плена, тихо смылся. В результате 19 настигнутых противником легионов приняли предложенные им переговоры и мирно передались Октавиану*. Ветераны этого включенного в состав армии победителя войска удостоились уравнивания в правах с октавиановскими и частично отчалили в Италию, частично обрели колониально-поселенческое местожительство в новопокоренной Далмации.

* * *

Тем временем Антоний, не ведая о судьбе порученной Канидию армии, плыл с Клеопатрой от Тенарона в Африку. Отныне у него ни в настоящем, ни в будущем не было и не предвиделось ни малейшего шанса возглавить какую-либо римскую партию под каким-либо гарниром. Республика, триумvirат, диархат — с Акцием все отошло в запечатанное и опечатанное прошлое. На юг отплывал *египтянин*, о ком Октавиан во всеуслышание говорил: “Не называйте его римлянином, он — египтянин! Не называйте его Антонием, имя ему — Серапион или что-то в этом роде! Не называйте его императором или триумфатором, он — гимнасиарх!” Из римлян возле Антония оставались лишь те, кто точно не мог рассчитывать на Октавианову пощаду.

Пропаганда Цезаря II тотчас запустила в оборот небеспочвенно представленный ей баснословный материал. Вникните! На Ионическом море и впрямь случилось нечто беспримерное! Потерявший окруженную и уничтоженную в 217 г. до н.э. Ганнибалом римскую армию К.Фламиний, по крайней мере, погиб в битве при Тразименском озере; загубивший 7 римских легионов Красс заплатил в буквальном смысле собственной головой; Квинктилий Вар бросится на меч в Тевтобургском лесу. А тут в объективе главноначальствующий, который, бросив флот и армию, бежит быстрее лани, быстрее, чем заяц от огня. Он нарушил нерушимую заповедь всех времен и народов: капитан покидает корабль последним. Фиговый республиканский листок сорван попутным египетским ветром: гимнасиарху уже нечем прикрыть позорную наготу войны против преданного отечества!

Октавиан торжествовал. Для него, всегда озабоченного имиджем республиканского политика-фундаменталиста, было бы хуже, если бы Антоний

* Итак, по Плутарху (Ант.64), Антоний взял на борт 20 тыс. легионеров = 5 легионов; а чрез неделю после Акции битвы Октавиану передались, согласно тому же Плутарху (Ант.68), 19 антонианских легионов; т.е. в Акции войне под началом Антония состояли 24 легиона. Двух мнений здесь быть не может.

Вместе с легионами цезарианцам передалась и конница, но отнюдь не числом в 12 изначальных тысяч, как следует из Плутарха (Ант.68), ибо она понесла большие потери в боях.

мужественно погиб в бою или попал бы в плен. Во-первых, миф о герое, мученике за республику, ни к чему; во-вторых, не проводить же вчерашнего коллегу-содиарха, урожденного римлянина в триумфе по улицам Рима! не казнить же его после триумфа, словно нумидийца Югурту или галла Версингеторикса! Так оно куда сподручнее: околдованный любовными зельями дезертир обречен на *damnatio memoriae* – проклятие памяти – без лишних жестов и слов.

В меру раздосадованным чувствовал себя Агриппа, не полностью выполнивший поставленную перед собой задачу. Но самонедовольство Агриппы – частность. Кампания 31 г. была Римом однозначно выиграна. Судьбу войны миров, в сущности, решил Акциикий сентябрь. Далее, до августа 30 г. до н.э., дописывался противоборственный эпилог – *post scriptum*.

* * *

По весне 31 г., когда Ирод, продолжая тактику пограничных набегов в войне с арабами, готовился к большому реваншу, иудеев постигло страшное несчастье.

“Это было землетрясение, произошедшее в начале весны, погубившее бесчисленное множество скота и 30 тысяч человек; одно только войско осталось невредимым, благодаря тому, что оно стояло лагерем в открытом поле. Молва, всегда преувеличивающая ужасы всякого бедствия, и кричавшая чуть ли не о повальном уничтожении всей Иудеи, подняла на ноги арабов; им казалось, что они легко овладеют теперь безлюдной страной, и с этой целью они вторглись в последнюю, умертвив предварительно прибывших тогда к ним иудейских послов” (И.в.1,19,3).

Небывалое по мощности, разрушительной силе и числу жертв землетрясение, нанесенный Иудее стихией моральный и материальный ущерб повергли народ и армию в состояние оцепенения и отчаяния. Иудеи узрели в грозном бедствии карающую десницу Господню, расплату за прегрешения, предзнаменование худших предмессиянских бедствий. На предложение через послов арабам заключить перед лицом случившегося несчастья мир или перемирие, последние ответили бессовестным убийством траурных парламентаров и руководимые жаждой легкой победы-наживы вторглись в обескровленную страну.

Решимость, отвага, политико-организаторские и полководческие таланты, проявленные в решительную минуту Иродом, не просто выправили положение, но переломили и обратили проигрышную партию в выигрыш. Вложенная в уста царя в “И.в.” (1,19,4) и в “И.д.” (15,5,3) разностильная, однако сходного содержания речь, причем обращенная в “Войне” к “народному собранию”, а в “Древностях” к воинству, разумеется, никогда приводимым или, вернее, воспроизводимым Флавием по придворной литературе риторико-патетическим слогом не произносилась*. Тем не менее,

* Реконструируя историческую действительность, нужно убрать из контекста “И.д.” (15,5,3) байки о неподпадении арабов Клеопатре лишь благодаря дружбе Ирода с Антонием (!), искаженную изнанку арендной интриги и т.д.

можно не сомневаться, что в речи к народу Ирод уподобился Сталину 41-го года и начал выступление проникновенными словами типа: “Братья и сестры мои, к вам обращаюсь я...” Ситуация требовала именно такого обращения и политический нюх узурпатора опять не подвел.

В отличие от зятянутого Востоком в гиблое болото Антония, истовому римлянофилу Ироду выпадет на долю идеально впрячься в ближайшее будущее. Он шагал, что называется, в ногу со временем; до поры до времени он безошибочно чувствовал пульс и ритм всемирного времени. Его мужественное поведение в условиях войны и беды, его непоколебимая на фоне массового уныния вера в преодоление последствий катастрофы, его неутомимая энергия и воля к победе особенно резко контрастируют с параллельным бессилием и безволием, с погружением шаг за шагом в болотную топь М.Антония.

Не случайно Август и Ирод, в противовес (давно мертвому) Антонию, рука об руку войдут в Новую эру, – один, допоза до нее уже на смертном одре, ненавидящий род людской и разлагающийся живьем, другой – мучимый липким страхом перед загадкой 63-го года земной жизни – года достижения человеком возрастной и кольцевой сферы Сатурна, года хорошо известного древнему миру как рубеж вступления в переходный возраст с этого света на тот. Но не будем спешить: все это произойдет много позже: всему свое время и место под солнцем.

В 31 г. до н.э. царь иудейский одержал заслуженную победу. Арабо-израильская война подарила ему, чужаку-эдомиту, максимально использованный им шанс интеграции (до определенной степени) в еврейство, шанс к релятивному оборению синдрома инородного тела, шанс к сближению с богоизбранным народом. Отчасти удалось. Политик сумел обернуть природную экстрему себе на пользу; военачальник сумел, вдохновив деморализованную армию, поднять солдат и офицеров в победную атаку. Эффект шоковой терапии в умелых руках сработал.

Ирод совершил установленные жертвоприношения, пересек с войском Иордан и разбил лагерь возле Филадельфии. Обстановка обязывала стремительно, не упуская момент, навязать врагу настоящее сражение, не дать боевому настрою упасть, не дать ошеломленному противнику опомниться. Каждый день царь вызывал арабов на бой, но поскольку они уклонялись от схватки стенка на стенку, он первым напал на них и прорвал возведенные ими шанцы. Принужденные таким образом к сражению, они, согласно Флавию (И.в.1,19,5), выступили в беспорядке и робко, уповая на свой численный перевес и побуждаемые к тому необходимостью. В ходе ожесточенной битвы иудеи опрокинули и обратили отчаянно дравшихся врагов в бегство. “До тех пор пока они еще держались, они не имели много мертвых; но как только показали тыл, многие из них пали от рук иудеев, а многие были растоптаны своими же бегущими товарищами. Пять тысяч человек легло на пути бегства; остальная масса спаслась за шанцы. Ирод оцепил и осадил их” (И.в.1,19,6).

Арабские парламентарии ничего не добились: предложение о выкупе в 50 талантов было с презрением отвергнуто. Усиление жажды среди осажденных привело к сдаче в плен 4-х тысяч человек за пять дней. На шестой день

те, кто не сдался, бросились, надеясь прорваться, в бой. Прорыв сорвался; 7 тысяч из бросившихся пали на поле брани. Так набатеи потерпели и признали очевидное поражение, “изумляясь военному искусству Ирода”.

“Ирод, очень радуясь одержанной победе, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот доблестный подвиг” (И.д.15,5).

* * *

Пора завоевательной революции 37-34 гг. кончилась; 33-28 гг. были в истории Иродова царствования и иродианской монархии временем *первой* (не в четыре года) *пятилетки* и началом *эпохи культа личности*.

“Телосложение его – по утверждению с “чьих-то” льстивых слов Флавия – соответствовало его духу. Он с ранней молодости был превосходный охотник, и этим он в особенности был обязан своей ловкости в верховой езде. Однажды он в один день убил 40 животных. Как воин Ирод был непобедим; также и на турнирах многие страшались его потому, что они видели, как ровно он бросает свое копьё и как метко попадает его стрела. При всех этих телесных и душевных качествах ему покровительствовало и счастье: редко когда он имел неудачу в войне, а самые поражения его являлись всегда следствием или измены известных лиц или необдуманности его солдат” (И.в.1,21,13).

Замнем, как говорится, для ясности.

* * *

И в “Воине”, и в “Древностях” Флавий, датируя землетрясение, плюс победу иудеев над арабами, впервые использует датировку по годам правления Ирода. В “И.в.” сказано: “... на седьмом году его царствования, в самом разгаре войны при Аксиуме” (1,19,3); в “И.д.” “седьмой год царствования” синхронизирован с годом битвы при Аксиуме (15,5,3). Исчисление этого “седьмого года” ведется с 1 нисана 37 г. до н.э., т.е. с года присвоения Ироду царского титула римлянами. Сообразно данному тронному счету лет, 1 нисана 31 г. до н.э. стартовал 7-й де-юре год правления царя иудейского милостью римлян. В 31 г. 1 нисана выпало на конец марта: значит, землетрясение случилось, по всей вероятности, в апреле, а победа над арабами была одержана уже летом. И действительно, ниже в “И.в.” читаем: “Вскоре после этого Цезарь одержал свою победу при Аксиуме” (1,20,1).

* * *

В вопросе хронологии арабо-иудейской войны Флавий выправил “расширенную перспективу” предыдущих лет и привел с синхронистической помощью эпохального события – Акцииской кампании, локальную иудейско-иродианскую датировку в соответствие с исторической реальностью.

Показательно то, что мнимый год назначения Антипатрида на царство, то есть 40 г. до н.э., не подходит в качестве опорно-отсчетной точки (или эпохи эры) ни к одной из имеющихся в “И.в.” и “И.д.” датировок по годам

правления. Хотя будь Ирод назначен царем в 40 г. до н.э., большинство этих датировок должны были бы восходить именно к 40, меньшинство — к 37 гг. до н.э., причем именно так, как они на самом деле восходят у подвергнутого рентгену Флавия именно к 37 и к 34 гг. до н.э. (см.ниже).

* * *

Мыс Акий не был забытым богами и обретшим известность исключительно благодаря Акийскому сражению заолустьем древнего мира. На его выдающейся в море треугольной оконечности, неподалеку от места, где располагался лагерь Антония, находилось древнее святилище Аполлона Акийского, культ которого учредили, по преданию, аргонавты в канун плавания к берегам Колхиды. Святилище было сакральным центром полисов Акарнанского союза, а акарнанцы, к слову заметить, отличились тем, что они единственные из греков, не приняли участие в Троянской войне. То есть традиционалистский Рим испытывал особое дружественное чувство к Акарнании так же, как, например, к малоазийскому Илиону.

Помимо Аполлоновой обители, Акийская коса издавна славилась храмом Афродиты. Заложенный, согласно саге, после разрушения “высокого Приамова скворечника” странствующим в поисках нового отечества Энеем, храм прародительницы римлян, матери Энея Венеры, в I в. до н.э. как бы перебрасывал мост через 12 столетий, из метаистории в историю, из эпохи войны Троянской в эпоху войны Акийской.

Круг замкнулся. Почитавший Аполлона своим верховным покровителем Октавиан нанес у мыса Акий поражение М.Антонию, этому похищенному египетской Еленой у Рима Парису. Аполлонический импульс восторжествовал над псевдодионисианским, насущный хлеб жизни возобладал над выжатой виноградной лозой. Осирис Египта и Дионис Эллады репрезентировали в былом познание божественной мудрости гением сердца, но на исходе старой эры несомая ими некогда людям свобода выродилась в необузданный греко-египетский декаданс, в шабаш покусившихся на Олимп мицраимских зверобогов. При мысе Акий Аполлон сразил собачьеголового Аноубиса. В Акийской войне греки и троянцы поменялись ролями: кровные наследники обреченных троянских героев — римляне, стали духовными преемниками сокрушителей Трои — греков.

Антоний и Клеопатра стояли в 32/31 гг. у порога Италии, как Атилла на Каталаунских полях, как Абд аль-Рашид при Пуатье, как Бату-хан при Лигнице или на Адриатике, как Сулейман Кануни или Кара Мустафа у стен Вены.

Задействованная у акарнанско-эпирских берегов боевая аргонавтика Агриппы олицетворяла собой стиснутую в громающий кулак миродержавную волю созидателя Рима. Рим пришел упорядочить мир во времени и пущенные 2 сентября 723 г. а.У. в корабли противника огнемётные стрелы, разумеется, принадлежали стреловержцу Аполлону. Только вот времена изменились: на сей раз бог не вмешивался в ход событий зримо и самолично, покровительствуя подопечным героям из невидимого далека.

* * *

Осенью 31 г. Октавиан пробыл еще некоторое время в акцийских весях, решая тут проблемы мирские и попутно сакральные.

Следующие за сражением дни были посвящены уходу за ранеными. Орозий (6,19) сообщает о 6 тысячах раненых антонианцев, 1000 из которых, несмотря на проявленную о них заботу, умерли от ран. Подлежащих демобилизации ветеранов-октавиановцев победитель отослал в Италию, причем до поры, из-за недостатка средств, отложил их увольнение и вознаграждение. Сам он совершил положенные жертвоприношения и произвел щедрые пожертвования пришедшим в упадок акцийским святилищам. В ближайшем будущем местная кумирня Аполлона будет блестяще отреставрирована и расширена: 30 трофейных судов от трирем до децирем украсят победный монумент при храмовом комплексе. В 30 г. до н.э. на противоположном берегу Амбракии, в районе высоты Микалици будет заложен град победы – город Никополь; в 28 г. здесь будет учрежден посвященный Аполлону Акийскому и приравненный по значению к олимпийским играм пентатерический Агон*.

* * *

Между тем в постбатальные сентябрьские дни на мыс Акий был доставлен из Италии, допрошен и, по распоряжению Октавиана, казнен Лепид Младший**. Сын великого понтифика задался целью убить Цезаря Минор по его возвращении в Рим. Бдительный регент Меценат своевременно раскрыл и обезвредил заговор, послав главного заговорщика в цепях к месту боевых действий в Грецию. Оправдания причастной к плану убийства матери казненного, сестры М.Брута Юнии, с трудом добился непричастный к интриге Лепид Старший. Жена деликвиента Сервилия, отказавшись пережить мужа, покончила с собой, проглотив раскаленный уголь.

О доставке Лепида на мыс Акий, куда Октавиан попал лишь после сражения и откуда он отчалил в Афины той же осенью, повествует только Аппиан (4,50), в то время как эпитомированный Ливий (133) и обзорник Веллей (2,88) замыкают коротким сообщением о Лепиде суммарную информацию об Акийской и Александрийской войнах***: т.е. на буквальной основе Ливия и Веллея приурочить дату заговора к 31 г. нельзя. И все-таки при-акцийскую датировку Аппиана принять с натяжкой можно; иначе при-

* Прежние локальные игры проводились на мысе Акий при святилище, притом каждые два, а не четыре года. Август сделал эти спортивно-музыкальные состязания глобальными, четырехлетними, фестивальными и перенес их в Никополь.

** В 37 г. Антоний сватал за него свою старшую дочь от брака с Антонией. Помолвка рстроилась, из-за низложения триумвира Лепида. Около 34 г. Антония вышла замуж за тралльского богача Пифодора; ее бывший жених женился на Сервилии.

*** Анналист Дион упоминает об этом заговоре ретроспективно аж под 19 г. до н.э. (54,15).

дется предположить препровождение Лепида разоблачителем Меценатом в 30 г. в Египет, что крайне неправдоподобно. В остальном в аппиановском тексте фигурирует некий безвестный консул Бальбин, кого-де цирцейский понтифик молил о снисхождении к супруге Юнии и чей когномен *Balbinus* ни за кем из консулов 31/30 гг. не зарегистрирован. Кроме того, не исключено, что Меценат и Гораций участвовали в сражении 2 сентября. В сем случае непощаженный Лепид оказался в цезарианской ставке перед битвой в поднадзорном сопровождении Мецената.

Так или не так, но если доверенный столично-италийский заместитель *первого консула* прибыл в ставку накануне побоища, то тотчас по окончании одного он снова поспешил в Рим блюсти так называемый отсутственный цезарианский порядок дальше. Происходя из всаднического сословия, этот гордый потомок этрусских царей, убежденный монархист в душе, всегда держался в стороне от сената и курульной карьеры, довольствуясь статусом личного друга Цезаря Меньшого и его полномочного представителя без официальных инсигний. Отплывая из Ионического моря в Эгейское, Октавиан послал ему в сопровительскую поддержку Агриппу, ибо на случай потенциальных волнений среди ветеранов одного Мецената могло не хватить.

Главком питал безграничное доверие к обоим своим паладинам, деятельным присутствием которых маркированы все этапы поднявшегося в 44-27 гг. принципата. Вот и в 31-29 гг. наделение дуэта временщиков чрезвычайными полномочиями предполагало использование ими перстня с печатью диктатора, изменения, в зависимости от обстоятельств и злобы дня, адресованных им сенату посланий и т.д. Переписка между всевластными регентами и Верховным осуществлялась посредством шифра.

При всем том музолобивый эпикуреец дотроянско-этрусских кровей не забывал усиленно покровительствовать музам. В его знаменитый круг-салон входили Вергилий, Гораций, Проперций, Варий. Именно он мобилизовал их под девизом “все для фронта, все для победы” на бессмертные строки о вселенских масштабах противоборства двух миров.

Хорошо иметь верных друзей. Ведь это такая антикварная редкость в политике и для политика, когда друзья защищают тебе спину. Плохо, когда в государстве царит произвол и у штурвала стоит придворная клика. Но ничего не попишешь: из множества зол, раз уж нет выбора, нужно выбирать наименьшее.

* * *

Спокойный за римско-италийский тыл римлянин № 1 разбирался с греками. Обобранная излишествами, мобилизационными и интендантскими нуждами Антония дряблая поставкцийская Эллада облегченно вздохнула. Октавиан вернул оголодавшему населению, открыв устроенные в Акарнании закрома, выжатый антонианцами фураж; поощрил за непослушание Востоку спартанцев; иные очень уж проантонианские полисы лишил самоуправления, свободы народных собраний; обложил нелояльных эллинов сносной контрибуцией и без труда помирился с ними. Тогда же, т.е. осенью 31 г., он, сообразно Диону (51,4), прошел посвящение в элевзинские мисте-

рии Обеих богинь — Деметры и Персефоны. Из Афин посвященный повелитель проследовал на Самос, где творил суд над плененными противниками и вассальными союзниками Клеопатридов-Антонидов, присуждал жизнь и смерть, карал и миловал, сочетая истинное великодушие с иногда крайней жестокостью.

Так был прощен, благодаря настоятельному заступничеству Л.Аррунция, каким-то образом уцелевший в Акцийском сражении, скрывшийся, затем обнаруженный и взятый под стражу Г.Сосий. Избежал казни давний закоренелый враг — единоутробный брат С.Помпея и антонианец с 35 г., Эмилий Скавр: за него хлопотала мать — Муция. Антониева легата Г.Фурния отстоял сын — Г.Фурний Младший.

Знаменательна рассказанная Аппианом (4,42) история отца и сына Метеллов из рода Цецилиев. Метелл Старший ревностно служил Антонию и не один раз с презрением отверг предложение поменять лагерь; Метелл Младший сражался в рядах октавиановцев. На самосском судилище они неожиданно встретились. Осунувшийся, заросший и изменившийся от перенесенных испытаний до неузнаваемости отец отделился от других военнопленных, выкликнутый по списку. Сын из стана победителей бросился к нему и заключил в объятия, после чего повернувшись к главному судье заявил о готовности разделить смертную долю родителя. В ответ раздался оправдательный приговор.

Не менее знаменательна различно поведанная Светонием (Авг.13) и Дионом (51,2) трагедия отца и сына Флоров из рода Аквиллиев. Октавиан присудил умереть по жребию одному из них. Согласно Светонию, отец жертвенно подставился палачу, а “сын после этого сам покончил с собой”; согласно Диону, наоборот, младший Аквиллий добровольно взошел на плаху, предупредив жребий, тогда как старший наложил на себя руки над трупом сына. Притом у Светония данный негативный штрих к жизнеописательному портрету Августа связан с расправой, учиненной победоносными цезарианцами при Филиппах; у Диона речь идет об акцийских итогах. Кто из классиков прав — неизвестно. Касательно хронологии, анналист Дион предпочтительнее, хотя жестокая жеребьевка много больше подходит послефилиппийскому, нежели послеакцийскому Августу.

Далее, плохо кончил на Самосе угодивший в плен Скрибоний Курион, пасынок Антония от Фульвии, рожденный ею в браке с авантюрным народным трибуном Курионом, кто оказал значительные услуги Ю.Цезарю при подготовке гос. переворота 49 г. Неясно, насолил ли молодой Курион победителю чем-либо особо, однако, помилование на него не распространилось. Судьбы прочих антонианцев, сенаторов и всадников, тоже решились неодинаково: в основном милосердно — безвозмездно или за выкуп; в отдельных случаях — беспощадно.

Следом за римлянами наступил судный черед балканско-анатолийских династов. Перебежчики — Аминт Галатский, Деиотар Филадельф Пафлагонский, Архелай Каппадокийский, Роиметалк Фракийский были подтверждены в тронных правах. Аминт даже удостоился территориальных приращений. Уцелели и снискали дозволение продолжать царствование не участвовавший в походе Полемон Понтийский и участник похода Мит-

ридат Коммагенский (Полемон — точно, Митридат — предположительно). Все они, и оборотни, и необоротни, без сомнения, в разной степени раскошелились, дали новую присягу верности и т.д. Риму предстояла египетская кампания, что подсказывало по возможности мирное замирение малоазийского тыла и передневозточных вассалитетов*. Плюс к тому, Октавиан решил не рушить возведенную Антонием систему подвластных монархий, переключив ее центростремительный потенциал с Александрийского маяка на Капитолий. Эта система устраивала пирамидальный принципат централистскими удобствами управления периферией и не мешала постепенной провинциализации державного геопространства. До конца августейшего правления и при Тиберии большинство так называемых антонианских вассалитетов будут вовлечены в имперскую провинциальную систему.

Наказаниям, наглядно-поучительным смещениям и взысканиям в ходе самосского разбирательства подверглись мелкие тираны. Потерял диадему, сохранив выкупленную за круглую сумму жизнь, Ликомед из Понта Каппадокийского. Низложенный наследник Таркондимога Киликийского послушно уступил венец назначенному вместо него на царство брату. С Самоса был отдан приказ обезвредить и заключить в оковы для последующих проведения в триумфе и казни Адиаторикса Гераклеийского. Воспользовавшись занятостью антагонистов в Акционной войне, он воспротивился римскому владычеству и перебил в Гераклее Понтийской всех римских граждан.

* * *

Едва Октавиан принял 1 января 30 г. до н.э. = 724 г. а.У. в Азии, точнее, в Эфесе (куда он с Самоса наведался и где в новогодний день находился), свое очередное IV консульство, которое его напарник М.Лициний Красс, внук триумвира, облек в Риме, как из Рима поступила тревожная шифровка от Агриппы**. Ветераны взволновались, положение обострилось и требовало личного присутствия Верховного, кто, невзирая на штормовую погоду, взял посреди зимы курс на Брундизи. Светоний пишет: “Дважды в пути его застигали бури — один раз между оконечностями Пелопоннеса и Этолии, другой раз против Керавнийских гор; в обеих бурях часть его либурнийских галер погибла, а на корабле, где плыл он сам, были сорваны снасти и поломан руль” (Авг.17).

* Коней на переправе не меняют.

** Сообразно Светонию (Авг.13), Август, с одной стороны, зимую на Самосе, отчалил по зову Агриппы в Брундизи, с другой — принял IV консульство в Азии: “не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял в Азии, пятое — на Самосе” (Авг.26). Сообразно Диону (51,4), место принятия IV консульства перед отъездом в Брундизи — Азия; место принятия V консульства после Александрийской войны на обратном пути — “провинция Азия”. Под Азией, т.е. в данном случае под “провинцией Азия”, Дион вполне может разуметь и Самос, в состав этой провинции входивший. Но Светоний (Авг.26) ясно отделяет Азию приложительно к IV консульству от Самоса применительно к консульству V; т.е. IV консульство было обложено Октавианом не на Самосе, а в материковой Азии.

Стоянка в адриатическом порту превратилась в неофициальный триумф, воочию продемонстрировавший значение сентябрьской победы. Сенаторы и всадники, делегации и депутации, группы граждан повалили в Калабрию для восторженных приветствий и выражения верноподданнических чувств. Если верить Диону (51,4), в Риме из должностных лиц остались лишь трибуны и два претора, строго обязанные по уставу не покидать город.

Шестикратный император (шестая аккламация за Акцией) не собирался вступать в столицу до овладения Александрией и триумфального восшествия на Капитолий, да и время не терпело — дела звали назад, на Восток. Брундизийская эпопея продлилась 27 дней. Поддавшиеся общему восторгу ветераны почтительно, без бунтарства, подали петицию: они притязали на немедленное увольнение, на деньги и землю. Дифференцированное удовлетворение челобитной состояло в том, что старшие участники всех октавиановских походов со времен Мутины и Филипп получили и земельные наделы, и денежные суммы, младшие — только денежные суммы. Средства черпались из стоимости трофеев и из мощны обложенных, кто штрафными поборами, кто “добровольными” пожертвованиями, восточных династов. Наличной монеты все равно было мало, вследствие чего выплата иждержек обещательно отодвинулась до скорого притока египетских сокровищ. Обещанию поверили, поскольку зимой 31/30 г. падение Египта в летней кампании ни у кого в Италии не вызывало сомнений.

Разрешив безотлагательные ветеранские насущности, более того, отменив некоторые чрезвычайные налоги военного времени, Октавиан спешно отбыл в обратном направлении и к весне 30 г. обосновался на Родосе, поближе к Сирии.

* * *

Отплыв от пелопоннеского Тенарона в сентябре, Клеопатра и Антоний пристали к африканскому берегу в Паратонионе (порт в 280 км от Александрии на египетско-ливийской границе). Отсюда царица цариц поплыла в родную столицу, Антоний же, наострясь в Киренаику за 4 стационарованными там под командой Л.Пинария Скарпа легионами, потерял еще некоторое время на побережье. Согласно Плутарху (Ант.69), он предался подавленному уединению в обществе двух друзей — греческого ритора Аристократа и римлянина Луцилия. Луцилий, в прошлом близкий друг М.Брута, выказал в дни Филипп отважную готовность пожертвовать собой, выдав себя нагрянувшим врагам за Брута. Тогдашний герой Филипп восхитился мужеством самопожертвователя и навсегда с ним сдружился. Один из немногих Луцилий до самого конца сохранит верность Антонию.

* * *

Тем временем, полная отчаянной решимости Клеопатра, боясь мятежа египтян и спеша опередить весть о поражении, вошла в александрийскую гавань под корабельные фанфары, громогласно оповещая подданных о победоносном возвращении царского величества из похода. Но свежие

новости, как выяснилось, опередили ее и в городе уже судачили об акцидном крахе. Оппозиция подняла голову. Повелительница ответила жесткими репрессиями. Правительственный террор — многочисленные аресты и казни с конфискацией имущества, сделался повседневной нормой. Террору и конфискациям подпали даже влиятельное жречество и храмовые сокровища. Внучка и дочь Лагидов выкачивала средства на продолжение войны, хотя конкретного плана дальнейших действий у нее не было.

В те лихорадочные конфискационно-проскрипционные будни она казнила томившегося уже три года в застенке Артавазда Армянского, послав его голову, в знак нерушимой дружбы, нареченному свояку Артавазду Мидийскому*. Еще в августе, готовясь к морскому прорыву, Антоний отправил оставленным в Армении и для поддержки мидийского венценосца легионам приказ о передислокации в Египет. Теперь, октябрьской осенью, союз лишенного александрийцами воинской помощи Атропатиды, кому не был возвращен мидийский корпус, закреплялся мертвой головой ненавистного ему Арташесиды.

* * *

Л. Пинарий Скарп, по Светонию (Цез.83), внучатый? племянник Цезаря, т.е. родственник Октавиана, назначенный в завещании наследником 1/3 состояния диктатора, в 40-е гг. сражался в рядах цезарианцев, позднее подался на Восток под начало ориентального диарха. С эскалацией противоречий Рим-Александрия он уклонился от прямого участия в войне, определенный все-таки Антонием в пограничную Киренаику на базе личного доверия, вопреки родственным узам. Видимо, между Пинарием и Октавианом наличествовал застарелый конфликт, отчего Антоний не опасался измены. Оказалось, что напрасно. Катастрофическая сентябрьская молва про боевой разгром, плюс рывок высшего командования наутек, быстро докатилась до Ливии и легат Киренаики не просто отказался служить беглому главному, но казнил явившихся к нему за легионами посыльных и передал провинцию в ведение октавиановского легата Африки Г. Корнелия Галла.

Оставленный с пустыми руками автократор сначала, впад в глубокую депрессию, покусился на предотвращенное друзьями самоубийство, а затем преследовал в Александрию, где узнал об отпадении Сирии и Иудеи. Осенью 31 г. Октавиану из Антиохии Сирийской расторопно присягнул К. Дидий, антонианский преемник умершего в 32 г. на легатском посту Л. Кальпурния Бибула. К Ироду Антоний, по прибытии в Паратонион, направил Александра Эмесского с поручением подвигнуть боеспособного сателлита на совместный оборонительный фронт. Алекс Эмесский сопровождал главнокомандующего со дня Акцидной битвы, когда спрыгнул следом за ним с флагманской галеры в пустившуюся догонять Клеопатру пентарему. Из

* Согласно Страбону (11,532), приказ о казни Артавазда исходил от Антония, но скорее, прав вменяющий инициативу Клеопатре Дион (51,5); после александрийского триумфа 34 г. Артавазд был ее пленником.

поручения ничего не вышло. Достигнув Иерусалима, хитрый сириец обнаружил у Ирода сходное желание отпасть от александрийского патроната и попросил царя иудейского о ходатайстве перед Цезарем за себя. Остроухий Ирод недолго колебался в выборе и, естественно, не советы Александра обусловили его безошибочную переориентацию. Похожим образом поступили и набатеи. Одним словом, зимой 31/30 г. владения Клеопатридов-Антонидов замкнулись пределами блокированного отовсюду Египта.

* * *

Разбившему арабов летом 31 г., в дни изнурительного прозябания антонианцев на берегах Амбракии, Ироду пришлось осенью встать перед крутыми акциейскими реалиями. Протектор проиграл. Что будет? Как уцелеть и усидеть на троне? В трактовке Флавия нависшая над Антипатридом угроза драматизирована с подачи Николая Дамасского и прижизненной мемуаристики самого царя сверх меры. В основе этой драматизации очередное поползновение суггерировать в духе *культы личности* Иродову всеимперскую исключительность и незаменимость преувеличением, в частности, его дружбы с Антонием. Оказывается, “Октавиан не считал еще Антония побежденным, пока Ирод оставался верен последнему” (И.в.1,20,1). Свет, видите ли, на *третьем не-лишнем* Ироде клином сошелся. Опять звезда экрана в кадре.

Пусть поначалу незавидная перспектива вылететь в трубу показалась и иудеям, и коронованному эдомиту почти неотвратимой. Однако, чуть позже он не мог не узнать о довольно милостивых приговорах вассальным династам на самосском судилище и потому не мог не прийти к трезвому умозаключению о не столь уж плачевных собственных шансах. Оно и верно: с чего бы не сохранить корону приструнителю инсургентски настроенных к Римской державе арабов, если прощены заместитель по антонианско-имперскому тылу Полемон Понтийский и даже участник боевого похода Митридат Коммагенский. Чем Ирод хуже или лучше Полемона, уж не говоря о Митридате? Вдобавок к тому, и Полемон, и Митридат, и Архелай, и Аминт были выдвинутыми Антония, лично Октавиану не знакомыми; а ведь иродианскую интронизацию как-никак, волею судеб, одобрил и Октавиан в Таренте. Тем не менее, риск распрощаться с жизнью, либо очутиться в ссыльной опале ценой с царство, присутствовал и немалый. Реакция властителей зачастую непредсказуема. Оттого до явки к новому хозяину с повинной надлежало чем-нибудь отличиться.

Случай представился. В начале зимы Ирод помог сирийскому легату К.Дидию остановить остервенелых гладиаторов, рвавшихся в многотысячном количестве на помощь Антонию из Малой Азии через Сирию в Египет. Сосредоточенные на азиатском берегу Геллеспонта в Кизике, они проходили здесь подготовку к намеченным в честь скорой победы над Октавианом небывалым празднествам. Согласно Диону (51,7), гладиаторы выступили маршем из Кизика, смели в дороге сквозь Анатолию заградительные кордоны Аминта Галатского и сыновей Таркондимота Киликийского и вторглись в Сирию. Под командой Дидия стояли два легиона. К ним

прибавился снаряженный Иродом воинский контингент и в результате путь гладиаторам был прегражден. На посланную ими в Александрию весть ответа не последовало. Волей-неволей они вступили в переговоры с сирийским легатом и вытребовали для себя разрешение поселиться в Дафне Антиохийской с условием не привлекаться впредь к кровавому аренному ремеслу.

Так Ирод сослужил первую службу Октавиану. Шансы сберечь голову и корону выросли.

* * *

Антоний не подал признаков жизни на гладиаторский призыв из Сирии, ибо по горьком возвращении от границ Кирены в Александрию, проинформированный о повсеместных изменах, забросил все и перебрался на мол возле Александрийского маяка. Свое одинокое жилище тут он назвал Тимонией в память демонстративно презиравшего людей за пороки афинского мизантропа Тимона (V в. до н.э.). Беспросветная апатия продолжалась до 14 января* 30 г., когда Клеопатра, наконец, извлекла хмурого отшельника наружу под девизом его 53-го дня рождения, шумно его отпразднованного. Назад в Тимонию юбиляр не захотел: ипохондрические будни сменились оргиастическими. "Клуб неподражаемых" собрался снова и возобновил гульбищное времяпрепровождение; только отныне члены корпорации именовали себя "Товариществом смертников".

* * *

В отличие от философски презиравшего порочное человечество на молу супруга, Клеопатра проявляла массу энергии, суетно перебирая разные варианты спасения. Иллюзия создания мощного антиоктавиановского блока в Афро-Азии быстро рассеялась и отпала. Затем царице померещилась осуществимость исхода в Испанию (!) и организации борьбы против Рима в союзе с местными инсургентами оттуда. Зимой александрийская чета пестовала план превращения Египта в неприступную крепость и одновременно планировала бежать куда глаза глядят. Задумку смотаться красноморским путем, под парусами, в Счастливую Аравию и дальше в Индию сорвали арабы. Подбитые К. Дидием они сожгли египетские корабли, которые Клеопатра велела перетянуть через Суэцкий перешеек из Средиземного моря в Черное.

Наряду с конструированием этих всякого рода оборонительных и эмигрантских прожектов, Клеопатриды-Антониды роковым для своих старших сыновей образом как бы позаботились об их династической будущности. В первые месяцы 30 г. в Александрии состоялась торжественная церемония провозглашения совершеннолетия Цезариона и Антиллы. Первому шел 17-й год, второму исполнилось 15 лет. Пышно манифестированный государственный акт объявлял обоих юношей ратными мужами и

* Fasti Verulani.

легитимными правопреемниками родителей. Птолемей Цезарион XV сделался равноправным соправителем царицы цариц; наследственный автократор Антилл надел, как римлянин, тогу мужа.

* * *

Касаемо Ирода — он, готовясь к весенней явке пред светлые очи Цезаря, посвятил зиму, в том числе процессуальному устранению (как врага народа) Хасмонея Гиркана.

“При таких обстоятельствах Ирод считал полезным избавиться от Гиркана, в котором видел единственного себе соперника, имеющего право на царский престол; при этом он рассчитывал, что, если он сам удержится и избежит грозящей опасности, в настоящем положении дел для него будет выгоднее, если не найдется человека, имеющего больше прав на царский престол, чем он сам; если же придется потерпеть от Цезаря, то он все-таки считал более целесообразным избавиться от Гиркана, не желая, чтобы последний стал его преемником по престолу” (И.д.15,6,1).

Инкриминированное Гиркану преступление выглядит во флавиевском воспроизведении со слов царственного мемуариста следующим образом. Царская теща Александра, рассчитывая на новый поворот дел в связи с поражением Антония в ущерб Ироду, уговорила вялого отца бежать под защиту арабского царя Малха, переждать там летальный исход узурпатора и преспокойно вернуться на царство. После первоначальных колебаний, старик согласился и вручил “одному из друзей своих, некоему Досифею письмо, где он просил араба прислать ему всадников, которые могли бы взять их и проводить до Асфальтового озера, отстоящего от пределов Иерусалима на расстоянии около 300 стадий” (15,6,2). Досифей, однако, предпочтя снискать себе милость царя, выдал план бегства. Царь похвалил его и приказал “довести дело до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить Малху и получить от него ответ” (15,6,2). Малх изъявил готовность принять Гиркана с членами семьи, плюс всех их единомышленников; обещал прислать к Мертвому морю рать для эскортирования почетных гостей-беженцев в Аравию и оказать им всяческую поддержку во всем, в чем бы они ни нуждались. “Заимев это письмо, Ирод немедленно послал за Гирканом и спросил его не заключил ли он союз с Малхом. Когда же Гиркан стал отрекаться, он в заседании синедриона предъявил ему письмо и велел казнить его” (15,6,2).

Далее Флавий приводит, помимо Иродовой версии, проиродианские мнения “других писателей”, которые говорят о казни Гиркана в наказание за всегдашние антииродианские интриги или за принятие им в подарок от Малха четверки арабских скакунов, в чем Ирод усмотрел подкуп и измену. Ни одну из приведенных обвинительных версий автор “И.д.” не разделяет, правильно вменяя квелому Гиркану почти абсолютную неспособность к государственным делам, тем более к заговорам, и видя причину произошедшего в свержподозрительности “одного только Ирода” (15,6,3).

Ясно, что безжалостное жертвоприношение немощного старика совершилось прежде всего на алтаре политико-династических резонов.

В постакийской ситуации оппозиционеры уповали на скорый конец тирана. Повторим: утратив право первосвященствовать в силу физического увечья, Гиркан в условиях упразднения хасмонеийской теократии парадоксально приобрел светское право реституироваться на троне предков как царь. Перед поездкой на суд к победителю Ирод боялся оставить единственного тронного контрпретендента в живых. Если придется потерпеть от Октавиана и поплатиться, то, вне зависимости от того, как — головой или короной — Гиркана, в любом случае, выгоднее убрать: нет человека — нет проблемы! Сама мысль о том, что пожилой и слабосильный Маккавей, пусть даже совсем ненадолго, пусть даже формально, займет добытый с таким трудом престол пусть даже казненого Ирода, была последнему невыносима (некоторые мертвецы нуждаются в припарках). Не менее невыносимо было бы для него узнать о Гиркановом воцарении, лишившись короны. А так, если старик — бельмо в глазу — мертв, царство, вероятнее всего, сразу перейдет к малолетним принцам смешанных кровей при регентстве младшего Антипатрида — Фероры. (Ни Мариамне, ни Александре муж и зять не намеревался позволить пережить себя ни на троне, ни в жизни.) Кровожадный инстинкт самосохранения побуждал к политическому убийству; династические гарантии собственного потомства и иудейского клана призывали элиминировать любое конкурентоспособное начало.

Содержало ли предъявленное Гиркану обвинение хоть крупинку правды? Нет: все от начала и до конца — ложь, фарс, инсценировка. Ирод оборотисто сфабриковал* против пугливого старика дело и устроил заказной показательный процесс — один к одному в духе сталинских политических процессов 30-х гг. XX в. Поразительна сходная режиссура с предъявлением поддельных писем и фабрикации липовых улик. Причем обвинение заковано на идеологически продуманной, на выразительно антииудейской = антиримской подоснове “предательских умыслов и действий” Гиркана. Смотрите, иудеи: потомственный Хасмонеий изменнически сговорился с врагами Израиля! Смотрите, римляне: представитель прежней нелояльной к Риму династии вошел в сговор с ненадежными вассалами римлян — арабами! Сталин неспроста ставил в вину своим противникам сакральный в глазах русского народа компромат — шпионаж в пользу иностранных государств и подрывную работу. Не далее как вчера арабы подло убили иудейских послов, мнили воспользоваться землетрясением, чтобы погубить еврейство, были героически одолены спасителем Израиля — Иродом, и вот Гиркан хочет просить у них убежище, хочет договориться с Малхом на пагубу иудеям и их законному царю Ироду. Налицо, кроме государственной измены, святотатство. Да и римлянам Ирод, разоблачив опасный заговор, оказал ценную услугу, поскольку совсем недавно арабы попытались избавиться от державной опеки и лишь благодаря Иродовым усилиям ныне покорствуют.

Короче, различные спектры и нюансы предусмотрены, судебно-теат-

* Симптоматично, что при фабрикации дела был использован “сюжет” 60-х гг. I в. до н.э., когда Гиркан, поддавшись на уговоры интриговавшего против Аристовула Антипатра бежал вместе с ним к арабам (И.д.14,1,4).

ральная постановка разыграна, окончательный не подлежащий обжалованию приговор приведен в течение 24 часов в исполнение*.

Пусть современники и потомки читают государственные архивы, царские воспоминания и мнения “других писателей”!

* * *

Разберем существенные хронологические ориентиры и выправим неточности флавиевского текста.

1. По поводу арабского царя Малха принято думать, что он, воцарившись в 59 г. до н.э., умер то ли в 30, то ли не позднее 28 г. до н.э. Так, например, у Шюрера (1,735) и в RE (14,1,857-58) значится 28 г., правда, с оговоркой: последние сведения о жизнедеятельности Малха исходят от Флавия и касаются интриги Ирода против Гиркана в 30 г. Тут же отмечается допущенная Флавием ошибка, состоящая в том, что в “И.в.” Малх представлен как жертва устранившей его, сродни Лисанию, руками Антония Клеопатры (1,22,3). Фактическая ошибка, действительно, очевидна: до мыса Акции Клеопатра Малха не устранила; после Акийского поражения устранить не могла, руки были коротки. Но информация содержит побочное указание на смерть арабского царя еще при жизни Клеопатры, то есть самое позднее в 30 г. до н.э. С другой стороны, “гирканская афера” Ирода подтверждает, что Малх был еще жив зимой 31/30 гг., а спорная монета его преемника Обода, на которой проставлен 26-й год правления, доказывает (см.ниже) факт наследования Обода умершему Малху до новогоднего по набатейскому календарю дня 21 марта 30 г. до н.э.** Стало быть, казнь Гиркана и последовавшая вскоре после нее кончина Малха имели место зимой 31/30 гг. до н.э.

2. О Гиркане Флавий сообщает: “В данное время ему шел уже 82-й год...” (И.д.15,6,3). Неверно. Гиркан был старшим сыном Александра Янная и Саломии Александры. Саломия вышла замуж за освобожденного ею из

* Вероятно, официальное обвинение отличалось от увековеченной приблизительно 20 лет спустя версии мемуаров тем, что в нем не фигурировала Александра, подпавшая косвенному обвинению как теневая поджигательница “преступления” позднее, задним (мемуарным) числом. Т.е. в 30 г. вина целиком инкриминировалась Гиркану, ибо флавиевское упоминание о каком-либо наказании Александры в пору, когда Клеопатра уже не могла ей помочь, свидетельствует о полной первоначальной непричастности царской тещи к “делу Гиркана”.

** Сегодня, с недавнего времени, на основе нового археологического и нумизматического материала, начало правления царя Малха датируется историками 59 г. до н.э. Раньше (см.Шюрер и RE) оно датировалось временем около 50 г. Сообразно открытой в дельте Нила эпиграфической надписи, 26-й год правления Малха соответствует 18-му году царствования Клеопатры = 34/33 гг. до н.э. Первые историко-литературные сведения о нем относятся к 47 г., когда он, согласно Цезарю, привел ему на помощь всадников в Александрийской войне (Bellum Alex.1,1). Монеты предшествовавшего Малху царя Обода снабжены 3-м годом его правления. Вместе с тем, очевидно, что Обод не мог воцариться ранее 62 г., так как тогда еще царствовал Арет III, против которого помпеянский легат Сирии Эмилий Скавр предпринял в 62 г. поход (И.д.14,5,1). “Максимальная” монета Малха презентует 28-й год правления и таким образом выпадает на 32/31 гг.

застенка Александра по смерти своего мужа Иуды Аристовула (брата Янная), то есть не ранее 102 г. до н.э., когда Иуда, процарствовав всего около года, умер (И.д.13,12,1). Следовательно, в начале 30 г. Гиркану мог идти самое большее 72-й год*.

3. Относительно профессиональных этапов Гиркановой жизнедеятельности, в некрологе “И.д.” сказано: “С самого начала, когда царство перешло к его матери Александре, он был назначен первосвященником иудейского народа и девять лет занимал эту почетную должность. Затем, после смерти матери, царство перешло к нему, и он правил три месяца, после чего был смещен своим братом Аристовулом, но затем вновь восстановлен в своих правах Помпеем. Пользуясь всеми знаками почета, он пребывал правителем в течение сорока лет. Будучи вторично свергнут с престола, а именно Антигоном, и изувечен им, он жил в плену у парфян. Через некоторое время он вернулся от них на родину, побуждаемый к тому упованием на поддержку со стороны Ирода...” (И.д.15,6,4).

Дадим сначала краткую хронологическую сводку, а потом постараемся объяснить, дополнить и исправить вышепротитированную и иную содержащуюся в “И.д.” приложительно к Гиркану летоисчислительную информацию.

Александра царствовала в 75-66 гг. При ней, в *золотой век* идеального домессианского дуализма, Гиркан был первосвященником 9 лет. С 66 по 63 гг. он, пробыв теократом около 3-х месяцев, и будучи свергнут своим братом Аристовулом, не занимал никаких постов. Осенью 63 г. Помпей, завоевав Иерусалим, сделал его первосвященником и этнархом, но не царем. В 57 г. Габиний, реформируя Иудею, упразднил этнархию, оставив за ним лишь первосвященство. В 47 г. Цезарь вернул ему титул этнарха. В 38 г. парфяне увели его в плен; в 33 г. он вернулся; не позднее начала 30 г. погиб.

“Сорок” транспарированных Флавием традиционных или *библейских* лет Гирканова правления слабо отображают действительность в том символическом смысле, что охватывают весь, без учета перерывов, период патриарше-государственной занятости Гиркана, причем включая приплюсованные ему годы правления “илегитимного” Антигона: т.е. 40 округленных лет — это суммарное время от провозглашения старшего сына Александры в 75 г. первосвященником до свержения Антигона и воцарения в 34 г. Ирода.

Далее, много ниже по флавиевскому тексту, в посвященной первосвященникам предпоследней главе “И.д.” говорится, что реституированный Помпеем Гиркан “был еще 24 года правителем, после чего парфяне перешли через Евфрат, объявили ему войну и взяли его в плен” (20,10,1). На самом деле от помпеянского назначения Гиркана осенью 63 г. до его пленения парфянами в 38 г. прошло почти 25 лет. Кстати, эта информация

* Ошибку-опisku Флавия обусловила иудейская фольклорная (нехронографическая) традиция, которая числила за Гирканом 80 лет жизни и 40 лет правления (см. “Ар.Иосифон” 4,72). В Талмуде (Йома 9а) говорится про 80 лет первосвященства Иоханана времен Второго храма; под Иохананом (Иоанн) собирательно запечатлены Маккавеи — Иоанн Гиркан I и Иоанн Гиркан II.

Флавия о 24-х годах противоречит пленению Гиркана, соответственно тому же Флавию, в 40 г., ибо в сем случае отрезок времени от назначения до пленения исчисляется всего в 23 года.

Примечательно, что церковно-христианские источники – Евсевий (134), Сульпиций Север (2,26), “Пасхальная хроника” и другие, в один голос числят за Гирканом всего-итого 34-й год или 34 года правления, притом считают эти годы сплошняком от даты смерти Саломии Александры до даты завоевания Иерусалима Иродом. Так, по “Хронике” Евсевия-Иеронима, Саломия Александра умирает (несколько раньше срока) в 68/67 гг., тогда как Ирод завоевывает Иерусалим в 34 г. Преждевременная дата смерти Саломии и сплошной счет отведенных данным образом Гиркану лет, разумеется, ошибочны, но возникает вопрос: откуда, из какого аддирования могли взяться и затем конъюктурно преобразиться в опрошенный сплошняк эти цитируемые не одним источником именно 34 года Гиркана? Оказывается, зная правильную хронологию, разложить их несложно: 9 лет гиркановского первосвященства при Александре и срок в 25 лет от реституции 63 г. до парфянского плена 38 г. дают в сумме как раз 34 года. И здесь нельзя не подметить, что, согласно флавиевской и академической модели, по которой Гиркан становится пленником парфян в 40 г., общее число т.н. лет Гиркана составит никак не почерпнутые из древнеиудейской хронографической традиции 34, а только неполные 32 года*.

* * *

“Избавясь таким образом от Гиркана, Ирод поспешил к Цезарю, причем не мог рассчитывать со стороны последнего за свои деяния, особенно же за дружбу к Антонию, на отличный прием. Так как он опасался, что Александра воспользуется удобным случаем, взбунтует народ и восстановит его против царя, то он поручил все дела брату своему Фероре, отправил мать свою Киприду, сестру и всех детей своих в Масаду и наказал брату в случае, если он услышит о каком-либо постигшем его бедствии, не выпускать из рук власти. А так как жена его, Мариамна, вследствие размолвки между ней и его матерью и сестрой, не могла жить вместе с последними, то он поместил ее с матерью Александрой в Александрионе, притом оставил их там под присмотром своего казначея Иосифа и итурейца Созма, которые с самого начала доказали ему свою полнейшую верность. Теперь он поручил

* В “Еврейском Иосифоне”(5,14) сказано, что Ирод казнил Гиркана, будучи уже три года царем. Ирод казнил Гиркана зимой 31/30 гг. до н.э., на четвертом от завоевания Иерусалима (лето) или от восшествия на престол в Иерусалиме (1 тишири) году, т.е. эти “три года” указывают на воцарение Ирода в Иерусалиме в 34, но никак не в 37 гг. до н.э.

Понятно, что говоря о трех годах, “Иосифон” бен Гориона неверно относит казнь Гиркана на 34, исчисляя иерусалимское воцарение Ирода с флавиевского 37 (год консульства Агриппы и Каниния; 185-я ол.) гг. до н.э. Но вместе с тем, как видим, счет иерусалимско-иродианских лет ведется (на манер “Арабского Иосифона”) от исторически (не по Флавию) верного 34 г. до н.э.

им надзор за этими женщинами под предлогом оказания им особенного почета. При этом Иосифу и Соэму было дано задание немедленно убить обеих женщин, если они узнают о каком-либо несчастье, постигшем Ирода, и всеми силами стараться закрепить царскую власть за его детьми и братом Феророй” (И.д.15,6,5).

Ирод поступил во многом по предлаодикейскому сценарию, но, во-первых, на сей раз он, выше оценивая степень риска, усугубил так называемые меры безопасности, во-вторых, он впервые разделил и без того внутренне расколотую царскую семью открыто, убрав из неблагонадежного Иерусалима обе ее фамильные половины. Завещательные распоряжения династического характера являлись превентивной мерой по сохранению власти в стране за идумейским кланом. В течение истекшего с 33/32 г. времени отчужденность между супругами несказанно возросла, антагонизм между родственницами — аристократками и плебейками, чистокровными еврейками и прозелитками, резко усилился. Хасмонеиские женщины смотрели на Саломию и Киприду сверху вниз, не скрывая своего спесивобрезгливого презрения к ним; Антипатридки отвечали им жгучей ненавистью. Если в вопросе гибели Аристовула царь сумел кое-как оправдаться перед женой, то убийству ставшего жертвой циничной перестраховки старика Гиркана не было оправдания. Показушно инсценированный для народа короткий синедриональный процесс не мог затушевать холодное убийство из безжалостного расчета; мало того, оно дополнительно подтвердило причину гибели юного Аристовула не в результате несчастного случая.

В общем, поместив членов раздвоенной семьи в Масаде и в Александрионе, Антипатрид с вдвойне тяжелым сердцем отчалил весной 30 г. на Родос, куда Октавиан причалил в конце зимы после италийской отлучки. Они встречались однажды, в 37 г., можно сказать, мельком, в Таренте, но запомнили друг друга: рыбак рыбака видит издалека, политик политика тем более. Плывая на судную аудиенцию, царь иудейский наверняка вспомнил мытарства изгнанного тетрарха, кораблекрушение и транзитную высадку 38/37 гг. в Родосе, где он обсох и откуда, снарядив тут первоклассную трирему, понесся в надеждах на корону дальше. Родос — спасительное пристанище тогда и пункт назначения теперь, сулил, как хорошая примета, удачу.

Тронный ответчик выработал четкую элементарную линию защиты, и представ державному властителю покаянно, без положенной к его стопам диадемы, сказал сущую правду. Верность иудейского вассала М.Антонию жидлилась на его верности Римской державе, которую римлянин М.Антоний, возведя сына вице-этнарха Антипатра в цари над иудеями, представлял. Разве последний не отличился на службе у Рима, одолев парфянского ставленника Антигона? Да и позднее, ведь Рим объявил войну не падшему загубленному квириту Антонию, а египетской бестии Клеопатре. Разве она не была и его, Ирода, друга и союзника римского народа, злейшим врагом? разве не искала она его гибели? разве не пыталась завлечь его в сети и погубить? разве не ставила на него капкан за капканом? разве не обокрала его территориально, арендно, морально? Все равно он — послушный и верный долгу союзник, не уклонялся от участия в походе верховного

протектора. Однако, по вышней воле ему не довелось попасть на Балканы; пришлось выполнять антонианский приказ: приводить к покорности арабов — союзников непослушных, коварных, неверных.

Покаянная речь завершилась обращением к Цезарю: “Так я побежден вместе с Антонием и после его падения я снял с себя венец. К тебе же я пришел в той надежде, что мужество достойно милости и в том предположении, что будет принято во внимание то, какой я друг, а не чей я был друг (И.в.1,20,1). Ай да Ирод, ай да сукин сын!

Такая отчетная платформа в коленапреклоненной, с достоинством, позе произвела должное впечатление и способствовала успеху реабилитационного предприятия. Октавиан умел разбираться в людях и усмотрел в “смирненном послушнике” весьма практичного малого, гаранта стабильности нестабильной Иудеи и полезного на пограничном Востоке вассала. Плюс к тому, под рукой имелся рапорт К.Дидия, где говорилось, в частности, о поддержке, оказанной Иродом сирийскому легату в хлопотах с гладиаторами. В “И.в.” читаем: “Квинт Дидий пишет мне, что ты ему послал помощь против гладиаторов” (1,20,2). Следовательно, ничем особо не провинившийся, деятельный, сродни Полемону Понтийскому, союзник поменял лагерь не слишком поздно; практически зарекомендоваться тоже успел. Почему бы не проявить выгодное великодушие? И почти Август увенчал нужного человека, нужный имперский кадр (а *кадры*, знамо дело, *решают все*) покорно снятой тем диадемой на царствование длиной в последующие, как выяснится, 30 лет.

* * *

Тут можно бы и закруглиться: неясностей нет, флавиевская и академическая хронология с реальностью не расходятся. Но нельзя не заострить внимание на словесных перлах цитируемого Флавием мемуариста Ирода, на степени болезненной провинциальной карикатурности присущей Ироду мании величия.

“Я, Цезарь, возведенный Антонием в цари над иудеями” — так он начинает свое оправдательное выступление на Родосе. Любопытно отметить, что это риторическое обращение как бы полностью игнорирует (впопыхах) Тарент 37 г.: даже одобрительное присутствие Цезаря при тарентской презентации Антипатрида царем в нем не чувствуется; как будто они встречаются на Родосе вообще в первый раз. Чересчур придиричивый критик, пожалуй, поставит под сомнение само Иродово путешествие в свите Антония в Тарент. Принять же за чистую монету Рим, заседание сената и совместное возведение оригинального кандидата на трон Цезарем и Антонием под руки, сквозь призму подобного обращения к Цезарю просто невозможно. В то же время при подходе умеренном дополнительно убеждаешься, что Тарент имел в тронной биографии назначенца значение побочное, что Антоний определил его в цари фактически еще в Афинах и формально доназначил в Таренте.

Разумеется, Ирод, оправдываясь перед Октавианом, не преувеличивал собственную дружбу к Антонию. Зачем наговаривать на себя? Подчеркивающие его незаменимость для Римской империи гиперболы были взяты

на вооружение впоследствии, в годы написания культово-партийной истории, в потугах маленького тирана казаться большим при кредо: слуга двух господ, Антония и затем Цезаря, в лице обоих, перво-наперво, служил и служит великому Риму. Взгляните, он чуть ли не превосходит Цезаря величием души и благородством духа; Цезарь счастлив заполучить такого друга; у Цезаря полные штаны радости; Цезарь якобы говорит винающему династу Ироду: “Тебя никто не тронет! Ты можешь отныне с еще большей уверенностью править твоим царством! Ты достоин властвовать над многими за то, что так твердо хранил дружбу! Старайся же теперь быть верным и более счастливому другу и оправдать те блестящие надежды, которые вселяет мне твой благородный характер. Антоний хорошо сделал, что больше слушался Клеопатру, чем тебя, ибо благодаря его безумию, мы приобрели тебя... Я не замедлю официальным декретом утвердить тебя в царском звании и постараюсь также в будущем быть милостивым к тебе, дабы ты не имел причины горевать об Антонии” (И.в.1,20,2). Комментарии, как говорится, излишни.

В “Древностях” текст сдержаннее, но и здесь, со слов *инженера человеческих душ* Н.Дамасского сказано, что, венчая Ирода царским венцом, Цезарь “просил его об одном лишь: быть с ним также дружным, как дружен он раньше был с Антонием” (15,6,7).

Касательно поданного Иродом Антонию совета, которым он кичился на Родосе, устранить пока не поздно Клеопатру и помириться с Октавианом (причем совета поданного будто бы после Акцийской битвы, при личной встрече, никогда после Акция не имевшей места быть), похожий совет Ирод и вправду мог разгромленному экс-протектору подать, но только письмом из безопасного далека. И сделал он это (если, конечно, он это сделал) уже твердо переменяв патронат, с умыслом рафинированно пригнуться новому властелину Цезарю, а никак не для спасения политического трупца Антония.

Ниже у Флавия в “И.д.” наличествует информация о подтверждении царских прав Ирода сенатским постановлением, т.е. в перспективе сенат по представлению Октавиана утвердил или новоутвердил его царем иудейским. Впору напомнить о Таренте и о посттарентском предположительном сенатском постановлении 37 г. Заочный акт римского совета старейшин после родосской аудиенции указывает на вероятность аналогичного заочного акта после тарентской конференции.

Итак, поездка на Родос прошла успешно*. Ликуя, ездок при короне

* Единственное, что Ироду не удалось — это выхлопотать амнистию Александру Эмесскому, кого Октавиан клятвенно обещался казнить (И.д.15,6,7). Алекс Сириец прибыл на Родос в обществе Ирода, уповая на его ходатайство, был взят под стражу и заключен в оковы для проведения в триумфе и казни. Он больше, чем кто-либо другой, побуждал Антония наговорами в угоду Клеопатре к разводу с Октавией, а позднее добился княжества, обвинив брата в приверженности Октавиану. Плутарх (Ант.72) вряд ли прав, называя местом казни династа Лаодикею Сир. (город, где он родился), поскольку у Октавиана имелись все основания не казнить знатных пленников до своего триумфа.

возвратился в Иерусалим, “чем крайне поразил всех, кто ожидал совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по милости Предвечного, всегда выходит из опасности лишь с большим и новым блеском” (И.д.15,6,7). Сим испытательный этап яростной борьбы за выживание и политическое самоутверждение закончился. Начинался период политического благоденствия.

* * *

Мало полагаясь на идею превращения Египта в неприступную крепость, Клеопатра и Антоний попробовали завязать переговоры с Октавианом как бы вместе и как бы порознь.

До того, зимой, царица цариц, наряду с организацией шумных официальных торжеств и участием в предсмертных увеселениях, приступила к поиску наиболее безболезненного способа перехода в лучший из миров. Эксперименты с растительными и животными ядами проводились в ее присутствии на приговоренных к высшей мере наказания преступниках. Дотошные пробы привели к выводу: едва ощутимый укус аспида вызывает у человека без судорог и мучений необоримый сон. Погружение в вечность сопровождается легкой испариной на лбу, не обезображивая умершего какими-либо внешними признаками. “Божественная Изиды” хотела быть неотразимой и на смертном одре.

Первое александрийское посольство застало Октавиана, видимо, на Родосе. Клеопатра прислала победителю царские инсигнии: скипетр, золотой венец и трон Птолемея-Лагидов. Она смирялась перед сильнейшим, прося о династических гарантиях для своих детей и взывая о милости хотя бы к ней, если помилование Антония невозможно. Его челобитная выглядела скромнее и испрашивала взамен на отказ от титулов и званий позволение, в случае недопустимости дальнейшей частной жизни в Александрии, провести остаток дней на правах простого гражданина в Афинах. Былого коллегу Цезарь II ответом не удостоил; от царицы капитулянтские изъявления принял. Тем не менее, на публику он разразился угрозами в ее адрес, но, согласно Диону (51,6), тайно уведомил египтянку, что по подобию предшественников равнодушен к ней и что поразмыслит над прошением при одном условии, а именно — ей надлежит прежде умертвить Антония. Курс на ликвидацию героя Филипп не руками Рима осуществлялся последовательно, не претерпевая изменений.

Вторая посольская миссия доставила Октавиану уже, вероятно, в Сирии, где он высадился с войском для похода на Египет, крупные денежные суммы. Клеопатра обошлась без слов; Антоний, напротив, выказал письменную словоохотливость: напоминал адресату о когдатозных дружеских и родственных узах, перечислял совместные проказы и силился оправдать фатальный союз с той, кто суждена ему необоримой судьбой. Ради ее спасения и сохранения за ней трона он соглашался покончить самоубийством. Поступок рыцарский, достойный восхищения, не так ли? Правда, худшего конца экс-диарх одновременно желал избежать и в видах на снисхождение выдал пасынку Цезаря на расправу верного сторонника,

сенатора П.Туруллия, одного из убийц божественного Юлия.

Став антионианцем, республиканец Туруллий занимался в Эгейском бассейне антионианским судостроительством и совершил кощунство: приказал вырубить для флотских нужд священную рощу Эскулапа на острове Кос. Октавиан удовлетворенно велел казнить выданного “пятнадцатимартовца”, причем на оскверненном им острове, и за два преступления сразу. Эта казнь была последней экзекуцией над последним* из убийц Цезаря, ни один из которых не умер естественной смертью. Все они, от Требония** до Туруллия, погибли насильственно, кто в битве, кто на плахе, кто в кораблекрушении, кто от своей или подсобной руки. Светоний пишет (Цез.89), что некоторые поразили себя тем самым окровавленным 15 марта 44 г. кинжалом.

Впрочем, откупиться приверженцем Антонию не светило. Октавиан опять не удостоил его ответом. В отношении Клеопатры двусмысленный обнадеживающий ответ повторился. *Первый консул* опасался как гибели царицы, так и уничтожения ею несметных сокровищ. Он не намеревался лишать ее жизни ни до, ни после победного триумфа в Риме, главным украшением которого ей предназначалось сделаться.

И в третий раз к главному, быть может, на марше через Палестину, наведались просители. Юный сын Антония Антилл, привезя кучу денег, безмолвно Октавианом принятых, повернул с пустыми руками назад.

* * *

Царь Ирод салютовал идущим на Александрийскую войну римлянам возле Птолемаиды.

“Когда император прибыл, он принял его с царской пышностью около Птолемаиды, угостил все его войско и изобильно снабдил его всеми припасами. Таким образом, он вскоре попал в число наиболее близких императору людей. Во время военных смотров он сопровождал Цезаря верхом, примкнув к его свите с отрядом из блестяще и богато вооруженных 150 человек. Вместе с тем, он сопровождал императорское войско также по пустынным местностям. Самому Цезарю он преподнес в подарок 800 талантов и этим заставил всех предположить, что данный подарок превзошел все платежные силы его царства. Это уверило всех еще более в его преданности и расположении и для него было весьма полезно, что он успел так кстати выказать свое великодушие” (И.д.15,6,7).

* Веллей (2,87) и Орозий (6,19) называют “последним” преданного смерти в Афинах Кассия Пармского, но, по всей видимости, ошибаются, из-за его скандально-литературной известности и особой враждебности Октавиану в сравнении с малоизвестным Туруллием. Согласно Валерию Максиму (1,7,7), Кассий Пармский, кому приснился вещий предсмертный сон, был казнен вскоре после Акцийского сражения, т.е., надо полагать, в дни пребывания Октавиана осенью 31 г. в Афинах.

** Требоний отвлек и задержал разговором Антония, следовавшего утром 15 марта вместе с Цезарем в курию; был казнен Долабеллой в январе 43 г. в Смирне.

Резюмируем риторику насчет *особо приближенных особ* беспретенциозной прозой: Ирод взял на себя заботы по провиантированию римской армии в дороге вдоль палестинского берега на Пелузий – пограничный синайский ключ к Египту.

Тем временем, его семейные дела продолжали ухудшаться пуше прежнего. Мариамна выведала у итурейца Созма приказ царя убить, при известии о провале родосского вояжа, обеих помещенных в Александрионе женщин. Помня лаодикейский прецедент, мать и дочь, конечно, поняли, что их изолировали в цитадели “не в видах их личной безопасности, но как в крепость, где они не только потеряли всякую власть над другими, но и не были в состоянии распоряжаться собой” (15,7,1). Стремление полупленниц расположить к себе стражу, от которой они полностью зависели, привело в итоге к красноречивым откровениям Созма. Он, как более двух лет назад Иродов дядя Иосиф, сообщил им о данном ему тайном поручении. Однако, в отличие от благодушного Иосифа, Созмом, кто преждевременно списал уплывшего на Родос хозяина со счета, руководила корысть. “Он решил сделать многое в угоду этих женщин, которых, по его расчетам, никак не минует власть и которые впоследствии особенно щедро наградят его, когда сами овладеют престолом, или, по крайней мере, станут в близкие отношения к будущему царю. Но он не боялся ничего даже в том случае, если бы Ирод, устроив все по своему желанию, вернулся назад, потому, что и при таком стечении обстоятельств Ирод ни в чем не откажет жене своей...” (15,7,1).

Роковой жребий казненного Иосифа не удержал Созма от рискованного признания и стовора с Хасмонеиками, т.е. двуличный страж не опасался растроганной доверительности между супругами даже в случае удачного возвращения Ирода, хотя в таковое почти не верил, и во всех случаях рассчитывал на благодарную памятьливость Мариамны. Это наглое поведение итурейца ясно показывает насколько углубился семейный конфликт в дворцовом Иерусалиме со дней разбирательства в Лаодикее.

До гибели Аристовула гордая Мариамна на определенном этапе любила победоносного мужа, потом терпеливо сносила страстную любовь к себе. С убийством Гиркана и с повторным ликвидаторским приказом, отданным уже не столько из ревности, сколько из кланово-династической нетерпимости, чаша терпения переполнилась. Ныне в ее отношении к Ироду возобладало перманентное отторжение. Время от времени она еще примирялась и сходилась с ним (в 30 или в 29 гг. она родила ему их последнего пятого ребенка), но теперь лишь подневольно либо притворно, и не переставая его ненавидеть.

Трагическая развязка постепенно назревала. Ирод “совершенно растерялся при виде такой нескрываемой неприязни со стороны жены, опечалился, но не считал возможным отказаться от любви к ней. Он то не мог сдержать свой гнев, то снова примирялся с ней, переходя от одного к другому и всегда сильно страдая. Таким образом, обуреваемый и ненавистью, и любовью к ней, он несколько раз был готов казнить ее за пренебрежение к нему, но каждый раз чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы устранить от себя эту женщину навсегда” (15,7, 2).

Пользуясь подходящей атмосферой, Саломия и Киприда неустанно подливали масло в огонь, приписывая Мариамне все смертные грехи и подвигая Ирода на расправу.

Фамильная язва мешала удачливому монарху насладиться от всей души плодами на политическом поприще. Он прибыл с Родоса, он встречал и провожал Цезаря в поход на Египет, раз за разом возвращаясь к отравленному домашнему очагу. Он и в августе 30 г., получив сообщение о конце Александрийской войны, поспешил в страну пирамид, оставив семейные дела в прежнем расстроенном виде*.

* * *

Прежде чем римляне подошли к Пелузию, в Александрию ворвалась весть о падении Паратониона.

Антилл вернулся к отцу ни с чем, тогда как у Клеопатры после третьей переговорной попытки объявился вольноотпущенник Октавиана Тирс и, найдя теплый прием, завязал доверительную беседу: выдвинул знакомые условия, подчеркнул чувственные порывы сиятельного шефа. Интимное собеседование вызвало взрыв негодования у загнанного александрийского мужа. Тирс подвергся аресту, бичеванию и высылке с сопроводительным письмом. В письме говорилось о сверхраздражительности человека в несчастье и о дерзком поведении визитера. Антоний предлагал Октавиану расквитаться сходным бичеванием своего бывшего вольноотпущенника Гиппарха. Гиппарх успел ранее поменять лагерь, в связи с чем гимнасиарх горько съязвил напоследок. Из данного эпизода видно, что по возвращении сына Антилла дипломатические иллюзии родителя развеялись безостаточно.

И тут поступило пренеприятнейшее известие: принявший от Пинария Скарпа 4 легиона и верховенство над Киреной Корнелий Галл занял крепость и порт Паратонион — единственное серьезное препятствие на пути к египетской столице с ливийского запада.

В 30 г. под началом Антония в Египте было, точнее, осталось от прежней армии 5 легионов (3 резервных и 2 отозванных в 31 г. из Армении). Во главе части наличных сил он кинулся к Паратониону, думая личным появлением переманить своих вчерашних солдат и вынудить прочих к отступ-

* По обзорному рассказу “И.в.”, история с приказом убить Мариамну имела место всего один раз, причем приказ был отдан дяде царя Иосифу, причем дело закончилось казнью и Иосифа, и Мариамны (1,22,4,5). На основании этого рассказа, Отто (51) и некоторые другие исследователи напрасно вменяют Флавию неправомерное удвоение, дублет в “Древностях”, где автор, наоборот, углубился в тему и обнаружив при помощи новых источников два вместо топо, исправил допущенную в “Войне” ошибку. Между обеими историями, без сомнения, есть немалое сходство, но хронологическая и фактическая разница между ними слишком существенна, чтобы ее не заметить, и потому сводить ради упрощения два к одному незачем. Кроме того, Мариамна была казнена отнюдь не сразу после второго возвращения Ирода, т.е. с Родоса. Следовательно, одноактная, согласно “И.в.”, драма произошла на деле за четыре года (33-29 гг.) и в несколько актов-этапов.

лению. Но смекалистый Корнелий, стихотворец-элегист, меценат, близкий друг Октавиана и Вергилия, пустил в ход боевую трубную музыку и заглушил обращенный из-под крепостных стен к солдатам голос агитатора-полководца. Хуже того, внезапная вылазка галловцев привела к поражению и к спешному отходу антонианцев при тяжелых потерях*.

В Александрии разбитого на западе главкома ждала катастрофическая новость о сдаче Пелузия на востоке. Отлично оборудованная цитадель на подступах к дельте Нила могла выдержать длительную осаду, однако, не устояла, внешне — перед штурмом, в действительности — из-за плохо прикрытого капитулянтства. Повинуясь секретной директиве Клеопатры, местный стратег Селевк охотно предался врагу. Дабы рассеять подозрения разъяренного супруга, царица разыграла сцену гнева и выдала ему на расправу семью Селевка.

Между тем, бичеванный Тирс снова наведался в Александрию. Октавиану сообщили о намерении египтянки запереться в недостроенной гробнице с угрозой покончить самосожжением и уничтожением перенесенных туда ценностей, в случае невыполнения выдвинутых ею династических требований. Вместо каких-либо официальных гарантий вольноотпущенник сделал устные утешительные заверения и незаметно исчез.

В столичном пригороде, у ипподрома, Антоний на диво всем предпринял удачную кавалерийскую атаку, нанеся поражение изнуренным долгими переходами легионам противника. Окрыленный успехом, выиграв паузу, он забросал октавиановцев приколотыми к наконечникам стрел листовками, суля каждому перебежчику наградную сумму в 6 тыс. сестерциев. Построив легионеров, Октавиан зачитал им призывные агитки: охотников поддаться мнимому соблазну, естественно, не нашлось. Бежали и, притом, массово от Антония. Отличившийся более других в успешной атаке кавалерист был представлен Клеопатре**, днем получил в награду золотой шлем, а ночью переметнулся в противоположный стан.

Скрежеща зубами, герой Филипп послал Цезарю II очередной гладиаторский вызов — померяться силами один на один. Презрительный ответ гласил: дороги в (самоубийственную) смерть Антонию открыты. Тогда пос-

* Высадившись для беспримерных *ста дней* на юге Франции, Бонапарт столкнулся во Франш-Конте, у Гренобля, с во много раз превосходящей его маленькое воинство правительственной армией, посланной “это корсиканское чудовище обезвредить”. Навстречу обнажившим штыки войскам он вышел один и, распахнув свой старый серый походный сюртук, спросил: “Кто из вас будет стрелять в своего императора?” Усачи-гренадеры тотчас перешли на его сторону.

** Согласно Флавию (Против Апиона 2,5), перед падением Александрии она носилась с мыслью об уничтожении местных евреев. В I в. н.э. александрийская еврейская диаспора составляла 200 тыс. человек и, значит, была в I в. до н.э. немногим меньше. Поздние Лагиды, в том числе Клеопатра, дискриминировали иудеев, которые приветствовали в 30 г. римлян как освободителей.

Не случайно Флавий дает Клеопатре уничтожающую характеристику, а “Тоссефта” (Нид.4,17) осуждает некую Клеопатру, производившую эмбриологические опыты на приговоренных к смерти рабынях.

ледний, приготовясь к смертному бою, расположил остаточное воинство — пешее и конное, в районе ипподрома, на холмах недалеко от моря, и приказал египетскому флоту атаковать приближающийся римский. В ответ боевая эскадра под стягом Лагидов подошла на виду у сухопутных антонинцев к римлянам и приветственно присоединилась к ним. Флотский маневр заразительно подействовал на антонинскую конницу, немедленно уподобившуюся египетским морякам. Пехота проиграла короткую стычку и беспорядочно отступила в город, видя, как римские корабли входят в гавань.

Покинутый одинокий полководец без армии искал смерти с мечом в руках, яростно атакуя вражеских кавалеристов. Те только парировали удары, прикрываясь щитами. Обезумев от бессилия, он понесся во дворец, истошно крича о предательстве Клеопатры, ради которой пожертвовал всем. Несомненно флот выполнил ее приказ. Она же удалилась в обществе евнуха Мардиона и двух любимых рабынь в мавзолей, наказав дворцовой челяди оповестить мужа, что мертва. Дезинформация сработала точно. Поверив, Антоний велел верному рабу Эросу заколоть себя. Но Эрос закололся на глазах у хозяина и тот попробовал последовать его примеру. Рукам не достало твердости; рана оказалась не мгновенно смертельной; самоубийца получил мучительную отсрочку. На призыв помочь умереть никто не откликнулся. Дворня подняла вопль. В недостроенную наглухо запертую изнутри гробницу доложили через проем вверху о случившемся и к истекающему кровью смертнику явился писец царицы Дикомед, уполномоченный доставить его к ней. Три женщины с трудом втащили обернутого окровавленными простынями и обвязанного веревками мужа наверх, где он на руках у Клеопатры испустил дух, завещав ей выжить и не жалеть о нем*.

1 августа 30 г. до н.э. — дата вступления Октавиана в Александрию в день смерти Антония. Эта историческая дата обрела вскоре летоисчислительное значение, как эпоха эры *завоевательной* александрийской эры кесаря Августа.

* * *

Клеопатра жила до середины августа**. Друзья-соратники Цезаря II — Г.Прокулей и вошедший в город во главе африканских легионов с запада Корнелий Галл, выполняя высочайшее поручение, имитировали отвлекающие переговоры и ловко завладели мавзолейным убежищем. Богемный Галл вступил из-за замурованной двери в проникновенный разговор; ловкий Прокулей взобрался, улучив минуту, по приставной лестнице и

* Последними словами умирающего Наполеона были: “Франция... Мой сын... Армия...” Нет, Антоний совсем не Наполеон!

** Уже целовала Антония в мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.

(А.Ахматова)

проник сквозь злосчастную нишу вовнутрь. Не выговорившая никаких конкретных обещаний, огорошенная нападением царственная обитательница домовины попыталась заколоться кинжалом, была обезоружена Проклуем, взята под стражу и препоручена надзору Октавианова вольноотпущенника Эпафродита. Ей позволили совершить ритуальное погребение Антония, снабдив ее всем необходимым, а затем перевели во дворец — место домашнего ареста.

Мягкая почтительность стражей не обманула прозорливую женщину. Перед ней неотступно маячила картина вражеского триумфа с кошмарным шествованием по улицам Рима. Ливий (133) сообщает, что не веря милостивому обхождению стражей, пленница без конца повторяла по-гречески: “Я не дам провести себя в триумфе.” В горячке, температура, она отказалась от приема пищи. Ей безжалостно указали на прямую зависимость судеб ее детей от прилежного поведения матери и опять смутно обнадежили. Встрепенувшись, больная попросила об аудиенции на высшем уровне. Римлянин № 1 ответил визитом вежливости. К полному ужасу легендарной чаровницы он уделил гораздо больше внимания покорно поданной ему описи птолемейских сокровищ, нежели ее прелестям и шарму. Вариант *повелевать повелителем* здесь не проходил. Она раз и навсегда поняла: растопить это рассудочное сердце не удалось и никогда не удастся. Пусть Октавиан не собирается ее казнить, даже неопределенно обещал беззаботное будущее, но короны никому из Птолемеев уже не видать, династия погибла, а самое страшное в том, что триумфатор ни в коем случае не откажет согражданам в удовольствии лицезреть поверженного развечанного врага № 1 на праздничных авеню столицы мира. И что дальше? Ссылная тоскливая жизнь, вернее, дожившие на каком-нибудь скалистом средиземноморском острове под охраной.

Развязку ускорил офицер октавиановской свиты К.Долабелла. Не в пример главному очарованный и преисполненный сострадания к печальной пленнице он тайно уведомил ее о предстоящей днями отправке в Италию. Поскольку сам Октавиан отклонялся успокоенным, бдительность часовых несколько ослабла. К середине августа узница вручила Эпафродиту важное письмо на имя Верховного, чтобы услатить опытного стража из дворца. После его ухода, ко входу во дворец подошел с большой полной корзиной инжира для хворающей царицы некий крестьянин. Охрана удивилась красоте и величине плодов: на предложение отведать отведала и, ничего не заподозрив, пропустила корзину по назначению. Укус запрятанного в ней черного аспида оказался едва ощутимо смертельным. Клеопатра сумела уйти посредством легчайшего из испробованных ею на подопытных людях видов смерти. Смертное ложе не обезобразило тихо умершую и ей никогда не стало больше 39 лет*.

“Никто не знает точно, от чего она умерла” — пишут античные авторы,

* По Страбону (17,796), она была средней из трех сестер, дочерей Птолемея Авлета. Старшую, Веренику, кого александрийцы предпочли на троне изгнанному ими Птолемею, казнил вернувшийся царство при помощи римлян отец (55 г.); младшая, Арсиноя, погибла с нележкой руки Клеопатры и по приказу Антония (41 г.).

предлагая наиболее достоверную версию со змеей и малоприметными укольными пятнышками на теле. Так или иначе, год спустя триумфальной процессии в Риме сопутствовало живописное изображение всемирно прославленной и ославленной женщины, кисть руки которой обвивала змея. Две преданные рабыни и оберевнух Мардион добровольно умерли вместе с ней. Запоздалая тревога и посильные потуги римлян реанимировать труп ни к чему не привели. Выказанную в доставленном Эпафродитом послании просьбу покойницы быть погребенной возле Антония Октавиан исполнил*.

* * *

Погибли также оба принца крови – Антилл и Цезарион; погибли не без вины облекших их наследственно-династическими правами родителей. Антилл умер первым, еще при жизни Клеопатры. Расчетливо жестокий победитель не пощадил юнца, надевшего тогу *virilis*. У Светония сказано: “Молодого Антония, старшего из двух сыновей, рожденных Фульвией, после долгих и тщетных молений искавшего спасения у статуи божественного Юлия, он велел оттащить и убить. Цезариона, которого Клеопатра объявляла сыном зачатым от Цезаря, он схватил во время бегства, вернул и казнил. Остальных детей Антония и царицы он оставил в живых и впоследствии поддерживал их и заботился о них как о близких родственниках, сообразно с положением каждого” (Авг.17).

Соответственно Плутарху (Ант.81), скрывавшегося Антиллу подло выдал его наставник Теодор, который затем попытался присвоить драгоценный камень с обезглавленного тела, был уличен, разоблачен и распят. Цезарион, отправленный матерью на юг искать убежище в Эфиопии, вернулся, поверив предательским уговорам своего наставника Родона: Цезарь, мол, хочет сделать тебя царем Египта. Октавиан, вероятно, узрев сходство юноши с Ю.Цезарем, на какой-то момент застыл в нерешительности. Однако, весьма авторитетный для него местный философ-стоик Арей, встав в гражданскую позу, глубокомысленно молвил: “Много Цезарей не к пользе.” И голова несчастного Цезариона скатилась.

Гениальный поэт сказал:

Презренье к ближнему у нюхающих розы
Пускай не лучше, но честней гражданской позы...

(И.Бродский)

Правильно! Только вот, что делать с теми, кто и розы нюхает, и в гражданскую позу становится? Впрочем, с мудрствованиями или без мудрствований

* Когда зарыдала страна над немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых гостей ожидала царица нагою...

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

(Н.Гумилев)

Арея родному сыну Цезаря все равно не было спасения. Арей перефразировал Одиссея у Гомера: “Лишь один должен повелевать!”

Из числа высокопоставленных антонианцев казни подверглись не выказавший, если верить Веллею (2,87), мужество перед лицом смерти Канидий Красс и не постыдившийся, согласно Орозию (6,19), заведовать ткацко-прядильным бабьим ремеслом при дворе Клеопатры – “оскорбитель величия римского народа” сенатор К.Овиний.

* * *

Взятая без боя Александрия избежала солдатского разгрома. В речи, обращенной к александрийцам (в достопамятном гимнасионе) по-гречески, единственный распорядитель *Impregium Romanum* заявил, что щадит город ради его великого основателя, дивной красоты, бога Сераписа и мудреца Арея. Удостоенный с занятием мидраимской столицы публичного рукопожатия Арей примкнул к окружению римлянина № 1 и обретался в нем долгие годы.

И Светоний (Авг.17), и Дион (51,17) говорят о благоговейном осмотре победителем мумии Александра Македонского, чей саркофаг специально вынесли к нему из гробницы: “В знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть на усыпальницу Птолемея, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов.”

Средств, добытых в стране-на-Ниле, хватило на все. Лишенные грабительской наживы легионеры получили по 1000 сестерциев каждый; ветеранская проблема вскоре прекратит свое существование; новые массовые демобилизации и сокращение более, чем вдвое, общего числа легионов пройдут безболезненно; о роскошных подарках сенаторам, всадникам, различным частным лицам на месте и по возвращении упоминать излишне. Золото Лагидов беспрецедентно обогатило римлян.

Египет – хлебная житница Рима, превратился в провинцию под управлением назначаемого Цезарем и подотчетного исключительно кесарям, в обход отцов-сенаторов, префекта из всаднического сословия. Ни один сенатор не смел ступить в египетские пределы без кесарского разрешения; с другой стороны, нахождение египтян в Италии не поощрялось, подлежало контролю и строгому визовому режиму. Созданный Птолемеями чиновно-фискальный аппарат в системе исполнительной власти сохранялся; какая-либо законодательно-представительская самостоятельность александрийцев или аборигенов не позволялась. Три легиона остались стоять на страже особо статуйрованной императорской провинции. Чтобы она была плодороднее и больше давала бы хлеба столице, главком приказал солдатам расчистить заплывшие от давности илом каналы, по которым разливается Нил. “Земля короны” или “личное владение римского кесаря”, так, пожалуй, можно выразиться о Египте. Важность нильской жемчужины для Римской империи эпохи принципата и домината, в силу целого ряда признаков, сравнима с удельным весом Индии, как самой ценной (и самой опасной!) жемчужины в мировом ожерелье империи Британской. Первым *вице-королем* покоренной страны стал Корнелий Галл.

Побывав в Мемфисе, Октавиан отказался поклониться *золотому тельцу*, зверобогу Апису, сказав, что почитает бессмертных богов, но не рогатую скотину.

* * *

Время сомкнулось над Египтом. Человечеству надлежало уйти из Египта и Рим сокрушительно пришел на Нил, разрушив смертоносный “вариант зомби” со всей присущей выкормышу волчицы беспощадностью.

В Риме засудачили о черномагических чарах Клеопатры после бурной александрийской зимовки (48/47 г.) добытчика головы Помпея — Цезаря. Когда же далекая египетская царица появилась с годовалым ребенком на Тибре (46 г.), злая молва словно воплотилась воочию. Римляне с ужасом переговаривались о том, что эта чертовски обворожительная ведьма хочет заворожить и похитить у них доблестного предводителя. Относительно ее влияния на него не будет, наверное, ошибкой предположить непомерно раздутое впоследствии значение оного.

Любовную трагедию Антония, стойкую ему жизни, нельзя сравнивать с любовным эпизодом или романом в жизни величайшего из римлян. В конце концов, Рубикон имел место до его знакомства с Клеопатрой. Хотя через нее он был инфицирован Египтом и инфицировал Рим, но сам вовсе не настолько заболел ею, чтобы забыть себя и политико-государственные интересы. Антоний и в любви шел по стопам мертвого диктатора. Посредственный гос. муж пренебрег древней мудростью: то, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

По поводу женщин, кажется, именно Цезарь, сообразно изречению Бонапарта о себе, нуждался в них только, как в глотке живой воды. В отличие от Цезаря, всегда умевшего вовремя с чувственными порывами совладать, герой Филипп жадно припал к вкусному источнику, не сумев, да и не умея оторваться, и чем ненасытнее пил, тем сильнее испытывал жажду. Он был человеком, точнее, рабом ощущений, человеком прошлого, проигравшим репрезентанту настоящего — Августу — человеку трезвого рассудка*. Между прочим, *третий не-лишний* Ирод стоит подле них, как соединительно-разделительное звено, как расщепленный надвое человек ощущений и рассудка.

Поиск исторических аналогов для разгадки эксклюзивного феномена Клеопатры — напрасный труд. В древности масштабно подходящих примеров нет. В более поздние времена лишь две венценосицы, Елизавета Английская и Екатерина II, умели быть и возлюбленными, и повелительницами для своих фаворитов. Но и с ними уникальную Клеопатру с ее всемирными запросами невозможно сравнить. Что же касается ответа на вопрос о муже для царицы, то ей просто-напросто нужен был Цезарь, а не Антоний. Не по Сеньке оказалась шапка.

* Не случайно сегодня у Антония и Клеопатры гораздо больше симпатизантов, чем у Августа. Причина в том, что Антоний и Клеопатра много ближе современным любителям острых ощущений с телевизионных экранов.

* * *

Египтизация и фараонизация предотвратившего инволюцию человечества Рима проступила уже в подоснове пожизненной диктатуры Цезаря, проявилась в пирамиде принципата, вырвалась наружу, точно джин из бутылки, в дьявольском безумии кесарей. Врач, борющийся с эпидемией, подвержен угрозе заразиться заразной болезнью. Однако, принесенная на алтарь эволюции жертва не пропала даром. Великое историческое противостояние 33-30 гг. до н.э. симметрично предшествовало на циферблате космического и земного Времени великому метаисторическому противостоянию 30-33 гг. н.э. — три года и три месяца от Иорданского Крещендо до Тайнства Голгофы*.

* * *

Вольтер остроумно брякнул, что римские полководцы всегда побеждали, никогда не зная в какой день это случилось. Кстати, не знали они этого и разгромно проигрывая. Например, черный день римского воинства в 53 г. до н.э. под Каррами приходился по неисправленному доюлианскому календарю не на 9 июня, а на 6 мая 701 г. а.У. Светоний посвятил целый абзац следующей из актуальнейших гос.заслуг Цезаря: “Он исправил календарь: из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы выпадал не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней и вместо вставного месяца ввел один вставной день через каждые четыре года. Чтобы правильный счет времени велся впредь с очередных январских календ, он вставил между ноябрем и декабрем два лишних месяца, так что год, когда делались эти преобразования, оказался состоящим из пятнадцати месяцев, считая и обычный вставной, также пришедшийся на этот год” (Цез.40).

Республиканский Рим плутал во времени. Рим был еще молод и плохо разбирался в календарных тайнах-тонкостях, известных египетским жрецам в стране созеркальных созвездий Ориона пирамид Гизы не одну тысячу лет. “Все на земле боится времени, но само время боится пирамид!” Да и что сказать об опытности Рима в сравнении с Египтом, если даже великому мудрецу, отцу греческой демократии Солону довелось в стране-на-Ниле услышать: “О Солон, вы, греки, как дети!” Добавим: а уж римляне и подавно.

Римский календарь до Цезаря — псевдолунное и псевдосолнечное “ирландское рагу”, хронологическое *monstrum*, не совпадал ни с движением солнца, ни с фазами луны, полностью блуждая наугад. Начинаясь 1 марта календарный год продолжительностью в 355 дней состоял из 12 месяцев и был на 10,242 суток короче тропического. Вклинивание вставного месяца Мерседония длиной в 22 или 23 дня изначально производилось в

* В 333-30 гг. *новый Прометей* Александр сокрушил Ахеменидскую державу и сжег Персеполь. В 330-33 гг. был освящен Константинополь (330 г.), родился Юлиан Отступник (332 г.), осталась позади — 333 г. — арифметическая хроносе-редина целой зодиакально-исторической эпохи из 2160 лет (см.ниже).

конце каждого второго года между VII и VI днями до мартовских календ, т.е. между 23 и 24 февраля. В результате таких вставок, средняя длина года составляла 366,25 суток, т.е. на одни сутки больше длины истинной, в связи с чем время от времени лишние сутки требовалось выбрасывать. Насколько все в итоге запуталось, показывает вышепротитированный абзац Светония.

Еще в 191 г. до н.э. “закон Ацилия Глабриона”, руководствуясь самыми благими намерениями по исправлению времяисчислительных погрешностей, обязал жреческую коллегию во главе с верховным понтификом четко регулировать протяженность добавочных месяцев: “назначать для вставного месяца столько дней, сколько потребуется”. Не помогло: ситуация становилась все хуже и хуже. Так, в 50 г. до н.э. Цицерон 13 февраля терялся в догадках, будет ли через десять дней вставлен добавочный месяц. (Иногда понтифики предпринимали или не предпринимали вставку за взятку.) Впрочем, позднее, руководствуясь протестантским кредо “лучше разойтись с солнцем, чем сойтись с папой”, тот же Цицерон не одобрил реформу диктатора, усмотрев в ней насилие над привычной свободой. Он вообще не понимал, в том числе и чудаков-греков, почему-то озабоченных взаимосвязью календаря с перемещениями солнечного диска и с фазами луны. Да, все-таки Рубикон непременно следовало перейти! Убогая республика ни разобраться во времени, ни убить толком того, кто со временем совладал, не умела и не смогла.

* * *

Летом 46 г. Цезарь отпраздновал четыре триумфа. Тем же летом в Рим с дитем на руках и с отравленным ею позже братом-соправителем Птолемеем XIV прибыла Клеопатра. Родитель Цезариона поселил царицу в живописных садах за Тибром и почтил ее золотой статуей в храме Венеры Прародительницы. Ох, брызжали римляне на тему возданных чужеземке почестей; ох, шокировала она пуританистого старика Цицерона своим бесстыдством. Но Цезарь не был бы Цезарем, если бы занимался только Клеопатрой, подобно Антонию. Разработку нового календаря осуществила группа приехавших вместе с ней александрийских астрономов, возглавляемая Созигеном.

В ноябре диктатор срочно отбыл в Испанию одолевать сыновей Г. Помпея. Его отсутствие в столице не помешало санкционированному им нововведению. С новолуния 1 января 45 г. до н.э. пошел отсчет времени по солнечному юлианскому календарю.

В основе этого календаря год протяженностью в 365,25 суток. Но поскольку календарный год предполагает целое число суток, было решено считать в трех из каждых четырех лет 365, в четвертом — 366 дней. Цезарю принадлежит также заслуга установления новогодней даты — 1 января — и упорядочения числа дней в используемых нами сегодня месяцах.

Вот, что, в частности, завещал избавленному от него Римом миру Древний Египет. Как видим, уходить из Египта надо по образу и подобию Израиля, взяв оттуда то, без чего не обойтись в грядущем.

Все гениальное просто и восхитительно. Итак, именно Цезарь декретировал человечеству без пяти минут точное время.

Чистое время на землю принес Христос.

Глава IV

30 – 27 гг. до н.э. = 724 – 727 гг. а.У.

33-й день своего рождения, 23 сентября 30 г. до н.э., единовластный Октавиан справил, должно быть, в дороге из Египта на сирийский север. Геополитическое пространство от Испании до Евфрата и от Рейна до Нубии лежало у его ног. Ойкумена со средиземноморской купелью в виде римского озера под парящим над ней клювасто-когтистым орлом напоминала закованного в державные цепи Прометея. Новое содержание обретало твердые формы. Впрочем, говорят, что новое – это, нередко, хорошо забытое старое и, что главный урок истории в том, что из нее никто не извлекает никаких уроков. Цезарь и мертвый навязал свою волю миру, зная кого оставляет наследником. А наследник покинул поверженный Египет, чтобы больше никогда (лично) сюда не вернуться. Оно и понятно: из Египта исходят не для того, чтобы в Египет возвращаться. Еще до того, к концу августа 724 г. а.У., Ирод, царь иудейский, узнав, согласно Флавию (И.д.15,7,3), о смерти Антония и Клеопатры, поспешил в Александрию. Он с радостью покинул домашний очаг, где уже не угасал, лишь иногда утихая, смертельный конфликт.

“При отъезде царя Мариамна стала просить у него награды Соэму за его ревностную службу, а именно место военачальника. Соэм, действительно, получил это почетное назначение. Ирод же, встретившись с Цезарем в Египте, мог теперь свободнее общаться с ним, считаясь его другом, и удостоился при этом великих почестей Цезарь подарил ему 400 галлов, телохранителей Клеопатры, и вновь отдал ему область, отнятую у него царицей, равно как включил в пределы его царства также Гадару, Гиппос и Самарию, а также приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Стратонову башню (И.д.15,7,3).

Из флавиевского рассказа видно, что второго приставленного к Хасмонейкам в Александрионе стража, казначея Иосифа, конспирация Соэма с поднадзорными женщинами никак не коснулась. Одновременно, предоставление Соэму, по протекции Мариамны, поста военачальника указывает как на полное неведение царя относительно выдачи Соэмом его тайного (в дни Родоса) приказа, так и на предотъездное, пусть формальное, примирение царственных супругов.

Встреча с новым патроном в Александрии оправдала и удовлетворила чаяния вассального монарха сверх меры. Октавиан не ошибался, давая зеленый свет этому продуктивному сателлиту Imperium Romanum. Римлянин № 1 зорко разглядел в Ироде безупречный винтик-шпунтик имперского механизма и Ирод заслуженно станет в “королевстве кривых зеркал” своего рода заморским зеркалом эпохи Pax Romana на службе у цивилизации и прогресса.

К сожалению, Флавий слишком небрежно сообщает об урегулировании Октавианом территориальных проблем донельзя урезанного Клеопатрой Иудейского царства, во-первых, вообще не называя Келесирию = Перею, во-вторых, не отделяя приморские города, Иродом Клеопатре уступленные (Яффа, Газа), от приморских городов, Иудее ранее, при Ироде, не принадлежавших (Анфедон, Стратонова башня). Кроме того, словами о возвращении Ироду “области, отнятой у него царицей”, речь как бы ведется лишь о дистрикте Иерихона, словно Иерихоном территориальный грабеж исчерпывался, тогда как о потере Самарии в предыдущих главах нет ни слова, словно Самария попала в 30 г. в границы иродианского царства впервые.

На самом деле дело обстояло так. Заиорданские Гадара и Гиппос (Ипп) были выведены из пределов гос-ва Маккавеев и включены в состав Декаполиса Помпеем, т.е. на протяжении 33 послепомпеянских лет ни Гадара и Гиппос, ни Стратонова башня и Анфедон, также Помпеем у Маккавеев отобранные, Иерусалиму не подчинялись. Напомним: Яффу и Перею иудеи получили в 47/46 гг. от Цезаря; Газу в 40-е годы от Цезаря или от Кассия, или в 30-е годы от Антония. Царем над, в частности, Самарией Ирода поставил в 37 г. Антоний. Таким образом, из земель-городов Палестины, Клеопатридами-Антонидами присвоенных, Октавиан вернул Ироду Иерихон, Самарию, Перею, Газу и Яффу, плюс отличил успешшего положительно зарекомендоваться вассала, предоставив ему Гадару и Гиппос в Трансиордании, Анфедон и Стратонову башню — на побережье.

“Достигнув этого — пишет Флавий — Ирод еще более возвысился и сопровождал Цезаря в Антиохию” (И.д.15,7,4). В пути он, естественно, вновь позаботился об образцовом провиантировании римлян. “Когда римляне возвращались из Египта, он также явил снова полную готовность снабжать их всем нужным и оказывать им услуги” (И.д.15,6,7).

* * *

Осенью 30 г. в Сирии Цезарь II нашел временный компромисс по парфянскому и армянскому вопросам.

В 33/32 гг. в Иране возобновилась смута и шахиншах Фраат, низвергнутый контрпретендентом Трдатом, отступил в Среднюю Азию искать поддержки у скифов, с помощью которых он на 30 г. до н.э. разбил и прогнал Трдата, улизнувшего в Сирию. Соответственно Помпею Трогу (Юстин 42,5), беглый Трдат явился за заступничеством к Августу в Испанию, т.е. не ранее 26/25 гг., в дни ведения Августом Кантабрийской войны; соответственно Диону (51,18), это произошло в 30 г., после Александрийской войны, в Сирии. Стало быть, речь наверняка следует вести о разносрочных

свержениях-изгнаниях Фраата в 33/32 и около 27 гг., причем, если он сбежал не оба раза к скифам, то, во всяком случае, оба раза из столичного Ктесифона на восток. Дион утверждает, что обе враждующие партии норовили после Акцийского сражения, когда борьба между ними была в разгаре, привлечь Октавиана каждая на свою сторону. Примериваясь тогда к египетскому походу, он уклонился от определенного ответа, обещав и тем, и другим поразмыслить, иначе говоря, не занял определенную позицию и не выказал инициатив. К чему? Иранская распря, особенно в канун покорения Александрии, полыхала на пользу Риму.

Мало того, политик Август навсегда откажется как от навязчивой “промакедонской” идеи завоевания Ирана, так и от любого крупнофронтального удара по парфянам, независимо от того удар ли это с целью сохранить в сфере римского влияния буферную Армению или акция возмездия за поражение Красса и Антония. Мастер одерживать не ратно-полевые, но прежде всего политико-дипломатические победы предпочел, учтя печальный опыт предшественников, иные — не ударно-лобовые способы нейтрализации опасного соседа. Держать фатального визави в узде можно по-разному: идти большой походной войной — игра не стоит свеч: неизвестно по зубам ли, да и нечего римлянам в недрах Азии делать. Пробы показали: бить Иран в лоб слишком рискованно, лучше целить в мягкое подбрюшье — поражать слабые точки на иранской периферии и ловко использовать внутрииранские противоречия. Конечно, трагедии 53 и 36 гг. звали к отмщению. Однако, политика, как известно, искусство возможного и добиться сатисфакции нужно, не торопя события, не ставя чересчур многое на карту, не затевая войну в упор.

На осень 30 г. дестабилизированная, подорванная изнутри парфянская монархия как будто вышла из кризиса. Фраат вышиб Трдата и последний предстал перед Октавианом в Антиохии в облике беженца-просителя, тогда как посольство самого Фраата предложило верховному римлянину мир, требуя наряду с тем выдачи самозванца. Компромиссный вариант выглядел так. Вопреки надеждам тотчас продолжить под могучим покровительством извне спор в качестве римского ставленника за парфянскую корону, Трдат не получил ожидаемую подмогу, получив право на эмигрантское убежище в Сирии. В лице сановного азыюянта Рим оставлял про запас козырную карту, чтобы пустить ее в заевфратское действие при и по надобности. Не желая обострять международные отношения, царь царей молча проглотил невыдачу вроде бы разоруженного соперника, в то время как Октавиан молча согласился не трогать формально нейтральную, а в действительности проирански ориентированную Армению под скипетром нового царя Арташеса.

Посланная Клеопатрой осенью 31 г. Артавазду Мидийскому голова Артавазда Армянского не выручила венценосного Атропатиды. Лишенный, в связи с отзывом антонианских войск, боевой поддержки, он вскоре проиграл на поле брани поддерживаемому парфянами сыну обезглавленного Артавазда. В результате Арташес II воцарился в Арташате-на-Араксе, а Артавазд М., потеряв следом за отданной ему Антонием частью Армении также вотчинную Атропатену, попал в плен к Фраату, откуда каким-то образом сбежал,

примкнул к Трдату и вместе с ним ушел в Сирию. Одним словом, Мидия-Атропатена вновь оказалась в орбите Ирана; в Армении воцарился непроримски настроенный Арташесид. Единственным достижением Октавиана был акцептированный Фраатом нейтралитет страны Араратской как разводного пограничного моста между Ктесифоном и Римом, между Западом и Востоком.

Безземельному Артавазду экс-Мидийскому Октавиан вернул размолвленную с Александром экс-Гелиосом дочь Иотапату и поставил царя без царства царствовать над (изъятой у Полемона Понтийского) Арменией Малой, поскольку в соседней Армении Великой царствовал его злейший враг — Арташес. В противоположность принцессе Иотапате, младшие братья Арташеса остались при Октавиане, будучи отправлены в Рим. Запрос старшего брата о них был категорически отклонен, из-за избиения им Антониевых колонистов из числа римских граждан в Армении. Теперь отправленным на Тибр Арташесидам предстояло пройти соответствующую тронную подготовку. Они понадобятся империи в дальнейшем.

Судите сами, по условиям римско-иранского соглашения, Фраат IV не оставался в накладе. Только спустя 10 лет, когда Иран, не без закадрового соучастия римлян, достаточно ослабнет, и когда армяне порядком забудут антонианское мародерство 34 г., Тиберий утвердит царем над ними обработанного при римском дворе царевича Тиграна, чем осторожный Август добьется обстоятельного перевеса на Переднем Востоке, причем без единого выстрела.

* * *

В Риме долгожданное известие о победном александрийском исходе обнародовал с высокой трибуны сын Цицерона — Туллий Цицерон Младший — консул-суффект сентября-ноября 724 г. а.У., преемник суффекта Антистия Вета, который принял фаски в мае у ординарно-эпонимического консула Лициния Красса. Обладатель громкого имени — Красс, удостоившийся в том же году македонского проконсульства, сродни Цицерону, вживе свидетельствовал о милосердии Цезаря II, ибо поменял лагерь совсем недавно, во время Акцииской войны. Оба они стояли за Брута-Кассия, потом побывали у С.Помпея и угодили под мизенскую амнистию. Но затем Красс, пройдя квестуру, отчалил к Антонию, а обласканный Октавианом и сделанный понтификом Туллий осел в столице. В 43 г. Октавиан нехотя согласился, по настоянию Антония, на проскрипционное убийство Цицерона-отца (с кем прежде состоял в блоке) и потому впоследствии, заглаживая случившееся, проявлял повышенную заботу о сыне. Можно вообразить насколько радостно посредственный отпрыск знаменитого родителя, пройдоха и выпивоха, стяжавший, согласно Сенеке (О благодетелях 4,30,2), консульство лишь благодаря шумной наследственности, оповестил римский народ о закономерном конце М.Антония. Память о нем была предана, по цицероновскому представлению, забвению, день рождения — проклятию, все его решения-распоряжения были аннулированы; мужам из рода Антониев было запрещено носить впредь имя Марк.

Римляне, само собой разумеется, усмотрели в этом цicerоновско-антонинском постсоприкосновении волю богов и правильно поступили: случайных совпадений либо стечений обстоятельств не бывает даже при наличии обстоятельств и совпадений кем-то учтенных.

* * *

За период от Акция до конца 30 г. Вечный город утвердил множество почестей во славу своего победоносного предводителя: триумф в честь эпохальной морской победы, установление увенчанных трофеями арок в Брундизи и на столичном Форуме, цокольное украшение Юлиева храма носами кораблей трофейного флота. День падения Александрии римляне назвали “днем освобождения” и вменили ее жителям вести с него новое летоисчисление. В дни консульства Цицерона Цезарю II был декретирован Александрийский триумф; день его рождения вошел в число государственных праздников.

1 ноября 30 г. Туллий Цицерон Миног передал пост Л.Саению, поставившему не отстать от предшественника в конвенциональном рвении. Очередные постановления наделили Октавиана правом возведения плебеев в патрициат* и прерогативой кассационного помилования; облекли вождя цензорскими и расширили его трибунские полномочия; наконец, включили *великое имя* в возносимые жрецами за сенат и народ здравия.

* * *

1 января 29 г. до н.э. = 725 г. а.У. виновник названных эдиктов-вердиктов вступил в пятое консульство на Самосе, куда перебрался зимовать из Сирии. Римскую пару ему составил С.Апулей**.

В тот же день римляне принесли присягу верности отсутствующему первому консулу и разом ратифицировали все им на Востоке содеянное. Если верить Диону (51,20), то именно весть о, честно говоря, не очень славном мире с парфянами повлекла включение имени миротворца в гимн салиев. Далее, он снискал привилегии носить лавровый венок в праздники и назначать по собственному усмотрению понтификов (при живом верховном понтифике Лепиде!). Помнится, привилегия постоянного венка не на шутку обрадовала Цезаря Старшего: венечный головной убор удачно скрывал досадную лысину диктатора. У наследника волосы не тендировали к выпадению и все-таки праздничное увитие республиканской головы лавром кое-что да значило.

11 января в столице мира, в знак установленного на земле мира, ритуально закрылись врата Януса Квирина.

* Впрочем, он возводил плебеев в патриции минимум однажды еще до “закона Саения”, видимо, чрезвычайной триумвиральной властью в 33 г. (см.Дион 49,43).

** Сын сводной сестры Октавиана — Октавии Старшей, дочери Г.Октавия от его первого брака с Анхарией.

Святылище богу Янусу воздвиг второй римский царь Нума Помпилий. Во все правление Нумы (VIII-VII вв.) оно 43 долгих года простояло на удивление современникам и потомкам закрытым, а потом запиралось только один раз в 235 г., да и то всего на несколько месяцев. Август закроет врата войны – *belli portae* – трижды. Обитель Януса представляла собой две большие соединенные поперечными стенами арки с двумя расположенными друг против друга воротами. Внутри находилась статуя двуликого бога, обращенного ликами в противоположные стороны: в прошлое и в грядущее, на восток и на запад. В руке хранитель всех входов и выходов держал ключ, которым отпирал и запирал небесные врата. Владевший в сакральном мировосприятии римлян небом и солнечным светом до Сатурна и Юпитера Янус стал позднее владыкой всех начал и начинаний во времени и как бог времени вел счет дням, месяцам и годам. На пальцах его правой руки было начертано число CCC(300), на пальцах левой – LXV(65) – количество дней в солнечном году.

Инкрустированные золотом и слоновой костью двойные дубовые двери кумирни являлись собственно олицетворением Квирина. Этим именем облекся, как известно, восхищенный живым на небо первый римский царь – каинит-братоубийца Ромул – потомок сына богини любви Венеры – троянского героя Энея, и отпрыск бога войны Марса. Он стал основателем города, идеальным прототипом которого была любовь, но в основе которого лежали изнасилование и братоубийство. Марс изнасиловал девственную весталку Рею Сильвию, а их сын Ромул убил брата-близнеца Рэма. Примечательно, что в культовой модели Януса Квирина не Квирина-Рим занимал подчиненное по отношению к Янусу-Времени положение, но, наоборот, замкнуто-пространственные дверные своды Квирина довели над линейно-анналистической горизонталью подчиненного Квирином Януса.

Правдоподобно ли предание, приписывающее Нуме Помпилию знание тайнства солнечного года, календарно введенного в 45 г. Цезарем, когда, вероятно, и появилась латинская цифирь на пальцах рук загадочного божества? Вполне. Твердо зафиксированная историей летописная дата инаугурации юлианского календаря вовсе не отрицает таинственную компетентность посвященного нимфой Эгерией сабинянина Нумы. Ю.Цезарь вернул Риму и человечеству нераскодированную божественную мудрость, почерпнутую в ученом Египте, сделал древнюю мистерию Солнца государственно-часовым механизмом и, что много более важно, общечеловеческим достоянием. Однако, не на совсем пустом месте наиученнейший из римлян М.Теренций Варрон относил создание 12-месячного взамен 10-месячного календаря ко дням Ромула и, кстати, настаивал, в отличие от Цицерона, на важности для предков смены созвездий на небе. Еще бы, ведь умение читать по звездам – дар Прометея. Вот и Нобилиор, ученый консул 189 г. до н.э., полагал десятимесячную длину древнеримского календаря, не сомневаясь в авторстве Нумы касемо 11-го и 12-го месяцев – января и февраля. Тем не менее, реформа Цезаря суть открытие и открытие великое. Увиденное в детстве восходное солнце должно смениться вечерними сумерками и ночной луной как фазой на пути к светоносной утренней заре. Разве новое не есть часто запамätованное старое? разве в

рождении нет преображенного возрождения? Разве Америку не открывали до Колумба, хотя ее первооткрыватель, без сомнения, Колумб. Или, например, в Иудее, при Иерусалимском храме господствовал лунно-солнечный календарь, тогда как недалеке от Иерусалима, в Кумране (и только ли там?) пользовались солнечным календарем из 52 недель протяженностью в 364 дня.

Уйдя в планетарные сферы Марса, Ромул повел римский народ к завоеванию мирового владычества; миротворец Нума перековал мечи на орала, взял на вооружение идеал Рима в сфере Венеры. Рома и Амог — Марс и Венера — война и любовь, взошли и вышли из Рима в мир. Если Цезарь стал новым Ромулом, то Август хотел быть новым Нумой или, точнее, кон-сенсуально-универсальным Ромулом и Нумой в одном лице.

* * *

Наименование “Царуан” означало на языке иранских зороастрийцев “вечные лета”, “нетварное вечное время”. Царуана Акарена, в частности, парфянской поры понималась как время, подотчетное зодиакальному небу. В Атропатене, недалеко от Фрааспы, в Гацаке, на горе, называющейся со времен исламизации Ирана Такт-и-Сулейман* (трон Соломона), в дохристианском храме святого Грааля горел вечный огонь. Горел на алтаре бескупольного святилища Заратустры, куполом которого было звездное небо. Благоговейно поддерживаемое жрецами-магами земное пламя стремилось ввысь навстречу снисходящему по отраженным в водах священного внутрихрамового озера звездам к земле Духу Солнца. Маги чаяли воплощения Солнца на земле и тысячи лет молитвенно созерцали близящееся Исполнение Времен. “И время здесь становится пространством...”

Рим не созерцал, Рим волил в действии, подчинив созерцание элементу воли. *Vita activa* и *vita contemplativa* давно развели Запад и Восток. Не скоро они сойдутся. Да и сойдутся ли?

Неспроста церемония закрытия в 29 г. врат Януса, тоже провозгласившая своего рода перековку мечей на орала, совершилась не тотчас по сокрушении Египта, но по заключении мира с наиболее грозным, равноправным противником Римской империи — парфянами. Не случайно и то, что январская ритуальная процедура в столице-на-Тибре выпала на следующий день после невысказанной вслух двадцатой годовщины Рубикона. В общем, девиз — не “прощай”, но “отдыхай, оружие”, прозвучал в умиротворенной Ойкумене, приуроченный Римской республикой к достигнутому ею междержавному, вкупе с внутренним, равновесию. И пусть на галльско-балканско-испанских окраинах локальные войны, из-за приводимых римскими легатами в повиновение несознательных варваров, продолжались, все равно мир на основных фронтах воцарился, мир в идеале призывался.

* Высота 2100 м.

* * *

Проводя зиму на Самосе, весну и часть лета в бассейне Эгейского моря, Октавиан не сидел, сложа руки.

Артавазд Мидийский, как сказано, утешился назначением в Армению Малую; Полемон Понтийский потеснился. Артавазду и Архелаю Каппадокийскому поручался надзор за границей империи на рубежах Великой Армении.

Своевременно поменявший лагерь человек Антония, Клеон из Гордиона Вифинского, сделался жрецом Абретгенского Зевса и династом Морены в Мизии. Любопытно, что он начинал как разбойничий атаман, орудуя с шайкой лихих людей в районе мизийского Олимпа; затем, в 40-38 гг., сильно досаждал оккупанту Лабиену и тем сумел отличиться перед Антонием; в 31 г., еще до Акцийского сражения, объявил себя сторонником Октавиана и, согласно Страбону (12,8,574-75), получил в награду больше, чем заслужил.

Перезавший римских колонистов Адиаторикс Гераклейский, будучи взят под стражу, пытался, насколько следует из Страбона (12,3,6), оправдаться ссылкой на приказ Антония; был очно осужден вместе с содеятелем-сыном на смерть и отправлен для предстоящего триумфа в Италию.

Ходаятайства Эфеса и Nikeи о воздвижении святилищ РOME и Цезарю I, Пергамона и Никомерии — РOME и Цезарю II последний одобрил и удовлетворил. Не соглашаясь на прижизненную дивинизацию собственной персоны в непривычном к тому Риме, он охотно поощрял ее на привычном к тому Востоке.

Вольный черноморский город Аμισ (восточнее Синопа) был избавлен, по Страбону (12,3,14), от тирании династа-антонианца Стратона.

Награбленные Клеопатридами-Антонидами в Малой Азии и на эгейских островах произведения искусства возвратились к прежним владельцам. Не все: из трех колоссальных статуй работы Мирона на Самос, уведомляет Страбон (14,637), вернулись две — Афина и Геракл; Зевс проследовал составить общество Юпитеру на Капитолий. Статуя Аякса из Роиты (на троянском побережье), которую Антоний увез в дар Клеопатре в Египет, приплыла обратно (Страбон 13,1,595).

Вернуть эфесянам Аполлона, изваянного Миронем, Октавиану подсказало откровение во сне (Плиний 34,58).

Экспроприированные фолианты пергамской библиотеки числом в 200 тыс. репатриировались в Пергам.

* * *

Тем временем, невзирая на дни запертых дверей Януса Квирина, пограничные и усмирительные войны не прекращались.

Во второй половине зимы 29 г. задунайские бастарны перешли по льду Дунай, захватили Мезию и принялись опустошать соседнюю Македонии Фракию. Македонский проконсул Лициний Красс, имея под рукой около 5 легионов, двинулся на выручку союзного римлянам слепого царя фракий-

ских дентелетов Сита. Вести о легионах на марше оказалось достаточно, чтобы побудить задунайцев к поспешному отступлению. Однако, Крассу не терпелось сорвать ратный куш и смыть позорное каррское пятно с имени знаменитого рода. В результате преследования отступающих, ему удалось, не без помощи коварства (Дион 51,24), устроить им в Мезии кровавую баню и собственноручно убить неприятельского вождя Делдона. Многие варвары погибли, сляясь укрыться в подожженном римлянами лесу или утонули в волнах Дуная. Часть из них смогла занять оборону, ретировавшись в расположенную неподалеку крепость. Взяв цитадель и перебив ее защитников в союзе с гетским царем Ролом, Красс приступил летом к покорению Мезии.

Согласно Аппиану (Иллир. 22), Октавиан еще в пору Иллирийских войн (35-33 гг.) подумывал о походе против заречных бастарнов и даков, т.е. уже тогда намечал превратить в духе Цезаря дунайский водораздел в границу империи. Не мудрено, что конфронтируя с Антонием, он предлагал союз могущественному вождю даков Котизону, что и дало повод Антонию распространять оскорбительные враки о двойном сватовстве. В 30 или в 29 гг. Котизон, вероятно, вследствие начавшихся среди даков внутренних неурядиц, погиб, а державшийся на его авторитете мощный союз дакских племен распался так же, как ранее, в годы Ю.Цезаря, распалось недолговременное объединение даков под предводительством Бурбисты. Во всяком случае, концу воинской мощи Котизона на благо Риму, но, кажется, без победы римского оружия, радуется в оде III (8) в календы марта 28 г. Гораций.

Сообразно Диону (51,22), даки, не договорившись с Октавианом, заключили пакт с Антонием, правда, из-за междусобойного разлада, они не многим помогли автократу Востока. Помимо того, на лето 29 г. какое-то их число находилось в римском плену, куда они попали, либо походно спешествуя в малом количестве бастарнам, либо несколько раньше. Так или иначе, в 29 г. вторженцы бастарны жестоко поплатились.

О военных действиях Красса в Мезии, о редкостной дикости и свирепости тамошних племен коротко упоминает Флор (4,12). По его риторическому слову, некто из местных вождей, впервые увидев римских воителей, не то вызываяще, не то изумленно спросил у них: "Кто вы?" Ответ гласил: "Повелители народов — римляне!"

* * *

На противоположном от Балканского полуострова юго-востоке империи, за морем, на Ниле, вспыхнуло быстро подавленное префектом Корнелием Галлом восстание египтян. Вызванное тяжелыми налоговыми поборами победителей, оно началось в Фивах и перекинулось на соседние районы. В течение месяца Галл сокрушил повстанцев, занял пять городов, казнил зачинщиков и в наказание за непокорность основательно разрушил Фивы. Продвигаясь на юг, вице-король переступил за первый катаракт Нила. Здесь к нему явились с изъявлением дружбы послы из напуганной Нубии, попотчеванные по римской рекогносцировочной заначке обещанием покровительства над их страной. Слово устав раздаваться вширь, романский империализм потянулся в рост.

* * *

На иных галльско-пиренейских фронтах-просторах Imperium Romanum в 30-28 гг. воевали Статилий Тавр, Валерий Мессала, Г.Каррин, Ноний Галл. Старый солдат Статилий, соорудив и сдав в эксплуатацию, соответственно Диону (51,23), еще в IV консульство Цезаря, то есть в 30 г., амфитеатр Таугі на Марсовом поле, справлялся позже, то есть в 29 г., с кельтско-испанскими горцами. Кантабры, вакеи и астуры разоряли хищными набегами обжитую культивированную Тарракону. В ходе карательной операции ближнеиспанский легат разбил налетчиков и отогнал их подальше в горы. В оде III (8) Гораций славит победу над кантабрами, как свершившийся к 1 марта 28 г. факт.

У северных пиренейских отрогов, в Аквитании, проконсул Нарбоннской Галлии Валерий Мессала громил в 30/29 гг. мятежных аборигенов. В то же время легат Косматой Галлии Г.Каррин* приводил в повиновение племя моринов и отбросил вторгнувшихся в римские владения германских свебов назад за Рейн.

В 29/28 гг. бунтовали обитавшие по обе стороны нижнего Мозеля и поддержанные правобережными рейнскими германцами треверы. Возмутителей спокойствия урезонил преемник Каррина на легатском посту Ноний Галл.

В Африке в 29/28 гг. воевал проконсул Л.Автроний Пет.

Так, глобальному на окцидентально-ориентальных широтах миру сопутствовал локальный лязг мечей вдоль западных и восточных меридианов. Запирай-не-запирай врата войны, ох, нелегко быть князем мира в мире сем... Или *князем мира сего*.

* * *

Летом 29 г., до мелочей уладив дела на востоке, Октавиан отбыл на запад**. В транзитном Коринфе его лицезрел, путешествуя в противоположном направлении, Страбон (10,5,3).

Принятое было зимой в Вечном городе обязательное для граждан постановление идти гурьбой на встречу победоносца в Брундизий, он еще с Самоса решительно отклонил и теперь, приближаясь к столице, не суетился. Посещение Капри привело к приобретению острова у неаполитанцев в

* Дион (51,21) приурочивает победы Каррина к 1-му триумфу Цезаря, т.е. до августа 29 г. эти победы были уже одержаны, хотя сам Каррин отпраздновал свой триумф, согласно Капитолийским фастам, летом 28 г. Между тем, под 29 г. у Диона (51,20) в Галлии (Comata) воюет Ноний Галл, т.е. Каррин сдал легатуру Нонию в 29 г.

** Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

(О.Мандельштам)

обмен на остров Энарию. Светоний (Авг.92) называет причиной обмена счастливое предзнаменование: с приездом необычного гостя на Капри чудесно поднялись и расцвели давно увядшие и поникшие к земле ветви древнего дуба. Этот чертов остров бессильных перед золотой кифарой Орфея и столь мозговито обманутых Одиссеем сирен унаследует от Августа Тиберий. Он осядет тут (26/27 гг.), сбежав из омерзительного ему Рима: ввиду иммунодефицита, не устоит, поддастся сиренам и первым из Цезарей подпадет безумию кесарей. Пышно разросшиеся в 29 г. до н.э. ветви древнего дуба необратимо поникнут и зачахнут, наверное, в 29 г. н.э., когда в Риме умрет Ливия, когда в Палестине будет звучать голос Иоанна Крестителя:

“Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь” (Лк.3,9).

После Капри, оправляясь от одной из своих частых немочей в кампанском городке Ателла, Октавиан четыре дня с удовольствием внимал “Георгике” Вергилия из уст попеременно автора и Мецената (“Георгика” писалась в 37-30 гг.). Воодушевленный четырехдневным общением со *спасителем отечества* и тематически вдохновленный им Вергилий, не откладывая, взялся за написание римской “Одиссеи”-“Энеиды”. На том же этапе Гораций управился с эподами и переключился на оды. Молодые талантливые голоса “золотого века” подали — протеже Мессалы — Тибулл и покровительствуемый Меценатом Проперций.

* * *

13, 14 и 15 августа 29 г. до н.э. троекратный триумфатор отпраздновал три триумфа: отложенный в 33 г. Далмацкий, Акийский и Александрийский. Его колесницу на правой и левой пристяжной сопровождали два 13-летних подростка: любимый племянник Марцелл, сын родной сестры, Октавии Младшей, и старший сын Ливии от Клавдия Нерона — Тиберий. В те ослепительные августовские дни еще не облаченные в тогу *vigilis* потенциальные наследники символически ступили на историко-политическую стезю. Отроков ждали разные судьбы: Марцеллу оставалось жить всего 6 лет, Тиберию — почти 65.

Необходимыми предпосылками для римского триумфа и триумфатора были: 1.праведная война — *bellum iustum* — причем непременно против внешнего врага; 2.обладание полнотой имперальной власти в ранге диктатора, консула или претора; 3.не менее 5 тысяч убитых врагов; 4.разрешение сената, данное полководцу-императору за сакральной чертой Померия — в храме Аполлона либо Беллоны.

Ночь перед триумфом победоносные военачальник и воинство проводили на Марсовом поле, откуда утром начиналось триумфальное шествие. За трофейной добычей, пленниками и живописными изображениями боевых сцен-подвигов следовали магистраты, сенат и сам облаченный под Юпитера триумфатор в лавровом венке на колеснице. За колесницей шли, горланя наштипованные ядреным армейским юмором песенки, легионеры. Процессия преодолевала путь длиной в 4 км: маршрут пролегал от Триум-

фальных ворот у храмов Великой Матери (Magna Mater) и Фортуны через форум Voagium к Большому цирку, затем вдоль Палатина на Форум Romanum. До восхождения отсюда на Капитолий требовалось предать в Туллевой тюрьме казни продемонстрированных римскому народу вражеских вождей: в более древние времена их обезглавливали секирой, позднее лишали жизни удавкой. Уведомленное о свершившейся экзекуции шествие поднялось на Капитолийский холм. Здесь триумфатор взбирался на коленях по ступеням в храм Юпитера, чтобы положить к стопам Благого и Величайшего пальмовую ветвь и лавровый венок.

В триумфе Октавиана прошли выставленные на публичное обозрение дети Клеопатры и Антония. Всех троих, одиннадцатилетних Александра с Клеопатрой и семилетнего Птолемея, забрала к себе в дом и истово заботилась о них при живейшем участии брата, Октавия — бесспорно, самый человечный человек в доме Юлиев-Клавдиев. На ее попечении находился также второй сын Антония от Фульвии, младший брат казненного Антиллы, Юл. Этот сын за отца не отвечал.

Из предъявленных римлянам пленных супостатов были переданы для удушения палачу династы Александр Эмесский и Адиаторикс Гераклейский.

В общем, в 29 г. до н.э. владыка Юпитер, будучи удовлетворен, имел все основания не метать громы и молнии.

Наряду со щедрыми храмовыми пожертвованиями, Цезарь II раздал взрослым гражданам города-на-Тибре (плюс скромно презентуя династическую наследственность племянника Марцелла, от его имени мальчишкам старше 11 лет) по 400 сестерциев каждому. По 1000 сестерциев досталось рассеяемым в Италии и провинциях ветеранам числом около 120 тысяч человек.

18 августа Октавиан освятил заложенный еще в 42 г. храм божественного Юлия, а 28 августа Юлиеву курию, где установил статую богини Победы — Виктории.

В дни традиционно следующих за триумфом увеселений римляне забыли о невзгодах, досыта наелись хлебом, упились зрелищами и прославили благодетеля. Выходя на арену умирать, гладиаторы салютовали ему: “Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!”* Пленные задунайские даки бились в групповом бою насмерть с пленными зарейнскими свебами; групповых бойцов сменяли единоборцы. Как все-таки потомки Ромула любили эти кровавые гладиаторские побоища, вызывавшие эстетическое отторжение у афинян и благочестивое отвращение у иудеев: убивать людей на потеху людям! либо и того хуже, травить человек зверями! Кстати, о животных. Пишучи про посттриумфальные утехы, Дион (51,22) не упустил, например, такую зоологическо-статистическую подробность: оказывается, в столице мира тогда впервые увидели носорога и бегемота наверняка трофейных, доставленных с Нила, и тоже, между прочим, в угоду зрителям манежно сраженных.

* Близится наше время,
Люди уже расселись.
Мы умрем на арене,
Людам хочется зрелищ.

(И. Бродский)

Под занавес многодневной постановки римлянин № 1 занемог и предоставил соотечественникам продолжать активный отдых без него. Он лично не получал удовольствие от обильного кровопролития на арене. Но, как говорится, жить в обществе и быть свободным от него нельзя... даже вождям; или вождям в особенности.

* * *

Осенью 29 г. отцы-сенаторы официально присвоили или переприсвоили, или новоприсвоили Цезарю II, как обладателю верховной гос. власти, “самодержавный” императорский титул (Дион 52,41).

Понятие “империя” в Древнем Риме раннереспубликанской поры обозначало, естественно, не форму государственного устройства и не подвластную кому-либо территорию, но вверенную полномочному магистрату (диктатор; консул; претор) на ограниченный срок особую форму-полноту власти. Носитель оной титуловался “императором”. Со дней Второй Пунической войны императорское достоинство присваивалось подкомандным воинством победоносному полководцу посредством провозглашения (аккламации) в походе либо предоставлялось сенатом.

Ю. Цезарь задействовал качественно монархическое нововведение, превратив почетное военно-аккламационное звание в составную часть личного, родового и титулярного имени, из чего вытекала передача имени-титула фамильным наследникам, т.е. в доме Юлиев императорское достоинство сделалось потомственным. Сенат специальным решением узаконил волю диктатора, что не отменяло традиционную милитантную аккламацию. Как приемный сын и наследник дивинизированного Юлия, облеченный чрезвычайной триумвиральной властью Октавиан присовокупил то ли в 40, то ли в 38 гг. преобразенные имя и титул к принятому им в 44 г. личному имени Цезарь; иначе говоря, полноправно вступил в права наследования. Именно от так называемой титулярной части так называемой государственной импературы он в 29 г. как бы отказался, приобретя ее заново из рук высшего республиканского органа — сената, и обзаведясь, вдобавок, исключительным правом утверждать аккламированных на полях сражений либо сенатскими постановлениями императоров в почетном звании. Таким образом, пожизненное постоянство присвоенного не *им*, но *ему* императорского титула *аннулировало* династическую подкладку демократической накладкой. Впрочем, от перестановки слагаемых сумма не меняется.

* * *

До истечения 725 г. а.У. Октавиан на основании *lex Saenia* возвел в патрицианское достоинство достойных плебеев, с удовольствием сопчислив к аристократии безродного Агриппу, который готовился облечь в паре с ним ближайшее консульство и провести перепись римских граждан, обладая цензорской властью, но не облакая цензуру. Ошутимо децимированный и депримируемый гражданской мясорубкой патрициат не мог обойтись без миротворческого пополнения, без притока свежей плебейской

крови, и кто, как не Агриппа, заслужил-завоевал честь ходить в патрициях. Триумфальным летом герой Акция получил за боевые и регентские заслуги наградное знамя цвета морской волны, осенью вселился в новую квартиру — занял половину роскошного дворца М.Антония в Каринах. Другая половина досталась Валерию Мессале.

Примечательны так называемые крокодиловые монеты с изображением, в том числе Агриппы. На аверсе этих отчеканенных как раз в 29 г. монет профильные головы Октавиана и увенчанного ростральной короной брадатого адмирала; на реверсе — прикованный к стволу пальмы египетский крокодил. Еще одно свидетельство непримиримости римлян к культу мицраимских зверобогов. Если державный покоритель Александрии усмотрел в Аписе рогатую скотину, то элгист Проперций возмущался, хуля Клеопатру за то, что она-де хотела возвести шелудивого пса Анубиса на трон владыки Юпитера (3,11).

Уместно заметить: богато вознагражденный за умелое заместительство Меценат был, кроме того, пожалован крупной земельной собственностью в Египте. Согласно пространно-риторическому в 52 книге “Римской истории” слогу и слову Диона (1-40), он-то и посоветовал другу Цезарю (якобы наперекор Агриппе) конституировать режим принципата в смысле и виде беспрецедентной республиканской монархии. Вероятно, завзятые республиканцы инкриминировали этому скрытому царисту за глаза не только симпатии к Тарквинию Древнему, но и — подумать страшно — этрусскую родословную от врага народа *paq exellensa* Тарквиния Гордого.

Тогда же, к концу 29 г., Октавиан принял меры по обустройству учрежденной еще Цезарем и пришедшей при Лепиде в упадок карфагенской колонии, выделив средства на поселение там 3000 римлян. Вместе с тем обложенный в 146 г. до н.э. вековечным проклятием дистрикт старого пунического Карфагена, который должен был быть разрушен, был разрушен и ныне лежал в руинах, подчеркнуто остался за чертой римской колонии.

Одновременно, пролог торжественно-процессуального возвращения всей полноты власти сенату с народом этаблировало представленное императором верховному совету на рассмотрение “коммагенское дело.” Возрождение коллегиальных принципов и методов руководства проявилось в заключительном акте поставкцийского урегулирования Восточного вопроса. В дни самосско-родосских и позже сирийских разбирательств с вассалами осмотрительный главный арбитр, видимо, ни до, ни после падения Александрии не сместил, как отмечалось выше, самосатского антонианца Митридата II. По крайней мере, ни о перемене им фронта до Акция, ни о его последующем смещении в наказание за проантонианскую Акциию войну у авторов древности нет ни слова. Между тем, завершая 52-ю книгу “Р.и.”, Дион коротко сообщает об осуждении и казни коммагенского <вассала> в Риме. Сообразно тексту: 1. последний убил какого-то безымянного вестника-посланника, снаряженного “его братом” в Рим; 2. предстал волей Октавиана перед судом сената; 3. был приговорен к смерти и казнен. Загвоздка состоит в том, что Дион именует осужденного Антиохом, причем речь, по всей вероятности, идет о царской особе: “Антиоха Коммагенского за преступное убийство посланника, снаряженного враждебным ему братом

в Рим, он (Октавиан) вызвал в столицу, представил суду сената и по осуждении казнил” (52,43).

Форма выражения “Антиох Коммагенский” не допускает в дионовском контексте иного толкования, помимо “царского”. Но на рассматриваемый период времени прежний, некогда перечивший Вентидию и Антонию царь Коммагены Антиох вот уже несколько лет покоится в импозантной гробнице на горе Нимрода. Мы в курсе, с 35 г. на троне в Самосате — сын и наследник старого строптивца — Митридат, который, надо полагать, удержал корону, несмотря на прямое участие в войне против Октавиана. Следовательно, на исходе 29 или в начале 28 гг. казни в Риме, скорей всего, подвергся именно он. Вывод: Дион ошибся: Митридатов брат Антиох взошел сенатским приговором вовсе не на эшафот, а на престол вместо преданного казни брата.

Выпустив на время из тесной сферы влияния Армению и заевфратскую Осроэну, римляне, несомненно, уделяли вдвое большее внимание правобережной Коммагене. Важность самосатского форпоста на подступах к Сирии, Киликии и Каппадокии обязывала к повышенной бдительности. Вмененное Митридату сначала братом (через вестника), затем сенатом обвинение вполне могло касаться политической нелояльности типа предательского контакта с парфянами. Так или иначе, но оправдаться недавно прощенный вассал не сумел.

Очередную престольную замену в пограничном вассалитете на Евфрате Август произведет в 20 г. до н.э., когда без войны изменит региональный баланс в пользу Запада.

* * *

Сопроводив Цезаря II из Египта в Антиохию, царь Ирод вернулся осенью 30 г. на царство в Иерусалим. В возрасте 40 лет он достиг устойчивого вассально-политического равновесия и благополучия. Вопрос: быть или не быть? решился весной; вопрос: с чем и как быть? — осенью. Крах александрийского патроната принес ему надежное место под солнцем в восточной системе снова единой и неделимой Римской империи. Теперь открылись возможности процветать, чувствуя уверенность в завтрашнем дне. Но...

“Насколько его внешние дела шли удачно, настолько печальными нашел он при возвращении домашние дела свои, особенно относительно жены, со стороны которой он прежде пользовался счастьем. Любил он Мариамну, действительно, так сильно, как никто другой, о ком повествует история. Хотя она соблюдала царю верность и вообще держала себя во всех отношениях благопристойно, однако, по привычке всех женщин вместе с тем относилась к нему с неприязнью, причем иногда обходилась с ним, невзирая на всю его страсть к ней, крайне резко, и невзирая на все свое подчинение и покорность ему, нередко давала чувствовать свои капризы. Но всего этого Ирод как будто не замечал вовсе и с достоинством и терпением переносил все. Вместе с тем, она открыто укоряла мать и сестру царя в низком происхождении, так что результатом этого явилась ненависть и

непримиримая вражда между всеми этими женщинами; в то же время появились и более тяжкие обвинения. Таким образом, подозрительность царя получала обильную пищу и возрастала в течение около года* с тех пор, как он вернулся от Цезаря. В конце концов эта все более раздуваемая вражда обнаружилась по следующему поводу. Когда однажды Ирод в полдень отправился в опочивальню, чтобы отдохнуть от жары, он позвал к себе Мариамну, побуждаемый большой любовью к ней. Царица явилась к нему, но отказалась разделить с ним ложе и стала укорять и поносить его за убийства ее отца и брата” (И.д.15,7,4).

Удачи царя иудейского на поприще политики не устранили иродианско-хасмонеийский семейный антагонизм и не предотвратили личную трагедию Ирода. Напротив, с успокоением на внешних фронтах отвлекающая в отношении к супружескому конфликту напряженная борьба за тронное выживание отпала. Приносивших облегчение обоим супругам деловых и боевых отлучек энергичного монарха не стало и постылый одной из половин брак сделался для нее вовсе нестерпимым.

Заинтересованные соглядатаи брачной драмы Саломия и Киприда неустанно подводили брата и сына к роковому извержению безудержного гнева. Сколь ни странно звучит, но ненавидимая ими Мариамна чем дальше, тем сильнее бессознательно желала того же, не видя выхода из зловонного тупика. Процитированный выше абзац Флавия подтверждает взаимную любовь супругов в начальный период их совместной жизни. Тем больше Антипатрид должен был переживать отчуждение любимого существа сейчас, преодолев множество препятствий, и думая, наконец, “навластовать на власть”. У него, у беспощадного к врагам-соперникам тиранозавра действия опустили руки: развязать приносящий невыносимые страдания узел не хватало ни сил, ни умения. Беспомощность доводила до черной горячки: оставлось рубить с плеча. Тирания требует беспрекословного подчинения на всех доступных ей уровнях; тирания ориентальная чувствительна к непокорности определенного рода вдвойне. Отказ царицы разделить с повелителем ложе — неслыханная на Востоке дерзость — вкуче с не в первый раз произнесенными упреками по поводу убийств Аристовула и Гиркана, привели венценосца в неистовство. Кому-то надлежало подтолкнуть готовую обрушиться расправу. И злыдня Саломия, дождавшись своего часа, оказалась тут как тут.

Она подослала к царственному братцу заранее подготовленного дворцового виночерпия с ложным доносом на невестку, дескать, та снабдила его неведомым “любовным питьем” для царя. Крайне взволнованный Ирод тотчас велел пытать доверенного внука жены, который ничего не сказал о зелье, но показал под пыткой, что ненависть Мариамны к супругу — следствие разоблачительных откровений итурейца Созма.

“Не успел внук произнести эти слова, как царь громко закричал, что всегда бывший верным ему и царству Созм не осмелился бы проговориться о полученном поручении, если бы не был в близких отношениях к Мариамне. Поэтому он распорядился немедленно схватить и казнить Созма, а жену

* В русском переводе Г.Генкеля ошибочно дано: “в течение полугода”.

свою предал суду самых преданных друзей своих, ожесточенно обвиняя ее в приготовлении любовного питья и отравы. При этом Ирод несколько не сдерживал себя и был вспыльчивее, чем бы следовало при судебном разбирательстве. В конце концов присутствующие, видя такое настроение царя, приговорили Мариамну к смерти. По произнесении этого приговора, как сам царь, так и некоторые из судей решили не сразу приводить его в исполнение, но пока посадить царицу в одну из темниц при дворце. Однако, в итоге Ирод внял настойчивым уговорам Саломии, советовавшей ему умертвить Мариамну, чтобы тем самым избежать народных смут, которые могли бы возникнуть, если бы народ узнал, что царица еще жива.

Итак, Мариамна была отведена на казнь...” (И.д.15,7,4,5).

Характерно подчеркнутое Маккавеем по материнской линии Флавием паскудное поведение при том Хасмонеи-матери Александры. Видя безвыходное положение дочери, она резко изменила позицию, выбежала на улицу, вцепилась Мариамне в волосы и стала поносить ее неблагодарной к мужу мерзавкой, кто теперь подвергается заслуженному наказанию. “Сама Мариамна – продолжает Флавий – лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину и совершенно бесстрашно, не изменившись в лице, пошла на казнь, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства” (И.д.15,7,5).

Аристократы умеют умирать! причем зачастую умирают лучше, чем живут или властвуют. Карл I Стюарт не дрогнул, поднявшись на эшафот, и опустив голову на плаху, сам королевским мановением руки подал палачу знак рубить. Людовик XVI сказал перед казнью: “Я умираю безвинным во всем, в чем меня обвиняют. Я надеюсь, что моя кровь послужит счастьем французам. Да не падет она на голову Франции! Мой сын не должен мстить за меня.” Николая II Романова большевики-убийцы царской семьи посредством бандитского расстрела в подвале – умышленно лишили и времени, и возможности проявить мужество перед лицом смерти.

Мариамна шла в петлю, как Мария Антуанетта на гильотину*, не склоняя головы. Вероятно, казненный пятью годами ранее внучки Гиркана в Антиохии представитель враждебного ей крыла хасмонеи династии, царь Антигон, несмотря на все старания иродианской историографии по-смертно унижить его трусостью, также умер вполне достойно.

Высоко отзываясь о покойной царице, Флавий вместе с тем достаточно критичен: “Впрочем, ей не доставало сдержанности и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотой своей и умением держать себя она превосходила всех своих современниц; это и явилось главной причиной того, что она недостаточно любезно встретила царя ...” (И.д.15,7,6).

* Палача не охватит дрожь,
(Кровь людей не меняет цвета)
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

(М.Светлов)

Саломия и Киприда все-таки свели ненавистную невестку в могилу. Киприда скоро помрет; Саломия переживет всех, кого сумеет: она еще поведьмачит, грязно интригуя против сыновей мертвой Хасмонейки. Обе эти женщины с разными судьбами, внучкой которых будет рожденная дочерью Саломии от сына Мариамны Иродиада, а правнучкой последняя амазонка Саломея-Саломия с головой Предтечи на блюде, пожалуй, наиболее контрастно олицетворяли в I в. до н.э. *скорбь Израиля* — победу иудейского клана над национальной династией.

Не тщеславно-политические, в отличие от честолюбивой Александры, но личные и кровные мотивы руководили аполитичной Марианной в неприятии ею Ирода-убийцы и всего безродного семейства выскочек-Антипатридов. Будучи старше суженой на 18 лет, зрелый и смелый муж-жених поначалу покори́л сердце девочки-принцессы. В условиях крушения старого мира беззащитная отроковица (потерявшая в трехлетнем возрасте отца) видела в нем щит, искала опоры. Затем утраченные иллюзии и переоценка ценностей женщиной-матерью, у кого на глазах погибли брат и дед, превратили пылкую чувственность преступного обожателя в домогательства зануды, с кем, выражаясь современно, легче переспать, кому легче рожать детей, чем объяснить почему этого не хочешь. В сущности Ирод-царь был жутко одинок на троне среди завистников, тайных недоброжелателей, льстецов-лицемеров, и одержав в изнурительной схватке победу, особенно нуждался в отзывчивости, в нежности, в отдохновении душой. Стремление согреться — натуральная человеческая потребность, присущая, к слову сказать, диктаторам более, чем простым смертным. Показания подпыточного евнуха в адрес Созма вызвали вулканическую реакцию. Природно-температурная подозрительность подскочила до 43 градусов, дикая ревность и липкий страх сдавили горло, ртутный столбик лопнул. Саломия понимала толк в психологии.

Впрочем, брату опять не достало решимости, и своевременно подключенные сестрой соображения гос. безопасности пришли на помощь, переставили акценты, оправдали творимое. Осенью 29 г. до н.э. иродианская Фемида вынесла приговор как бы с завязанными глазами; карающая десница полоснула как бы не из ревности и мести, но ради всеобщего блага. Вино перебродило, тиран отстоялся окончательно, сметя с пути самое хрупкое и самое драгоценное препятствие.

Почти тотчас женоубийцу захлестнуло удушливое раскаяние, правда, не столько от совершенного злодеяния, сколько от ужаса физической пустоты вокруг, от чувства невосполнимой потери. Своими руками он разрушил вожделенный храм тела и долго не мог с ним расстаться. Согласно Талмуду (Бава батра 3б/4а), мумифицированный труп Мариамны 7 лет хранился непогребенным в медовом растворе. Мало того, талмудисты даже подозревают у нечестивца Ирода некрофилию. Злобный наговор очевиден, однако, за ним экстремальная степень привязанности суперматериалиста к телесной оболочке, неспособность ласкового и нежного зверя забыть любимую плоть: и вкус ее, и цвет.

На памяти эпизод из жизни Ж.Дантона. Возвратившись после долгой отлучки в Париж, пламенный революционер узнал о смерти за время этой

отлучки своей возлюбленной. И что же он сделал? В неудержимом порыве вскрыл могилу и заключил в объятия червивый труп*.

Ирод — революционер на троне, позаботился о сохранности тела, ухватившись за бранные останки, точно утопающий за соломинку. Позднее он, отойдя душой, вознесет их в поднебесье Масады**, предаст покою с надгробьем под облаками. А тогда в 29/28 гг. страшная рана не заживала. В попойках и гульбищах царю не удавалось забыться. Он впал в отчаяние: он приказывал слугам громко звать Мариамну по имени, разговаривал с ней, как с живой, умолял ее откликнуться, “предавался ничем не сдерживаемым слезам”***.

* * *

“В то время, когда царь находился в таком состоянии, в стране появилась чума, похитившая не только массу простонародья, но и наиболее близких его друзей, причем у всех явилась мысль, что бедствие служит доказательством гнева Божьего за совершенное относительно Мариамны беззаконие...” (И.д.15,7,7).

Уже в 28 г. до н.э. вдовец, по-прежнему ища наощупь тень умершей, кинулся от чумы и душевных мук в Самарию, туда, где шесть лет назад праздновал победную свадьбу. Здесь через несколько дней он тяжело заболел. Его поразило сопряженное со страшными болями и расстройством умственных способностей воспаление затылка. Больной рухнул, усилия врачей не помогали, на выздоровление было мало надежды.

“Между тем пребывавшая в Иерусалиме Александра, успев узнать о положении царя, приложила все старания, чтобы овладеть укрепленными пунктами города. Их было два: один находился в самом городе, другой — в храме... Александра вступила в переговоры со стражей, указывая на необходимость передать ключевые укрепления ей и детям Ирода, дабы в случае кончины последнего никто не мог предупредить их и захватить власть. В случае же, если бы царь выздоровел, по ее мнению, опять-таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. Гарнизоны отнеслись к этому предложению с неудовольствием, и оставаясь прежде верными царю, тем более решили оставаться таковыми теперь, так как испытывали ненависть к Александре и считали безбожным изменить находившемуся еще в живых Ироду. Они издавна были преданы ему, а командир одного из них Ахиав даже приходился царю племянником. Поэтому они немедленно донесли последнему о планах Александры. Ирод распорядился тотчас казнить ее, а т.к. он сам едва успел оправиться от болезни и все еще страдал

* Говорят, что перед своей собственной казнью Дантон сказал палачу: “Не забудь показать мою голову народу. Такие головы увидишь не каждый день.”

** Версия гробницы Мариамны в Масаде принадлежит Шалиту (стр. 351).

*** К драме Ирода и Мариамны литературно обращались Ганс Закс (1552 г.), Александр Гарди (ок.1610 г.), Элизабет Кари (1613 г.), Педро Кальдерон (1637 г.), Вольтер (1725 г.), Гаспаро Гоцци (1754 г.), Кристиан фон Шонах (1761 г.), Фридрих Рюкерт (1844 г.), Фридрих Геббель (1849 г.), Кай Мунк (1928 г.).

душой и телом, то был крайне раздражителен и стал казнить по самым ничтожным причинам всех, кто попадался ему под руку...” (И.д.15,7,8).

Александру доконала маниакальная склонность к политиканству. Без сомнения, совиновная в доведении иродианско-хасмонеийского конфликта до мертвой петли, в гибели сына, отца, дочери, она все равно не угомонилась до тех пор, пока не сыграла в ящик. Невозможно понять, на что она рассчитывала, норовя притянуть к себе армию — оплот режима, плюс действуя в одиночку против многочисленного иудейского клана. Стремление как-нибудь дорваться до власти, подержать руль, постоять на вершине — вот и вся подноготная заведомо гиблого и глупого предприятия, если конечно вся эта история с покушением на государственный переворот не прилежно воспроизведенная Флавием выдумка царя-мемуариста или Николая Дамаскина. Для того, чтобы казнить в большой ярости зловредную тещу, как главную виновницу разлада с Мариамной, царственный зять вовсе не нуждался в дополнительно поданных ею поводах. Не исключено, что повод всплыл историографически.

Так, на шестой от завоевания Иерусалима год Ирод истребил всех близких родственников из семейства Хасмонеев.

В двух заключительных абзацах 7-й главы 15-й книги “И.д.”, где рассказывается про запоздалое т.н. разоблачение т.н. заговора Костобара, речь идет о событиях 22 г. до н.э., которые Флавий, во-первых, руководствуясь своей хроносхемой, ошибочно датирует 25 г., во-вторых, даже сквозь призму этой хроносхемы неестественно присовокупляет к рассказу о казни Александры, последовавшей никак не позднее 28 г. Впрочем, читатель, до 22 г. нам еще надо дожить и добраться. Посему разговор о мнимом заговоре Костобара в 30-е гг. и о немнимом показательном процессе 22 г. впереди.

* * *

Прибыв весной-летом 28 г. из Самарии в Иерусалим, выздоровевший (словно назло гневу Божьему) Антипатрид напористо взялся за вовлечение Иудейского царства в римско-эллинистическую Ойкумену, в космополитический котел *Imperium Romanum*.

“Таким образом, Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и собственно ненарушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, ныне подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время. Во-первых, он ввел в честь Цезаря повторявшиеся каждый пятый год общественные игры и построил в самом Иерусалиме театр, равно как на равнине огромный амфитеатр...” (И.д.15,8,1).

Разрыв иродианско-хасмонеийского родственного союза в первом колене вызвал у справившегося с кризисом тарентского назначенца мощный выброс деятельной энергии в пользу великого Рима, послужил дополнительным стимулом против иудейского национализма-изоляциизма. Не закончил ли он в конце концов с единственной слабостью в личной биографии и в царской карьере? Уход Мариамны вновь отдалил генетического

чужака-эдомита от еврейства. В лице той, кто предпочла смерть рабскому сожительству, скованный цепями богоносец Израиль снова отвергал союз с узурпатором. Ироду опять напомнили о его потомственном прозелитизме, о его низком происхождении, о его инородности. Он же в ответ вооружился гипертрофированным римляно- и эллинофильством.

Флавий говорит о созидательно-языческих мероприятиях царя иудейского в период после выздоровления, и называя, в частности, одно из них, дает недвусмысленный хронологический ориентир. Мы узнаем, что Ирод учредил в Иудее спортивно-музыкальные состязательные игрища по типу акцийско-никопольских – так называемые иудейские акциады, проводившиеся, видимо, параллельно акциадам эфирским, то есть через каждые четыре года (= каждый пятый год), начиная с 28 г. до н.э. Предположительно, эти игры устраивались в сентябре, в годовщины сражения у мыса Акий или, что тоже вполне возможно, приурочивались ко дню рождения победоносного миротворца Октавиана. А теперь оставим Ирода за “олимпийскими” и прочими антииудейскими интегральными начинаниями в осенней Палестине и перенесемся в покинутый нами на пороге 28 г. Рим.

* * *

В “Деяниях” Август гордо рапортует “товарищам потомкам”, что положив конец гражданским войнам, он в свои шестое и седьмое консульства передал верховную власть, которой с всеобщего согласия владел, сенату и народу Римской республики (6,34).

1 января 28 г. до н.э. = 726 г. а.У. Октавиан облек консульство в шестой раз, Агриппа – во второй.

Первыми консулами в истории Рима после свержения тирании Тарквиния Гордого были Л.Юний Брут и Л.Тарквиний Коллатин (509 г. до н.э.). Согласно традиции, два правящих магистрата с самого начала избирались общим народным собранием сроком на один год и ведали государственными делами по очереди, сменяя друг друга ежемесячно. Усилиями бескомпромиссного Брута народ и сенат, введя коллегиально-выборное правление, клятвенно узаконили недопустимость реставрации монархии во веки веков. Брут добился изгнания из Рима всех, кто находился в каком-либо родстве с царской семьей Тарквиниев. В число изгнанных попал, увы, и его безупречный соконсул Тарквиний Коллатин. Закон есть закон! С тех пор любая тяга к монаршему венцу квалифицировалась как сакрilege, как измена родине и каралась смертной казнью. Брут II, Кассий и иные сенаторы-сикарии заговорщически инкриминировали Цезарю именно это преступление.

В V-IV вв. до н.э. к консульству имели доступ лишь патриции, с 367 г. к ним присоединились плебеи. Выборы на консульские должности производились в центуриальных комициях. Вплоть до дуэльного коловорота популяров и оптиматов представители властного дуэта, действительно, обладали огромной реальной властью. Но их власть безвозвратно убывала в пользу закамуфлированного монархизма на протяжении полувека, образно выражаясь, со времени провозглашения консула III – Г.Мария, генерала по призванию и политика против воли, третьим основателем Рима (в год

рождения Цезаря, т.е. в 100 г. до н.э.) до пересечения Цезарем в 49 г. Рубикона. Глава оптиматов — реставратор Сулла дальновидно предостерегал единомышленников: "... в одном Цезаре таится много Мариев (Светоний "Цез."1). Цезарь со своей стороны недоумевал по поводу добровольного сложения Суллой диктатуры 82-79 гг. ради старорежимной олигархии: "Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти" (Цез.77). Равноправная президентско-правительственная легислатура двоих не аннулировалась никем, однако, за время от первого до последнего триумвиратов (60-й — 30-е гг.) ее самостоятельное значение упало до уровня календарно-почетного караула.

Возрастной консульский ценз — 43 года — сначала обошел 36-летний Помпей (70 г.), потом Цезарь, получивший фаски на 41 году жизни (59 г.). В 45 г. диктатор сдал дуалистический пост досрочно, уступив место послушной эрзац-креатуре, и тем предвосхитил нормативный с 39/38 гг. институт притриумвиральных подставников-суффлектов. Сим годовичное исполнение обязанностей январскими консулами-ordinari сошло на нет: по прошествии считанных месяцев они, как мы знаем, сменялись запасными игроками, также через пару месяцев сменными.

С 28 по 23 гг. до н.э. практика замены не применялась*. Не только Цезарь II, но оба эпонимических магистрата, в духе восстановления республиканских свобод, пребывали на посту круглый год.

Консульское единство — Октавиан-Агриппа наглядно репрезентировало обновленный принцип возрожденной коллегиальности. Равноправие соконсулов в ходе поистине парного консульства коллега № 1 подчеркивал выразительно. Согласно древнему ритуалу, обоим консулам полагались ликторы — несшие перед ними фаски почетные стражи — по 12 мужей при каждом. В предшествующие годы Цезарь Миног держал команду из 24 ликторов, не делясь с напарниками, исключительно при себе. На сей раз он охотно поделился с Агриппой. Одновременно, "ростральный" адмирал расторг брачные узы с Помпонией-Цецилией и породнился, женившись на дочери Октавии Марцелле, с домом Юлиев. Как видим, служба службой, а дружба дружбой.

* * *

В январе 28 г. Октавиан стяжал легитимное республиканское назначение: *princeps senatus* — первый в сенате. Удостоенных чести зваться *первыми среди равных* Республика всегда подчеркнуто различала от первых при царской деспотии. Одним из первых граждан или первым гражданином в ней издавна мог сделаться любой авторитетный консуляр благородного происхождения, занявший за особые заслуги перед отечеством руководящее положение в герузии.

Облекшись консульством без коллеги, Помпей недобрал; прияв пожизненную диктатуру, Цезарь перебрал. Октавиан искал и творил среднее арифметическое, выводя, словно алхимик, гремучую жизнестойкую смесь

* Летом 29 г. С.Апулея сменил Валерий Потит (см. Дион 51,21).

из наследия Ромула и Ю.Брута, Мария и Суллы, Помпея и Цезаря, Октавиана и Антония.

Вот теперь, став первым в сенате, можно и должно было его чистить.

В полулегендарном царском Риме назначаемый царем совет старейшин, состоявший из глав патрицианских фамилий, был совещательным органом при царе и посреднически представлял общинно организованный народ перед монархом. При Республике роль сената неизмеримо возрастает. Домогильное членство в нем опытных магистратов — необходимое условие бесперебойного коллегиального руководства. С V в. до н.э. в сенате заседают также обиженно уходившие ранее на Авентин плебеи. Неуклонное расширение римских границ и усложнение задач правления приводит в III в. к быстрой эволюции и к расцвету специфически римского сенатского режима.

Уже в IV в. возникло патрицианско-плебейское привилегированно-сенаторское сословие — нобилитет. Для республиканского сената характерны строгая дисциплина и запрет на фракционизм. Единственное значительное исключение составила эпопея братьев Гракхов.

Правда, отсутствие фракций не мешало наличию задающего тон внутрипарламентского ядра. Тон среди герузиархов на практике задавала консулярская клика.

Функции сената исторически никогда не были ни четко определены, ни четко ограничены. Этот орган народовластия, своего рода народ в миниатюре, абстрактно подотчетный только народу, фактически притязал на вездесущий надзор за общегосударственной экзистенцией. Например: подтверждение или кассирование законов и результатов магистративных выборов; контроль над магистратами и их действиями на высшем апелляционном уровне. Далее, монополия в вопросах внешней политики: войны и мира, ратификации договоров, приема и снаряжения посольств; контроль над провинциальным управлением и участие в организации новых провинций. Отцы-сенаторы отвечали за мобилизацию и снабжение армии, за сбор урожая и хлебоснабжение, за работу в равной мере финансовых и сакральных учреждений. Целиком на усмотрении сената находилось объявление чрезвычайного положения: рекомендация властному консулу назначить диктатора, выставление воинских подразделений для охраны общественного порядка, введение скорострельных трибуналов.

Долгие годы альтернатива всеядному сенатскому режиму казалась немислимой. Охлократическая драма Гракхов возвестила начало конца. Реставрация одоителя демократов Суллы явилась реанимацией фоссильного пережитка, слишком бесцеремонно разрушенного оттого и погибшим под его обломками Цезарем. Конъюктура I в. до н.э. диктовала основательную реформу; Цезарь предпочел революцию сверху. При всем своем небеспочвенном презрении к совету старейшин, к этой изрыгающей кубометры пустословия импотентной говорильне, к этому коррумпированному беспределу олигархов, он переоценил себя и недооценил традиционалистский консерватизм сограждан. Он подвижнически перешел через Рубикон, не потрудившись найти золотую равновесную середину после Рубикона.

Другое дело Октавиан, который понял: времена изменились: без царя в голове, конечно, не обойтись, но зачем слыть и, тем более, во всеуслышание

быть царем, если вольные сограждане реагируют на ненавистное слово гех, точно кошка на собаку или бык на красную тряпку. За 20 лет они устали от пролитой крови, от анархии, от конфискации, от экзекуций, от неуверенности в сегодняшнем, уж не говоря о завтрашнем дне, и ныне безмолвно призывают: иди нами володеть. Придет час, призовут и вслух! Значит, надо найти правопреемственный *consensus universorum* – юридический компромисс настоящего с прошлым и будущим. Как найти? Очень просто: не дразня, но пася гусей – ведь гуси когда-то Рим спасли.

Во дни Ромула сенат, по преданию, насчитывал 100 человек; со дней Ю.Брута – 300; при Сулле – 600; при Цезаре число герузиархов выросло до 900; в годину суровых триумвиральных испытаний перевалило за 1000.

Светоний пишет: “Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу – в нем было больше 1000 членов, и среди них самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли замогильными сенаторами” (Авг.35).

Лишенное де-факто самостоятельно-инициативных прерогатив когда-тошнее лицо Республики преобразилось в дегенеративное заплывшее жиром мурло, в паразитарную прорву-кормушку, отчего герузия нуждалась в неотложной фильтрации и в сбросе лишнего веса, т.е. в *lectio senatus* (буквально: отборная переключка членов сената). По итогам отсева, число отцов нации уменьшилось на 190 (Дион 52,42): из них 50 добровольно сдали незаслуженно добытые или скомпрометированные мандаты и без шума отошли в тень. 140 исключенных “уклонистов”, в наказание за упорство, попали в печать: список с их именами был обнародован. Prestиж верховного совета в глазах народа поднялся.

* * *

Наряду с чисткой герузиархов, обладатели *ensoria potestas* Октавиан и Агриппа производили в 28 г. перепись римских граждан.

Дуалистическая цензорская магистратура возникла, отпочковавшись от консульской, в V в. до н.э. В обязанности цензоров – в ранний период только патрициев – входили перепись и оценка имущества римлян для разделения населения на податные разряды и в видах отправления воинской повинности. *Census* осуществлялся каждые пять лет (пятилетний период = *lustrum*), квириды делились на пять податных разрядов. Окончание ценза сопровождалось обязательным совершением ответственными магистратами обряда люстрации (*lustratio*) – искупительное очищение через жертвоприношение. Жертвенные животные – свинья, овца, буйволица – трижды проводились вокруг собранной на Марсовом поле народно-милитантной общины, после чего приносились в жертву покровителю Марсу, кому цензоры молитвенно вверяли защиту новоконституированной *нации*. Под ценз подпадали совершеннолетние граждане мужского пола и имущество владетельных вдов. Представление отчетов вменялось главам семейств. Искони пятилетняя продолжительность цензуры, уже сообразно закону 434 г. сократилась до 18 месяцев, в дальнейшем до года. Закон Овиния от 312 г. поручил цензорам ведение сенаторских списков, уполномочил их надзирать

за моральным обликом сенаторов, порицать и исключать недостойных, блюсти нравственность в государстве и обществе. Прежде прочих старореспубликанских учреждений данная кульминационная в *cursus honorum* магистратура пришла в упадок. Все настойчивее раздавались голоса за ее переустройство. Сулла упразднил застарелый институт, диктаторски урвав цензорскую власть на себя. Реставрация 70 г. продлилась до Цезаря, кто, сделавшись в 46 г. префектом *togum*, наделился исключительными цензорскими полномочиями.

Причина упадка заключалась в следующем. Профессинализация армии Марием повлекла за собой качественное видоизменение военной структуры. Превращение Рима в империю привело к фактическому освобождению римлян и колоний италийского права от уплаты основных и прямых (до периода последнего триумvirата) налогов. Центр тяжести в сфере податно-налогового обложения переместился за пределы Италии.

Реанимированный Октавианом властно-сакральный институт манифестировал один из ренессансных сплавов. Традиция возводила инаугурацию цензуры к Сервию Туллию — к доброму царю, к жертве злодейского заговора, к антиподу Тарквиния Гордого. Проведенный впервые по истечении 42-х лет ценз 28 г. воззвал к жизни *очищенное и искупленное* общество. Результаты переписи выявили 4 063 000 начинающих отсчет нового люстрированного времени римских граждан.

* * *

В сентябре 28 г. Рим справил первую пентатерическую акциаду. Дион пишет: “Это празднество устраивалось каждые четыре года и четыре жреческие коллегии отвечали за его устройство” (53,1). Сентябрьские игрища в столице мира продолжались не один день. Приболевшего Цезаря II распорядительски заместил Агриппа.

Гладиаторы дрались на убой, в то время как гимнасты, метатели диска, кифареды, флейтисты и пятиборцы мирно состязались в мастерстве, борясь за первенство.

Римским агонем римлянин № 1 почтил Аполлона Палатинского, чье сооруженное на Палатинском холме святилище он торжественно освятил 9 октября, по выздоровлении. К святилищу примыкала богатая публичная библиотека, заведующим которой стал многоученный вольноотпущенник Октавиана Юлий Гигин.

Кстати, единственная Аполлонова кумирня Рима прежних лет находилась на Фламиниевых лугах Марсова поля. Она была освящена около 430 г. до н.э., причем либо 13 июля, либо 23 сентября (дни рождения Цезаря и Августа). Дело в том, что дата проведения *ludi Apollinarii* — день 13* июля — странным образом расходится с днем освящения (*dies Natali*) храма — соответственно “Актам Арвальских братьев”, 23 сентября**.

* С 208 г. до н.э. игры в честь Аполлона проводились однодневно 13 июля; позднее дни прибавлялись и доросли до недели 6-13 июля.

** CIL I² 215.

Поэтому до сих пор неясно, имело ли место освящение V в. 23 сентября или, б.м., 13 июля, будучи затем многозначительно перенесено на день рождения Цезаря Августа. Если так (хотя подобный акт, где-то “в ущерб” Ю.Цезарю, сомнителен), то перенос даты, видимо, инициатива великодушно прощенного Октавианом Г.Сосия, ибо именно Сосий отреставрировал старый храм Аполлона, известный впоследствии как Apollo Sosianus. Не исключено, что он приступил к реставрации, облекши в январе 32 г. консульство, т.е. до бегства в Эфес, а продолжил и завершил реставрационные работы, славя покровителя (вне зависимости от дня или “дней” освящения), уже в 28 г. — в год, когда сам уполномоченный сенатом Октавиан отреставрировал на личные средства аж 82 храма. (М.А.4,20).

* * *

В том же году, следуя примеру *первого среди равных*, многие видные граждане ремонтировали обветшалые римские святилища на собственные деньги. Подчеркнутому сохранению в чистоте и ренессансу отечественных культов в Риме и по Италии споспешествовало строгое выдворение за черту Померия культов завозных — египетских. При основании Вечного города Ромул вспахал вокруг Палатинского холма, сердцевины романского очага, священную борозду. Согласно преданию, Рэм был убит непосредственно перед тем за то, что позволил себе дерзкие насмешки над взявшимся, по знамению свыше, копать пограничный ров братом. Схоронив неосторожного профанатора-насмешника, братоборец тщательно выполнил предписанный богами обряд основания города: воздвиг алтарь, зажег на нем жертвенный огонь, запряг белых быка и корову и с покрытой головой, в жреческом облачении, вспорол заветную межу мартиального обиталища.

Годы спустя, сопровитель Ромула сабинянин Тит Таций втянул в городскую зону Капитолий. При Сервии Туллии в нее вошли Квиринал, Виминал и Эсквилин. Целий и Авентин довольно долго прозябали вне Померия, потом сопричислились к “пятерке” и сообща составили “великолепную семерку”.

До 217 г. — канун Второй Пунической войны, чужеземным богам возбранялся всяческий доступ за помериальный рубеж; в последующем с ограничениями разрешался. В 52/51 гг. отсюда на традиционалистской волне убрали, как персон нон-грата, контрабандных Осириса и Изиду с их подзрительными священнодействиями. В 28 г. весь египетский пантеон подвергся кучному изгнанию. Проиграв, поверженный Египет наводнял в отместку империю и, главное, ее центр притягательными декадентными культурами. Октавиан решительно удалил импортную скверну за пределы сакрального очага.

* * *

Кульг Рах — персонификация божественного мира, справедливо считается новотворчеством эпохи принципата. Ее первое изображение появляется, по иронии судьбы, на монете, отчеканенной в год смерти Цезаря, перед гибелью диктатора. Увенчанная диадемой с миротворно сложенными

на груди руками богиня — символ дарованного Цезарем Риму гражданского мира. Pax et concordia — мир и согласие — ностальгический пароль изурнченных братоубийством римлян I в. до н.э.

Первая паксическая монета октавиановских времен не случайно относится к 28 г. до н.э. Есть также монеты эпохи Августа, запечатлевшие богиню с мироносной масличной ветвью и рогом изобилия в руках. Не мудрено, поскольку закрыв врата Януса Квирина, князь мира как бы реализовал идею универсального — и гражданского, и вселенского — умиротворения. С 28 г. Пакс объяла Римскую империю, так сказать, целокупно, — замирила народы и начала питать их из рога изобилия.

Уместно заметить: понятие Pax Romana августейшей поры, т.е. мир или, точнее, продиктованный Римом миру мир по-римски, вполне созвучно понятию Pax Americana дня сегодняшнего, т.е. мир или, вернее, миру мир по-американски.

* * *

Впрочем, имперская периферия замирялась туго. Глубокой осенью 29 г. путь Лициния Красса на зимние квартиры в провинцию Македония из Мезии лежал через Фракию. Так как кампания затянулась, легионеры страдали на обратном марше от холода и от нападений формально дружественных фракийцев. В столице сенат отреагировал на добытые победы декретированным македонскому проконсулу триумфом.

Ближе к весне заречные бастарны, мня противника уморенным и думая реваншироваться, снова перешли через ледяной Дунай. Красс решил широкомасштабно воспользоваться оборонительной оказией. Разбитым и на сей раз интервентам пришлось договорно обязаться никогда больше не пересекать водный кордон. Не довольствуясь содеянным, инициативный наместник пошел войной на фракийских мадеров и сердов, чтобы проучить их за прошлогодние художества. Покорение этих воинственных племен потребовало немалых усилий. Устрашая побежденных впрок, жестокий римлянин приказал отрубить пленным мужам руки.

Упоенные успехами легионы карательно опустошили мадерско-сердскую Фракию и мирно ступили в удел проримски настроенных одрисов. В награду за лоялизм и за приветственный выход навстречу повелителям народов без оружия, одрисы получили во владение отобранное у бессов святилище Диониса на берегу Марицы — культовый центр местных племен. С тех пор Рим опирался на одрисских династов в регионе вплоть до провинциализации Фракии (46 г.).

Не успел Красс толком предпочесть одрисов бессам, как с севера воззвал о помощи гетский венценосец Рол. Его донял соседний предводитель гетов — Дапикс. Старший союзник поспешал на выручку. При виде римлян неприятельская конница обратилась в паническое бегство и растоптала пехоту. Дезорганизованные остатки врага укрылись за шанцами. В результате предательства одного из отчаявшихся осажденных укрепление вскоре пало. Дапикс и верные ему воины, во избежание плена, закололи друг друга. Затем римское воинство двинулось к устью Дуная, где обложило и взяло

штурмом цитадель очередного гетского династа Циракса, которого, однако, на месте не оказалось, ибо он чуть раньше подался с золотом за Дунай, в поисках противоримского альянса, к скифам. Завершая кампанию 28 г., римляне разбили также ничего о них не ведавших обитателей центральных Балкан – артакиев*.

Все черноморское побережье от впадения великой реки в Понт до Гелеспонта вошло в орбиту державных интересов империи. В ближней перспективе ставка делалась на буферный пограничный пояс из варварских протекторатов под главенством союзных династов. Неумная оборонная стратегия Лициния однозначно пошла на пользу Imperium Romanum.

* * *

26 мая 28 г. пальмовую ветвь Юпитеру Капитолийскому триумфально поднес Кальвизий Сабин. Зарегистрированный в Fasti Baberini триумф ex Hispania указывает на пиренейское наместничество, правда, неизвестно кого Кальвизий там победил. Наверняка, он не был преемником Статилия Тавра, который начальствовал и воевал в 29 г. в Ближней Испании: т.е. преемник вряд ли мог успеть до мая 28 г. обзавестись убедительно-победным триумфом, вернуться и триумфировать. Следовательно, Кальвизий легатствовал по соседству со Статилием в Испании Дальней.

Полтора месяца спустя, 14 июля 28 г. отпраздновал свой триумф за усмирение моринов и изгнание свебов Г.Каррин.

16 августа триумфировал по поводу африканских побед Автроний Пет. Отдыхай, Янус Квирин!

* * *

В 28 г. Октавиан на 35-м году жизни озаботился воздвижением собственного мавзолея. Это монументальное округло-купольное сооружение (по типу александрийской гробницы Александра Великого?) на Марсовом поле, между Фламиниевой дорогой и Тибром, взметнется на 40-метровую высоту, увенчанную бронзовой статуей кесаря Августа.

Как дым пройдут дела и помыслы людей,
Забудется герой, истлеет мавзолей.

(Н.Минский)

В случае с новым Одиссем – Августом, мавзолей истлел, герой не забылся.

* * *

Резюмируя 28 г. до н.э., экс-моновир специальным актом объявил все принятые в экстремальных условиях гражданской войны чрезвычайные и противоречащие республиканской правозаконности постановления недействительными. Тем самым он официально слагал с себя, в частности, осо-

* Дион сборно описывает две кампании Красса под 29 г. до н.э. (51,23-27).

бые полномочия, каковыми “с всеобщего согласия обладал.” Информацию черпаем у Тацита и Диона.

Тацит: “Наконец в шестое свое консульство Цезарь Август, обеспечив себе верховную власть, отменил сделанные во время триумvirата распоряжения и дал законы, чтобы мы наслаждались миром и нами управлял принцепс. В дальнейшем их пути стали еще крепче...” (Анналы 3,28).

Дион: “... множество противоправных постановлений, принятых им во время гражданских войн и внешнеполитических осложнений, особенно в пору совместного властвования с Антонием и Лепидом, он отменил единственным актом, причем сроком отмены определил конец своего шестого консульства” (53,2).

Интересен критиканский настрой пессимиста-республиканера Тацита в эпоху кульминации принципата, при Траяне, и позитивная оценка образцового принцепса у Диона веком позже, в эпоху глубокого кризиса принципата при Северах, накануне разгула “солдафонских императоров”.

Классики дополняют друг друга; мы отделяем зерна от плевел и реконструируем истину.

* * *

1 января 27 г. до н.э. = 727 г. а.У. Октавиан и Агриппа обновили эпонимические консульства, соответственно, по седьмому и третьему разу.

В тот же день консул VII громогласно объявил в верховном совете о возвращении всей полноты власти, провинций и армий сенату с народом и о твердом личном намерении сойти после сдачи годичной консульской магистратуры с капитанского мостика. Второе положение декларации прозвучало в новинку, тогда как первое апологетически завершило реставрационные мероприятия минувшего года. Новинка таила сюрприз для непосвященных профанов, которые составляли болотное сенатское большинство. Тонко просчитанный эффект обнаружился незамедлительно, инсценировка получилась лучшей некуда, и все-таки было бы крайне примитивно видеть в ответной реакции герузии лишь следствие циничной режиссуры ханжи-постановщика. Отцы нации, те, которые возмущенно поверили в полную искренность официального заявления, и те, которые не поверили, но поостереглись принять, не испробовав на зуб, пенсионерские комплексы 35-летнего государственного мужа за чистую монету, взволновались неопируемо, загудели и загалдели наперебой. Гневные протесты схлестнулись с бурной овацией относительно добровольно-героического жертвоприношения власти на алтарь свободы и сенат в подавляющем большинстве отверг благороднейшую, но совершенно неприемлемую жертву.

Как!?! Спаситель отечества намерен бросить Рим на произвол судьбы!?! Он хочет лишить римлян мудрого толерантно-арбитражного правления!?! Значит, налицо опасность снова быть втянутыми в кровавый хаос междоусобиц, снова потерять достигнутые мир и согласие!!!

Оратор правильно рассчитал, выступив с историческим заявлением не в 11.55 и не в 12.05., а ровно в 12.00. Час пробил и Рим не попросил – Рим потребовал не снимать тяжелую *шапку Мономаха*: правь нами! покорствуй!

тяни лямку! Правитель как бы сказал: “Я пришел дать вам волю”; и как бы спросил: “Хотите на волю?” Ему хором ответили: не хотим, избави боги, чего мы там не видели?! передрались, перерезались и будет – баста! Подавай нам порядок и безопасность*; убереги умной башкой и крепкой рукой от заварух и переворотов! Испек, мол, пирог, теперь, давай, распределяй сколько кому причитается! Царь римлянам ни к чему; без Цезаря Риму крышка.

Одним словом, поступив подобно Сулле 79 и Помпею 62 г., Октавиан пожал лавры Мария 104-100 и Цезаря 49-45 гг. до н.э. *Consensus universorum!*

* * *

Юлия Цезаря погубила излишняя гениальность, чрезмерная сосредоточенность на себе, торопливость, криминальный, с точки зрения римлян, царизм. Возгордился настолько, что возжаждал не служить Риму, но поставить Рим себе на службу. Потешался над оглушительным ором первого Брута: “Долой самодержавие!”; презирал символ, не уважал традицию – вот и накликал второго Брута с кинжалом за пазухой. “Республика – ничто, пустое имя без тела и облика”; “с ним Цезарем люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом” (Светоний “Цез.”77). Он дошел до того, что приветствовал сенаторов – патриархов-герузиархов, сидя; а проезжая в триумфе мимо трибунских мест и увидя не вставшего перед ним народного трибуна Понтия Аквила, насмешливо и грозно крикнул: “А не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?” (Цез.78).

Согласно Светонию, “он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому венцу, несмотря на то, что однажды ответил величавшему его царем плебею: “Я Цезарь, а не царь!”, а в другой раз, когда на Луперкалиях** перед ростральной трибуной консул М.Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг ее и отослал на Капитолий в храм Юпитера Благого и Величайшего” (Цез.79).

Зачем скоморошески короноваться на Луперкалиях? Такое могло прийти в голову только Антонию! Цезарь хотел получить корону солидно, из рук сената, и недаром говорят, что он шел в сенат утром 15 марта 44 г., за четыре дня до отбытия на войну с парфянами, именно для этого, так как вовремя вынырнувшее сивиллическое пророчество возвестило, что парфян может одолеть только “римский царь”.

* * *

Помня о все еще не наказанных парфянах, кудахчущие сенаторы осадили 13 января 27 г. Октавиана, укоряя “отставника-ослушника” за увливание от священного долга, ставя ему на вид недопустимость отхода от заветов божественного Юлия. Тот-де погиб, собираясь мстить за Красса: боевые орлы и множество пленных до сих пор томятся в неволе; за прошедшие

* Нация, способная ради безопасности пожертвовать хотя бы частью собственной свободы, не заслуживает ни безопасности, ни свободы (Б.Франклин).

** 15 февраля 44 г., ровно за месяц до мартовских ид.

годы к поражению при Каррах прибавился позор, давшего деру из Атропатены Антония. Гордись установленным тобой вселенским миром (сколько влезет), но Марса Мстителя не умилоставишь, пока не вернул знамена, пока не взял реванш. Кроме того, и на крайнем Западе Британия, куда победоносно ступил Цезарь, забыла о существовании римлян. Кто удержит Ойкумену под державной десницей? Нет! трехкратный триумфатор (сын четырехкратного) не вправе уходить! И он, покоряясь всеобщей сенатско-народной воле, как бы нехотя, остался. Негоже оставлять стадо без пастуха или стаю без вожака: ведь сенаторы, как известно, профаны, а народ, знамо дело, — бараны.

* * *

Разделение провинций на кесарские (*provinciae Caesaris*) и сенатские (*provinciae populi Romani*) поручило кесарю наиболее сложные и наиболее милитаризованные из них: Сирию, Галлию, Испанию (без Бэтики), где стационарировалась львиная доля легионов, плюс особостатуированный Египет. Сирия представляла собой ключевой бастион против парфян, римскую опору на Востоке и потенциальную базу для операций в заевфратском направлении. Мотивация кесарского режима в Галлии обуславливалась пограничным соседством с германцами и Британией, недостаточной замиренностью и предстоящей административно-территориальной реорганизацией края. В беспокойной Испании от Верховного ожидали окончательного усмирения надоедливо мятежных горцев, завоевания Кантабрии (современная страна басков) и наведения цивилизаторского порядка на века.

Обладание реально-империальной полнотой власти, т.е. проконсульской империей — *imperium proconsulare* — в перечисленных регионах, обеспечивало за обладателем по числу подкомандных легионов фактическое и юридическое главнокомандование над ВС Республики в границах империи. Управлять кесарскими провинциями кесарь назначал наместников подотчетных только ему, причем на неограниченные сроки, в то время как наместники сенатских провинций выбирались по жребию и несли службу в течение года. Идея провинциального размежевания принадлежала самому Октавиану в ответ на просьбу сената. При всем том главнокомандующий брал сложные провинции не навсегда — навсегда было бы не по-республикански — но временно, на 10 лет, с целью умиротворения их, а также прилегающих к ним уделов, и возвращения в умытом пацифицированном виде сенату с народом.

Опережая события, скажем: в дальнейшем число подкесарских уделов увеличилось, тогда как мандат попечителю оных продлевался дважды на 5 и трижды снова на 10 лет: в 18, 13, 8 гг. до н.э. и в 3, 13 гг. н.э. Стоит обратить внимание на курьез. Стартовая десятилетка, начавшись в 27 г., отсчитывалась с 28 г., т.е. с года принцепса. Между тем суммарные годы принцепса (как “первого в сенате”) исчисляются августейшим “Завещанием” (2,7) в 40 округленных на 14 г. н.э. лет, т.е. эти 40 лет отсчитываются в “Деяниях” не с 28, а с 27 г. до н.э. — с года принципата.

Последующие кесари владели проконсульской империей без удлини-

тельных резолюций, и тем не менее, каждые десять лет праздновали обновление: правовой параграф пережил метаморфозу и превратился в ритуал.

В 27 г. до н.э. сенат предоставил своему “первенцу” исключительную привилегию держать воинскую охрану в черте демилитаризованного (во избежание покушений на демократию) Померия. Телохранительно-преторианской гвардии Октавиана положили платить двойное жалованье.

Заметим: основав и освятив принципиальную диархию кесаря и сената, первый не стал еще генералиссимусом, имея в подчинении большинство легионов, однако, не все. Легионы, дислоцированные в сенатских провинциях (Иллирия, Македония и один легион в Африке), официально подчинялись сенату. Данная разновидность кесарско-сенатского двоевластия просуществовала до кризиса 23 г.

* * *

Очень важную, помимо импературы, почетного главенства в сенате и империяльного проконсульства, опору нового режима на четырех китах составил народный трибуна́т во́ждя – *tribunicia potestas* – правовая основа всемогущества римских кесарей – властная структура, полномерно развернутая опять-таки в 23 г. до н.э.

Выборно-должностной институт народных трибунов (*tribuni plebis*) возник в 490 г., призванный посреднически оберегать интересы плебса от посягательств патрициата. Плебейские трибуны избирались комициями (*tributa*) сроком на год – с середины V в. в количестве 10 – и пользовались священной гражданской неприкосновенностью (*sacrosanctitas*). Теоретически они могли путем правового вмешательства – интерцессии, опротестовать, приостановить, наложить вето на любой магистративный акт или решение сената; могли созвать народное собрание, потребовать проведения плебисцита и т.д.

Уже во II в. до н.э. облечение трибуната считалось достаточной квалификацией для вхождения в сенат. И без того высокий авторитет трибунов, как бескорыстных слуг народа, существенно поднялся в годы популистов Гракхов. Оптимат-олигархист Сулла резко ограничил прерогативы этих, в его понимании, демократов-охлократов, восстановленные в неуживчивое конституционно прожженных сулланцев – Красса и Помпея в 70 г. Затем, в 50-е гг., противостоятельная бандитская эпопея архихлократов Клодия и Милона привела, ни много, ни мало, к падению Республики.

В качестве сугубо гражданской магистратуры (трибуны не располагали военно-империяльными инсигниями и рычагами воздействия) народный трибуна́т воплощал в застойно-благополучную эпоху до Гракхов парадное равенство свободных граждан перед законом, выглядел столпом народовластия и демократического устройства общества. На практике оппоненты трибунов умели блокировать вето расколом в рядах десятки и другими крючкотворскими уловками. Пока режим олигархии был крепок, ничто не мешало почитать сей театрализованно-фасадный камень всеквиритского равноправия. Революционные перемены и слабость власти изменили ситуацию: конституционный механизм легитимно заворочался и вступил в чересчур активное действие. В годы “постклодианского” консульства Помпея

sine collega, Рубикона и триумвирата острота вопроса отпала. При реставрационном возвращении к нормальной жизни, к заветам отцов и к общенациональным ценностям вопрос снова обострился.

Золотое дно трибуната — промежуточной инстанции между рядовым гражданином и нобилитетской номенклатурой — таило блистательную возможность осуществлять отсюда верховный патронат над всем народом квиритов, чьим надежным защитником против произвола “злых бояр” “доброму царю”, то есть кесарю, полагалось быть. Пусть Цезарь обругал не вставшего перед ним нар. трибуна Понтия Аквилу, но и он, бессменный диктатор, запаса в 45 г. (запоздало и не впрок) трибунской неприкосновенностью. Раньше бы! поздно спохватился! Да и не спохватился вовсе, если всерьез: повелевал на восточный манер — деспотически: наплевал на западный менталитет сограждан. Когда кто-то из толпы возложил на лысую голову цезарской статуи перевитый белой перевязью лавровый венок, именно народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь и бросили “венцевозлагателя” в тюрьму. “Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности” (Светоний “Цез.”79).

Судите сами: в 48 г. удостоился чести греть задом трибунскую трибуну на народных играх, а трибуна не дооценил, пренебрег доверием безликих масс, перенадеялся на силу, престиж, обаяние, на культ собственной личности. Наполеон ведь тоже отказался в 1814-15 гг. надеть фригийский колпак и якобинские сапоги 93-го года, не пожелав обратиться к массам: презрел, вкусив импературу, чернь.

Не так Октавиан. Благообразный авторитаризм предполагает прямой, вноменклатурный, заступнический выход на народ! И тогда вознесенный революционно-завещательной волной партийно-групповой лидер становится всенародным вождем, “царем-батюшкой”, не переставая быть принцепсом для олигархов. Наследник божественного Юлия терпеливо одолевал ступень за ступенью. Трибунскую неприкосновенность он получил в 36 г., победив С.Помпея, виновника голодной блокады Рима-Италии; в 30 г., в свете падения Александрии и установления целебного мира, римляне закрепили за ним трибуна расширенный — с правом пришествия на помощь любому гражданину как в границах, так и отныне вне границ Померия: привилегия вождя, поскольку “гражданин” в сем случае суть римский народ. Никто из трибунов, оповещает Дион (51,19), не обязывался ничем подобным.

В общем в замороженных авуарах трибуната заключалась, при мастерском поэтапном размораживании, громадная потенция, на которую можно было краеугольно, плюс пожизненно опереться без диктатуры, что и произойдет в 23 г. на вполне законной основе.

* * *

Итак, к середине января 27 г. “младенец появился на свет; роды прошли успешно”. Теперь принцепс нуждался в имени, поднимающем его над простыми смертными, не делая богом, но в сферы с божественными смежные.

Имя должно было соответствовать рангу второго основателя, избавителя и блюстителя Рима. Естественную аналогию с Ромулом-Квирином, по размышлению, отвергли. От Ромула за версту разило царизмом; Квирин обитал в сонме богов. И вот 16 января 27 г. наш старый знакомый, находчивый дядюшка Мунаций – давно остепенившийся с александрийской поры старейший из консуляров Л.Мунаций Планк – преподнес римлянину № 1 (от сената и римского народа) глаголющее имя “Август”: “Почтенный”, “Возвышенный”, “Богоизбранный”, “Богоданный”. Точное значение невоспроизводимо, профанировать незачем: власть – это мистическая тайна!

Светоний сообщает: “Другие предлагали ему тогда имя Ромула, как второму основателю Рима, но было решено, что лучше ему именоваться Августом: это было имя не только новое, но и более возвышенное, ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд освящения, называются августейшими (augusta) – то ли от слова “увеличение” (auctus), то ли от полета или кормления птиц (avium gustus gustusve); это показывает и стих Энния*: “По августейшем гаданье основан был Рим знаменитый” (Авг.7).

Неподающим деспиритуализации именем звались и боги: Эскулап, Аполлон, Геркулес, Юпитер, Марс, Меркурий, Сатурн, Сильван.

Так, с января 727 г. а.У. в подсолнечно-подлунном мире, где-то между небом и землей, началась эра Августа.

Косяки жилища Первого гражданина на Палатинском холме, вершина которого славилась музейной хижинкой Ромула, одной из дражайших римских реликвий, увидели лавровым листом победителя, а над воротами частного дома-недворца водрузили венок из дубовых листьев – знак боевого отличия за спасение жизни соратника в сражении. В Юлиевой курии поместили золотой щит, увековечивший четыре добродетели принцепса – храбрость, милосердие, справедливость и благочестие.

* * *

В ближайшие дни народный трибун С.Пакувий выступил с инициативой плебисцита по вопросу переименования месяца секстилий в август. Однако, Август от столь высокой чести пока скромно уклонился.

К месту добавить: со дней реформы Цезаря в юлианском календаре завелась ошибка: начиная с 42 г. високосными объявлялись каждый третий, вместо каждого четвертого года. Придется Августу исправлять ляпсус уже в сане верховного понтифика в 9 г. до н.э. В остальном календарь устоялся. Устойчивому государству нужно устойчивое время.

* Гомерид Энний (239-169 гг.) – выдающийся поэт, крупнейший до Вергилия римский эпик, кому покровительствовали Сципион Африканский и Фульвий Нобилиор, был творцом эпоса “Анналы”, литературной святыни римлян II-I вв. Лишь вергилианская “Энеида” затмила, приняв эстафету, непревзойденную еще для Цицерона Энниеву славу. Не чтит Тацит Августа – оттого и тщился перебросить навесной мост через пропасть – от “Анналов” к “Анналам”! Эннию принадлежит авторство римского гекзаметра. Правда, если слепой Гомер, предположительно, взял гекзаметр у морского прибоя, то Энний, вероятно, услышал шестистопный дактиль в “великом безмолвии рубки”, в мартиально-очистительном упоении боем, в войне.

Глава V

27 — 22 гг. до н.э. = 727 — 732 гг. а.У.

Обеспокоенный расстроенной дорожной сетью Рима и Италии, принцепс дал ход восстановительным работам. Он обязал триумфаторов мостить дороги на средства от военной добычи и взял на себя обязательство по ремонту *via Flaminia*.

Тем временем, римляне порядком подустали от непривычного мифотворческого миротворчества и, следует полагать, весной 27 г. врата Януса Квирина торжественно открылись. 24 апреля юнец Тиберий надел на 15-м году жизни тогу совершеннолетнего. Сообразно старинному ритуалу, впервые берущиеся за оружие юноши проходили пред ликами Януса под арками святилища, т.е. представлялись богу и получали благословение на войну. Дело в том, что под 25 г. до н.э. Дион (53,26) сообщает про вторичное закрытие батальных врат, не удосуживаясь обмолвиться о том, когда они после 11.01.29 г. были распахнуты. А Орозий (6,21), относя их присовокупленное к войне в Испании открытие на 28 г., однозначно неправ, поскольку Кантабрийская война началась в 26 г. Восполним пробел Диона и исправим ошибку Орозия: промежуточная между 29 и 25 гг. весна 27 г., учитывая план похода Верховного в Британию и факт тиберианской “вирилизации”, как нельзя лучше подходит для отворительной процедуры. Таким образом, в апреле *консул консулов* отомкнул двойные дубовые двери Янусовой кумирни, пропустил через них пасынка Тиберия и собрался в путь-дорогу. Впрочем, май он проболел в Риме, тогда как в июне доехал лишь до Нарбоннской Галлии, где его задержала уже не болезнь, но местные континентально-провинциальные дела и ожидание парламентаров с изъявлениями покорности из Британии.

* * *

В 55/54 гг. Цезарь, стремясь обезопасить свои галльские завоевания со стороны моря-океана, дважды воинственно ступал на британский берег: покорил небольшую прибрежную часть Альбиона, навязал некоторым туземным династам зависимую дружбу, обложил кое-кого данью. Разведывательный блицдесант 55 г. продлился менее трех недель; поход 54 г. был

дольше и обстоятельнее. (Римлянина Цезаря очень влекло на Запад*; тирана Цезаря потянуло на Восток.) Слухи о сказочном богатстве якобы купающихся в золоте обитателей и якобы богатых благородными металлами недр “таинственного острова” не подтвердились: открытая не-Америка оказалась весьма бедной. Две военные экспедиции результативными, скорее, победно-символическими или победно-престижными, нежели победно-практическими последствиями. Вскоре Цезаря отвлекли злободневные проблемы в Галлии; с Рубиконом Британия отступила в тень.

Только спустя два десятилетия со дней второй цезарской высадки Октавиан, идя стопами приемного отца, вознамерился в 34 г. напомнить островитянам о Риме (быть может, в 36/35 гг. британцы расторгли заключенный с Цезарем договор), но, достигнув Галлии, повернул оттуда на восток в безотлагательную Иллирию.

То, что Рим об Альбионе помнил и им, как заморским продолжением Галлии, не пренебрегал, видно из ярких поэтических свидетельств эпохи. Близко-далекий океанский остров представлял для римлян особого рода западную окраину придержавной Ойкумены, сходно тому, как парфянский Иран олицетворял окраину ойкуменически-восточную. Поэтому живой интерес римского общества, плюс государства, в лице совсем не свободных от них поэтов-эпиков, до поры до времени не иссякал. Например, в мрачном 7-ом эпосе Горация, где поднят на щит тяготеющий над Римом первоначально-неискупленный грех братоубийства, говорится о непобежденных британцах и о ликующих по поводу кровавых межримских распрей парфянах (7-10). С одной стороны, Гораций, видимо, откликается на актуализацию не решенного Октавианом в 34 г. британского и проваленного Антонием в 36 г. парфянского вопросов, с другой, предчувствует-предрекает скорую Акцийскую войну, точнее, ее братоубийственный спектр. То есть, вероятно, 7-й эпос вышел из-под пера автора не позднее, но и не ранее конца 34, начала 33 гг. н.э., ибо позднее акценты негражданского противостояния Рим-Александрия были расставлены безоговорочно, а ранее, т.е. до 35/34 гг., британцы все-таки считались одолженными Цезарем. За сим нет смысла обязательно перебрасывать насыщенный 7-й эпос, как это обычно делается, в 39/38 гг., тем более, что рискнуть принять более позднюю дату, если, конечно, не отказывать *августинцу* Горацию в умеренном вольномыслии и в пророческом даровании, очень даже можно.

Небезынтересно также попробовать при помощи исторического фона синхронистически уточнить хронологию написания знаменитого “Вступления” к третьему “животноводческому” разделу “Георгики” Вергилия. Здесь, в панегирике “пурпуровому” Цезарю II, фигурируют, в том числе вовлеченные в державную орбиту британцы (28), куда, кстати сказать, экспансионист Вергилий склонен вовлечь все совокупные международные просторы и все не прогрессивное без Рима мировое человечество. Среди орбитально нагроможденных вокруг храмово-тронного Цезаря Minog геополитических образов-символов в интересующем нас датировочном контексте

* На Париж — чертог химеры галльской,
На Париж и на немножко дальше...

(М.Цветаева)

обращает на себя внимание, помимо новоактуальной с 34 г. Британии, несомая Вергилием родной Мантуе “идумейская пальма победы” или “победная пальма из Идумеи” (12). В данной связи отнюдь не исключена причастность поэта в качестве очевидца к триумфу (римского оружия) Г.Сосия ex Iudaea в сентябре 34 г., чем, возможно, и был навеян либо сонавеян мотив триумфально-пальмовой Идумеи-Иудеи под властью тарентского назначенца – идумеянина Ирода. Не станем категорически-материалистически отказывать гениальному Вергилию, помня его IV эклогу! в даре предвидения кесарской будущности. Вспомним еще о том, что великий поэт имел касательство к iterum Brundisium, обретаясь в свите Мецената, и тогда ничего не помешает датировать Proömium “Георгики” III, сродни 7-му эподу Горация, 34/33 гг., тем паче, что “Георгика” I и II писалась в 37-34, а “Георгика” IV – в 32-30 гг. до н.э. Короче говоря, в анонсе к третьей части сельскохозяйственного эпоса нет ни единой строчки, включая “взбурленный войной Нил” (28), которая не могла бы быть написана ранее 32-30 гг., т.е. в 33 г., когда событийный фон на злобу дня составляли и “вчерашняя” Идумея-Иудея, и “сегодняшняя” – ждущая покорителя Британия, и “завтрашняя” – вполне предсказуемая Акцийская война. Просто Вергилий, в отличие от Горация, обошел братоубийственный аспект близкого противоборства, дав в возрасте 37-ми лет свое окончательное исповедание веры, свое монархическое кредо в отношении бесподобного нового Одиссея – Цезаря Августа.

* * *

Около 28 г. до н.э. о предстоящем покорении Британии вещает написанный в духе Тибулла анонимный “Панегирик Мессале” (147-50). В 27 г. тему связанных с войной против окраинных британцев и парфян на море и на суше опасностей затрагивает Проперций (2,27,5-6). О покоренных британцах, в свете ожидаемой высадки на Британские острова, одически беседует Гораций (3,5,1-4). Причем поэтическая речь ведется Горацием либо о британцах и персах-парфянах Августом аннексированных, либо бог Аполлон призывается отвлечь от римского народа и от “принцепса Цезаря Августа” беды войны, голода, эпидемий, подлежащие переложению как на головы персов-пафян, так и на головы британцев (1,21,13-16). И наконец, даже к 26 г. (или уже в 26 г.) Гораций молит Фортуны покровительствовать все еще грозящемуся британским походом на край света Цезарю Августу (1,35,29-30).

В реальности Август занялся с лета 27 г., ожидая британских парламентариев, более насущной Галлией, а затем не менее насущной Испанией, отложив в 27/26 гг. римскую завоевательную колонизацию Альбиона сначала на потом, а в дальнейшем насовсем. В 27-25 гг. принцепс пришел к выводу о нерентабельности захвата острова и содержания там хотя бы одного легиона, сочтя завоевание и оккупацию Британии слишком дорогими и слишком рискованными предприятиями, которые не принесут возмещения Риму. Впрочем, до второго закрытия Янусова святилища в 25 г. дипломатические контакты с некоторыми британскими династиями новоустано-

вятся, политический союз с отдаленными союзниками на уровне дистанцированной выплаты дани договорно восстановится, престиж Рима будет соблюден и тема Британии до времен Калигулы и Клавдия закроется. Проза жизни прозаичнее поэзии; Август же был прозаиком в политике – сфера, где прагматик-реалист всегда лучше фанатика-идеалиста или искателя морских приключений ради брэнной славы. Разве мало забот на материке?

* * *

Вот, к примеру, Галлия и Испания: тут надо пустить корни поглубже.

Под 27 г. Капитолийские фасты презентуют два триумфа: 4 июля триумфировал *ex Thraecia* Лициний Красс; 25 сентября *ex Gallia* Валерий Мессала.

В 35 г. Мессала участвовал в первой Иллирийской кампании Октавиана (“Панегирик” 107-10); в 34/33 гг. воевал салазов и лагерно зимовал в Альпах (Аппиан Иллир. 17; Страбон 4,205); в 31 г. облакал вместо Антония консульство и командовал частью октавиановского флота при Акцииуме. Постакционной последовательности деятельности Валерия спорна: из Диона (51,7) известно про его легатуру в Сирии, где Мессала сменил К.Дидия, тогда как согласно Аппиану (4,38), он после Акции управлял Галлией, где одержал боевую победу над отпавшими туземцами и удостоился за нее триумфа. В нашем распоряжении интервал 31-27 гг.: спорные моменты в том – следует ли сирийская легатура за галльской или наоборот? о какой Галлии идет речь? и почему, если галльская легатура предваряет сирийскую, триумф был справлен с опозданием?

Дион мельком упоминает Мессалу в связи с проблемой кизикийских гладиаторов, рвавшихся в Александрию на помощь Антонию, но оставленным (не без помощи Ирода), замиренных и поселенных сирийским легатом Дидием возле Антиохии, в Дафне. Соответственно Диону, “позднее гладиаторы были обмануты Мессалой, будучи под предлогом зачисления их на военную службу в легионы, разосланы по разным местам и частично уничтожены”. Т.Моммзен (*Res gestae divi Augusti* 5,72), исходя из логики обычного следования триумфа победному проконсульству, в сочетании с анналистически завизированным у Диона 30-м, датировал, не считая нужным делать в данном случае исключение, сирийскую легатуру Валерия – 30-м, галльскую – 28/27 гг. Моммзену убедительно оппонирует в RE (8,1,147-50) Р.Ханслик: контраргументация строится на анализе исторического фона у Тибулла (около 50-19 гг.), чьим меценатом Мессала являлся. И действительно, как у Тибулла, так и в анонимном “Панегирике” окцидентальный фон в жизнедеятельности Валерия выразительно предшествует ориентальному. Так, в “Панегирике” следом за прославлением мессалианского консульства 31 г. (121) гиперболически восславляются “перспективные” победы-триумфы героя не только в Галлии и Испании, но и на Ниле, на Гинде (приток Тигра), у Вавилона, на Араксе и почти в Китае (140-43). Ниже, возвращаясь с Востока на Запад, панегирист толкует о *do sicut por* не покоренных Римом британцах, также предстоящих или предопределенных Мессале (149). Созвучно географии “Панегирика”, посвященная Мессалову дню рождения 7-я элегия 1-й книги Тибулла славит

сначала триумфальные победы адресата в предгорьях Пиренеев, на Роне, на Араре, на Гаронне, на Луаре и лишь затем переключается на Киднос в Киликии, на Тавр, Палестину, Сирию, Тир, Нил (7,7-21).

Можно, конечно, возразить, что тибулланско-панегирическое фабулянтство не есть историко-хронологический аргумент, однако, при ближайшем рассмотрении, поэзия подпирается презренной прозой. В 29 г., вслед галльским победам, валерианский триумф состояться не мог, ибо в тот год, кроме троекратного триумфатора Цезаря II, не триумфировал никто, т.е. ни один простой смертный. К примеру, Г.Каррин, одержавший победы над морианами и свебами в прирейнской Галлии одновременно с Валерием в 30 г., отпраздновал свой триумф аж 14 июля 28 г. Таким образом, если Каррин заведовал в 30/29 г. Галлией Косматой, то Валерий Мессала был в то же время наместником Галлии Нарбоннской, в состав которой входила тогда и Аквитания. *Отзывать* победоносного проконсула из южных и юго-западных галльско-аквитанских весей уже в 30 г., как это делает Ханслик, излишне: торопиться незачем. Следовательно, Мессала сдал пост около середины 29 г., после чего принял участие, о чем свидетельствует псевдовергилианский “Каталептон” (9,3), в трехдневном августовском триумфе Октавиана, а осенью* отбыл на замену К.Дидия в Сирию. Из Сирии же он, обезвредив там в 29/28 гг. осиное гнездо гладиаторов, и, пожалуй, не совершив на Востоке ничего особо достопримечательного, возвратился в 27 г.** в Рим, где 25 сентября справил с двухлетним опозданием свой заслуженный триумф ex Gallia.

* * *

Пребывание кесаря на протяжении около полугода в Нарбо было продиктовано необходимостью проведения переписи галльского населения (Ливий 134,138; Дион 53,22) и урегулирования разных проблем в стране кельтов. Завоеванная Цезарем в 50-е гг., но недоорганизованная, во-первых, вследствие 20-летней полосы послерубиконовских войн, во-вторых, из-за внутренних неурядков и сложностей, Галлия нуждалась в толковом административно-территориальном обустройстве. Быть может, как раз в 27 г. от двух Галлий — Нарбоннской и Косматой, намёточно отпочковалась третья — Аквитанская.

Далее, с конца 27 г. кесарь находился в Испании. В Риме его в те дни замещал Агриппа, сосредоточенный на превращении Вечного города из кирпичного в мраморный.

* В дальнейшем слишком короткие перерывы между двумя наместническими назначениями одного и того же лица, как правило, не практиковались, но применительно к подвижной еще не сложившейся конъюнктуре 30-27 гг. или вне зависимости от конъюнктуры, при чрезвычайных провинциальных обстоятельствах, такое было вполне возможно. Не исключено, что срочное назначение Валерия в Сирию обусловило новое обострение вопроса беспокойных гладиаторов.

** Должно быть, именно в 27 г. Цезарь, став Августом, облек Цицерона Minog достоинством первого по счету кесарского легата Augusti в Сирии (Аппиан 4,51), где последний сменил Мессалу (см.ниже).

* * *

В 27 г. до н.э. скончался на 90-м году жизни самый ученый ab Urbe condita римлянин, энциклопедист М.Теренций Варрон, единственный, кого Азиний Поллион почтил в открытой им около 37 г. публичной библиотеке установлением среди бюстов великих римлян бюста прижизненного.

* * *

Мы расстались с Иродом в сентябре 28 г. при введении римским вассалом в Иудее пентатерического агона во славу благодетельного патрона. Флавий сообщает (И.д.15,8,1) о строительстве в Иерусалиме театра и крупнейшего амфитеатра, о проведении спортивно-музыкальных состязательных игрищ с большой помпой, о присуждении выдающихся призов, о стараниях царя превзойти все сопредельные мероприятия похожего рода, о махрово-языческой богопротивности царских нововведений и т.д.

В широком смысле 8-я глава 15-й книги “И.д.” живописует атмосферу “второй трудовой пятилетки” в истории иродианской монархии — время чрезмерной программной активности в претворении Иродом его римско-эллинистического кредо; время усиленных интегрально-ойкуменизаторских поползновений режима и разнофронтальной борьбы против имманентной иудейской самобытности. Эту космополитическую линию Антипатрид, как отмечено выше, вызывающе повел с 28 г., после расправы, учиненной над Мариамной и после пережитого душевно-телесного кризиса, когда он разорвал и растоптал иродианско-хасмонеюскую персональную унию в первом колене. Взятый тогда на вооружение курс поступательно прогрессировал и впоследствии, но пятилетку 28/27-23/22 гг., сходно последним годам царствования тирана, отличала повышенная противоиудейская направленность. В промежутке же имело место частичное сближение монарха с народом, озаменованное совместным преодолением голодно-чумных бедствий 22/21 гг., реконструкцией храма Господня, сбавлением налогов, снижением цен и т.п.

Речь в 8-й главе идет о событиях 28-25-22 гг. — от празднования 1-й акциады до умышленного обложения моноэтнической Иудеи нацеленными как на нее саму, так и на внешнюю оборону городами-крепостями со смешанным национально-религиозным составом. Выставление богохульно-чучельных трофеев-идолов в театре (И.д.15,8,2), глубокое возмущение благочестивых иудеев и публичный ответный показ царем народу голых деревянных столбов очень напоминают массивированную атеистическую пропаганду большевизма в Совдепии 20-30-х годов XX в. И надо сказать, что антирелигиозная пропаганда не была безуспешной, т.к. в результате ее число эллинистов и либералов в иудейской среде, к досаде и ярости ортодоксов, увеличилось.

Понятно, какой у нетерпимых ревнителей вырос на царя-безбожника зуб, и, видимо, в 27 г. против него составилась заговор десяти граждан, положивших убить деспота. Спрятав под плащами кинжалы, заговорщики намеревались совершить покушение в театре, однако, были выданы доно-

чиком, не выказали ни малейшего раскаяния (напротив, храбро сознались в составлении Komplota с благой целью) и мужественно умерли под пыткой. Сексот в свою очередь кончил люто: тайные мстители за убиенных схватили провокатора, убили, расчленили труп и бросили на съедение псам. “Хотя многие из граждан присутствовали при случившемся, но никто не донес о том. Ирод же распорядился нарядить строжайшее следствие и несколько женщин во время пытки показали то, чему они были свидетельницами. После этого всех виновных вместе с их семействами постигла кара, причем пощады не было никому” (15,8,4).

На попытку группового заговорщического террора царь ответил террором разгромно государственным и подавил активно-деятельную оппозицию в зачатке, причем дети за родителей у него отвечали. Примечательно, что затем, на протяжении четверти века, ни о каком мало-мальски организованном либо о стихийном сопротивлении режиму ничего не слышно, т.е. никакой активной оппозиции Ироду, кто знал как удушительно предупредить таковую, в стране не было. Командно-административная система тирана умело оградила себя от покушений по государственно-террористическому образу и подобию сталинских Советов.

* * *

Итак, разоблаченный заговор выявил остроту неприятия иудейством культурно-интегральной революции сверху. Инаугурированная в 30-27 гг. до н.э. эра “гениального” в Риме и “разнобожественного” на Востоке и на Западе кесаря Августа могла соблазнить и увлечь в пределах Римской империи кого угодно, только не народ Бога Единого. Воодушевить иудеев — людей Завета и Закона, августейшим всеспасительством и идеей языческо-паксического благополучия? травлей зверьми людей? театрами и амфитеатрами? Нет, Израиль на эту туфту не купишь. Не для того израильтяне самосохранялись столько столетий, чтобы променять свою заветную исключительность, свое мессианское обетование-предназначение на дешевую чечевичную похлебку римско-иродианского интернационализма. Но Ирод, увы, иной дороги не ведал и сходить с избранного пути не собирався. Значит, следовало надежнее обезопаситься.

“У него в городе имелось два укрепленных пункта, а именно дворец, в котором он сам жил, и храмовая крепость, названная Антонией и сооруженная им. Теперь он задумал возвести как бастион против народа третью крепость, а именно в Самарии. Он решил укрепить это место, находившееся в расстоянии одного дня пути от Иерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличным средством для обуздания не только народа, но и всей страны. Он приступил также к перестройке города, носившего название Стратоновой башни, а ныне названного Цезареей. На великой равнине он воздвиг укрепление и поместил в нем отряд всадников, выбранных для того по жребию; в Галилее он построил Гаву, в Перее — Есевон...” (15,8,5).

Наименование города и одноименной области Палестины “Самария” (Шомрон) происходит от имени основателя “второпрестольной” столицы Омри — царя (около 885-877) северного Израильского царства, разгромленного, как известно, в 722/721 гг. ассирийцем Саргоном, уведшим в полон 10 из 12 колен Израилевых*. Некоторые полагают, что колена эти безостаточно растворились в человечестве, став солью земли; иные думают, что они не навсегда исчезли на востоке и что им когда-нибудь воссияет свет; третьи, например знаменитый равви Акиба, настаивают на недопущении отступнической десятки в постмессианское тысячелетие Олам Хаба.

Обезлюженное северо-израильское пространство Саргон заселил вавилонскими колонистами. С течением времени последние смешались с остатками неуведенных в плен местных израильтян и в результате на свете появились смешаннокровные самаряне-самаритяне. Трудности первых переселенцев и очагового меньшинства привели тех и других к покаянной мысли о каре Господней за пренебрежение культом Яхве или за неисповедание культа Яхве. Повелитель Ассирии смилоствился и послал к ним священнослужителя-израэлитянина для реставрации среди них авраамического монотеизма.

Поклонение Богу Единому и привозным идолам какое-то время уживались под самарийским небом, пока, наконец, языческое идолопоклонство не исчезло полностью. Уже веком позже праведный иерусалимский монарх-реформатор, очиститель иудаизма от порочных наслоений и строгий централизатор культа, Иосия, признавал за самарянами полноценное единобожие. Еще через столетие, после репатриации иудеев из вавилонского плена, самаряне выразили живейшую готовность участвовать в восстановлении храма, но получили категорический отказ. Отвержение хутеян-кутимитов мотивировалось не столько религиозными противоречиями, сколько ущербным генезисом полукровок. Условия существования объединенного в автономную общину еврейства изменились: евгеника обезгосударственного народа Завета обрела ключевое значение и упорно-целевое направление. Предтечные исполнению времен века требовали теперь кровной консервации Израиля в неприкосновенной Иудее, как в чаше святого Грааля, которую надо было непременно охранить на заключительной стадии пестования мессианской телесности от проникновения в нее любых чужеродных элементов. Иудея во плоти стала Израилем во духе! Чистота (сертификат) голубой крови богоизбранного племени превыше всего!

Пользуясь покровительством персидских Ахеменидов, духовно-политические поводыри Израиля выполняли сверхсложную задачу. Зоровавель и Иисус не допустили самарян к участию в строительстве Второго храма; Ездра настоял на изгнании иудеями иноплеменных жен; Неемия запретил смешанные браки. Он добился при Артаксерксе II (464-24 гг.) выделения Иудеи (445-43 гг.) в самостоятельный анклав из провинции Самария и окончательно порвал с самарянами.

* Три заиорданских колена — Гада, Рувима и половину колена Манассии — ассирийцы пленили около 734 г.

Около 350 г. до н.э. обиженные схизматики воздвигли собственное святилище на горе Гаризим, возле Сихема. При Александре Великом они провинились, убив наместника Келесирии Андромаха. В наказание *Муж великой души* заселил Самарию греко-македонскими ветеранами, сделав город-крепость эллинистической колонией и палестинским форпостом державы. В годы противоборственного становления государств диадохов самарийская крепость дважды подверглась разрушению. В 198 г., в пору, когда Антиох III отобрал Палестину у Птолемея, гаризимское святилище преобразилось в храм антиподно-конкурентный иерусалимскому. Яро враждебные иудеям адепты Пятикнижия — самаряне, не принимали Писаний пророков, видели в грядущем Мессии второго Моисея, не признавали за Иерусалимом статус пупа земли. Под Маккавеями им приходилось туго. В 20-е годы II в. Иоанн Гиркан опустошил Сихем и не оставил от гаризимской кумирни камня на камне, а около 107 г. до н.э. он же, руками своих сыновей Аристовула и Антигона, взял и стер с лица земли Шомрон, срыв и город, и крепость. Выведенная Помпеем из-под власти маккавейского Иерусалима Самария родилась, благодаря римлянам, заново и вошла затем в царство Ирода.

Гордо считая себя потомками непреходящих десяти колен, истинными эфраимитами-израэлитами, единственными хранителями Торы, отринутые иудеями кутимиты с готовностью примыкали ко всем антииудейским силам в регионе. Например, горячо поддержали Антиоха Эпифана; в угоду “Эпиману” (безумец) уступили часть алтаря на горе Гаризим, по совместительству, Зевсу. Истинные израильтяне в лице иудеев с отвращением усмотрели в этом акте повторение событий IX в., когда сын Омри, нечестивец Ахав, идя на поводу у бесноватой Иезавили, учредил в Шомроне культ тирского Ваала. В римлянах самаряне приветствовали долгожданных освободителей; позже всячески способствовали Ироду в борьбе за власть. Разделяющей Галилею и Иудею Самарии, без которой победы Антипатридов в войне 37-34 гг. трудно представимы, царственный узурпатор отводил роль фундаментального оплота против иудейского национализма. Сызнова отстроенную Габинием крепость он обратил в роскошный город, названный именем римского патрона. Население города составили служивые ветераны царя и привлеченные сюда, согласно Флавию, пограничные жители, то есть грекоязычные космополиты — греки, сирийцы и прочие эллинофилы. На них, как и на самих самарян, вполне можно было положиться при вспышке инсургентского недовольства с иудейского юга или с галилейского севера.

Если Маккавеи даже в распрях с радикальной фарисейской оппозицией стремились быть властителями независимого еврейского гос-ва, то Ирод встал перед необходимостью держать Иудею в повиновении себе и Риму, и потому пересмотрел не подходившие ему и Риму (или Риму и ему) постулаты прежней династии. Не иудаизировать безразборно, по-хасмонейски, но ойкуменизировать Палестину всюду, где возможно, шахматной чресполосицей; оцепить ядро святой Земли и ее иерусалимский эпицентр опорными крепостями и милитантными поселениями с разнородным национально-религиозным составом — вот одна из основ целеустремленной национальной политики диктатора. И он действовал в данном вопросе с чувством, с долгом, с расстановкой — в духе наркома по делам национальностей.

Щедро отстроенный на эллинистический манер город Себаста вскоре разросся, заняв площадь в 80 га, и навис над Иерусалимом в повышенной боевой готовности. На возвышенности, где за много столетий до того отступник Ахав приносил жертвы Ваалу, Ирод, не жалея сил и средств, воздвиг грандиозный храм божественному Августу.

* * *

Невдалеке от Птолемаиды, в западной Галилее, у подножья хребта Кармил была основана Гава, т.н. город всадников, поскольку костяк его обитателей составили кавалерийские отставники царя и, разумеется, привлеченные сюда сиро-финикийские эллинисты окрестностей.

Галилея – “земля Завулонева и земля Неффалимова на пути приморском за Иорданом” – именуется в Книге пророка Исаии (9,1) “страной языческой”. Однако, Исаия одновременно провидит будущее: “Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет” (9,2). Свидетельство Писания указывает на давнишнюю этно-религиозную мозаику в балансе (или в дисбалансе) зеленого региона. Уничтожение ассирийцами Северного царства привело к смешению остаточных галилейских израильтян из колен Завулонева и Неффалима с пришлыми колонистами. В пору Вавилонского пленения евреев Галилею облюбовали арамейские и финикийские поселенцы. Позднее, в период эллинизации Ойкумены при диадохах, в сказочно плодородной и в уже давно не однородной стране возник пестрый чресполосный конгломерат.

Строгие еврейские репатрианты VI-V вв. – зоровавелиты, езраиты, неемиты и позднейшие блюстители чистоты крови – взирали на галилеян с недоверием, сверху вниз, подозревая местных единоверцев, если не в конфессиональном ренегатстве, то во всяком случае, в склонности к языческим соблазнам и, главное, к нечистокровным контактам с иноплеменниками. Братья Маккавеи проводили, насколько могли, в жизнь консолидацию всех израильтян в могучий кулак вокруг Иерусалима. В 1-й Кн.Маккавейской повествуется об избавлении и переселении галилейского еврейства по итогам похода Симона, напутствованного братом Иудой после Обновления храма:

“И отправился Симон в Галилею, и произвел много сражений с язычниками. Он преследовал их до ворот Птолемаиды и пало из язычников до трех тысяч мужей, и он взял добычи их, Также взял он с собой находившихся в Галилее и в Авратах иудеев с женами и детьми и со всем именем их привел в Иудею с великою радостью” (1,2,10,21).

При сыне Симона Гиркане произошла вышеотмеченная знаменательная метаморфоза: в действие вступила т.н. секуляристско-экспансионистская переоценка ценностей. Изначальное сужение ареала обитания богоизбранных трансформировалось в максимальное политико-территориальное расширение границ. Геттоизированный изоляционизм сменился мини-империализмом. Гиркановы сыновья Аристовул и Янай довели курс секуляриста и экспансиониста отца до апогея. Аристовул предпринял (в той мере, в какой за год царствования успел) массовую насильственную иудаизацию

на захваченных галилейских землях галилеян-язычников. С детства удаленный не благоволившим к нему родителем в Галилею, выросший и воспитанный там Яннай продолжил политику брата, завершил северные завоевания, присоединил к Хасмонейскому царству район Генисаретского озера и предложил местным жителям на выбор: либо обрезание, либо депортация.

Помпей наметил как опору державы в Галилее крепостной Сепфорис. Не в пример шовинистам-государственникам, чистокровные националисты-фарисеи (отвергавшие неразборчивый национал-империализм в маккавейских границах) и экстремальные обособленцы-есееи не перечили ни Риму в расчленении Палестины, ни Ироду в оцеплении Иудеи, так как мероприятия римлян и эдомита, пусть от обратного, но совпадали с их сегрегаторскими установками в отношении Земли Обетованной, как сосуда избранничества. Так, в вопросе выбора между Маккавеями, Римом и Иродом и фарисеи, и есееи предпочли Рим и Ирода, исповедуя максимум византийского православного духовенства в вопросе выбора между турками и католиками: “Лучше тюрбан султана, чем шапка кардинала”.

К моменту назначения идумеянина Антипатра вице-этнархом при Гиркане (47 г.) иудаизаторские инициативы Маккавеев в Галилее дали определенные плоды. Жестко ориентированные на хасмонейский Иерусалим правоверные галилеяне доставили Ироду множество хлопот еще в бытность его галилейским тетрархом и потом в жаркие дни дуэли с Антигоном: понадобилось обезвреживать отряды Езекии, выкуривать фанатичных пещерных партизан и т.д. Утвердившись в Иерусалиме, Антипатрид задействовал в галилейском регионе эллинизаторскую и переселенческую политику. Даешь домаккавейский интернационализм!

Притязая на вековечное объединение-упорядочение Ойкумены под своим державным шефством, Рим повсеместно поощрял, в противовес локальному националистическому сепаратизму, римлянолюбивых эллинистов. Этот многомиллионный денационализированный элемент видел в стабильной мировой государственности Римской империи естественную защиту от всяческого рода интолерантных национал-инсургентов и стоял за нее горой. По натуре восточный деспот и в то же время искренний интернационалист Ирод железно придерживался имперской концепции разбавления и оцепления безродными космополитами вулканических мононациональных очагов во вверенном ему царстве. Такая стратегия в равной мере отвечала требованиям капитолийско-палатинского патроната, потребностям венценосно-династического самосохранения и личным убеждениям, спаянным для Ирода воедино.

* * *

В Перее, за Иорданом, у самой набатейской границы царь приступил к крепостному переоборудованию древнего Есевона.

В пору Исхода, при вступлении израэлитов в Ханаан, Заиорданье еще с прямого благословения Моисея досталось коленам Рувима, Гада и половине колена Манассии. Царь аморитов Сихон отказался пропустить израэльтян через свои владения, те одержали победу в ожесточенной битве и сокру-

шили аморитскую твердыню, отданную Рувиму. “И сыны Рувимовы построили Есевон, Елеале, Кириафаим” (Числа 32,37). По Книге Иисуса Навина, Есевон – город левитов в уделе Гада (21,39). Не обретшему потомственного удела пастырскому колену Левия сыны Израилевы выделили 48 городов, “данных для жительства левитам и разделенных между четырьмя семействами колена Левиина”: “от гадитов Есевон и предместья его в том числе...”.

Все трансйорданские пределы, подчиненные израильтянами в *золотой век* Давида и Соломона – Аммон, Галаад, Моав, отпали в тяжелые времена Двугарствия. Моавитянин Меша, современник Омри, завоевал Есевон в IX в.; Исаия и Иеремия пророчили неминуемое падение Моаву и есевонской цитадели. В V в. в вассальном Ирану заиорданском Аммане правили на правах ахеменидских сателлитов Товиады, вероятно, смешавшиеся с вавилонянами в плену нечистокровные репатрианты родом. Книга Неемии презрительно кличет Товия “аммонитским рабом”. Вместе с сатрапом Самарии эфраимитом-самарянином Санвалатом он тщился помешать воздвижению иерусалимской крепостной стены. Неемиты воздвигли стену в рекордно короткие сроки, несмотря на все злобствования исключенных храмовниками из герметического кагального сообщества недоброжелателей. Как видим, бескомпромиссное отсечение десятиколенной Переи от соприкосновения со священным генофондом Иудеи вполне адекватно поствавилонскому бойкоту Самарии.

При Селевкидах Перея образовала часть обширной провинции Самария, куда вошли и Галилея, и Иудея. Под собственно Переей, что в переводе означает “потусторонняя”, то есть заречная страна, исторически понимают обозначение Заиорданья от Генисаретского озера и Авилы на севере до Филадельфии на востоке, Махэруса и реки Арнон на юге. В птолемейско-селевкидский период на трансйорданскую Перею распространилось обобщительное наименование “Келесирия”. Ко дням выступления Маккавеев Трансиордания была в значительной степени эллинизирована: в городах Гиппос (Ипп), Гераза, Пелла, Гадара, Филадельфия и др. иудеи составляли диаспоральное меньшинство. Совершив удачный поход в Галаад, Иуда Маккавей увел их оттуда, подобно уведенным Симоном галилейским единоплеменникам. При Гиркане, Аристовуле и Яннае все Заиорданье от озера Хуле до Мертвого моря подпало скипетру Хасмонеев. Помпей застал иудаизированную ими Перею в почти геометрических четырехугольных границах (по долготе Маханаима, на широте Абдель-Мехала и течения Арнона), буферно прикрывающей подступы к Иордану и Иудее с арабского востока. В области эллинистических городов Заиорданья он образовал и организовал Декаполис – союз так называемых десяти городов коммунального самоуправления, подотчетный римскому легату провинции Сирия. В помпеянское объединение попал также район Скифополя на западном берегу Иордана.

Число 10 применительно к Декаполису символично. Сопоставление сведений различных авторов выявляет различное в разные времена количество членов коммунального союза, причем всегда в общей сложности больше десяти. Тем не менее – стоит призадуматься – Десятиградие не то отзер-

каливает, не то намекает на преображенную десятиколенность в эпоху Иисуса Христа.

Интересно заметить, что присоединив в 30 г. к царству Ирода выкренные из Декаполиса Гиппос и Гадару, Октавиан не изменил статус вбитого “посюсторонним” филоэллинским клином в Самарию и Галилею скифопольского дистрикта. Ну и, конечно, главный римлянин подтвердил за младшим союзником сторожевое обладание Есегоном. Взятая охочим до драк Александром Яннаем пограничная крепость выступала за передний край иудейской Переи, вдаваясь во владение менее благонадежных, чем Ирод, набатеев. Караульный глаз Антипатрида суть караульный глаз Рима – смекнул Цезарь II и не просчитался.

С северо-востока к Переи и Есегону вплотную примыкало Десятиградие, откуда наверняка привлекались в новооборудуемый город-гарнизон новоселы. При всем том, будучи в случае надобности повернута в западном направлении, модернизированная есегонская цитадель могла по тревоге в любую минуту нацелиться из-за Иордана на Иерихон, южнее которого, царь, так сказать, иудейский основал затем крепость Кипрос. Так, национально-националистическую Иудею, где не было выгодной чресполосицы, понемногу осадила целая цепь первоклассно оборудованных иродианских крепостей.

Флавий пишет, что Ирод строил “крепости в разных местностях, постоянно озабочиваясь укрепить и обезопасить свое положение и стараясь держать в своих руках весь народ, чтобы он не думал о возмущении. А дабы ни малейшее движение не оставалось незамеченным, всегда имелись налицо силы, бывшие в состоянии немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку...” (И.д.15,8,5).

* * *

Произведем хронологический расклад данных в “И.д.” 15,8 действ и событий. Мы датировали выше учреждение Иродом иудейских акциад, по подобию никопольских, римских и прочих, сентябрем 28 г. Заговор кинжальных ревнителей случился по ходу 27 г., когда языческо-строительная горячка *царя-святотатца* была в разгаре. Датировочным фикс-пунктом в сериале его оцепительно-крепостных предприятий является поддающаяся точной датировке перестройка или новоотстройка переименованной в Себасту Самарии. Октавиан наименовался Августом в январе 27 г., то есть отсчетный предел в деле появления на свет Себасты-Августы лежит на ладони: это не могло произойти ранее памятного января 27 г. Вместе с тем, как убедительно показывает при помощи нумизматики Шюрер (1,366), это также не могло произойти позднее 27/26 гг. Существует себастийская монета времен Нерона, отчеканенная в 94-м году эры города: Нерон покончил самоубийством 9 июня 68 г., следовательно, эпоха себастийской эры приходится на годичный интервал между июнем 27 и июнем 26 гг. Две другие монеты, содержащие легенды супруги Септимия Севера Юлии Домны и их общего сына, тронного мокрушника Каракаллы, с обозначением, соответственно, 220-го и 242-го гг. эры города также указывают на закладку

оного в 27/26 г. до н.э. На основании стартового начала большинства сирийских эр первооктябрьской осенью, Шюрер совершенно правильно, правда, не совсем уверенно, склонен датировать основание Себасты осенью 27 г. до н.э.* = 727 г. а.У. Неуверенность, точнее, спорность поставленного Шюрером, скорее, вопроса, чем ответа, проистекает из следующего обстоятельства. По рассказу Флавия, создается впечатление, будто Самария-Себаста была основана не в 27, а в 25 г. до н.э., и до Шюрера за дату ее основания принимался 25 г., который, однако, вполне доказательно опровергается нумизматикой. Проблема в том, что Флавий завершает предыдущую 7-ю главу 15-й книги “И.д.” историей казни Костобара, неверно относимой им именно на 25 г., и открывает, поведав в 8-й главе, в частности, о Себасте, очередную 9-го главу рассказом об обрушившихся на Иудею “в тринадцатый год царствования Ирода” голодно-чумных бедствиях, тоже неверно относимых им на 25/24 г. до н.э. Отсюда как бы просится вывод об основании-переустройстве фигурирующих в промежуточной 8-й главе Себасты, Гавы, Есевона не ранее 25 и не позднее 24 г. Но стоит лишь выявить и выправить флавиевские погрешности, и закладке Себасты в 27 г. ничего не помешает, наоборот, все уляжется в последовательное событийное русло.

“Дело Костобара”, с коим мы разберемся ниже, имело место спустя 12 лет (И.д.15,7,10) после падения Иерусалима, т.е. не в 25, но в 22 г. до н.э.; 13-й год царствования Ирода применительно к неурожаю, голоду и чуме исчисляется от года завоевания Иродом Иерусалима, а не от года назначения его царем. Т.е. голодно-чумная пора выпадает на 22/21, а не на 25/24 г. до н.э., как полагал, исходя из своей ущербной хронохимы Флавий, и как принято полагать, послушно вторя Флавию, в новое-новейшее время. Подоплека последнего просчета такова: сведения о бедствиях 22/21 г. были почерпнуты комплектовавшим разноисточный материал Флавием из иудейского источника, вовсе не интересовавшегося датой назначения Ирода царем римлянами, но отсчитывавшего годы правления царя иудейского от даты его воцарения в Иерусалиме, т.е. от календарного 1 нисана 34 г. до н.э.

К слову заметить, то же самое касается даты реконструкции храма, предпринятой Иродом на 18-м году правления, то есть в 17 г. до н.э. Примечательно, что обе эти летоисчислительные датировки де-факто, составляющие своего рода исключение в “Древностях”, поскольку в иных случаях за отсчетную точку берется назначенский 37 г., наличествуют также в “Иосифоне” (в отличие от дат, исчисляемых с 37 г.), чем подтверждается их “иосифоновское” происхождение не из Флавия, но из другого более раннего иудейского источника, откуда черпал сам ошибочно распорядившийся этими датировками Флавий**.

Таким образом, можно уверенно заключить: старая Самария сделалась

* Септимий Север стал августом в апреле 193 г.; Каракалла был убит в апреле 217 г.

** “Иосифон”: 1.бедствия на 13-м году правления Ирода – 5,24; 2.реконструкция храма на 18-м году Ирода – 5,25; “Ар.Иосифон”: 1.бедствия на 13-м году Ирода – 4,79; 2.реконструкция храма на 18-м году – 4,80.

Себастой осенью 27 г. Возникновение Гавы — города всадников в Галилее, обновление древнего Есевона в Перее, воздвижение кавалерийского форта в Большой долине (на Великой равнине) между древним Гиннабарином и Асфальтовым озером — есть царские деяния 27-25 гг. до н.э.

Помимо перечисленных перестроек-новостроек, Флавий мельком упоминает в 8-й главе основание царем иудейским на месте прибрежной Стратоновой башни портовой Цезареи, заложенной, как сказано, не ранее 22 г. до н.э. Этот в строгом смысле выламывающийся из контекста штрих знаменателен тем, что именно в период с 28/27 по 23/22 гг. продолжался ненадолго прерванный голодно-эпидемическими бедствиями 22/21 гг. строительный бум (второй трудовой пятилетки), проходящий, словно строительство коммунизма, красной нитью сквозь всю престольную биографию Ирода. В остальном, т.е. в узком смысле, то есть без Цезареи, начатые в 28/27 гг. новостройки 8-й главы упираются в 25 г., которым датируются события не 1 и 2-го, но 3-го абзаца очередной 9-й главы 15-й книги “И.д.” (см. ниже). Вот откуда и куда перебрасывается соединительный мост!

Впрочем, пока на дворе 27/26 гг. до н.э., когда кончилась первая и пошла вторая десятилетка со дней назначения римского ставленника на царскую должность в Таренте. Итак, элиминированная оппозиция надолго сникла в стальных тисках диктатуры. Кинжальный заговор стал своеобразным эпилогом десятилетнего сопротивления узурпатору и прологом будущего заговорщического революционизма зилотов и сикариев. В 727 г. а.У., с эрой кесаря Августа по римскому времени, начался этап наивысшего внешнего блеска вассальной иродианской монархии.

* * *

Восьмое консульство Август принял 1 января 26 г. до н.э = 728 г. а.У. в Таррако, в Испании, куда прибыл на исходе минувшего года из Галлии. Его коллега Статилий Тавр заступил на пост в Риме.

Проиграв Первую Пуническую войну (264-41 гг.), утратив Сицилию, потом Сардинию и Корсику, Карфаген не смирился с поражением, оправился от шока и заколебался. В какую сторону направить экспансию? ограничиться Африкой, где Нумидия и Мавритания сулили богатую добычу? или перенести центр тяжести в западное Средиземноморье, на небедный серебром и людскими ресурсами Пиренейский полуостров? Заморско-экспансионистская военная партия Гамилькара Барки взяла над торговой африканской партией Ганона верх, вследствие чего было решено активизировать колонизацию Испании. Но Римская республика, превратив Сицилию в первую внеиталийскую провинцию (при Августе число провинций достигло 30), завладев Сардинией и Корсикой, не думала сбавлять темпы роста и заключила с Карфагеном договор о разделе сфер влияния по реке Эбро.

Римляне тоже, одержав победу над дидонянами, сомневались: продолжать ли освоение Запада? или сразу переключиться через Адриатику на Восток? Немного погодя Диррахий и Аполлония попали под опеку подержанного греками Адриатического побережья в поисках надежной защиты от грозных иллирийских пиратов города-на-Тибре. Однако, вышние

предзнаменования настойчиво указывали легионам путь на запад и западным интересам Капитолий отдал предпочтение, ибо Карфаген подлежал непременно сокрушению.

Заняв на восточном берегу Испании, южнее Эбро, Сагунт, Рим нарушил недавнюю договоренность. Карфагенский главнокомандующий в Иберии, сын Гамилькара, молодой генерал Ганнибал повел осаду портового Сагунта и, в результате проявленного упорства, плюс таланта, вернул цветущую колонию африканскому отечеству. Дипломатические усилия в видах мирного разрешения конфликта не предотвратили Вторую Пуническую войну (218-201 гг.). Именно ей суждено было дать зеленый свет рождению всемирно-исторического колосса *Imperium Romanum*. В стране Гесперид разыгралась увертюра 17-летней боевой дуэли и здесь же Рим посредством неимоверного напряжения сил переломил судьбоносную схватку в свою пользу. Гениальный полководец Пунта — этот, согласно Ливию, неукротимый мститель, воспрямивший из праха отвергнутой Энеем Дидоны, победоносно протаранив Италию, заставил минимум содрогнуться, а максимум — едва не сбросил Вечный город в мусорную корзину истории. И все-таки в эндшпиле он получил закономерный мат. Громкие итальянские победы Ганнибала оказались пирровыми*. Между тем, два Сципиона, меряясь силами с Гасдрубалом, сложили на испанской земле головы. Но изумительно цепкий третий Сципион завоевал Новый Карфаген (Картахена) и в 206 г. положил конец владычеству Африки в Испании, которая сделалась с тех пор римской провинцией. Далее, испанский выигрыш богатыря Сципиона обошелся противнику роковым проигрышем войны в целом.

Из отобранных и провинциализированных римлянами (искони преимущественно побережных) земель, составились две административно-территориальные единицы: *Hispania Citerior* — Ближняя и *Ulterior* — Дальняя.

На обуздание союзного Риму лишь до изгнания ненавистных пуников местного населения, на продвижение вглубь, на запад и северо-запад полуострова ушло много лет. В 178 г. Тиб.Семпроний Грахх замирил кельто-иберские районы в верхнем течении Эбро; в 154-33 гг. римляне, по итогам затяжной борьбы, подавили выступление лузитанцев, одолели и разрушили главную крепость мятежных кельто-иберов Нуманцию. К 100 г. до н.э. большая часть Иберии, за исключением южного подножья Пиренейских гор и омываемого Кантабрийским морем северо-запада, в основном покорилась потомкам Ромула.

Неся квесторскую службу в Дальней Испании (68 г.), Цезарь пережил тут фатальное потрясение, горько призадумавшись в храме Геркулеса, в Гадесе, у статуи Александра (в возрасте, когда македонянин уже покорил мир) над собственной бездеятельностью и незначительностью. Из Испании он, не дожидаясь окончания срока службы, устремился в столицу навер-

* Успеха Ганнибал, победе рад,
Не смог развить, на лаврах почивая,
Так пусть его ошибка роковая
Научит вас не опускать булат.

(Петрарка)

стывать упущенное и ступил на выю Рубикона. В Испании, при Мунде, диктатор завершил гражданскую войну, разбив здесь сыновей Помпея.

После Цезаря взбудораженная Помпеями провинция доставила немало хлопот Центру. Не случайно наибольшее количество зарегистрированных фастами триумфов свидетельствуют о неутихающей занятости римских легатов именно в Испании. Вот и в январе 26 г. за ратные деяния в одной из Испаний триумфировал племянник Верховного С.Апулей. В 27 г. с разделением провинций на кесарские и сенатские политическая география Пиренеев претерпела изменения: мирная Баэтика, в прошлом карфагенский оплот юга, осталась за сенатом; в остальном обе Испании, Ближняя и Дальняя, территориально около 2/3 полуострова, отошли к кесарю. Обитателей кантабрийского и астурского северо-запада еще следовало привести в подчинение, точнее, завоевать. Те и другие, вольнолюбивые кельтские индогерманцы, автохтоны прекрасной Гесперии, спускаясь из районов труднодоступных гор, донимали разбоями в достаточной мере романизированных и более лояльных к державе турмогов, автригонов, васконцев. Половинчатые меры оборонного характера снимали остроту проблемы временно; опустошительные горские вылазки периодически повторялись; стабильности на полуостровном севере не было. Очередной налет явился для Цезаря II поводом снова (на сей раз бессрочно) отложить все менее импонирующую ему экспедицию в Британию и вплотную заняться кантабрийско-астурским вопросом.

Прибыв к отрогам северо-западных гор, в Сегизаму, главнокомандующий разделил действующую армию из 7 легионов на три корпуса, планируя блокирование врага с суши и с моря, откуда, т.е. со стороны Аквитанского залива, предстояла высадка морского десанта. Заместительство при Верховном по командной части осуществлял кесарский легат провинции Антистий Вет*, который был сыном пропретора Испании Дальней, того, под чьим началом Цезарь служил квестором и переродился от тревожных мыслей у статуи Александра в Гадесе. Вет Младший состоял квестором при самом Цезаре в пору наместничества того в Испании (61 г.); в 56 г. облакал трибунат; в 45 г., будучи цезарианцем, осаждал в Апамее убийцу легата Сирии С.Цезаря помпеянца Цецилия Басса. Затем, благодаря кровавой проскрипционной жатве 43 г., завладел принадлежавшей Цицерону виллой ПUTEОЛАНА; в 33 г. в ранге октавиановского легата воевал, вслед за Мессалой, салазов; в 30 г. консульствовал с июня по сентябрь: в сентябре передал фаски младшему Цицерону. Августовские Pax et Concordia помирили недругов; в 20-е гг. оба легатствовали от имени кесаря: один — в Испании, другой — в Сирии.

Жестокая и вязкая Кантабрийская война распалась на две кампании 26

* Скучная информация по Кантабрийской войне имеется у Флора (4,12) и Орозия (6,21), причем Флор, пользуясь, видимо, суммарными выдержками из Ливия, сводит непрерывную семилетнюю продолжительность покорения кантабри и астурицев к минимуму. Так, у него зараз задействованы на театре боевых действий Антистий, Фурний и Агриппа, хотя Фурний воевал в Испании в 22 г., а Агриппа в 20/19 гг. Примечательно, что Дион ни словом не упоминает про участие Агриппы в войне 26/25 гг., о чем он не умолчал бы, если бы такое имело место.

и 25 г. Аборигены сражались отчаянно, не щадя ни себя, ни супостата. Кроме лютой храбрости, они славились абсолютным презрением к смерти. Матери убивали детей и кончали с собой, избавляя таким страшным образом чад и избавляясь сами от рабской неволи. Попавшие в кольцо окружения, коллективно травились ядом или закалывали друг друга. Пригвожденные к крестам пленники распевали победные песни. Римляне всюду рисковали напороться на коварную засаду, на неожиданный свирепый налет в пути следования. Они силились навязать противнику открытый бой, чтобы действовать по всем правилам военного искусства — сфера, где им не было равных среди современников на планете. А противник старался любой ценой увильнуть от открытого боя, делая целиком и полностью ставку на партизанщину.

Постепенно театр боевых действий сужался. Не считаясь с жертвами, используя численное превосходство и наступая отовсюду, завоеватели либо добивались лобовых столкновений и одолевали врага посредством убойных котлов, либо брали горные гнезда-крепости осадой и штурмом. Первое крупное сражение произошло под стенами расположенной недалеко от дороги из Бракары в Астурию цитадели Бегирд. Укрепление пало: те, кто вырвались из мясорубки, бежали в кастелл Винди (между Луго и Леоном). Падение Винди вывело легионеров на Медул — центральная твердыня и последнее крепостное убежище кантабри на горе, носящей сегодня имя св. Юлиана Милостивого. Природно неприступный бастион подвергся глухой осаде. Плодов измора понадобилось ждать терпеливо и в различных погодных условиях.

В те дни, 1 сентября 26 г., Август чуть не погиб, когда “при ночном переходе молния ударила прямо перед его носилками и убила раба, который шел с факелом”* (Светоний “Авг.”29). ЧП вызвало нервный шок. Перенапрягшийся от походных тягот неполководец по натуре тяжело заболел и отправился на зиму к морю, в Таррако. Армия продолжала осаду.

* * *

Под 26 г. до н.э. Дион (53,23) уведомляет о самоубийстве Корнелия Галла. Поднятый Октавианом из низов и возвышенный до вице-короля друг детства-юности чрезмерно возгордился: заставил весь Египет своими статуями, увековечил свои воинско-мирские деяния на камнях пирамид, позволял себе в застольно-нетрезвом виде частые неуважительные высказывания по адресу всегдашнего благодетеля. Вдобавок к тому, зарвавшийся наместник посмел приютить в Александрии (или пригласить в Александрию) опального грамматика Цецилия Эпироту. Это вольноотпущенник Помпония Аттика, который подвизался, как ученый наставник, при супруге Агриппы, Помпонии, и был заподозрен, согласно Светонию (О грамматиках и риториках 16), в недозволенной близости к ней, что и послужило поводом к агриппианскому разводу для последующего заключения

* 1 сентября 22 г. он освятит построенный Юпитеру Громовержцу, в знак чудесного спасения от удара молнии, храм.

династического брака с кесарской племянницей Марцеллой Старшей.

Так или иначе, Корнелий лишился еще в 27 г. наместничества и многого иного по наговорному обвинению собутыльника Валерия Ларга. Август отказал экс-другу от дома; кесарь наложил запрет на пребывание экс-префекта в императорских провинциях. Однако, сверхсервильный сенат не удовольствовался слишком мягким наказанием оскорбителя “гениального величества” и постановил: конфисковать имущество клеветника — раз; не допускать отщепенца в Рим/Италию — два; сослать преступника — три. Затравленный и заклеванный подхалимами и льстецами развязно-языкастый элегист покончил с горя самоубийством.

В свете, вернее, в тени монархической подошвы принцепата, как разновидности тирании вообще, случай, конечно, типичный, более того, в нем безошибочно различима прелюдия печально известных тиберианских процессов “за оскорбление величия”. Опальным фаворитам в условиях не-террористического единовластия достается вдвойне: лизоблюдское рвение высокопоставленной челяди и так называемое общественное мнение довершают опалу вакуумной травлей вокруг персоны нон-грата*. Придворные холоуи-завистники охотно добивают споткнувшихся лежачих кумиров.

И все же заострим внимание на конкретном. Отнюдь не панегирист кесарских добродетелей, любитель посмаковать биографические пороки “12 цезарей” Светоний пишет об Августе так: “Дружбу он завязывал нелегко, но верность соблюдал неуклонно и не только должным образом награждал заслуги и достоинства друзей, но и готов был сносить их пороки и провинности, — до известной, естественно, меры. Примечательно, что из всех его друзей нельзя найти ни одного опального, если не считать Сальвидена Руфа и Корнелия Галла. Обоих он возвысил из ничтожного состояния, одного — до консульского ранга, другого — до наместничества в Египте. Первого, замышлявшего переворот, он отдал для наказания сенату; второму, за его неблагодарность и злокозненность, он запретил появляться в своем доме и в своих провинциях. Но когда Галл погиб, доведенный до самоубийства нападками обвинителей и указами сената, Август, поблагодарив за преданность всех своих столь пылких заступников, не мог удержаться от слез и сетований на то, что ему одному в его доле нельзя даже сердиться на друзей сколько хочется. Остальные же его друзья наслаждались богатством и влиянием до конца жизни, хотя и ими подчас он бывал недоволен...” (Авг.66).

Яркий светониевский штрих к портрету показывает совсем не типичность, а, наоборот, исключительность, непохожесть Августа на типичную модель постреволюционного вождя-тирана. Диктаторам сего рода свойственно устранять либо отдалять ближайших сподвижников и друзей прежней поры, всех тех, кто, выражаясь современно, имели неосторожность быть с ними на “ты”. Такой упрек к Августу неприложим, да и римское общество, если присмотреться, отреагировало на “дело Галла” совсем не однозначно. Дион (53,24) замечает: Г.Прокулей, проходя мимо осведомителя Ларга, демонстративно зажимал рукой нос и рот, давая понять, что в

* Генрих II (1154-89 гг.) не отдавал приказа об убийстве Томаса Бекета, которого, тем не менее, убили в угоду Генриху (1170 г.).

присутствии стукачей небезопасно дышать. А некто, подойдя к Ларгу при публике, спросил: знаком ли он ему? и тотчас запротоколировал отрицательный ответ, дабы запастись на всякий пожарный случай письменным доказательством невинности.

Иначе поступил близкий и обязанный весьма многим, в частности, Галлу Вергилий, вычеркнув имя осужденного экс-друга не только из творимой тогда “Энеиды”, но и из заново отредактированного IV “пчелиного” раздела “Георгики”. Полководчеством в Испании, принцепс активно переписывался с Вергилием относительно национального эпоса, где изгою, разумеется, не нашлось места: тут историко-государственный резон в классической литературе возобладал, “проклятие памяти” вступило в эпически-юридическую силу. Впрочем, Вергилий искренне молился на “нового Энея и нового Ромула” Августа, тогда как богомного поэта-префекта погубили не едино тщеславие и не едино синдром возвышения из грязи в князи. Уйти из Египта дано не каждому: Исход – удел богоизбранных народов и богоизбранных индивидуальностей.

К слову сказать, не одному Корнелию Галлу, но обоим пленителям Клеопатры не повезло в жизни: Г.Прокулей годы спустя, мучаясь невыносимой болезнью желудка, положил в отчаянии конец своим страданиям, выпив, как уверяет Плиний (36,183), раствор гипса.

* * *

В 26 г. до н.э. в Египте, при преемнике Галла Корнелия Галле Элии, была проведена реформа календаря – официально введен вместо (или возле) староегипетского “блуждающего” александрийский “постоянный” год. Разница между ним и многотысячелетним плавающим годом заключалась в том, что год блуждающий состоял из неизменных 12 месяцев по 30 дней в каждом и 5 дополнительных дней-эпагоменов в конце года, тогда как новоустановленный год стабильный предусматривал включение раз в четыре года шестого високосного эпагомена. Какая, казалось бы, ерунда! но приздуматься стоит*. Эпагомены вставлялись 24, 25, 26, 27, 28 августа; начало нового года приходилось на 29 августа = 1 тот; календарь открывал месяц бога Тота = Гермеса. Раз в четыре года, когда вставлялся 6-й високосный эпагомен, начало года смещалось на 30 августа.

Таким образом, стабильный египетский календарь пошел в одном ритме с юлианским, но со сдвигом в начале года.

* * *

Воюя на крайнем Западе, кесарь не забывал о Востоке. Еще в 27 г., отперев врата Януса Квирина, Рим пустил за Евфрат соперника Фраата,

* Ввести вместо плавающего года стабильный пробовали до римлян и гиксосы, и Птолемей III Эвергет (III в. до н.э.). После изгнания гиксосов (около 1600 г. до н.э.) каждый фараон давал клятву не покушаться на священный блуждающий год; не удалась реформа, из-за сопротивления египтян, и Птолемею III.

ранее расчетливо пригретого в Сирии самозванца Трдата. От него сохранилась тронная монета, датированная месяцем даисий 285-го года селевкидской эры*, т.е. на лето 27 г. Трдат, видимо, огорошив конкурирующую фирму внезапностью, утвердился в Ктесифоне. Фактор внезапности подтверждается информацией из фрагмента Исидора Харакенского: не успев второпях эвакуировать с одного из евфратских островов шахский гарем, Фраат, ударяясь в бега, велел перебить, чтобы не оставить врагу, всех своих наложниц**. Увы, Восток — дело, зачастую, крайне топорное. Отступив опять на восток державы, вновь изгнанный шахиншах вступил в борьбу.

Не со вчерашнего дня повелось думать, что причина возобновления парфяно-римских осложнений лежит в изначальном невыполнении Фраатом договорного обязательства по выдаче военнопленных и трофейных знамен. Резонно спросить: а брал ли Фраат похожее обязательство при заключении Антиохийского мира в 30 г.? На поверку оно сглаживает потерю римлянами Армении и унижает Иран якобы продиктованной ему миродержавной волей. Между тем, Парфия далеко не унижалась до навязанного ей мира, заключив в Антиохии равную коэкзистенциальную договоренность, мало того, выиграв пропарфянскую Армению с царем-парфянофилом на троне.

Осенью 30 г. Октавиан был заинтересован временно (пусть даже ценой завуалированных уступок) отложить недоигранную партию, т.е. заморозить Восточный вопрос, имея целью миротворно отпраздновать Александрийский триумф, подвести черту под прошлым, установить прочный порядок и беспрепятственно учредить при закрытых Янусовых вратах могучую систему принцепата. Короче говоря, интересы держав и правителей тогда совпали: и Запад, и Восток нуждались в межгосударственной тишине. И вот в 27 г. до н.э., после того как принцепат в январе установился, после того, как отцы-сенаторы обязали кесаря к сатисфакции за Карры, после того как в кесарскую Сирию был назначен первый кесарский легат (видимо, Туллий Цицерон М.), когда, наконец, двери Януса Квирина распахнулись настежь, Рим сделал в отложенной партии ход конем — поднял через новопривышшего в Антиохию легата вопрос о возвращении знаменосных трофеев и пленных.

Наверное, Фраат отреагировал на первый дипломатический демарш, будучи уверен во втором, уклончиво, и так оказался перед необходимостью драпать от заранее готового к вторжению из-за Евфрата Трдата. С 30 г. Рим оставался в региональном накладе и потому не мудрено, что политические инициативы, использование разных возможностей с целью ослабления Парфии для конечного отсечения от нее Армении исходили от Рима.

В исторической Армении берут истоки великие водно-разделительные потоки месопотамского Междуречья — Евфрат и Тигр. И в Риме, и в Ктесифоне хорошо понимали: опасно не только завоевательно форсировать Евфрат, имея с севера враждебную страну на Армянском нагорье, но опасно и проигрышно блюсти границу по Евфрату, не держа под контролем Арме-

* Эпохой селевкидской эры, которую использовали Аршакиды, была осень 312 г. до н.э.

** Gutschmid A.v. "Geschichte Irans" (103).

нию. Август видел в Армении и Осроэне не наступательный плацдарм, но разводной мост между Западом и Востоком, пограничную заставу на подступах к Понту и Каппадокии, к Коммагене и Сирии, плюс заслон от Закавказья на севере. В связи с этим никоим образом не аннексированная (на антонианский манер), но проримская лимесная Армения нужна была кесарю непременно и пока он ее не контролировал, выигрышный междержавный паритет не был достигнут.

Итак, Трдат удачно вверг отечество в междоусобный хаос и сумел воцариться на Тигре. Однако, очаговая Парфия и соседняя прикаспийская Гиркания сохранили верность Фраату; искусные воины-тохарцы и даги встали за щедрое вознаграждение на его сторону. Из Парфии и Гиркании царь царей, переведя дух, повел в 26 г. атаку на Ктесифон. В результате, Трдата снова постигла беглая участь: проиграв, он, в паре с соучастником авантюры, сыном Артавазда Мидийского Ариобарзаном, отступил в 25 г. в Сирию, откуда, взяв с собой в качестве захваченного заложника одного из сыновей Фраата, направился к кесарю в Испанию.

* * *

В 26 г. до н.э. сенат договорно зачислил, согласно Диону (53,25), в друзья и союзники римского народа Полемона Понтийского. Послеакцийский испытательный срок Антониева протеже закончился. Не исключено, что и Ирод, царь иудейский, был взят в договорные друзья-союзники приблизительно в одно время с Полемоном*: ведь, с одной стороны, они оба как бы не запятнали себя проантонианским участием в Акцийской войне, с другой, оба лишились тем самым возможности перебежать к Октавиану еще до Акцийской битвы, т.е. поменяли лагерь позже прочих вассалов-антонианцев и, значит, проходили по одному, так сказать, постакийскому реабилитационному ранжиру.

Уместно подчеркнуть, что Полемон попал в число особостатуированных, экономически привилегированных союзников римлян. Наряду с некоторыми иными имеющими прямой географический выход на внешний заимперский рынок вассалами-вассалитетами (Мавритания, Nabatea, впоследствии Боспор), он получил право чеканить серебряную и золотую монету. Так называемый внутримперский венценосец Ирод всю тронную жизнь довольствовался выпуском медяков, полностью обделенный чеканкой серебра, уж не говоря о золоте. Кроме того, царь и царство Понтийские внешнеполитически значили для Рима больше и, соответственно, своему удельному весу котировались выше, нежели обращенные в Средиземное море, как во внутреннее озеро Рима, царь и царство Иудейские.

Геостратегически Понт доминировал в придаточном сообществе с Арме-

* Про сенатское постановление о дружбе Рима с Иродом, которого-де Ирод “добился для большей уверенности”, Флавий сообщает в контексте рассказа о реабилитации Октавианом Ирода весной 30 г. на Родосе (И.д.15,6,7). Т.е. это сенатское постановление было принято позднее родосской аудиенции и, стало быть, вполне могло быть принято в 26 г.

нией Мiног (где в 20-е гг. правил пленитель Полемона Артавазд Мидийский) на юго-восточном фланге римского Причерноморья, открывая или закрывая вместе с Арменией Малой сухопутные и морские подступы в Колхиду и к Закавказью с запада. В 60-е гг. Помпей побывал в Закавказье, намереваясь дотянуть Imperium Romanum от Иберии до Иверии и далее до Каспия. Ничего, несмотря на убедительные боевые победы, не вышло: помпеянско-закавказские походы не возымели практических последствий. Откусывать нужно ровно столько, сколько можешь проглотить! Обжорство вредит органическому пищеварению. Правда, и Цезарь, собираясь в восточный поход, больше думал о победах, чем о каких-либо погранично-органических ограничениях. Позднее Иверию и Албанию воевал легат Антония Канидий Красс.

Август застыл на юго-восточной оконечности Южного Кавказа (на пороге Кавказской ойкумены), как вкопанный, отказавшись от непосредственного проникновения вовнутрь. Здесь, к югу от Кавказского хребта, на восточно-анатолийском краю Понта Эвксинского, ему, адепту оборонительного империализма, было желательно наличие дистанцированно-лояльных, преграждающих потенциальному врагу доступ к дорогостоящему двору Малой Азии защитно-поясных царств-лимесов. При их помощи кесарь рассчитывал: 1. держать на запоре Ворота Чора (Дербентский проход), откуда Анатолии грозило просачивание хищных стай степных кочевников; 2. оборонять эвксинскую береговую дугу — дорогу на понтийский Трапезунд и опять-таки в Малую Азию от набегов воинственных племен — обитателей западных отрогов Кавказа, и племен прибрежной линии до боспорского Крыма. Северо-восточные рубежи Армении Великой (Пайтакаран) упирались по нижнему течению и устью Куры в Гирканское (Каспийское) море и в дальнейшем римские кесари, унаследовав, за исключением аннексиониста Траяна, поясной принцип Цезаря II, заслонялись Великой Арменией не сугубо от Ирана, но и со стороны Ворот Чора. Срединный закавказский рудт — Иверия, блокировал северные подходы к Черному морю от предгорий центрального Кавказа; Колхида образовывала собственно эвксинскую прибрежную дугу. Отмежевавшись от ойкуменического поглощения Армении и Закавказья римско-эллинистической Ойкуменой, Август ни в коем случае не отмежевывался и не мог отмежеваться от разномасштабного (по отношению к Закавказью опосредованно — через Понт; по отношению к Армении — вассалитетно) манипулирования ими в интересах империи.

Союзное Риму так называемое Понтийское царство — жалкий обрубок поверженной в прах державы Митридата Эвпатора, этого ископаемого динозавра, этого дядьки Черномора, безумно возжелавшего под конец жизни обрушиться на Рим, минуя Дунай, через Альпы, даже не столько заслоняло римлян от Кавказа, сколько прежде всего выводило Рим на интересный интересной прибылью таврический Боспор. Былой же заряд Понта Рим сокрушающий, естественно, выпотрошил безостаточно, не оставив порохов во вражеских пороховницах. В 47 г. Цезарь разгромил Митридатова сына Фарнака за пять часов (“Пришел, увидел, победил.”) и напоследок, усмехнувшись, сказал, что теперь он понял как Помпей стяжал на востоке лавры великого полководца, воюя с противником, который не умеет воевать

(Светоний “Цез.”35). В Крыму в 47 г. утвердился, убив сначала Фарнака, а затем и цезарского кандидата на боспорский трон Митридата Пергамского, легитимированный, вероятно, Антонием и не наказанный, из-за *тмуто-раканьских* расстройств, Октавианом узурпатор Асандр. В Понте, по смерти безликого Фарнакова сына Дария тот же Антоний воцарил отъявленного римлянофила Полемона.

За пятилетку 31-26 гг. принцепс и сенат, поэтапно беря вчерашнего антонианца в друзья-союзники, поступили, идя, кстати сказать, стопами Антония, очень правильно. Чуждый автохтонным понтийцам и весьма способный, как показали пробные годы, фригиец родом, этот свой в доску Полемон Зеноныч, сходно реституированному в Иудее Антипатриду Ироду, не мог не служить Риму верой и правдой, ибо им обоим некуда было без Рима деваться. Плюс к тому, Понт и Боспор состояли в персональной унии при Митридате: отчего бы, когда подвернется момент, не возобновить персональную унию при Риме.

* * *

Девятое консульство Август облек 1 января 25 г. до н.э. = 729 г. а.У., сродственно восьмому, в Таррако. Его напарник, предакционный перебежчик Юний Силан, надел консульскую тогу в Риме.

Весной главком проследовал к осажденному Медулу. Вскоре оголодавший бастион капитулировал и геролды протрубили о покорении Кантабрии. В действительности, до покорения, т.е. до водворения на пиренейском северо-западе имперского порядка, было еще не близко. Горно-лесная партизанина не унималась. Разбитые и рассеянные туземцы сбивались в малые мобильные отряды, занимали возвышенности в районах передвижения регулярной армии, неумолимо устраивали засады. Скоростное маневрирование на преследовании быстрого врага донельзя изнуряло легионеров. От походных тягот и тревожений у кесаря не на шутку сдала печень. Поручив легатам довершать нудную кампанию, он, маясь острым недугом, подался назад, в Таррако. Воодушевленные досрочной эвакуацией главного римлянина кантабри с астуриями осмелели и жестоко поплатились. Антисий Вет нанес им новый ряд тяжелых поражений. В Кантабрийской войне прошли в ранге войсковых трибунов боевое крещение юные принцы — Марцелл и Тиберий. К месту добавить: начатая и недописанная в перспективе августейшая автобиография была доведена именно до Кантабрийской войны, то есть, согласно Светонию (Авг.20), до второй и последней из внешних войн, предводительствованных Августом лично. (Светоний все-таки не считает Александрийскую войну внешней!)

Что касается Испании в целом, то, пожалуй, ни одна римская провинция не подверглась в истории империи столь сильной романизации, как эта. Отсюда в I в. до н.э. вышел первый “провинциальный” консул: Корнелий Балб (40 г.); отсюда в I в. н.э. выйдет первый “провинциальный” император — Траян (и за ним Адриан).

Полная же пацификация страны басков предстояла в 20/19 гг. М.Агриппе.

Между тем, в 26/25 гг. гроссадмирал трудился, застраивая мировую столицу, на римской суше. Воздвижение Юлиевой септы, освящение достроенного пантеона, возведение портиков Нептуна и аргонавтов, лаконская сауна, храм *Vonus Eventus* на Марсовом поле – таков выборочный перечень ходовых и сданных в эксплуатацию строительных объектов. “Никто – скажет в следующем столетии Сенека (О благодеяниях 3,32) – за всю римскую историю не превзошел Агриппу в градостроительстве”.

Лаконская сауна или, выражаясь иначе, спартанская баня появилась при одноименном спортивном комплексе. “Лакедемоняне – уверяет Дион (53, 27) – прославились в то время показом гимнастических упражнений умащенными телами нагишом”. Богато оформленный портик *Argonautorum* сюжетно запечатлел путешественные мытарства соискателей колхидского чуда. Подкупольный пантеон Випсаний снабдил скульптурами 12 бессмертных богов, собираясь поставить в качестве 13-й скульптуру смертного Августа, на что принцепс из Таррако наложил скромный запрет. Тогда находчивый Агриппа поместил в храмовом отсеке фамильного склепа статую дивинизированного сенатом Цезаря Старшего, а у входа в притвор поставил справа и слева две статуи – августовскую и свою – без притязаний на божественность, но с явным указанием на то, кто выдает пропуска в царство небесное. Посягательство на два-пропускное равноправие не обидело снисходительного императора. Герой Мил, Навлоха и Акция, тот, кому он был премного обязан нынешними недостижимыми высотами, заслуживал всяческого поощрения, чтобы не чувствовать себя низведенным на третью ступень пьедестала, поскольку принц крови Клавдий Марцелл (после устройства в паре с Тиберием гладиаторских зрелищ для римского воинства в Испании) ехал, опережая хворого дядюшку, сочетаться браком с его дочерью в Рим. И не случайно ближе к исходу 25 г. Агриппа, во-первых, руководил торжественной церемонией новозакрытия боевых врат Януса Квирина, во-вторых, замещал отсутствующего отца невесты на свадебных торжествах.

Ну, а когда бывший помпеянско-антонианский дворец в Каринах ненароком сгорел, *первый среди равных* (*primus inter pares*) забрал закадычного друга в собственный палатинский *domus Augusti*, компенсировав другого погорельца, Валерия Мессалу*, крупной денежной суммой.

В 25 г. до н.э. в последний раз полыхнула проблема альпийских салазов. Эти оттесненные кельтами из низовьев Роны лигурийцы держали под прицелом горные проходы и, главное, важную артериальную дорогу в Галлию: Аоста-Вьен. Разбитые в 30-е гг. Мессалой и Ветом они вроде бы угомонились, но, очухавшись, понемногу активизировались снова. Навести бессрочный дорожно-областной марафет было велено А.Теренцию Мурене

* В 26 г. кесарь, учредив из Таррако пост префекта *Urbi*, назначил первым градоначальником Рима В.Мессалу, кто отказался от назначения на пятый день по приходе письменного указа, из-за несоответствия оберполицмейстерской префектуры нормам возрожденной Республики. Август, узнав об отказе, не обиделся.

Варрону (родной брат жены Мецената Теренции, кому злые языки приписывали недозволительную близость к принцепсу, и сводный брат Г.Прокулея).

Энергично взявшись при крупных воинских силах за дело, непотический протезе Цезаря Августа довольно быстро, в ходе одной кампании, обескровил салазов и разорил их высокогорные гнезда до тла. Из плененного народа-племени числом в 36 тыс. 8 тыс. ратных мужей пошли в наказание за бандитизм с рабских торгов; остальные альпийцы подверглись компактному расселению в районах предгорья по обе стороны Альп (Дион 53,25; Страбон 4,205).

В том же году кесарский легат Косматой Галлии М.Виниций, как третий в истории, следом за Ю.Цезарем и М.Агриппой, римлянин-воитель, пересек Рейн. Непредсказуемые зарейнские германцы ограбили и убили рискнувших сунуться к ним римских торговых людей. В ответ последовал карательный рейд. Подробности экспедиции неизвестны, успехи очевидны, ибо Дион (53,26) *присваивает* Августу восьмую императорскую аккламацию и отклоненный им триумф именно за виницианского Германию, хотя в реальности и то, и другое, без сомнения, следствия Кантабрийской войны.

В Испании Август, согласно Орозию (6,21), принял посольства индийцев и скифов, которые-де снарядили послов к Цезарю на крайний запад, как в свое время испанцы и галлы отправили посольства к Александру Великому в Вавилон. В “Деяниях” (5,31) Цезарь II рапортует о том, что к нему — первому из римских правителей, неоднократно навевывались послы царей Индии; что его и римского народа дружбы искали через послов династы приазовских сарматов, цари Албании, Иверии, Мидии.

* * *

Если перечисленные цари слали посольства в Рим в разные августейшие годы, то, быть может, именно в 25 г. дипломатично решился (не запылится) набивший оскомину и снятый с повестки дня дипломатически британский вопрос. Во всяком случае, Дион (53,22) сообщает один раз под 27 г. про “впечатление” Августа о склонности британцев вступить с ним в переговоры; второй раз под 26 г. говорится (53,25) о намерении Августа начать с британцами войну, из-за саботирования ими не то переговоров, не то договора. Однако, сообразно тому же Диону (53,22,23) и Светонию (Авг.26), Август встретил 26 г. в Испании, в Таррако. Спрашивается: кто же это в Англию из Франции через Испанию ходит? То есть операцию “*Морской лев*” кесарь в 27-25 гг., произведя переоценку ценностей, взвесив все про и contra, дезактуализировал и отменил. Неспроста ко второй половине 20-х годов римские поэты о Британии в Океании замолкают. С другой стороны, в “*Res gestae*” упомянуты просившие августейшего убежища британские династы — Думнобеллан и Тинкомий (6,32). Не исключено, что переговорно-договорные проволочки и их беженство взаимосвязаны. А Страбон, например, пишет (4,200) о посольствах британцев, искавших, плюс нашедших, торгово-товарооборотную дружбу Цезаря II, и о нерентабельности оккупации римлянами послушно-проримского океанского острова. Значит,

нам ничего не мешает предположить посольскую явку островитян через Таррако в Рим и сим в 25 г.*, соприродно сохранившему престижное лицо Августу, мирно закрыть британский вопрос.

* * *

Тем временем, на противоположной от Туманного Альбиона восточной периферии Римской мировой державы гибель в 25 г. Аминта Галатского обернулась не продолжением ставки (в какой-либо форме) на союз и дружбу с его династическими наследниками, но упразднением вассалитета и провинциализацией Галатии.

Галаты — потомки загадочно разошедшихся из очаговой Галлии по миру миграционных волн кельтов, которые, дойдя, в частности, до Македонии и Фракии, откликнулись в III в. до н.э. на приглашение братоборца Никомеда Вифинского, пересекли Босфор и вскоре компактно заселили центральную часть Малой Азии. Предполагают, что природно суровый эпицентр или своего рода солнечное сплетение Анатолии отвели пришлецам под местожительство соседние государства, думая тем самым как-нибудь разрешить сложный жилищный вопрос в отношении немилых большинству местных домохозяев гостей. Гости же в составе трех племенных союзов (толистобоги, трокмы, тектозаги) аклиматизировались, адаптировались и, ввиду неуживчивого характера, постоянно тревожили соседей, причиняя региону массу беспокойств.

В 230-28 гг. Аттал Пергамский победил в битвах и подчинил галатов. Улучив минуту, они отпали от Атталидов и при Магнезии (190 г.) сражались за Антиоха III. Отреагировав на это крупной штрафной резней, римляне поставили галатских династов в еще большую зависимость от союзного Риму Пергама. В 133 г. Пергам завещательно отошел к Римской республике. Во время Митридатых войн раздробленные галаты, сориентировавшись на Понт, управлялись 12-ю подотчетными Митридату тетрархами.

В 86 г. 9 из них, включая их семьи, Митридат, если верить Аппиану (Митр.46), предал мечу. Три уцелевших тетрарха бежали, организовали движение сопротивления и выдворили Митридастовы гарнизоны из страны.

В 66 г. Помпей признал начальствование Деиотара над толистобогами, Брогитара над трокмами, Кастора над тектозагами, плюс расширил владения первого и второго, присвоив обоим царский титул. Стремление царя толистобогов прикарманить все три вассалитета привело к кровавой расправе. В 47 г. Цезарь одернул почти достигшего цели амбициониста и перепоручил трокмов Митридату Пергамскому. Гибель диктатора помогла Деиотару осу-

* Приводимый христианским автором V в. Аппонием (12,53) сумбурный фрагмент из 135-й книги Ливия *возвращает* Августа 6 января 24 г. в Рим из Британии, вместо Испании, и *объявляет* римскому народу его устами о замирении всего земного круга как войнами, так и миродружественными договорами. Возможно, что эта несурзаца (в V в. бытовало предание о завоевании Августом Британии) подтверждает факт заключения договора между Римом и британцами именно в 25 г. до н.э.

шестить заветный замысел, причем римско-сенатское “добро” предварил солидный бакшиш в мощну М.Антония. Однако, не успев насладиться вверенной властью, “тройственный единоличник” в 41 г. был убит, а год спустя Антоний сделал царем его внука и одновременно сына не поднятого Помпеем из тетрархов в цари Кастора Таркондария.

Смерть Кастора Minor способствовала, как мы знаем, интронизации ориентальным триумвиром Аминта — гос.секретаря покойного Деиотара и командира галатских войск, своевременно переметнувшихся к цезарианцам при Филиппах. Одноименный прадеду Деиотаров правнук по прозвищу Филадельф удовлетворился царством в скромной, в сравнении с владениями Аминта (Галатия, Писидия, части Ликаонии и Памфилии), Пафлагонии.

Август разумно одобрил выбор предшественника, ценя в безродном, сходственно Полемону или Ироду, монархе деятельнейшего малого. Талантливый назначенец приносил огромную пользу империи, без усталости замиряя дикие племена малоазийских гор. В Исаврии, например, он ликвидировал терроризировавшего округу атамана Антипатра — властителя Дербы и Ларанда; в Писидии взял и приструнил Кремну. В 25 г. Аминт пытался положить конец разбоям гомонадов — страшного племени таврских горцев, обитателей кряжистого пограничного перепутья Писидии, Ликаонии и Нагорной Киликии. Согласно Страбону (12,569), нещадно грабившие предгорья пещерные гомонады считались неуязвимыми. Но Аминту удалось проникнуть к отвесным гнездовьям противника, обезвредить многие из них и даже умертвить племенного вождя. Правда, потом, о чем не вдаваясь в подробности, сообщает Страбон, он угодил в хитро подстроенную вдовой убитого западню и... т.о. у галатов не стало царя. Обратим внимание на короткую страбоновскую информацию, поскольку в дальнейшем не кто иной как *евангельский* Квириний одолеет неодолимых гомонадов.

Пока же Август, распоряжаясь из Испании, предоставил Галатию не сыновьям погибшего вассала, но превратил ее в кесарскую провинцию преторского ранга. Надо сказать, что республиканский город-на-Тибре не признавал обязательности монархического престолонаследия в принципе. Знатные союзные тираны могли сколько угодно тешиться славным происхождением, а незнатные — видами на славное будущее, тем не менее, каждый последующий тронный преемник любого почившего *amigo* нуждался в индивидуальной легитимации и Рим всегда оставлял за собой право утвердить или не утвердить любого наследного принца. Так выглядела юридическая сторона галатского акта вполне в рамках строго соблюденной римской республиканской законности. Практически провинциально-малоазийская граница империи продвинулась дальше на восток, к Понту и Каппадокии, выйдя вместе с тем напрямиком через Ликаонию и Киликию на Сирию. Передняя Азия подлежала постепенной аннексионистской девасализации до Евфрата и Юлии-Клавдии, не торопясь, привели за 100 лет августейшие начинания в исполнение. (Тиберий проглотит Каппадокию и Коммагену*, Нерон — Понт и Малую Армению.)

* В промежутке 38-72 гг. (от Калигулы до Веспасиана) вассальный статус Коммагены был восстановлен.

В 25 г. до н.э. время Галатии, в противоположность временно усиленному на фронте ползучей экспансии Понту, пришло и римлянин № 1 аннулировал зарождающуюся династию Аминтидов. Нуворишу Аминту суждено было так и остаться в полном одиночестве на престольном Олимпе. По отношению к нему и к его клану сработала политическая формула: “Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.”

* * *

Если Полемон Понтийский и Аминт Галатский выводили родословные отнюдь не из царского рода-семени, то Иов, родом нумидиец, числил среди венценосных предков и лучшего друга, и злейшего после Ганнибала врага Рима, соответственно, Масиниссу и Югурту.

Нумидия — страна к югу от Карфагена входила в зону естественных государственных интересов гегемона западного Средиземноморья. Отсюда карфагеняне издавна вербовали искусных наездников-кавалеристов. Римский десант в Африке в Первую Пуническую войну послужил сигналом к выступлению нумидийцев против ненавистных дидонян, которые отомстили повстанцам после поражения Атилия Регула (255 г.), предав множество нумидийских шейхов распятию*.

Ко Второй Пунической войне в Нумидии окончательно оформились два крупных княжества под верховенством князей-соперников — Сифакса и Масиниссы. С 212 г. Масинисса сражался за карфагенян в Испании, в 206 г. перешел на сторону римлян, в 202 г. внес заметный вклад в победу Сципиона при Заме и вскоре, вкушая особое противокарфагенское покровительство Рима, воцарился над всей Нумидией. Далее, он в течение 50 лет последовательно теребил смертельно раненный Карфаген и ко дням смерти, в возрасте за 90, в 149 г., добился желанного — спровоцировал в угоду непримиримой партии Катона Третью Пуническую войну. В 146 г. на месте стертого с лица земли удела Дидоны была учреждена провинция Африка, дотошно определены прилегающие к ней нумидийские границы.

Племяннику Масиниссы Югурте довелось участвовать в покорении римлянами Иберии, зарекомендовать храбростью, приложить руку к взятию и разрушению Нуманции (133 г.). Его самостоятельный курс и попытка сбросить обременительную державную опеку зажгли войну с Римом. Временные успехи восстания потрясли Республику, встали ей поперек горла, предвосхитили ее конец, но сами по себе в конечном итоге ушли в песок: разбитый, плененный и проведенный в триумфе Мария Югурта был в 104 г. до н.э. казнен.

Внук Масиниссы, послушный Гиемпсал, никогда не возражал римлянам и благополучно царствовал на протяжении 46 лет (106-60 гг.). Инсurreкция родственного нумидийцам племени гетулов побудила Суллу поручить наведение африканского порядка Помпею, который выполнил поручение за 40 дней.

Царь Нумидии и Гетулии Иов I (60-46 гг.), будучи однажды, еще в

* Способ казни, позаимствованный римлянами у карфагенян.

бытность престолонаследником, оскорблен Цезарем, не забыл обиду и с завязкой рубиконовского противостояния без колебаний поддержал Помпея, тем более, что в 50 г. человек Цезаря народный трибун Курион вынес на рассмотрение сената проект аннексии нумидийского вассалитета. В июне 49 г. он во главе 2-х легионов и 500 всадников высадился в Африке, намереваясь разбить окопавшегося в Утике помпеянца Аттия Вара. Иов поспешил Вару на помощь; цезарианцы проиграли; Курион пал в сражении. В 46 г. цезарианская победа у Тапсы решила участь пропомпеянского монарха. Жители Замы отказались впустить беглеца в город, в результате чего царственный банкрот свел счеты с жизнью. Теперь Цезарь удовлетворенно ликвидировал вассальную Нумидию и учредил провинцию Africa Nova.

Увезенный в Рим малолетний сын Иова I прошагал в триумфе диктатора, вырос на семи холмах, получил блестящее образование, снискал расположение Октавиана, приобрел римское гражданство, принял участие в Акцийской войне. Около 30 г. Цезарь II восстановил врученный Иову II нумидийский вассалитет; в 25 г. аннулировал снова и передвинул царя без царства на царство в сопредельную Мавританию (провинция с 33 г., по смерти Боха*).

Возможно, что ставка на большую посредническую продуктивность “независимой” Нумидии в плане защиты прибрежной Африки от южных кочевников, во-первых, не оправдала себя, во-вторых, за пять лет (безотносительно к полной лояльности тронного ставленника) могла выясниться опасная живучесть нумидийского сепаратизма, т.е. реставрация вассалитета могла пробудить у местных националистов инсургентские настроения. С другой стороны, Африка и Египет во всю мощь работали на хлебные нужды Рима-Италии. Зерновая перестраховка обязывала касательно Нумидии к перестраховке политической, тогда как ситуация в Мавритании и Гетулии не препятствовала “космополитической реставрации”. Пересаженному в неродную почву высокородному протеже апеллировать, помимо Рима и Августа, не к кому. И Иов, отныне Мавританский, оправдал доверие державы, прослужив ей в качестве друга-союзника на троне без малого полвека. Как видим, не всякий мавр уходит: иной превращается из нумдийца в мавра и делает свое дело.

* * *

Согласимся: занятый Кантабрийской войной, болеющий в Таррако кесарь поразительно дальнорочно держал в поле зрения целокупность Римской империи, никого и ничего не выпуская из виду, нигде не суетясь и никуда не запаздывая.

Впрочем, мировой кругозор Августа в ходе испанской двухлетки не исчерпывался означенными горизонтами. В 25 г. до н.э. второй по счету префект Египта М.Элий Галл двинулся в поход на Счастливую Аравию — страна-сказка аж на самом юго-западе Аравийского полуострова. Библейская Саба или *Agabia Felix* — эта скрытая красноморскими горизонтами загадка “тысячи и одной ночи” древнего мира волновала умы и сердца

* См. Дион 53,26.

современников равно баснословными богатствами и волшебными таинствами.

Лично дружный Элию очевидец эпохи Страбон (2,118) лаконично информирует читателя о кесарском повелении вице-кесарю разведать восточные берега Чермного моря, чтобы либо обрести там сокровищных друзей, либо покорить сокровищных врагов (16,780), со всеми вытекающими отсюда для сокровищ последствиями. Поддержку и сталкерство римлянам обещали набатеи, к чьим владениям примыкала часть приморской Аравии – область ветхозаветных мидианитян южнее Синая до побережного пункта Левке-Коме. В набатейской Петре царствовал слабохарактерный преемник умершего в 30 г. царя Малха именем Обод. Реальная власть находилась в руках его великого везира Силлея, который и вызвался на роль проводника в заманчивой боевой экспедиции.

Погрузив на борт специально выстроенных 80-ти бирем и трирем 10 тыс. римских легионеров, 1000 силлевских патрийцев и 500 присланных Иродом отборных воинов-иудеев, Галл отчалил из Клеопатриды на Левке-Коме (северо-западнее Ятриба). Плавание длиной в 15 дней не было, в силу разгула морской стихии, удачным и не обошлось без чувствительных потерь. Едва высадившись, армия вторжения подпала под воздействием непривычно знойного климата, плохой питьевой воды и пищи различным тяжелым немочам. Из-за непредвиденных осложнений, Элий отложил поход на следующий год, решив, согласно Страбону (16,781), провести лето и зиму в месте высадки.

Кроме легендарной страны Сабейской, с ее повсеместными в количестве бери-не-хочу золотыми россыпями, Августа наверняка интересовала морская дорога из Красного моря в Индию, некогда процветавшая, а затем, со времен объединителей Ойкумены от Нила до Инда – Ахеменидов, уступившая первенство Персидскому заливу и постепенно пришедшая в упадок. Впоследствии древний торговый путь частично оживили и временами использовали Птолемеи. Посольство индийцев к римскому кесарю в дальнюю Испанию недвусмысленно свидетельствует о стремлении наладить прямой контакт. Дело в том, что парфяне ревниво оберегали свою монополию на сухопутные торговые пути с Востока на Запад и обратно. Аршакиды уделяли большое внимание вопросам транзитной торговли, как средству дохода и развития собственной экономики; в Иране составлялись специальные дорожники, существовала служба охраны караванов, образцовая таможня. Исторически ни Китаю, ни Индии так и не удалось выйти на Рим в обход Парфии. Оно и к лучшему: во-первых, нечего было Западу обкуриваться индийским ладаном; во-вторых, сойдишь римская волчица с китайским тигром на узкой тропе и произведи они общее потомство, человечеству бы не поздоровилось! И без того у императорского Рима с ханьским Китаем чересчур много общего.

Приблизительно на стыке эр партеваканы проникли в глубины Аравии к оазисам Неджда и Омана, к золотоносным рудникам потерянного людьми и затерянного в песках рая, откуда маги вывозили, по слухам, чуть ли не тоннами, особого свойства огненно-солнечный металл для иранских святилищ Огня и Солнца. Единственным человеком в мире, с кем не могла

равняться богатством даже Шахерезада-Клеопатра был, сообразно Плутарху (Ант.88), царь царей Аршак (тронное имя всех парфянских шахиншахов).

Итак, желание Октавиана попасть в страну Царицы Савской и дальше можно понять. Небезосновательно также предположение об опасениях патрийских набатеев – посредников в при- и красноморском товарообороте между индо-аравийским югом и римско-имперским севером лишиться доходных выгод от “золота, ладана и смирны”, в случае непосредственного выхода римлян на Счастливую Аравию и Индию. Однако, за военно-стратегические упущения Элия Галла, за плохую организацию похода без надлежащей подготовки, без сбора и анализа предварительной информации везирь Силлей ответственность не несет. Не собирался он, вопреки абсурдному утверждению Страбона (16,781), известить римлян эпидемиями и голодом, завоевав их руками Сабу исключительно для себя, притом почему-то вода завоевателей ложными псевдосталкерскими тропами!

Но не будем спешить. Пока подкомандная египетскому префекту рать зимует и управляется в Левке-Коме.

* * *

Десятое консульство Август принял, направляясь из Испании в Рим, вынужденный задержаться где-то в пути по нездоровью. Соконсулом принцепса в 24 г. до н.э. = 730 г. а.У. был Г.Норбанн Флакк*.

В новогодний день 1 января сенат, изъявляя клятвенную сверхлояльность любимому вождю, приравнял любые распоряжения-предписания возвращающегося патрона к обязательным законам. Большой написал в столицу о намерении пожертвовать горожанам по 400 сестерциев каждому, строго запретив публикацию дарственной без обязательного сенатского одобрения, как нормы республиканской демократии. В ответ умилившиеся и прослезившиеся отцы-сенаторы с готовностью поставили авторитет кесаря превыше законоположений и парламентских решений. Долгожданное столичное явление *первого среди равных* совет старейшин отметил радостными постановлениями во благо Республики, римского народа и дома Augusti: племянник и зять кесаря 18-летний Клавдий Марцелл вводился в сенат в ранге претора, дезигнировался на грядущий год в эдилы и получил право за 10 лет до достижения консульского возрастного минимума – 33 года – облечь консульство; Тиберий удостоился привилегии занятия должностей на пять лет раньше уставного возраста и был дезигнирован в квесторы.

Одновременно, нехватка квесторов в провинциях побудила римские власти привлечь к жеребьевке для покрытия должностных вакансий всех, кто в течение последних десяти лет облакал квестуру, увиливая затем от периферийного служения отечеству.

* Вероятно, сын консула-суф. 34 г.

* * *

Обнадеженные отъездом главкома из Испании кантабри и астуры снова воспряли духом. Прикинувшись необратимыми лоялистами, они обязались перед римскими властями изобильно провиантировать легионы, мало того, обещали щедро одарить легионеров, причем валяли дурака настолько искусно, что сумели усыпить бдительность откомандированных к ним римлян притворным гостеприимством, после чего, по заранее условленному сигналу, набросились на них, всех до единого перерезали и подняли очередное восстание. Кесарский легат, преемник Антистия Элий Ламаи, не мешкая выступил против мятежников, испепелил их наспех новоборудованные укрепления и, подавив восстание, велел в наказание за проявленное вероломство отсечь пленным руки.

Годом позже преемнику Элия Т.Каризию придется справляться с мятежом астурицев; в результате короткой осады, но дикого штурма, он возьмет крепостную твердыню под названием Ланция, проявит в войне особую жестокость, ославится худой легатурой и сдаст пост в 22 г. Г.Фурнию*.

* * *

Весной 24 г. Элий Галл начал, перезимовав в Левке-Коме, поход в Счастливую Аравию. За зиму префект, должно быть, частично обмозговал допущенные ошибки (пока не думая валить собственные просчеты на араба Силлея!). Неверной, например, оказалась ставка на первоклассно оснащенный боевой флот, то ли в ожидании крупных морских сражений, то ли в расчете на флотскую поддержку и снабжение армии с моря. Баталий типа Сицилийской или Акцийской в аравийских песках не развернешь — там гораздо удобнее пользоваться кораблями пустыни — дромедарами**. Правда, дорога в заветную страну Офир пролегла не столь близко от берега, чтобы рассчитывать на активное содействие флота, которым противник, к месту сказать, не располагал и не собирался ни выманивать римлян в открытое море, ни производить или отражать абордажные атаки школы М.Агриппы. Что же касается собственно красноморского плавания-переправы из Клеопатриды на берегу Суэцкого залива в Аравию, то союзный набатей Силлей тут вряд ли при чем: до Левке-Коме, если спешишь выиграть время, нужно добираться из Египта вплавь, так как сухой путь — долгий! Только вот для переправы незачем запасаться таким количеством воинских судов, инициатива продуктивного применения коих в неведомых сабейских водах и победного плавания назад с несметными сокровищами на борту, без сомнения, исходила от Галла.

* То, что Г.Антистий, Л.Элий Ламаи, Т.Каризий и Г. Фурний поочередно облакали в 20-е гг. испанскую легатуру, следует из Диона (53,25,7,8; 53,29,1; 54,5,1) и из эпитамированного Кассиодором Ливия (135), причем в тексте Диона (53,29,1) Элий Ламаи ошибочно назван Эмилием.

** Кстати, аравитяне той поры ничего не знали о двугорбых (среднеазиатских) верблюдах и даже имели поговорку: “Когда у верблюда вырастет второй горб, наступит конец света.”

На поход как таковой ушло, из-за, согласно Страбону (16,781-82), предательско-лукавого сталкерства Силлея, шесть, на обратный путь – всего два – итого восемь месяцев. Выйдя из Левке-Коме, экспедиция вступила через немало дней во владения родственного набатейскому Ободу царя Арета, который принял римлян радушно, но вследствие бедности подвластного удела, ничем существенным снабдить их не мог. Потом римские конкистадоры пересекли в поисках Эльдорадо границу страны под наименованием Арарена и плутали по ней якобы опять заведомо ложно водимые Силлеем целых 50 дней, после чего наконец подступили к расположенному в мирной и плодородной местности городу Негран. При одной вести о приближающихся легионерах туземный царь Саб сбежал, город сходу пал. Еще шесть дней спустя победители вышли к какой-то безымянной реке, где повстречали готовое к бою сабейское войско и дали сражение: потери римлян, как уверяет со слов Галла Страбон, составили 2 человека, потери неприятеля – 10 тысяч! Следом за тем Элий завоевал покинутый царем Сабом город Неска и взял без боя Артул, откуда направился к стенам столичного Мариба и осаждал столицу 6 дней. Однако, как пишет Страбон, он вынужденно снял осаду, вследствие недостатка воды и, находясь от Эльдорадо всего в паре дней пути, принужден был повернуть назад.

Видимо, в самом конце 24 или уже в начале 23 г. значительно поредевшая походная армия вернулась в Александрию. В боях, сообразно страбоновско-галловскому отчету, погибло лишь семь римских воинов, от болезней же умерло великое множество. Никогда больше Рим не заходил так далеко на аравийский юг. Подчинить “счастливых аравитян” и сказочно обогатиться за счет золотоносной сабейской жилы не получилось. В смысле добычи экспедиция не оправдала надежд, но вполне заслуженно вошла в книгу рекордов древности. “Единственным римлянином, проникшим в эту страну – зафиксировал во второй половине I в. н.э. любитель статистических рекордов Плиний (6,160) – был Элий Галл!”

Остается спросить: каким-таким образом пресловутый набатей Силлей, будучи якобы очевидным виновником провала, в течение 20 следующих лет безоблачно вкушал долгорукую дружбу римского народа и только позднее подвергся осуждению и казни в Риме? причем, судя по Флавию, совсем не за Аравию, хотя Флавий не совсем прав (см.ниже).

* * *

Таким образом, аравийское предприятие 25/24 гг. показало, что пределы Римской империи в юго-восточных широтах кончаются Египтом у границ Нубии. Тем не менее, и туда проник в 23 г. преемник Элия на посту префекта Египта Г.Петроний.

Очередность облечения египетской префектуры Элием и Петронием в науке стародискутабельна*: единого мнения среди историков до сих пор нет. Спорный вопрос в том, кто кому преемствовал? Главным виновником

* См. Шюрер (1,367-68); Гардтхаузен (1,2,768;2,2,447).

научной разногласицы является прежде всего Флавий, который ошибочно *делает* Петрония помогающим Ироду приобрести хлеб в Египте префектом Египта (И.д.15,9,2) в 25/24 гг.; т.е. в годы аравийской экспедиции Галла, на которые, согласно неверной хронологии Флавия, одновременно приходится голодно-чумные бедствия в Иудее, разразившиеся на самом деле в 22/21 гг., когда Петроний, действительно, вице-кесарствовал в Египте, став преемником Элия в 23 г.

Если должным порядком выправить Флавия, то досадная накладка сама собой отпадет, точнее, две поочередные префектуры аккуратно уложатся в последовательное анналистическое русло и многое образуется. Многое, но не все, ибо иные сложности проистекают от Страбона, который утверждает (17,820), что нубийцы-эфиопляне воспользовались занятостью части римско-египетских войск под предводительством Галла в Аравии для дерзкого вторжения в Египет. Причем вторглись и получили достойный отпор от победно ступившего в Эфиопию из Египта, притом неведомо в каком статусе, Петрония (17,820-21)*. По Страбону создается или может создаться впечатление, будто отпор нубийцам дал замещавший Галла вице-префект Петроний. Но по Плинию (6,181) и Диону (54,5), последний однозначно совершил славный поход в Нубию-Эфиопию или два следующих один за другим похода именно как префект, а не как вице-префект Египта. И пусть анналист Дион повествует в своей частой собирательно-обобщительной манере о двухлетнем походе Галла под конечным 24 г. (53,29), а о двух петрониевских походах 23 и 22 гг. под конечным 22 г. (54,5), все равно речь у Диона относительно побед римлян в Нубии ведется, перво-наперво, о победах (взятие и разрушение Напаты в 870 милиариях от Сиены), одержанных префектом Петронием именно в 23 г.; т.е. в год собственно дальнего похода, в год, предшествовавший году второго, отнюдь не столь дальнего выступления Петрония против вторично попытавшихся атаковать римлян мероитов.

Иначе говоря, два похода Петрония хронологически имели место непосредственно друг за другом, в 23 и 22 гг., а не, как принято (на базе Страбона) полагать, в 24 и 22 гг. Петроний, разумеется, мог, будь то из-за затяжки предварительно запланированной на один сезон экспедиции Галла или независимо от ее продолжительности, заместить искателя сабейского Эльдорадо в египетском наместничестве, однако, на эфиопов он и в первый и во второй раз ходил войной не в качестве зама, но в качестве префекта. Об этом однозначно свидетельствуют и логический расклад обстоятельств-событий, и Плиний с Дионом, игнорировать ясную информацию которых ради опять пересаливающего по части исконно римских настроений Страбона совсем не стоит.

* Конкретно египетским префектом Страбон называет Галла дважды (2,118; 17,806), но ни разу приложительно к аравийской кампании. Петроний назван у Страбона префектом тоже дважды: непосредственно перед рассказом о нубийском походе (17,819), но вне зависимости от него, как усмиритель мятежа александрийцев, и раньше (17,788), как наместник, в чье правление Египет отличало высокое урожайное плодородие.

Страбоновская накладка, в отличие от флавиевской, коренится не в хронопросчете, но в тенденциозном подходе. Сообразно Страбону (16,780), Элий Галл повел в Аравию 10 тысяч римлян; сообразно тому же Страбону (17,820), Петроний попер на эфиопов (после того как они смяли три пограничные когорты) во главе 10 тысяч римлян и 800 всадников. 10 тысяч легионеров + 3 когорты + 800 всадников дают в сумме свыше двух легионов или большую составную часть трех легионов постоянной египетской дислокации, с учетом той очевидности, что Петроний никак не мог, идя в поход на юг, оставить Александрию и север Египта вовсе без воинского прикрытия на случай мятежа*. То есть подкомандные ему силы составляли в общей сложности три легиона.

Отсюда вывод: 10 тысяч оккупационных римлян Египта и 10 тысяч походных римлян Галла нельзя рассматривать, как всегдашнюю египетско-войсковую совокупность, поскольку два дополнительных легиона были приданы Египту, точнее, Галлу, только на время аравийской экспедиции.

К моменту нашествия нубийцев на египетский юг, в Египте стационарировалось обычное число легионов, следовательно, поход Галла к тому времени успел закончиться, более того, весной 23 г. Элий сдал префектуру Петронию и отбыл в Рим. Вероятно, сухо отвергаемая Страбоном с порога версия нубийцев, силившихся оправдать свои агрессивные действия допущенной по отношению к ним приграничными чиновниками-египтянами несправедливостью, в большей мере соответствует действительности, нежели притянутая за уши “количественно-войсковая” версия самого Страбона. Страбон гиперболизирует вину “плохих” эфиопов соразмерно достоинствам “хороших” римлян.

* * *

Обратимся к походам 23 и 22 гг. до н.э.

Обиженные ли египетскими таможенниками? или желая поживиться богатой добычей? нубийцы-мероиты в числе 30 тыс. разграбили Сиену, Элефантину, докатились до Фив, низвергли статуи кесаря и захватили множество пленных. Прослышав о приближении префекта Петрония, агрессор, несмотря на тройное численное превосходство, поспешно ретировался. (Тут Страбону можно поверить!) Петроний настиг арьергард противника за первым катарактом Нила, возле границы. В ответ на невыполнение трехдневного ультиматума — вернуть награбленное добро и пленных, римляне вынудили неприятелей к бою, победили и двинулись вверх по Нилу, развивая наступление и обращая каждое столкновение в убедительную победу. Плохо вооруженный и еще хуже организованный, короче, не умеющий воевать враг, терпел поражение за поражением, откатываясь все дальше на юг. Реванш увенчался взятием и разрушением древней Напаты между 3 и 4 порогами Нила. Ни до, ни после римские легионы

* О подавлении префектом Петронием мятежа в Александрии сообщает, как сказано, Страбон, правда, неизвестно, когда это случилось — до нубийского похода (походов)? или после?

не заходили настолько глубоко (1500 км от средиземноморского берега) в Африку.

Давно не являясь столичным центром государства Мероэ, одноименная столица которого находилась на нильском острове аж за 5-м речным порогом, первопрестольная Напата продолжала играть выдающуюся роль в культово-религиозной жизни мероитов и падение города в 23 г. произвело на них сильнейшее впечатление. Примечательно, что в тот период в отделившейся Египет от Аксума (на территории нынешней Эфиопии) суданской Нубии господствовал матриархат. Полновластные царицы страны величались не то титулярным, не то тронным именем Кандаке или Кандакия*. Согласно Страбону, царственной противницей Петрония была мужеподобная слепая на один глаз бой-баба. Она образумилась довольно поздно: лишь перед падением Напаты перестала упрямыться, запросила мира, вернула пленных и кесарские статуи. Вице-король все-таки поставил победную точку, спалив Напату, а затем с множеством пленных и трофейного скарба повернул восвояси**.

Он расширил римские рубежи до Премны, где расположил гарнизон из 400 солдат, снабдил их довольствием на два года и торжествующе направился в Александрию.

Далее, Страбон (17,821) и Дион (54,5) коротко информируют о многотысячной атаке Кандаке на укрепленную Премну с целью вернуть отобранное, об оперативном выступлении Петрония на помощь своим и о взаимной договоренности противных сторон. То есть знаменитый эфиопский поход римлян есть событие 23 г., тогда как в 22 г. имело место своевременное предотвращение (второй) неприятельской атаки и прелиминарный мир.

* * *

Стоит сказать пару слов о размашистой охватной хрономаркировке Страбона, который утверждает; во-первых, что Петроний, прибыв в Александрию с победой, отослал в Рим 1000 пленных мероитов “возвратившемуся из Кантабрии Цезарю” (17,821); во-вторых, что тот же Петроний, вовремя оказав помощь гарнизону Премны, велел мирному посольству Кандакии бить челом персонально Цезарю. На вопрос: кто таков Цезарь*** и где его искать? римлянин дал эфиоплянам вразумительные разъяснения и сопро-

* Спустя 56 лет после победоносного похода Петрония, в 34 г. н.э., одним из первых обращенных в христианство неиудеев станет “муж Ефиоплянин, евнуч, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения” (Деяния Апостолов 8,26-40).

** Путь, вернее, бездорожье на юг от Напаты Петроний счел непроходимым и не рискнул туда сунуться.

*** Если дремучие мероиты ведать не ведали о том, кто такой Цезарь, то они и подавно не ведали о походе Галла в Аравию, чтобы, согласно Страбону, воодушевившись оттоком римских войск из Египта, вторгнуться в Египет. То есть поход Элия и вторжение Кандаке — события, одно с другим не связанные.

вождающих. В итоге посольство Кандаке нашло Августа на Самосе и заключило с ним договорный мир.

Разберемся. Из Кантабрии Август возвратился в Рим в начале 24 г.; на Самосе он будет зимовать по дороге в Сирию в 21/20 гг. Т.е. августейшие приезды не позднее зимы/весны 24 г. из Испании в Рим и не ранее осени 21 г. на Самос неанналист Страбон использовал для объемно-обхватной хронологизации римско-эфиопского противоборства 23/22 гг.

За сим синхронизация Страбоном петрониевской отправки в 23 г. 1000 пленных нубийцев в Рим с возвращением Августа в 24 г. из Испании не может служить основанием для того, чтобы датировать первый поход Петрония 24 г., так же, как из факта прибытия нубийского посольства в 21 г. на Самос не следует вывод о том, что Петрониев поход 22 г. состоялся в 21 г.!

* * *

Впрочем, с Самосом 21 г. мы обождем. Займемся-ка лучше покинутым нами около 25 г. до н.э. в строительных заботах и работах Иродом.

У Флавия читаем: “Около этого же времени царь послал также Цезарю 500 избранных телохранителей своих для войны. Галл Элий повел их к Чермному морю и здесь они оказали ему весьма ценную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились в достаточном количестве деньги, он приступил к постройке дворца в верхней части города, устроил в нем обширные помещения, которые богато изукрасил золотом, камнями и диванами; в каждом из них имелось много кроватей, чтобы принять большое число людей. Сообразно с объемами этих помещений царь дал им и названия, наименовав, например, одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы.

В это же время Ирод вновь вступил в брак. Его побудили к тому его эротические наклонности, причем он вообще никогда не упускал случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствия. Мысль о браке явилась у него следующим образом: живший в Иерусалиме некий Симон, сын александрийца Бозта, выдающийся священнослужитель, имел дочь, считавшуюся тогда первой красавицей. О ней говорили в городе и слухи дошли до Ирода. Когда же он увидел эту девушку, красота ее поразила его. Но царь отказался от мысли прибегнуть в данном случае к насилию, спра-

* В “М.А.” (5,26) Август рапортует о двух осуществленных “приблизительно в одно время, по моему приказу и под моими ауспигиями, походах в Эфиопию и Аравию”, причем более значительный, в смысле более успешный, поход в меропитскую Эфиопию со взятием Напаты риторически предваряет менее успешный поход в сабейскую Аравию до невзятого Мариба.

Современник эпохи Проперций говорит о предстоящем аравийском походе римлян в завершенной не позднее 26/25 гг. 2-й книге “Элегий” (2,10,16), тогда как “победа над темнокожим народом Мероз” воспевается среди прочих побед Августа в завершенной не позднее 16/15 гг. 17-й книге “Элегий” (4,8,78). Хронологизация Проперция не оставляет сомнений в том, что эти два представленные в различных элегических блоках события происходили не одновременно, но отделены одно от другого хотя бы минимальным промежуточным сроком, как это и было в реальности.

ведливо боясь навлечь на себя обвинение в тирании. Поэтому он предпочел вступить с девушкой в законный брак. Но так как Симон занимал слишком незначительное положение, чтобы породниться с царем, с другой же стороны был слишком известен, чтобы не считаться с ним, то Ирод нашел удобное средство исполнить свое желание, решив поднять общественный статус всей семьи и дать ей более почетное место. Поэтому он немедленно сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил вместо него Симона. Затем он вступил с ним в родственные отношения” (И.д.15,9,3).

Читатель уже уяснил, что хроностарт абзаца 3 “около этого же времени...” неверно соотносится Флавием с постигшими Иудею будто бы в 25 г. (абзацы 1 и 2) засухой, неурожаем и т.д. На деле до голодно-эпидемических бедствий еще есть время, а полный энергии Ирод процветает: он, в частности, отрядил для аравийского похода римлян 500 отборных иудейских воинов, т.е. экспедиция Галла несомненно готовилась с 26 г. и, стало быть, иудейский контингент примкнул к нему в Египте в 26/25 гг. Флавиевские сведения о вновь накопившихся у Ирода в достаточном количестве деньгах (понимай: после преодоления бедствий) применительно к 25/24 или к 23 гг., разумеется, неверны: свои, государственные и народные деньги Ирод пока тратит с присущей ему расточительностью, не подозревая о грядущем море.

Как долго шла постройка монаршего дворца в верхней части Иерусалима, точно неизвестно; наверняка, царский терем был отгрохан до несчастий 22 г. и, думается, что одно из помещений в нем вассальный *amigo* назвал в честь Агриппы, засвидетельствовав, либо едучи засвидетельствовать почтение назначенному в 23 г. чрезвычайным комиссаром по делам римского Востока Випсанию в Митилену, на Лесбос (см.ниже). Видимо, тогда и завязалась их близкая дружба, т.к. до того они встречались всего один раз, весной 37 г. в Таренте.

Брак царя иудейского и Мариамны II был заключен, насколько следует из текста, в 25/24 гг., о чем также свидетельствует возраст ее детей, причем не только, как повелось думать, сына, но двух дочерей и сына, родившихся в период 24-21 гг. до н.э. (см.ниже). В комментарии-упреке насчет эротических наклонностей Ирода Флавий неподражаем: сам женился 4 раза и не совестится вменять царю эротоманство в третьем браке! В научной литературе эти свадебные торжества часто сдвигаются в 24/23 гг., поскольку они, видишь ли, не вяжутся с псевдобедственной конъюнктурой 25/24 гг. (хотя события 24/23 гг. отображены в начальных абзацах следующей 10-й главы 15-й книги “И.д.”, вследствие чего при хронологической сдвижке производится неуклюжий отскок назад). Не стесняйтесь поправлять Флавию: он не обидится!

Искусственные препятствия нами устранены: царская свадьба была сыграна в год благополучный, вполне для бракосочетания пригодный, притом, скорее, в 25, чем в 24 гг.

* * *

Красивую дочь священнослужителя Симона родом из Александрии звали или правильнее сказать, тоже звали Мариамной. Скорей всего, между ними,

т.е. между Мариамной I и Мариамной II, имелось даже внешнее сходство. Вероятно, ко времени женитьбы Ирод все еще страшно тосковал по убитой им жене, продолжая искать в мире живых физическую копию навсегда ушедшего любимого существа. Позднее выяснится тщетность погони за тенью и безутешный муж утешится неразборчивым многоженством.

Особо благочестивым семейным идеалом в иудейском обществе хасмонейско-иродианской поры считалась обязательно полагавшаяся первосвященнику и строго принятая, например, среди небезбрачных ессеев моногамия. Однако, полигамия законом не возбранялась (в В.З. запретов на нее нет), а царям, согласно Талмуду (Саихедрин 2,4), дозволительно иметь до 18 жен. То, что последующие браки Ирода (у него было всего-итого 10 жен, не считая наложниц) были заключены позднее брака с дочерью Симона Боэта выводится из возраста рожденных в этих браках сыновей – Архелая, Антипы, Филиппа, которые отрекомендуются нам в ходе повествования ниже.

* * *

Соответственно Флавию, александриец Симон сменил в первосвященстве Иисуса, сына Фавита, о назначении которого в “Древностях” не упомянуто. Как мы помним, осенью 33 г., когда погиб юный Аристовул, первосвященником во второй раз сделался вавилонянин Ананил, либо умерший в великопонтификальном достоинстве, либо снова отставленный царем в силу каких-то неизвестных нам причин. Третьего не дано, ибо Ирод с благословения метрополии присвоил право распоряжаться патриаршим посохом по монаршему усмотрению.

Характерно очередное (после вавилонянина Ананила) возведение в первосвященники нетуземного, т.е. менее связанного с местной саддукейской знатью, аронида-александрийца. Причем Симон Боэт пробудет первосвященником почти четверть века, дольше всех прочих постмаккавейских первосвященников.

Неясно, изошла ли проиродианская религиозно-политическая партия боэтозеев (ветвь саддукейства) от него, или же он принадлежал к этой проиродианизированной им партии. Она возникла, конечно, не (как хочет предание) во времена дружного некоему Боэту первосвященника Садока при царе Соломоне, но, быть может, во II в.до н.э., во дни двоих учеников т.н. первого книжника Антигона из Сохо: от его ученика по имени Боэт, а не Садок. Так или иначе, став по мановению царской руки патриархом, Симон Боэт тотчас следом за тем стал царевым тестем.

* * *

“По окончании брачных торжеств, он (Ирод) соорудил укрепление в той местности, где одержал победу над иудеями в то время, когда он сам утратил власть и она была в руках Антигона...” (И.д.15,9,4)

Речь идет о выигранном в дни удачного бегства Антипатрида (от парфян и Антигона) бое с иудеями на пути беглецов из Иерусалима в Идумею летом 38 г. Расположенная в 60 стадиях (12 км) к югу от святого Города

цитадель (в 5 км к юго-востоку от Вифлеема) войдет в историю как место погребения Ирода. Будучи сооружена “с огромными издержками”, она поднялась на горе. Строители, не щадя сил, разравнивали остроконечную вершину, придали ей округлую форму, подняли за счет соседнего холма на 100 дополнительных метров ввысь и оцепили грандиозное сооружение мощными защитными башнями. Впоследствии здесь будут обороняться повстанцы 66-73 гг.; в средние века крепость восстановят крестоносцы: после них от нее ничего, кроме руин, не останется. Проведенный сюда в безводную местность издалека водопровод, пышные отделка и озеленение цитадели-дворца, с разбитым у подножья этого своеобразного замка Клингзора поселением, безусловно сели Ироду в копеечку.

Не менее внушительно выглядела основательная реконструкция другой Клингзоровой цитадели – переийской заставы Махэрус, к востоку от Асфальтового озера, где в 32 г. н.э. будет кознями Иродиады казнен заключенный тут Иоанн Креститель.

Если Иродион I строился в видах внутренней безопасности и шикарного времяпрепровождения, то Иродион II – восточнее Мертвого моря, был прежде всего предназначен к защите иудейских владений от бедуинов. Не пожалел царь денег и на переоборудование Александриона – крепости закладки Александра Янная (между Скифополем и Иерусалимом), знакомой нам как поднадзорное пристанище Мариамены и Александры в дни родосской отлучки Ирода.

Что касается Масады у западного берега Мертвого моря, то это поднебесное плато первым из иудеев оборудовал под крепость Маккавей Ионафан. В 30-е гг. I в. до н.э. сын идумеянина Антипатра укрыв в ней родню и приверженцев на время поездки за иудейской короной в Грецию и Италию. В 20-е гг. царь иудейский обратил головокругительную цитадель в непреступную твердыню.

Итак, повторим еще раз: градо-, крепостное и всякое другое строительство переполняют “вторую трудовую пятилетку” Антипатрида, характеризующуюся как значительным укреплением иродианского режима внутри страны, так и ростом значения иудейского вассалитета в регионально-сирийских масштабах Римской империи.

Замечательно резкое неприятие поздним Флавием, автором “Древностей”, в отличие от автора “Войны”, этого по сути своей ничтожного и богопротивного с позиций правоверного иудея строительно-языческого монументализма. Флавий 90-х г., т.е. периода декаданса Флавиев, при Домициане, после Веспасиана и Тита, уже далеко не во всем похож на Флавия 70-х и 80-х гг. Он ищет убежище в ортодоксальном благочестии, он больше не восхищается, вослед Николаю Д., грандиозностью предприятий Ирода, который, воздвигая в интернациональных городах типа Самарии или в иных населенных пунктах вне Иудеи храмы и статуи Цезарю, “оправдывался перед иудеями тем, что все это он предпринимает не по собственному желанию, но по поручению и предписаниям свыше, тогда как перед Цезарем и римлянами он выказывал достаточное пренебрежение к установленным законоположениям и ставил почитание римлян выше последних...” (И.д.15,9,5).

К осени 24 г., успев в основном отстроить Себасту, но еще не взявшись за новостройку-преображение Стратоновой башни в Цезарею, “Ирод решил послать сыновей своих Александра и Аристовула в Рим, чтобы они представились Цезарю” (И.д.15,10,1). И послал, и представились, и осели там для образцово-престолонаследного воспитания-обучения.

“Когда они прибыли в Рим, то нашли пристанище в доме особенно преданного друга Ирода, Поллиона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Последний принял юношей в высшей степени любезно и предоставил Ироду право назначить одного из них по собственному желанию своим наследником. При этом он отдал ему также области Трахона, Ватанеи и Авранитиды...” (И.д.15,10,1). В “И.в.” сказано: “По истечении первой акциады он (Август) присоединил к его (Ирода) царству страну известную под именем Трахонеи, равно и граничащие с последней другие две области, Ватанею и Авранитиду...” (1, 20, 4).

Первая акциада истекла в сентябре 24 г. до н.э. По “Древностям”, прибытие царских сыновей в Рим непосредственно предшествует подарочно-территориальному решению Августа, в связи с чем оба хронологически взаимосвязанных события можно, исходя из точной датировки “Войны”, отнести на осень 24 г. Ибо, во-первых, случись то и другое в 23 г., разумнее было бы сказать не “по истечении первой”, но “в начале...” или “в первом году второй акциады”; во-вторых, безмятежная римская атмосфера осени 24 г. куда лучше подходит для кесарского гостеприимства и решений такого рода, нежели турбулентная обстановка первой половины следующего 23 г., когда будет разоблачен заговор Цепиона-Варрона и когда с весны до лета прикованный к постели Август будет почти смертельно болен*.

Осенью 24 г. Александру было 10, Аристовулу — 9 лет отроду. “И.в.” информирует о рождении старших сыновей Ирода в бытность его уже царем (1,22,2) и, похоже, что данная информация почерпнута из т.н. внутри-иудейского источника, считавшего Ирода царем не с 37, а с 34 гг., т.е. Александр и Аристовул родились не ранее 34/33 гг. Впрочем, и не позднее (см.ниже). “Bellum” сообщает еще о третьем — младшем сыне Мариамны, тоже воспитывавшемся в Риме и там умершем. В контексте 24 г. о нем нет ни слова: вероятно, он был последним из пятерых рожденных Мариамной

* Из начальных слов 10-й главы 15-й книги “И.д.” может возникнуть обманчивое впечатление, будто сыновья Ирода отправились в Рим аж в 22 г., после основания Цезареи, факт закладки которой в данном году сомнению не подлежит. Однако, приезд иродианских принцев в Рим никоим образом не мог иметь место в 22 г. по целому ряду причин и хотя бы уже потому, что следовавшая за этим приездом передача Августом Ироду Трахона, Ватана, Аврана имела место до назначения не позднее лета 23 г. начальником римского Востока М.Агриппы. За 23 г., как за год прибытия Александра и Аристовула в Рим, ратует, допуская, правда, также некоторую теоретическую возможность 24 г., Шюрер (1,369); за 22 г. крайне несостоятельно, накладывая собственную схему на флавиевскую, выступает Отто (68,69).

детей и, значит, родился в 30/29 гг., тогда как вторая дочь Ирода от Хасмонейки появилась на свет после Аристовула, т.е. в 32/31 гг. Т.о. безымянный младший брат старших принцев, будучи на 24 г. слишком мал, присоединился к ним позже, около 20 г., и до их возвращения в Иудею умер.

* * *

Под преданным другом Ирода Поллионом, у кого в доме принцы нашли пристанище, нужно, вероятно, понимать Г.Азиния Поллиона (хотя не один Г.Азиний носил когномен Поллион), если, конечно, в тексте нет ошибки-описки – флавиевской или переписчиков*. Резонен вопрос: когда и где они подружились?

Согласно Флавию, надо думать, в течение 7 дней якобы проведенных Иродом в самом конце квазиназначенского 40 г. в Риме. Однако, в 40 г. Ирод, как мы знаем, в Европах не бывал и царем не назначался. Но даже если бы назначался, то семидневный срок все равно не достаточен для заключения настолько близкой дружбы, которая предоставила его сыновьям семилетний кров в доме друга. Помимо того, Азиний Поллион – эпоним 714 г. а.У., став фактически консулом только в октябре (после Брундизийского договора и вступления триумвиров в Рим), сдал консульство подставнику-суффекту не позднее 1 декабря и, видимо, еще до исхода 40 г. отбыл проконсульствовать в Македонию. В 37 г. в Таренте они не могли встретиться, поскольку к Тарентскому соглашению отошедший от политики Азиний касательства не имел. Далее, до исхода Акцийско-Александрийской войны встреча исключена: Ирод постоянно находился на антонианском Востоке, Поллион, блюдя престижное лицо умеренного независимца, обретался на октавиановском Западе. В войне оба они, в силу разных причин-мотиваций, не участвовали. Т.е. знакомство могло завязаться в мирные 20-е гг. Остается предположить, что многосторонне эрудированный критик, коллекционер, историк, библиофил Г.Азиний Поллион путешественно побывал около 27-25 гг. на сирийском востоке, где посетил в т.ч. Иудею и нашел, как любой именитый римлянин, теплый прием у отменно щедрого к высоким гостям Ирода.

* * *

Теперь о присоединении к Иродову царству Трахона, Ватана и Аврана.

“Повод к тому был следующий. Зенодор, державший на откупе владения Лисания, беспрестанно натравливал трахонитские разбойничьи банды на дамаскинцев. Последние обратились к начальнику Сирии Варрону с просьбой донести об этом несчастьи императору.

Когда же был получен приказ об искоренении разбойничьего гнезда,

* В конце концов и одного из выдающихся фарисейских законоучителей, предположительно, Гилеля, флавиевский текст величает Поллионом. Вообразите себе: латинское имя у иудея родом из Вавилонии, родившегося до завоевания Иерусалима Помпеем! Т.е. ошибка переписчиков вполне возможна.

Варрон с войском отправился в Трахонею и очистив ее от разбойников, отнял ее у Зенодора. Император же для того, чтобы эта страна опять не сделалась притоном разбойников для нападений на Дамаск, отдал ее Ироду” (И.в.1,20,4).

В “И.д.” Флавий пишет, что, не удовлетворяясь доходами с области Лисания, Зенодор “увеличивал последние путем разбойничьих набегов на Трахон. В этой местности обитали вообще погибшие люди, грабившие владения дамаскинцев. Между тем, Зенодор нисколько не препятствовал этому, но, напротив, сам имел долю в добыче. Страдавшие от этого пограничные жители обратились к тогдашнему наместнику Варрону с жалобой и просили написать Цезарю о безобразном поведении Зенодора. В ответ Цезарь послал распоряжение прекратить разбой, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о том, чтобы соседи более не подвергались неприятностям со стороны жителей Трахона...” (15,10,1)

Зенодор был сородичем казненного в 35 г. Антонием в угоду территориально прожорливой Клеопатре Лисания Халкидского. По всей видимости, он заарендовал у царицы часть былых владений старшего родственника, а после падения александрийского тандема получил от Октавиана титул тетрарха Улафы и Паниады с правом арендовать районы Ватана, Трахона и Аврана, которые до помпеянского переустройства Востока входили в состав недолговечно-обширного царства отца Лисания – страстного мини-завоевателя Птолемея Меннея.

Значительный процент отсталого населения этих периферийных областей составлял плохо управляемый разбойно-скотоводческий элемент гремучих арамейско-арабских кровей. Зенодор – тетрарх-арендатор узкого архаичного кругозора, плюс низкого пошиба, не сориентировался во времени, эксплуатируя банальный старорегиональный способ обогащения посредством атаманского грабежа, доли в чужой добыче или рэкета, что не вписывалось ни в мировой, ни в провинциальный порядок *Imperium Romanum*. Кесарский легат Сирии рассеял трахонитские банды, Август же принял *Соломоново решение*, включив северное Заиорданье в царство Ирода, кто, не в пример Зенодору, шел в ногу со временем, успев зарекомендоваться как искусный вассальный правитель имперских, а не местнических кругозоров. Увеличение его вассалитета означало ликвидацию в присоединенных областях анархии. Хорошо зная местную специфику, он, засучив рукава, приступил к замирению-окультуриванию дикого края, чем избавил римлян от лишних военно-административных забот.

* * *

На дистрикты дальнего Заиорданья и на Дамаск периодически претендовали также набатеи. В 85 г. дамаскинцы призвали на помощь набатейского царя Арета III против итурейских посягательств Птолемея Меннея. Автономный на I в. до н.э. город двумя с половиной веками раньше подчинился Александру, затем принадлежал Птолемеям и Селевкидам. Ок.70 г. иудейская царица Саломия отрядила сюда, по просьбе дамаскинцев, против того же назойливого Птолемея Меннея своего сына Аристовула.

В 60-е гг. Помпей прибрал беспризорный полис к рукам; Антоний подарил его Клеопатре; в 24/23 гг. Ирод обеспечил Дамаску надежное прикрытие.

Карательный рейд сирийского наместника Варрона в Трахон, предвещающий предоставление вышеозначенных территорий Ироду, выпадает на 25/24 гг. до н.э. Кем именно был этот Варрон, по всему, представитель фамилии Теренциев, помен которого у Флавия опущен, выяснить сложно. С определенной долей уверенности можно сказать следующее: он облакал пост легата Сирии после Т.Цицерона и до назначения наместником Востока М.Агриппы, т.е., если принять, что подчеркнуто протезируемый Августом Туллий Минор сделался первым сирийским легатом Augusti, сменив В.Мессалу, в 27 г. и пребыл в должности около двух лет, то Варрон, соответственно, сменил его в 25 г. и подвизался на посту тоже в течение около двух лет, до второй половины 23 г. до н.э.

Раздосадованный потерей арендных территорий Зенодор отправился с жалобой в Рим, однако, ничего не добился, разве, что пока сохранил за собой тетрархию в пределах Улафа и Паниады, а отобранную Авранитиду, со злости, нелегально уступил за 50 талантов арабам, чтобы спровоцировать конфликт между ними и Иродом. Между тем Ирод в течение 23 г., используя богатый опыт войны в Галилее, повыкурил пещерных разбойников, прекратил безобразия в Трахоне и осенью нанес челобитный визит М.Агриппе.

Послушаем Флавия: “Впрочем, поимка разбойников представлялась делом далеко не легким, т.к. они привыкли к грабежам, представлявшим для них единственный источник доходов: у них не было ни сел, ни земельной собственности, и они укрывались в подземных пещерах, которые служили им убежищем и где они жили со своим скотом. Т.к. они запаслись водой и пищей, то, очевидно, могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы в пещеры были узки, и в них приходилось входить гуськом, тогда как внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вместить множество народу; при этом верх их выступал немного наружу, будучи почти ровнен с поверхностью. Вся местность представлялась скалистой и труднопроходимой, если не пользоваться указаниями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившие здесь люди не могли совершать насилия над ближайшими соседями, они грабили друг друга, не останавливаясь ни перед какими преступлениями. И вот, когда Ирод отправился в эту местность, полученную им в дар от Цезаря, он при содействии проводников прекратил все прежние безобразия и даровал окрестным жителям спокойствие и мир.

Рассердившись сперва на отнятие области, и еще более возбужденный тем, что она досталась Ироду, Зенодор отправился жаловаться в Рим, но ему пришлось вернуться безуспешно. Тем временем, в местности за Ионическим морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа. Когда последний остановился для зимовья в Митилене, находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод прибыл туда, а затем возвратился обратно в Иудею” (И.д.15,10,1,2).

Удостоверьтесь воочию. Зенодор отправился жаловаться в Рим не ранее весны 23 г.; Ирод поплыл к Агриппе в Митилену не позднее осени 23 г.

Если попробовать принять научную версию о том, что иродианские принцы прибыли в Рим весной 23 г. и тогда же, мол, Август присоединил к царству Ирода Трахон, Ватан, Авран, о чем и Ирод, и Зенодор могли узнать только к лету, то на поездку Зенодора в Рим, до назначения летом на Восток Агриппы, и на весьма трудоемкое продолжительное замирение Иродом новоприсоединенных областей до, как следует из рассказа Флавия, его осенней встречи с Агриппой, попросту не хватит времени. Т.о., прибытие сыновей Мариамны в Рим и вручение Ироду Трахона, Ватана, Аврана – события осени 24, а не весны 23 г.

* * *

Посмотрим, при каких обстоятельствах Агриппу занесло на Лесбос шефствовать над Востоком.

731 г. а.У. = 23 г. до н.э. выдался в Риме высоконапряженным. На долю создателя и созидателя принципата выпали серьезные испытания. 1 января он вступил в одиннадцатое консульство. Пару ему составил А.Теренций Мурена Варрон – блицпобедитель салазов, молодой муж не моложе, но и вряд ли старше достаточных для привелигированного принципатовского консулата 33-х лет. Энергичный старт сулил сводному брату Г.Прокулея и шурина Мецената блестящее карьерное будущее. Принцепс умел ценить работающие кадры. Да вот беда: немного спустя *второй* консул попался на участии в заговоре с целью убийства *первого*.

Античные источники утло и отрывочно информируют* о деле Фанния Цепиона и Мурены Варрона. Неоднозначна и хронология темного ЧП, которое некоторые исследователи склонны, в унисон Диону (54,3), датировать 22 г. Подоплека и развитие инцидента просматриваются смутно: не в правилах пирамидально структурированных режимов рекламировать похоже сбой системы и потому не удивительно, что преданная траве забвения память о случившемся запечатлелась в довольно размытом виде.

Из скудных описаний, комментарий и реплик в трудах различных авторов реконструируется следующая картина. В начале 23 г. экс-проконсул (сенатской) Македонии М.Прим предстал перед судом за самовольную войну против фракийских одрисов, состоявших в заключенной ими через посредство Лициния Красса дружбе с римлянами. Барьерный одрисский форпост немало способствовал придунайской безопасности империи и кесарь обвинил Прима в несанкционированной враждебности к союзникам. Обвиняемый парировал выпад ссылкой на санкцию К.Марцелла, полученную-де в дни испанского отсутствия императора. Как раз-таки всплывающее в ходе судебного разбирательства имя Марцелла побуждает ряд историков акцептировать правильность дионовской датировки (22 г.), поскольку “цесаревич” Марцелл умер осенью 23 г., – мол, Прим валил ответственность на него покойника. Аргумент зыбкий, ибо, согласно тому же Диону, Прим метался и менял показания, называя в качестве распорядите-

* Наиболее подробно – Дион (54,3); тенденциозно – Веллей (91,2:93,1); мельком – Светоний (Авг.19;66), Страбон (14,5,4), Плиний (7,149).

лей то Августа, то его племянника, и не исключено, что он, действительно, заручился двусмысленным добром последнего на проведение военной акции под предлогом нелояльности одрисов (причем в сем случае, это произошло не ранее осени 25 г., когда юный Марцелл вернулся в Рим без дяди из Испании, чтобы жениться на Юлии). Только вот слово кесарского родича, не наделенного верховенскими полномочиями в столь важных вопросах, не проходило ни по статусу, ни по возрасту, а версию подсудимого об одрисских первопровокациях расследование, наверное, не подтвердило.

Нарушение фракийского равновесия противоречило дунайским планам кесаря; любое *бонапартистско-генеральское*, грозящее выйти из-под контроля бряцание оружием воспринималось “величеством” в штыки.

Так или иначе, Мурена Варрон взял на себя рьяную защиту обвиняемого в суде, куда Август явился без вызова, т.е. пренебрег установленным порядком, и на вопрос претора, уполномочил ли он (сенатского) проконсула вести войну, ответил отрицательно. Взбешенный адвокат Прима бросил *первому среди равных* в лицо: “Кто тебя сюда вызвал?” В ответ невозмутимо прозвучало: “Государственные интересы”.

При конечном осуждении подсудимого (на ссылку?) среди судей не обнаружилось единодушия. Само собой, недовольный исходом скандального процесса Мурена разразился в кулуарах бранными эскападами по адресу “тирана”. Очень скоро в узком кругу созрел, надо полагать, под тривиальным бруттовским девизом “смерть тирану” кинжальный заговор. Любопытно, что и Веллей, и Дион в один голос указывают на крамольное предводительство Фанния Цепиона и на соучастие Мурины Варрона, притом панегирист Тиберия Веллей максимально щадит Варрона. Достоверных данных о Цепионе нет: быть может, он идентичен фигурирующему у Аппиана (4,72) легату Брута и Кассия.

Заговорщиков выдал член коллегии вигинтисексвиров, некто Кастриций. Накануне ударной реакции карательных органов Август доверительно сообщил обо всем другу Меценату, а тот с умыслом или без умысла проболтался супруге Теренции. Теренция тотчас известила брата о смертельной опасности; “народовольцы” канули в подполье и кинулись в бег. Скорый суд заочно приговорил их к высшей мере: смертного приговора добился бескомпромиссный 18/19-летний обвинитель Тиберий. За поимкой беглецов последовали незамедлительные казни. Фанний Цепион сумел добраться до Неаполя и погиб, выданный одним из двух помогавших господину в бегстве рабов. Ходатайства Прокулея и Мецената не спасли Мурену Варрона: кесарь остался непреклонен.

Тайное судебное голосование выявило настораживающую не то позицию, не то оппозицию блюстителей правосудия: иные судьи высказались за более мягкий, кое-кто даже за оправдательный приговор. Поэтому на будущее вышло постановление: при неявке обвиняемых в суд, голосовать открыто, осудительно и безоговорочно. Доносчика Кастриция спас от тотально-расстрельного квесторско-прокурорского гнева Тиберия сам кесарь. Сопричастный тайнобратскому сообществу неудачников философ Атеон, часто наведывавшийся в Рим перипатетик родом из Киликии, был оправдан за недостаточностью улик.

К чему стремились организаторы заговора? К гос. перевороту? Если да, то шансы не- или малоавторитетных в армии и обществе дилетантов встать у руля, восстановить т.н. народовластие и т.д. равнялись нулю. Есть современная версия фабрикации “дела Варрона-Цепиона” в свете задумки *всевластного Держиморды* избавиться от неудобоваримого консульского коллеги. Вздор! Не того масштаба Мурена Варрон фигура, чтобы прибегать к столь сложной инсценировке; да и не он, а Фанний Цепион руководил комplotом. Доминанта личных мотивов якобы мстившего за честь сестры (по неподтвержденным данным, Август и Теренция состояли в любовной связи) вспылчиво-злосыкого магистрата также весьма сомнительна. Наиболее вероятен примитивный мокрушнический идеализм молодых людей в духе “народовольчества” Брута Минор без минимально дельной программы спасения “облагодетельствованных” сограждан.

Одним словом, затея провалилась. Аппарат гос. насилия безжалостно раздавил попытку насилия заговорщического, революционно-террористического*.

Насколько принцепсу не терпелось отвести упреки в неверности нормам Республики видно из его обращенной к убежденному республиканцу Гн.Кальпурнию Пизону настоятельной просьбы облечь непредвиденную консульскую вакансию. Пизон примкнул к Помпею в 49 г.; воевал против Цезаря в Африке; позднее предложил свои услуги “пятнадцатимартовцам”; впоследствии, будучи помилован, отошел от политики. В 23 г. он, нехотя, и лишь после уговоров согласился вступить в консульство. В то же время отец казненного Цепиона невозбранно и публично распял раба-предателя, подарив второму рабу, искреннему пособнику сына в бегах, свободу.

* * *

Итак, становящаяся ситема поскользнулась и создавшееся нелицеприятное положение обязывало творца к ее усовершенствованию. Это было сделано не сразу. Август слег: болезнь печени резко обострилась и пригрозила летальным исходом. Рим затаил дыхание; римляне засудачили о престолонаследии Марцелла, зашептались о лютой вражде между ним и Агриппой.

Отчаявшись в выздоровлении, больной вызвал на дом влиятельных сенаторов, передал в их присутствии соконсулу Пизону, по формулировке Светония (Авг.28), “книги государственных дел” (ВС; управление; доходы в кесарских провинциях и т.д.), одновременно вверив свой перстень с августейшей печатью не юнцу Марцеллу, как ожидалось, но многоопытному Агриппе. 19-летний сопляк Марцелл, без сомнения, не сумел бы совладать со штурвалом; ни сенат, ни Агриппа не признали бы в нем лидера и гражданское кровопролитие грянуло бы непременно. Ныне, напротив, судьба отечества вручалась легитимному консулу из числа заядлых республиканцев в паре с Агриппой в роли телохранителя законности и правопорядка, плюс опекуна Марцелла. Принятое авральное решение ничего не

* Это не Николай I, а декабрист Каховский первым выстрелил в XX в.

бетонировало и, тем не менее, сквернейшая ситуация не предоставляла иного выбора.

Впрочем, худшее миновало. Врач Антоний Муза поставил сановного пациента на ноги*. Светоний пишет: "... тогда его печень так страдала от истечений желчи, что он в отчаянии вынужден был обратиться к лечению необычному и сомнительному: вместо горячих припарок, которые ему не помогали, он по рецепту Антония Музы стал употреблять холодные" (Авг.81). И еще: "Врачу Антонию Музе, исцелившему его от смертельной болезни, сенаторы на свои деньги поставили статую возле изваяния Эскулапа" (Авг.59). Врачеватель-вольноотпущенник удостоился неслыханных почестей и щедрого денежного вознаграждения: практиковавшаяся им гидротерапия снискала огромную популярность; сенат на радостях вывел гидротерапевтов из-под налогообложения.

* * *

Покровитель Аполлон помог Цезарю II вырваться из печеночного тупика, тогда как кризис политический требовал от *нового Одиссея* новых творческих инициатив. Он выдвинул проект преобразования консулата — превращения двухместной магистратуры в трехместную под старым благовидным предлогом привлечения большего числа граждан к управлению государством. На практике предлагалось вернуться к модифицированной практике триумвиральных времен, когда вплоть до 28 г. консулы-ord. сдавали спустя пару месяцев первенство, не успев откусать власти, подставникам-суффекам. Устойчивая триалистическая модификация заключалась в постоянном наличии трех, вместо двух, основных магистратов и предполагала смену кесарских коллег через каждые шесть месяцев (чем персональная внеконкурентность вождя вроде бы подчеркивалась, а демократия вроде бы расширялась).

Неприкрыто монархические диктаторские нововведения "скромник" — реформатор, по-прежнему, отвергал. Не отвергали массы и сенат — в большинстве приверженцы твердой руки ради добытых чересчур дорогой ценой мира и согласия. Тройственное предложение натолкнулось на ожесточенное сопротивление: "...все стали кричать, что и так уже он умаляет свое достоинство тем, что занимает высшую должность не один, а с товарищем" (Авг.37).

Ну что ж, не хотите, как хотите. Принцепс планировал умеренную меру для преодоления кризиса, но сенат и народ решительно высказались за меру радикальную. Они подтолкнули *великого кормчего* к великому действию, заведомо предварили посредством выявленных настроений полный триумф.

* Чем несомненно заслужил особое место в истории; поди вообрази развитие мирового исторического сюжета в случае смерти Августа в 23 г.!

Летом 23 г. консул XI сложил свое долгое-долгое консульство в пользу Л.Сестия Квириналия (сверхвосторженный брутовец в прошлом и настоящем), во-первых, оповестив как актом сложения, так и личностью преемника Рим, сколь чужда Цезарю II мысль о тирании, во-вторых, наперед зная реакцию сената с народом. Метод неоспоримого главенства путем непрерывного консульства дал течь и исчерпал себя. Пожизненную тронную опору 40-летний принцепс и малолетний принципат обрели во всенародном трибунате. Нет, Август не сделался трибуном plebis, да и не имел права облечь трибунат, являясь патрицием. Сенат преподнес *спасителю отечества* развернуто-расширенную и беспрецедентную трибунскую полноту власти, возместив пожертвованное консульство сторицей и узаконив вознесение добровольного жертвователя над всеми без исключения республиканскими нормами, инстанциями, институтами.

Властителю декретировались: абсолютное вне- и надмагистративное право на созыв парламента и абсолютный законодательный приоритет; распространение его проконсульской империи, помимо кесарских, на все сенатские провинции и, соответственно, на стационарированные в них легионы. Т.е. главнокомандование совокупными ВС Республики сосредоточилось в одних руках; обязательная подотчетность кесарю сенатских проконсулов легитимировалась.

Очередная правовая заковырка состояла в том, что империяльно-проконсульская власть кончалась у сакральной черты Померия: Рим находился во власти выборных магистратов. Раньше трудностей не возникало, поскольку прицепс был еще и бессменным консулом, владея *imperium prokonsulare* за померияльной чертой и консульской магистратурой в пределах Ромуловой борозды. Сейчас же императору предстояло, каждый раз отъезжая из Рима для урегулирования провинциальных насущностей, спрашивать у сената империю, а возвращаясь, слагать ее у границ Померия. Отцы-сенаторы одним махом ликвидировали досадную старорежимную помеху, перепоясав вождя, взамен великодушно уступленного им нобилитету консульства, несъемной империяльной портупеей.

Свою имманентную трибунскую власть обладатель оной обновлял-продлевал строго по-республикански, ежегодно 1 июля вплоть до самой смерти, ведя служебный отсчет “царственных лет” с 1 июля 23 г., постоянно подчеркивая незыблемость восстановленной в 28/27 гг. Республики, наотрез отказываясь от еще не раз предложенной ему диктатуры и довольствуясь, как *princeps legitimus*, всеобъемлющей абракадаброй *tribunicia potestas*.

Слово Светонию: “О восстановлении республики он задумывался дважды: в первый раз тотчас после победы над Антонием, когда еще свежи были в народе частые обвинения его, будто единственно из-за Октавия республика еще не восстановлена; и во второй раз — после долгой и мучительной болезни, когда он даже вызвал к себе домой сенаторов и должностных лиц и передал им книги государственных дел. Однако, рассудив, что и ему опасно будет жить частным человеком, и республику было бы неразумно доверять своеволию многих правителей, он без колебания оставил власть

за собой; и трудно сказать, что оказалось лучше, решение или его последствия. Об этом решении он не раз заявлял вслух, а в одном эдикте он свидетельствует о нем такими словами: “Итак, да будет мне дано установить гос-во на его основе целым и незабываемым, дабы я пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего гос. устройства и при кончине унес бы с собой надежду, что заложенные мною основания останутся непоколебленными. И он выполнил свой обет, всеми силами стараясь, чтобы никто не мог пожаловаться на новый порядок вещей” (Авг.28)

Да, сам он никогда не сделался кровожадным тираном, умея своевременно нажать на тормоза, дожив до 76 лет и умерев в сознании, с непоехавшей крышей. Но присвоив эти самые тормоза безостаточно, он создал все предпосылки для торжества тирании при сумасбродных преемниках. Впрочем, у него не было выбора: ступив на начертанную Ю.Цезарем политическую стезю, он все равно не смог бы прижизненно сойти с нее (на пенсию) живым. Политика – грязная штука и не удивительно, что ее коридоры так часто кончаются стенкой, а на свет, как известно, выводят тоннели. Молодой Тиберий крепко усвоит скорострельный трибунал 23 г. до н.э., тогда как в 23 г.н.э. дряхлеющий Тиберий Цезарь потеряет единственного сына, вскоре после чего окончательно деградирует и одинокий, никем не любимый, тираня себя и окружающих, будет обречен волочить до самого смертного одра безрадостное наследие Августа.

* * *

Сев на трибунскую трибуну обеими ягодицами на всю оставшуюся жизнь, принцепс немедленно нейтрализовал малоприятное противостояние Марцелл-Агриппа. Любимый племянник + зятек, и впрямь, чересчур расхохорился, чересчур зазнался: в дни болезни дяди + тестя с юношеской горячностью угрожал (за глаза) гроссадмиралу Агриппе. Ладно, не страшно: повзрослеет – поумнеет. Верными друзьями в угоду близким родственникам не жертвуют. И Агриппа отправился наместничать на Восток “представителем Цезаря в местностях за Ионическим морем” – так определяет назначение Флавий (И.д.15,10,2); “Сирия” – говорит Дион (53,32), разумея центральный или главный римский военно-административный бастион на провинциально-вассальном Востоке.

Отъезд Випсания из столицы с широченными распорядительскими полномочиями на бывших антонианских территориях от Ионики до Евфрата имел место не ранее середины/второй половины 23 г. Содиарх Цезаря Августа бросил якорь в Митилене на Лесбосе, где и обосновался.

* * *

В Риме нехватка хлеба привела в том году к повышению цен. По поручению Верховного, восхищается Веллей (2,94), квестор Тиберий всюду обустраивал дороговизну и зернодефицит, принимая все необходимые меры и предваряя присущий ему в грядущем формат руководителя. В “Деяниях” (3,15) Август датирует своим XI консульством 12 благотворительных раздач

купленного на его личные средства зерна. Что и говорить, удобные для “добротого царя” время и возможность переиграть “злых бояр”!

Вдобавок к хлебным проблемам в городе-на-Тибре и в Италии вспыхнула эпидемия (чумы?). Одной из ее жертв осенью 23 г. стал Клавдий Марцелл. Он умер в Байях, отбыв туда лечиться, не исцеленный общепризнанным эскулапом Антонием Музой. В сентябре двадцатилетний эдил Марцелл порадовал римлян пышным устройством, при финансовой поддержке дяди, *ludi Romani*. В празднично-игришные дни 4-19 сентября ничто еще не предвещало скорую кончину принца, привечаемого теперь кесарем вдвойне и за императорский перстень, переданный Агриппе, и за то, что юноша не значился “престолонаследником” в завещании, которое Август намеревался демонстративно огласить по своему выздоровлению в сенате, и которое не огласил, остановленный возмущенными криками прослезившихся отцов нации.

Внезапность Марцелловой кончины породила слухи о виновности мнимой отравительницы Ливии, кому живучая молва припишет еще не одно коварное убийство (из расчета проложить тронную дорогу сыну Тиберию) в доме *Augusti*.

Касаемо откомандирования Агриппы на Восток, оное разноречиво именуется Веллеем (2,93), Плинием (7,149), Тацитом (14,53;55), Светонием (Авг.66) то ли ссылкой, то ли самоссылкой – самопожертвовательной или вынужденной. Ничего себе ссылка или опала величиной в полцарства! Здесь налицо политико-дипломатическая находчивость принцепса, утершего нос скрытым противникам и интриганам в их надеждах на неминуемый разлад верхов. Хотя вполне возможно, что Агриппа поначалу воспринял высокое назначение, как почетную ссылку, и уехал обиженно. Не беда – до свадьбы заживет! (Разве 16-летняя кесарева дочь Юлия не осталась, потеряв юного мужа, вдовой?)

О Марцелле излишне разводить антимионии. Общительный, жизнерадостный и задиристый, пользовавшийся популярностью среди римлян за щедрость, он умер чересчур молодым, не успев ни, по-настоящему, прославиться, ни, по-настоящему, ославиться. “...недолговечны и несчастливы любимцы римского народа” – скорбит в “Анналах” (2, 41) пессимист Тацит.

Урна с прахом умершего упокоилась в доселе пустом кесарском мавзолее. На торжественных похоронах кесарь сам произнес погребальную речь. Октавия безутешно оплакивала смерть единственного родного сына и жила последние 12 лет жизни затворнически, не снимая траур. Проперций посвятил Марцеллу элегию, Вергилий прославил его в “Энеиде”.

* * *

Летом либо осенью 23 г. до н.э. в Риме появилось посольство царя царей Фраата. Под 23 г. о приезде парфян сообщает Дион (53,33), между тем как Помпей Трог (Юстин 42,5) относит это событие на время Кантабрийской войны и нахождения Августа в Испании. Причем сообразно Трогу, в чем мы с ним выше согласились, в Испании объявляется разбитый Трдат с захваченным и прихваченным им в качестве заложника сыном Фраата; а

следом за ним, в чем мы с Трогом не согласимся, вроде бы вскоре и вроде бы туда же, в Испанию, прибывают послы Фраата. Сообразно Диону (51,18), сын Фраата находился, как заложник, у Августа с давних пор, т.е. он якобы был вверен отцом Октавиану в залог римско-парфянской дружбы еще в 30 г., при заключении Антиохийского мира.

Поскольку авторы древности противоречат друг другу, нам остается либо предпочесть данные одного из них, либо скомбинировать информацию обоих. Второй путь в данном случае продуктивнее. Представленный, к сожалению, лишь Юстином Помпей Трог это все-таки специально писавший о Парфии и парфянах современник эпохи, в то время как Дион суть профессиональный анналист, без которого реконструкция истории I/I вв. немислима.

Пораженец Трдат попросился за августейшую пазуху, привезя с собой, как сказано у Трога, заложного аршакидского принца, в 25 г. в Испании. На сей раз Август не позволил раздолбанному контрпретенденту, сочтя его карту отыгранной и битой, снова обосноваться в Сирии. Трдат опять переполошил и ослабил Иран, чем сослужил полезную службу империи, но на большее он не тянул и потому император отказался делать на него дальнейшие ставки, назначив отставнику пенсион и определив пенсионеру местом жительства Рим. В 25 г. Фраат не ставил Риму никаких требований, продолжая заниматься подчинением взбаламученного Дома Иранского. В 23 г. он почувствовал себя в Ктесифоне достаточно уверенно и обратился в Рим с требованиями как выдачи Трдата, так и возвращения умыкнутого преступным самозванцем принца аршакидской крови.

В обстановке после преодоления острого внутривосточного кризиса Август и сенат с удовольствием обменялись по важному парфянскому поводу любезностями. Конституционалист принцепс вежливо переадресовал ориентальный арбитраж совету старейшин; старейшины в ответ предоставили кесарю полный карт-бланш. И мастер беспроигрышных компромиссов Цезарь II решил: во-первых, не выдавать все равно пенсионированного Трдата (да и позорно было бы выполнить это условие Фраата); во-вторых, отправить принца-заложника назад к отцу, сопроводив акт доброй воли последним предупреждением относительно возвращения трофейных знамен и остающихся в живых римских военнопленных.

* * *

Итак, мы узнали каким образом М.Агриппа оказался со статусом распорядителя Востока на Лесбосе. “Когда он остановился для зимовья в Митилене — пишет Флавий — находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод, прибыл также туда, а затем возвратился обратно в Иудею...”

Отто (70) датирует митиленскую встречу “приятелей” 22/21 гг.; Шюрер (1,369) допускает две возможности: 23/22 либо 22/21 гг. Мы можем дать однозначную неподвопросную хронологию: Ирод побывал на Лесбосе в осенне-зимний сезон 23/22 гг.: в будущем голодно-чумном году царю иудейскому было точно не до митиленских визитов — у него хватало забот

дома. Доводы Отто: 1.противоречат тексту Флавия, из которого довольно ясно следует, что встреча Агриппы и Ирода произошла в первое, а не во второе заионическое зимовье Агриппы; 2.строятся на песке: дескать, острожный вассал переждал смерть Марцелла с запасом, до зимы 22/21 г., дождался нового взлета Агриппы и только тогда закусил удила. Во-первых, гроссадмирал не попадал в опалу, но даже, если он подался на восток полуобитенно, как в почетную ссылку, то в любом случае, диссонанс в отношениях между ним и Августом никогда не достигал той степени, чтобы отразиться на отношении к Агриппе заморских вассалов, Одним словом, Ирод, без сомнения, пришвартовался к Лесбосу козырнуть по начальству осенью 23 г., а не годом позже. Короткое приятельство между ним и Агриппой до митиленского рандеву на уровне как бы давно свершившегося факта есть не более, чем очередной льстивый оборот в духе придворной лейб-хронографии Н.Дамасского. Поверишь царственному мемуаристу или Николаю, или кому-то типа Николая при иродианском дворе, так Ирод вообще “мог считать себя первым любимцем Августа после Агриппы и первым любимцем Агриппы после Августа” (И.в.1,20,4). Приятельство между Випсанием и Иродом, причем надо признать, короткое, хотя наверняка не без соблюдения субординации, установилось в Митилене: прежде оно не могло быть скреплено тесными узами, ибо т.н. приятели встречались всего один раз, за без малого 15 лет до Лесбоса, в Таренте.

Т.о., уверенно резюмируем: Випсаний Агриппа и Антипатрид Ирод подружились в агриппианское зимовье 23/22 г. Притом на их взаимопонимании, как пить дать, отразились по достоинству оцененные наместником Агриппой заслуги Ирода в деле замирения и очищения Трахона за прошедший со времени кесарской территориальной дарственной год от разбойничьих банд.

Не случайно, когда после отъезда царя в митиленскую ставку явились с обвинениями против него гадарцы, Агриппа не просто не выслушал жалобщиков, но отослал их в оковах обратно к царю (И.д.15,10,2). Присоединенная к Иродову царству Гадара из состава Декаполиса, видимо, стремилась, невзирая на все эллинофильство антипатридского режима, выйти из-под власти монаршей деспотии и вернуться в коммунальное лоно Десятиградия. Однако, Рим практиковал прагматический империяльный подход, исходя из КПД колониальных субъектов и объектов, и не желая ущемлять вполне соответствующего имперским стандартам и потребностям Ирода. За семь минувших со дней падения клеопатридско-антонидской Александрии лет он проявил себя на Ближнем Востоке с лучшей служебной стороны. Посему предпочтение оказывалось не гадарцам, не Зенодору, не арабам, но именно ему, в этом смысле, действительно, одному из фаворитов империи в лице ее верховодителей — Августа и Агриппы.

* * *

Ближе к весне 22 г., под конец засушливой зимы, Ирод, вдохновленный дружбой с Агриппой, игнорируя, словно большевик, для которого нет неберущихся крепостей, тревожные природно-сельскохозяйственные симпто-

мы и природно-строительные трудности, приступил к перестройке-преображению Стратоновой башни в Цезарею Приморскую. Правда, он самое большее успел в 22 г. едва прикоснуться к осуществлению грандиозного замысла. Т.н. Стратонова башня – прибрежный город, расположенный в около 100 км от Иерусалима, между Яффой и Дором (И.д.15,9,6), была основана в годы персидско-ахеменидского владычества сидонским правителем Стратоном; в македонскую эпоху принадлежала сначала Птолемеям, потом Селевкидам; при Маккавеях подверглась Яннаевой аннексии; затем была выделена Помпеем в вольный полисный анклав; и наконец, отошла волей Октавиана к Ироду. Вот на месте этой Стратоновой башни царь-строитель заложил в начале 22 г. и намеревался, не покладая рук, строить Кесарию Палестинскую. Но очень скоро пришлось истовое начинание приостановить-прервать.

* * *

Тем не менее, опередим по горячим следам, ради прояснения путаной флавиевской хронологии, события. Датировочная реконструкция обязывает нас обратиться к году окончания крупнейшего иродианского строительства. Дату освящения воздвигнутой Цезареи Флавий приводит в начале 5-й главы 16-й книги “И.д.”: “... 10-й год со времени начала работ близился к завершению, а освящение города пало на 28-й год правления царя в 192-ю олимпиаду”. Отсчитанный с тарентско-назначенской весны 37 г. до н.э. 28-й год правления Ирода дает 10/9 гг. до н.э., что дополнительно подтверждается олимпийским синхронизмом: 192-я олимпиада охватывает четырехлетку 12-8 гг. до н.э.

Возникает вопрос: почему в тексте говорится “десятый год со времени начала работ близился к концу”, если закладка города имела место в 22 г. и если в 9-й главе 15-й книги сказано, что город принял свой роскошный законченный вид в течение “12-летнего периода”? Ответ, при проясненном хронологическом раскладе, прост: неурожайно-чумные бедствия прервали новостройку 22 г., которая была возобновлена в 20 г., когда несчастья остались позади: оттого во флавиевском тексте непонятно фигурируют оставленные без объяснений “12-летний период” и “10-й год”. Строительство Цезареи продолжится, вернее, в сущности, начнется летом 20 г., ибо в 22 г. ничего фактически построено не было. К лету же или летом 10 г. Ирод освятит дорогостоящую жемчужину восточного Средиземноморья во славу кесаря Цезаря.

* * *

Хронику 23 г. до н.э. Дион (53,33) замыкает, ведя речь о 23/22 гг., сообщениями о многочисленных жертвах эпидемии, о худых предзнаменованиях, о пожарах и наводнении: римляне поймали забредшего в город волка; Тибр вышел из берегов, сорвал деревянные мосты и уподобил столицу на три дня лодочной Венеции.

Глава VI

22 – 17 гг. до н.э. = 732 – 737 гг. а.У.

В 22 г. до н.э., в консульство М.Клавдия Марцелла Азернина и Л.Аррунция, Рим и римляне переживали крупные бедствия. Весной наводнение Тибра повторилось, удар молнии выбил из рук макушечно-мавзолейной статуи Августа копье, селянам Италии было не до земледелия, т.к.в стране свирепствовала эпидемия, и “насколько мне известно – добавляет Дион – вовне”, т.е. во многих провинциально-вассальных уделах империи, “дела обстояли не лучше”. Мотаем ценную информацию на ус.

Голодная дороговизна и эпидемия пошли с прошлого года в рост и в результате римляне пришли к буйно-суеверному выводу о том, что несчастья являются следствием необлечения благословенным Августом (впервые с 31 г.) эпонимического консульства.

Сбившись в многотысячную толпу, народ осадил сенат, требуя незамедлительного провозглашения диктатуры вождя и грозя в противном случае подпустить отцам нации красного петуха. Отсюда шествие двинулось к дому Augusti на Палатине, неся перед собой атрибуты властно-консульского дуализма – 24 фаски – с обращенной к спасителю отечества мольбой о единовластии и продовольственном кураторстве. Диктатуру в виде пожизненного консульства Цезарь II, разорвав в порыве преданности идеалам Республики одежды на груди, решительно отверг; продрозверсточные обязательства с готовностью принял: задействовал частные средства, организовал льготную, плюс бесплатную куплю-продажу, плюс раздачу зерна, и в короткие сроки погасил кризис.

Обеспечение простого римского люда зерном по льготным ценам традиционно входило в компетенцию эдилов. Несмотря на ощутимый численный рост столичного плебса и на упадочные тенденции земледелия в Италии, подвоз зерна из провинций – из Сицилии, Сардинии, Африки, вплоть до эпохи Гракхов удовлетворял потребности населения. Позднее, ввиду массового урбанистического притока в Рим огражданственных италиков и постепенного превращения Вечного города в миллионный мировой центр, в город-гигант, со снабжением становилось все труднее. В 56 г. Помпей вступил в должность куратора annonae и ввел, в частности, безвозмездно-дотационное распределение зернопродуктов. Из-за политических коллизий последующих лет, помпеянский порядок не устоялся. Меры

Ю. Цезаря (46 г.) принесли временное облегчение. Аннексия хлебного Египта способствовала снятию напряженности, но, как выяснилось, при наличии в т.ч. италийского урожая и только до морово-кризисных в масштабах империи лет. Сообразно кесарскому установлению, начиная с 22 г. до н.э., два выборных сенатора с минимум пятилетним преторским стажем отвечали за хлебные нужды населения ежегодно*. Ведомственно-финансовые расходы по *cura annonae* нес (с 18 г.) в основном кесарь.

При Августе экспортное египетское зерно составляло 20 млн. модий в год; из прочих провинций, в первую очередь из Африки**, поступало 40 млн. модий; из 60*** привозных в общей сложности млн. модий 12 отпускалось по сниженным ценам или бесплатно, чем постоянно поддерживались около 200 тыс. римлян.

В Греции, в Сирии, в Африке посев зерновых производился осенью; в воспетой Вергилием несравненной Италии, где культивировались в основном плоды, и осенью, и весной, в зависимости от свойств почвы и природных условий различных районов.

Соответственно данным Диона, потопно-эпидемические и хлебо-дефицитные италийские проблемы-бедствия, начавшись еще в 23 г., полномерно проявились в 22 г., когда дороговизна перешла в голод. Стало быть, следует констатировать двойной, осенне-весенний, с 23 на 22 гг. урожайный аврал и не абсолютное отсутствие, но именно дороговизну экспортно-дефицитного заморского зерна. Оно имелось в природе, раз уж денежные затраты и заботливость кесаря оперативно разрядили обстановку, о чем сам Август, посвятив в "Деяниях" чрезвычайно-обстоятельному 22 г. специальный абзац, после гордой реляции об отводе предложенной ему народом и сенатом (очно и заочно) диктатуры, рапортует так: "... мои средства и моя забота в течение нескольких дней избавили город от страха и нависшей над ним угрозы" (1,5). Т.е. бедствовала в тот год не вся Римская империя: во всяком случае, управляемый Петронием Египет хлебное плодородие не покинуло, про что известно не из Диона, а из других источников. См. ниже!

* * *

Сродственно отводу пожизненной диктатуры, принцепс отвел пожизненную цензуру, назначив цензорствовать Л. Мунация Планка и П. Эмилия Лепида (консул-суф. 34 г.). Оба прозябали в должности и конфликтовали один с другим: ни *sensus*, ни *lustrum* при них не имели места. Веллей (2,95) критикует Планка за морально-нравственное несоответствие цензорскому уровню; Лепида за служебную немочь; обоих вместе взятых, в конечном итоге, за непригодность. Это, к слову заметить, была последняя в истории

* До 6 г. н.э., когда будет учреждена специальная префектура *annonae* с префектом из всадников во главе.

** Согласно Флавию, точнее, согласно речи, вложенной Флавием в уста царя Агриппы II (И.в.2,16,4), на 60-е гг. I в. н.э. Африка (без Египта) снабжала Рим хлебом на 8 месяцев, Александрия, т. е. Египет, на 4 месяца.

*** *Lexikon der Alten Welt* (Artemis 1965)

Cura annonae, S.676.

Рима пара т.н. сугубо гражданских цензоров. Далее, до самой отмены цензуры Веспасианом, один из магистратов — непременно кесарь, другой — цесаревич. Исключение составляет Л.Вителлий — коллега Клавдия в 48 г.

Утихомирив в 22 г. до н.э. римлян, возродив по истечении 20-летнего перерыва парадно-республиканскую цензуру в смысле магистратуру, кесарь предписал проводить гладиаторские бои лишь с разрешения сената, не чаще двух раз в год и с участием не более 120 бойцов. Курульным эдилам он поручил тушение пожаров силами специально сформированной пожарной команды из 600 рабов. Благополучная Нарбоннская Галлия и Кипр (входивший до 30 г. в состав Египта) передались, как территории мирные, вполне организованные и больше в императорской опеке не нуждающиеся, из кесарского ведения в сенатское. Новое выступление кантабри и астурицев в Испании подавил Г.Фурний.

1 сентября Август освятил воздвигнутый в память о чудесном спасении от удара “испанской” молнии храм Юпитера Громовержца на Капитолии, потом вскоре оставил Рим и, планируя длительное инспектирование Заионики, отправился сначала на Сицилию, где зазимовал. Сицилия была близлежащей италийской хлебожитницей и перевалочным пунктом на пути заморского зерна к Остии (морские ворота Рима). Вероятно, в период зимовья куратор аппонае уделил должное внимание урожайным, поставочным, транзитным и прочим зерновопросам.

* * *

А теперь обратимся, исправляя при помощи Флавия флавиевскую хронологию, к состоянию дел в 22/21 гг. на востоке Римской империи, в Иудее.

“В этот же самый год, **именно в 13-й год царствования Ирода***, великие бедствия постигли страну, вследствие ли гнева Господня, или потому, что несчастья повторяются периодически. Сначала наступила **продолжительная засуха**, так что **земля стала совершенно бесплодной и не принесла даже того**, что она обыкновенно дает в необработанном виде. Затем, так как вследствие недостатка хлеба пришлось изменить весь образ жизни, **явились болезни и род чумы**, причем одно бедствие сменяло другое. Ввиду отсутствия должного ухода и пищи, чума уносила все больше и больше жертв, а гибель последних уменьшала бодрость остальных, тем более, что они не были в состоянии противопоставить этому бедствию что бы то ни было. **Так как урожай текущего года погиб** и запасы прежних лет истощились, то не было уже никакой надежды на благоприятное будущее, тем более, что **чума против ожидания затягивалась** все дольше и дольше. Итак, теперь уже ничего не оставалось; **были уничтожены также и семена будущего посева**, так что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибегать в этой крайности к многоразличным средствам. В не меньшей мере ощущал ее и сам царь, так как он теперь лишился обычных земельных податей и в своей щедрости успел израсходовать все свои деньги на тех, чьи города он восстановил. Он не видел тут никакой возможности помочь

* Выделено мною — К.З.

бедѣ, а последняя между тем росла и с ней росла также ненависть его подданных: в неудачах обыкновенно обвиняются лица начальствующие.

Находясь в таком положении, Ирод стал всячески измышлять средства помочь бедѣ. Его положение затруднялось тем, что и **у соседей, которых постигло то же бедствие**, нельзя было получить хлеба, и что у него не хватило бы денег, если бы даже они нашлись, помочь такой массе страждущих. Но, поскольку царь считал обязанностью всеми возможными средствами помочь бедѣ, то он собрал все ценности своего дворца и велел сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоценностей, ни художественной утвари. Затем он послал эти деньги **в Египет, где наместником Цезаря тогда был Петроний**. Несмотря на то, что многие искали у последнего помощи в этой бедѣ, он все-таки, будучи очень расположен к Ироду и желая помочь его подданным, **дал ему первому право вывезти из Египта хлеб**, причем всячески содействовал покупке этого хлеба и его вывозу. И вот по прибытии хлебных запасов, народ, получив помощь, стал лучше относиться к Ироду, кто тем самым не только изменил мнение своих прежних недоброжелателей, но и постарался выказать народу свою особенную о нем заботливость и свое попечение. Классифицировав население точнейшим образом, он сперва роздал часть хлеба всем тем, которые были в состоянии сами озаботиться приготовлением себе пищи; потом он направил к пекарям и доставил готовую пищу всем тем многочисленным лицам, которые по старости или другой какой-либо причине не могли сами испечь себе хлеб. Вместе с тем царь позаботился также оградить от **бедствий зимы** многих, которые не имели теплой одежды, ибо в этой бедѣ погиб также весь скот, так что не было ни шерсти, ни другой возможности сделать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, он оказал помощь соседним городам и послал в Сирию семян для посевов. Тем самым он оказал Сирии огромную услугу, потому что способствовал возвращению провинции ее плодородия и дал ей возможность иметь обилие хлеба. Когда же вновь наступило **время жатвы**, он разослал по стране 50 тыс. человек, которых он сам кормил в это время и которым помог оправиться, и т.о. вернул себе расположение всего своего столь сильно пострадавшего царства, притом немало оказывал поддержки и окрестным племенам, очутившимся в столь же бедственном положении. Не было такого лица, постигнутого нуждой, которому он не помог бы сообразно средствам; при этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, кто впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что по точному подсчету оказалось, что царь раздал иностранцам около 10 тыс. коров хлеба (кор равняется 10-ти аттическим медимнам), а своим подданным около 80 тысяч. Эта заботливость и помощь царя настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его у других народов, что возникшая прежде к нему ненависть, из-за введения новых порядков в царстве, теперь прекратилась, так как царь своей щедрой помощью в столь опасную минуту примирил с собой подданных. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено ему на пользу. Народ смотрел теперь на него не так, как привык судить о нем по его прежним деяниям, а видя в нем заступника в бедѣ” (И.д.15,9,1,2).

То, что казна была истощена значительными затратами внутри страны и охотными вкладами Ирода в созидательные предприятия соседних имперских пределов, сомневаться не приходится. Ни тогда, ни позже он не жалел денег на помощь т.н. иностранцам — для него членам единого сообщества под единым римским небом.

Грозные симптомы зимне-весенней засухи, поначалу явно проигнорированные ура-строителем и перевыполнителем планов, поставили царя перед архискверными трудностями с весны-лета 22 г., когда земля не дала даже того, что она обыкновенно дает в необработанном виде; когда прежние запасы истощились скорее, чем обычно в таких случаях полагают; когда, наконец, засвирепствовали голод, чума, массовая смертность.

В этих условиях многогранный венценосец завоевывал сердца бедствующего народа энергичными мерами: переплавкой дворцового золота, серебра, утвари и приобретением хлеба в Египте, где наместником Цезаря был тогда знакомый нам победитель эфиоплян Г.Петроний. Выше мы разобрались со спорной очередностью облечения египетской префектуры всадником Элием и всадником Петронием: собственно поход преемника Элия Галла в ранге префекта Египта Г.Петрония до нубийской Напаты имел место в 23 г.; отпор, данный им новой атаке Кандаке — в 22 г. Т.е., проучив эфиоплян вторично, наместник возвратился в Александрию и летом-осенью бедственного для Иудеи, Финикии, Сирии 22 г. помог Ироду — “дал ему первому право вывезти из Египта хлеб, причем всячески содействовал покупке хлеба и вывозу”. О том, что при Петронии, префекте с 23 г., Египет отличала высокая урожайность свидетельствуют два автора — недатированно Страбон (17, 788) и приложительно к 22/21 гг. Флавий; ибо многие, согласно Флавию, искали у египетского наместника помощи, т.е. повторим, кесарскую страну пирамид в ту кризисную пору благодатное плодородие не покинуло. Кстати, если, соответственно Диону, пик голодно-эпидемических бедствий на Западе, в Италии, пришелся на 23/22 гг., то, насколько явствует из хроноисправленного Флавия, на Востоке это случилось в 22/21 гг.

Спасительные мероприятия Ирода представлены Флавием и панегирически, и прагматически, притом, судя по исчислению лет от года завоевания тарентским назначенцем Иерусалима, описание позаимствовано не у Николая, но из того же иудейско-проиудианского источника, которым пользовался и автор “Иосифона”. Помимо хорошего личного отношения Петрония к царю, можно с уверенностью предположить финансовое содействие равнодушного к бедам Иудеи александрийского еврейства; плюс к тому, тесть монарха первосвященник Симон происходил из Александрии.

В течение 21 г., после авральной зимы, когда, благодаря принятым мерам, были спасены от голодной и холодной смерти тысячи людей, ситуация улучшилась, в связи с чем Ирод смог оказать поддержку соседнему населению и послать к осени в Сирию семян для посева. Одним словом, кризис шел на убыль и ко времени прибытия кесаря осенью 21 г. по пути в Сирию на Самос остался позади.

Т.о., реконструируя анналистическую хронологию и оздоравливая больную флавиевскую, нужно перебросить хроновиадук из 1-го абзаца 10-й в 3-й абзац 11-й главы “Древностей”, где сказано: “По истечении 17-го года правления

Ирода в Сирию прибыл Цезарь”. Тут все верно: датировка почерпнута не из того источника, откуда черпался пресловутый “13-й год”. Август прибудет в Сирию весной 20 г. до н.э., по календарном истечении в день 1 нисана 17-го от назначения римлянами года царствования Ирода: 37 – 17 = 20. Далее, в приложении к осени 20 г., после отъезда Цезаря из Сирии, Ирод, сообразно Флавию, “... освободит подданных своих от взноса третьей части податей, под предлогом, чтобы люди оправились от неурожая...” (И.д.15,10,4). Нельзя не признать: эта податная льгота 20/19 гг. безошибочно указывает на неурожай в 22/21, но никак не в 25/24 гг.!

* * *

Впрочем, настолько ли однозначно героико-эпическим было преодоление бедствий, в немалой степени усугубленных самим Иродом, во-первых, поздно спохватившимся в своей строительной горячке (залихватская закладка Цезареи в дни угрожающей засухи), во-вторых, потратившим уйму денег на “индустриализацию” страны и на благодеяния, оказанные в ущерб собственному народу, в духе выполнения “интернационального долга”, иностранцам. Однако, аналогия идет и дальше, и глубже. Оказывается, отнюдь не только деятельно-организационными и самоотверженно-самопожертвовательными мерами царь Ирод ковал и отчасти выковал для себя “в годину суровых испытаний” политический капитал вкупе с имиджем заступника за народ.

В лихолетье тиранам (когда ненависть подданных к ним резко подсакивает) особенно свойственно искать черную кошку в темной комнате и находить козлов отпущения – пронизательно разоблаченных компетентными органами ответчиков за беды-страдания народные, – иначе говоря, врагов народа. Разложим ранее мельком упомянутый и, вероятно, уже забытый читателем “заговор Костобара”, рассказанный Флавием впритык к событиям 28 г. и неуклюже заброшенный им в 25 г., а на самом деле очень по-сталински инсценированный Иродом в 22 г. до н.э.

“... Так, например, он казнил многих из самых преданных друзей своих, а именно: Костобара, Лисимаха, Гадию, носившего прозвище Антипатра, а также Досифея. Поводом к этому послужило следующее: Костобар был идумеянином и принадлежал к числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейского божества Котзе. Овладев страной, Ирод назначил Костобара правителем Идумеи и Газы, причем выдал за него сестру свою Саломию после казни ее первого мужа Иосифа, о чем мы сообщали выше. Достигнув столь высокого положения, Костобар вознесся в своем счастье и вышел из границ, не считая себя более обязанным повиноваться предписаниям Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли иудаизм, чтобы быть в подчинении у иудеев. Поэтому он послал сказать Клеопатре, что так как Идумея находилась под властью ее предков, она имеет право требовать себе от Антония эту страну, причем он сам выражал полную готовность примкнуть к царице. Впрочем, все это Костобар сделал не для того, чтобы угодить Клеопатре и усилить ее власть, а потому, что рассчитывал сам стать полновластным правителем идумейского народа и увеличить свое могущество за счет ослабления Ирода. Этим надеж-

дам он предавался с тем большей охотой, что имел крупную поддержку не только в знатности своего происхождения, но и в значительных денежных средствах, добытых путем систематической экономии; а кроме того он всегда энергично преследовал раз намеченную цель.

Итак, Клеопатра стала просить у Антония эту страну, но не получила ее, тогда как Ироду было сообщено все это, и он совсем уже было приготовился казнить Костобара. Однако, ввиду заступничества сестры и матери своих, он простил его, хотя все остальное время никак не мог освободиться от недоверия к Костобару за его тогдашнюю попытку.

Спустя некоторое время Саломия поссорилась с Костобаром. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо с целью расторжения своего брака. Так поступила она вопреки иудейским законам, ибо это у нас разрешается мужу, тогда как женщина не вправе вступить в новый брак, пока она не получила развода от мужа. Саломия пренебрегла этим законом и поступила здесь совершенно своевольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа из-за любви к нему, поскольку она узнала, что муж ее вместе с Антипатром, Лисимахом и Досифеем злоумышляют против безопасности государства. Для подтверждения своих слов она указала на то, что Костобар держит у себя вот уже 12 лет сыновей Вава, что и было в действительности так. Все это, узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя, и он очень заволновался, так как не ожидал ничего подобного. Что касается сыновей Вава, то Ирод первоначально собирался казнить их, так как они стали во враждебные к нему отношения, впоследствии же он совершенно забыл о них, и с тех пор прошло много времени...” (И.д.15,7,8,9,10)

Итак, в течение 12 лет после падения Иерусалима Костобар (кому летом 34 г. было поручено охранять все выходы из завоеванного города, чтобы не дать уйти ни одному из врагов Ирода) скрывал у себя ярых антигоновцев, находившихся в родстве с Хасмонейми сыновей Вава, тех, кто, будучи представителями верхушечной саддукейской аристократии, призывали народ сражаться против идумейского узурпатора до последней капли крови, чем навлекли на себя яростный гнев римского назначенца. Спрашивается (риторически): когда, в каком году Ирод, узнав о тайне сыновей Вава, казнил их, самого Костобара и идумейскую гвардию “старых революционеров” из когорты “верных ленинцев”, ставших “неверными”^{*}? Ответ арифметически прост: летом-осенью 22 г. до н.э. Неисправимая лгунья Саломия, наверное, единственный раз в жизни сказала сущую правду и, увы, ученые умы от истории не могут правильно сориентироваться во времени в соответствии с ее точной хронологической информацией.

* Рассказывают, что некогда на парусниках моряки боролись с крысами следующим образом. Сажали по 10-20 грызунов в бочку, где те пожирали друг друга. В результате, самая сильная крыса-каннибал становилась крысиным королем и (выпущенная из бочки) пожирала себе подобных. Революции похожим образом выдвигают крысиного короля. Сталин – это крысиный король большевистской революции, сожравший в грязной партийной возне других не менее алчных тварей – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и т.д. А большевистская партия Ленина и Сталина – это перемоловший в ходе коммунистической вивисекции десятки миллионов людей кровожадный Молох.

Разберемся. Костобар, знатный единоплеменник и давнишний соратник Ирода, назначенный в 34 г. управителем Идумеи и Газы, был удостоен к тому же брака с царской сестрой. На исходе 33 г. Антипатрид отчитывался перед Антонием и Клеопатрой в Лаодикее за убийство Аристовула Маккавея: отчитался и вернулся в Иерусалим, потеряв в пользу Клеопатры не голову, но Газу, Перею и Самарию. В начале 32 г. он казнил оклеветанного Саломией ее первого мужа, их общего дядю, Иосифа, и выдал вдовую сестрицу за старопартийного иродианца Костобара.

Возникают вопросы: и когда это “само коварство” Костобар успел вступить в “предательский сговор” с Клеопатрой по поводу Идумеи? Неужто до лаодикейской провилки? и потому, мол, царь иудейский уступил Газу алчной египтянке? мало того, узнал от Антония о происках слуги двух господ и, тем не менее, простил его? более того, выдал за него замуж родную сестру? Верится? Не верится. Да и в наличном флавиевском тексте расклад иной: Саломия уже была замужем за Костобаром, когда он “изменически послал сказать Клеопатре, что, так как Идумея всегда находилась под властью ее предков...” и т.д. и т.п. Куда послал? Ведь александрийская пара отбыла в Эфес до второго замужества Саломии и прибыла в Александрию порознь катастрофической осенью 31 г., причем Ирод той же осенью от обреченных протектора и протекторши отпал. Мы можем, конечно, вообразить (при очень специфическом воображении в духе “вышинских” обвинений на сталинских процессах 30-х гг.), что “интриган” Костобар письменно связался с Клеопатрой в дни пребывания царственных александрийцев в Эфесе, в Афинах, в Патрасе, у мыса Акции... И это будет означать, что, едва заключив высокородный брак, т.е. едва породнившись с царем, неверный холоп взялся плести сепаратистские интриги: куда-то кого-то, снабдив ксивой, послал, тогда как Антоний из Афин, либо из Патраса, либо с мыса Акции не только отклонил идумейские притязания Клеопатры, но и с отеческой заботливостью известил ненаглядного и столь значительного вассала Ирода об антииродианских кознях. А “добряк” Ирод отзывчиво внял мольбам сестры и матери, проявил поразительное великодушие, пощадил Костобара и щадил аж 8/9 последующих лет... Похоже хоть сколько-нибудь на правду? Никак нет: опять библиотека ненаучной фантастики. Уже не знаешь, где ставить кавычки, а где нет!

Иначе говоря, “дело Костобара” в голодно-чумном 22 г. до н.э. есть состряпанный на скорую руку Иродом, “царем иудейским”, показательный процесс против группы “выявленных врагов народа”, “идумейских сепаратистов”, “агентов клеопатридско-египетского (антииудейского = антииродианского = антиримского) империализма”*.

Сообщение о судьбе сыновей Вава заслуживает доверия. Возможно, причина их укрывательства, “на случай переворота”, переиначена, поскольку тут вовсе не исключены личные дружественные мотивы, но не о мотивах сейчас речь. Как бы то ни было, укрывательство возымело место, т.е. антагонисты реституированного Сосием Ирода избежали расправы. Укры-

* Стоит вспомнить “сговор” старика Гиркана с арабским царем Малхом и оперативно устроенный над Гирканом показательный процесс.

ватель тщательно прятал спасенных (почему они не покинули страну?); его жена знала тайну и до тех пор пока ладила с мужем молчала, что, кстати, косвенно свидетельствует о непротоантипатридских мотивах укрывательства. В 22 г. между супругами произошел разрыв и компромат живо пошел в ход. Ненависть подданных к тронному узурпатору, к расточителю народных средств (до закупки зерна в Египте и зимней помощи бедствующему населению) резко подскочила; быстрая казнь сыновей Вава случилась в очень неблагоприятное для новой непопулярной династии время; расправа напомнила народу о Хасмонеях. Ну и как поступил жаждущий благорасположения израильтян, жаждущий быть царем Израиля Ирод? Казнив сыновей Вава, он расторопно сфабриковал “дело Костобара”, перенес центр тяжести с укрывательства на “национальное предательство”. Кто смел покушаться на территориальную целостность святой Земли (задним числом)? Как кто? Ненавистные иудеям идумейские временщики во главе с главой заговора, с укрывателем бывших заодно с ним сыновей Вава Костобаром. Кто защитит Иудею от произвола сепаратистов, от опричников-идумеян — этих виновников в том числе голода и мора? Так гвардейская когорта старых революционеров, на которую Ирод твердо опирался в революционный период 37-34 гг. и позднее, подверглась безжалостному уничтожению, была вышвырнута на свалку истории, как отработанный материал. В кризисный больной год царь срубил головы “изменникам”, переименовал в глазах иудеев убийство родственных Маккавеев и сопричастных к “предателям” Бне-Баба, выставился поборником национальных идеалов и как бы навсегда порвал с идумейским балластом прошлого.

* * *

Проведем любопытную аналогию. В Грузии молодой Иосиф Джугашвили не очень рекламировал свои осетинские, джугаевские по отцу, корни; в Москве товарищ Сталин, борясь с безродным космополитизмом, олицетворял великий русский народ. В Иудее Ирод тяготился своим идумейским генезисом; перед римлянами — своим еврейством и иудейским вероисповеданием. Кроме того, — что инкриминировал Сталин всякого рода национал-коммунистам и руководителям антипартийных групп? Первым — мелкобуржуазный национализм, вторым — подготовку политического переворота; тем и другим — шпионаж в пользу иностранных государств, плюс поползновения распродать и растащить державу, за каковую ему, хозяину и кормильцу, было обидно. При всем том еврейское происхождение московских подсудимых из числа многих верных ленинцев, ставших неверными, и на процессах, и в учебно-идеологических конспектах постоянно муссировалось в подтексте. А то, что “вышинские” обвинения слишком часто вменяли обвиняемым рытье тоннелей от Бомбея до Лондона, Сталина мало беспокоило. Ложь должна быть колоссальной, чтобы в нее поверили*!

* Флавий, переписав стряпню-небылицу из царских мемуаров или из труда Н.Д., не усомнился в ее сути; он снабдил комментарием законника незаконность расторжения брака женщиной Саломией и тем ограничился.